РОССИЙСКАЯ · АКАДЕМИЯ · НАУК
RUSSIAN · ACADEMY · OF · SCIENCES
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ и современный мир

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

2(59)

In This Issue:

Революция и историческая память
Revolution and Historical Memory

Российские национальные интересы: 10 лет дискуссий
Russian National Interest: Discussions of the Last Ten Years

Человеческий капитал и инновационная экономика
Human Capital and the Innovation Economy

Россия и Европейский союз
Russia and the EU

Политизация этничности в современной Украине
Ethnical Politization in Today's Ukraine

МОСКВА
2008

© ИНИОН РАН

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.П. Булдаков
Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма **5**

В.А. Дубовцев
Национальные интересы России: Итоги десяти лет дискуссий **28**

Ю.В. Ирхин
Национальная идея России и идеологема «План Путина» **45**

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

М.Е. Николаев
Человеческий капитал и инновационная экономика **57**

М.В. Клинова
Взаимодействие государства и частного капитала в сетевых отраслях в ЕС и России **64**

В.С. Селин, В.А. Цукерман
Геополитические и экономические факторы обеспечения суверенитета России в Арктике **76**

И.С. Гумарова
Освоение арктического шельфа: Россия и Норвегия – естественные партнеры **85**

ЕС, РОССИЯ, ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА

И.Ф. Селиванова
Восточное направление политики соседства ЕС **97**

В.С. Авдонин
Россия – Европейский союз: Формирование новой модели отношений **112**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

V.P. Buldakov
Revolution and Historical Memory: Russian Parameters of Clio Traumatics **5**

V.A. Dubovtsev
National Interest: Yields of the Discussion in the Last Ten Years **28**

Yu.V. Irkhin
Russia's National Idea and the «Putin's Plan» Ideologem **45**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

M.E. Nikolaev
Human Capital and the Innovation Economy **57**

M.V. Klinova
Interaction of the State and Private Capital in the Web Sectors in the EU and Russia **64**

V.S. Selin, V.A. Tsukerman
Geopolitical and Economic Factors of Russia's Sovereignty **76**

I.S. Gumarova
The Exploration of the Arctic Shelf: Russia and Norway as Natural Partners **85**

THE EU, RUSSIA AND THE NEIGHBOURHOOD POLICY

I.F. Selivanova
The Eastern Direction of the EU Neighbourhood Policy **97**

V.S. Avdonin
Russia – EU: A New Model of Relations in Formation **112**

Варкоч А.
Европейская политика соседства на постсоветском пространстве. (Реферат) 122

Восточная политика ЕС: Укрепление партнерства с Россией. (Реферат) 127

РОССИЯ, СНГ, ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В.Ю. Додонов
Политика соседства в СНГ: Приоритеты, направления, механизмы реализации 131

О.Д. Волкогонова, А.Ю. Полунов
Политизация этничности в современной Украине: Русская диаспора и межнациональные отношения в Крыму 144

В. Кардумян
Армянская диаспора России и ее влияние на армяно-российские отношения 164

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

В.А. Литвинов
Социальная стратификация и уровень жизни в современной России 172

Г.С. Лыткина
Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере республик Дагестан и Коми) 181

Ю.М. Комаров
Национальный проект «Здоровье»: Достижения и проблемы 190

Warkotsch A.
Die Nachbarschaftspolitik der EU im postsowjetischen Raum. (Digest) 122

The EU Eastern Policy: Strengthening of Partnership with Russia. (Digest) 127

RUSSIA, THE CIS, POST-SOVIET SPACE

V.Yu. Dodonov
Neighbourhood Policies in the CIS: Priorities, Trends, Perfomance 131

O.D. Volkogonova, A.Yu. Polunov
Ethnical Politization in Today's Ukraine: The Russian Diaspora and Nationalities Relations in the Crimea 144

V. Kardumian
The Armenian Diaspora in Russia and its Influence on the Armenian-Russian Relations 164

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

V.A. Litvinov
Social Stratification and the Life Level in Current Russia 172

G.S. Lytkina
Social Self-Feeling and People's Behaviour in the Rural North and South of Russia (case studies of Dagestan and Komi) 181

Yu.M. Komarov
National Project «Health»: Achievements and Problems 190

М.А. Магомедов
Национальная политика России на Северном Кавказе: Прошлое и настоящее 197

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

Д. Хайнциг
Политические потрясения 1945–1946 гг., пережитые в одном из городков Саксонии 207

А.Л. Кузьминых
Лагерь № 150 221

Ю.В. Бельчич
Академик А.И. Анчишкин 239

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

И.Е. Прозоров
Сборник «Берега» – источниковедческое издание о русском зарубежье 246

Е.Ю. Гуськова
Центр по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН 251

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Бертух-Самуэлс А., Рамлоган П.
Является ли евро мировой валютой? 256

Блум М.
Женщины-камикадзе: Мировая тенденция 261

БИБЛИОГРАФИЯ

И.Л. Беленький, Е.О. Филатова
Институт смертной казни: Материалы к библиографии отечественной и переводной литературы, изданной во второй половине XX – начале XXI в. 264

M.A. Magomedov
Russia's Nationalities Policy in the North Caucasus: Past and Present 197

FACTS. EVENTS. PEOPLE

D. Heinzig
Political Storms of 1945–1946 in a Saxonian Small Town 207

A.L. Kuzminykh
Camp N 150 221

Yu.V. Belchich
Academician A.I. Anchishkin 239

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

I.Ye. Prozorov
«Berega» – A Source Study Edition about the Russian Abroad 246

Ye.Yu. Guskova
The Center for Study of Current Balkan Crisis in the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences 251

SURVEYS. DIGESTS

Bertuch-Samuels A., Ramlogan P.
L'euro, monnaie mondiale? 256

Bloom M.
Female suicide bombers. A global trend 261

BIBLIOGRAPHY

I.L. Belenkiy, Ye.O. Filatova
The Institution of Death Penalty: Materials for the Bibliography of Russian and Foreign Literature in Russian in the Second Half of the 20th Century – Early 21st Century 264

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.П. Булдаков

РЕВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: РОССИЙСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КЛИОТРАВМАТИЗМА

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала «The Soviet and Post-Soviet Review».

Историческая (социальная) память – базовый элемент конструирования коллективной идентичности – особенно своеобразно реагирует на трагические события истории: войны, революции, репрессии. Как быть историку, если они кровоточащей занозой засели в сознании народов? Превратить нужду в добродетель, объявив трагедию подвигом? Обычно так и бывает, причем историческая память с этим смиряется.

В свое время Б.Н. Миронов поставил изумляющую своей намеренной предвзятостью задачу «клиотерапии»[1]. Строго говоря, профессиональные историки всегда невольно делали это, прикрываясь, однако, фиговым листком объективности. Теперь, когда с высоких трибун откровенно говорят об «исторической политике», некоторые считают, что пора отбросить академическую стыдливость. Впрочем, в свое время большевики еще более «оптимистично» переписывали историю, самозабвенно насилуя неподатливую память поколений.

Образы прошлого так или иначе, но постоянно меняются в угоду современности. В связи с этим некоторые авторы склонны заниматься не собственно историей, а «изъянами» исторической памяти. Это отнюдь не вредное

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства (XVIII – начало XX в.) Т. 1. СПб., 1999. С. 16. Книга Миронова может быть отнесена к социальной истории лишь по недоразумению: в действительности это рассказ о придуманной власти, которая якобы эволюционировала вместе со «среднестатистическим» народом. Тем не менее вузовские преподаватели преподносят ее студентам как образец социально-исторического исследования.

занятие: историк не творец, а скорее жертва коллективной памяти народа – это надо сознавать. А память, между прочим, формируется такими «непобедимыми» величинами, как конфессии, ритуалы, фольклор, «обычаи предков» и т.д., и т.п., не говоря уже о мелких предрассудках идентификационных процессов, к которым особенно охотно апеллируют политики. Воевать со всем этим не легче, чем Дон Кихоту сражаться с ветряными мельницами. Но приходится.

* * *

История слишком *сложна*, а потому историческая память основывается на предельно *упрощенных* – по возможности вневременных – знаках, образах, легендах, мифах. История сама по себе *безнравственна*, память о прошлом, напротив, тяготеет к *нравоучительности*. В то время, как история прерывиста, кризисна и катастрофична[2], ее базовые образы куда более *статичны*. Память оперирует относительно устойчивыми ментальными категориями – пребывает в плену у «ленивого» ума. Даже исторические даты, не говоря уже о личностях, она расставляет в нужной для *нее* последовательности. Жестокости прошлого допускаются ею лишь в качестве своеобразного Хеллоуина. Впрочем, иной «нормальная» память о прошлом быть не может – за ее устойчивыми пределами начинается шизофрения социокультурного воображения.

Прошлое произрастает в массовом сознании в виде «капусты» – довольно беспорядочных (поначалу) наслоений вокруг некоего стержня, основу которого составляет архетип (также подвергаемый непрерывным атакам истории). В любом случае, историческая память продуцирует «выгодный» миф, обеспечивающий достойное или комфортное размещение народа как по отношению к ближайшим соседям, так и во всемирной истории. Но что случается, если стержень надломлен?

Революции означают прерывание исторической преемственности. Естественно, это болезненно сказывается на историческом сознании, которое при этом порой не просто «раскалывается», но и «ломается». Меняющийся образ революции подтверждает известную истину: историческое прошлое не существует «само по себе» – оно всегда выступает риторическим конструктом настоящего. И это общее явление.

---

2. Теоретические представления о нелинейности истории обсуждаются довольно давно (см.: Schermer M. The Chaos of History: On a Chaotic Model That Represents the Role of Contingency and Necessity in Historical Sequences // Nonlinear Science Today. 1993. – Vol. 2. N 4; Топольский Е. Дискуссии о применении теории хаоса к истории // Исторические записки. 1999. – № 2), но практического применения они почти не находят.

Историография Английской революции на протяжении нескольких столетий оставалась монополией либеральных авторов. Это был, как водится, «лживый рапорт победителей». Характерно, что «славная» Английская революция противопоставлялась «дурной» Французской. В свою очередь, во Франции не только в XIX, но и в XX в. вообще трудно было говорить о революции, «не заняв определенную позицию по отношению к живой традиции, хранившей память об этом событии»[3]. В США, напротив, Гражданская война – скорее предмет исторической *амнезии* (этого, как ни парадоксально, важнейшего компонента коллективной памяти), нежели объект бескомпромиссного анализа. Действительно, стоит ли пристально вглядываться в то, что политкорректно именуется «войной между штатами»?

«Осовременивание» прошлого, это имманентное свойство исторической памяти, является вместе с тем индикатором *непрофессионализма* историка. «...Обойдем молчанием тех легкомысленных людей, которые пишут историю в наивной уверенности, что все общепринятые взгляды их эпохи правильны и что описывать события с точки зрения данной эпохи – значит вообще быть справедливым...», – говорил Ф. Ницше. О вреде «презентизма» не раз писали российские авторы[4]. Тем не менее недуг не изживается.

Череда юбилеев Французской революции показывает, что, хотя работа историков вдохновлялась связанными с ней идеями республики и нации, их репрезентация постоянно менялась – прошлое *присутствовало* в современности. При этом слова, обозначающие 89-й (год), вынесенные в название знаменитой книги Жоржа Лефевра, изданной к 150-летию революции, составляли поистине магический компонент исторической памяти. Образ прошлого, в свою очередь, стимулировал профессионалов – людей эмоционально и политически также вовсе не безразличных.

В свое время Жюль Мишле сетовал, что «Революция перечеркнула все прошлое Франции» и потому «образ новой Франции очень бледен»[5]. Через 150 лет французские историки принялись за *деконструкцию революционного мифа* (Франсуа Фюре) – идея общеевропейского единства потеснила идею нации. Заодно была «реабилитирована» такая одиозная для французов фигура как Робеспьер (в СССР он располагался в пантеоне героев). Произошло освобождение исторической памяти от травмирующих компонентов (под)сознания – одновременно она стала более воинственной по отношению к внешнему миру. Так, во Франции усилилась критика «тоталитарного наследия» русской революции (в свое время сходным образом англичане пеняли фран-

3. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. – С. 305.

4. См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М., 2005.

5. Мишле Ж. Народ. М., 1965. – С. 7–9.

цузам), а в память о якобинцах («протобольшевиках») стала подчеркиваться особая роль агитаторов и идеологов[6] (возможно, это реакция на возросшую роль современных *mass media*).

В постсоветской России положение оказалось еще сложнее. «Русские остановились в замешательстве перед своим прошлым», наступил кризис идентификации[7]. Это закономерно: коллективной памяти россиян, в отличие от французов, был навязан образ «дающей» революции, совершенный не ими, *а за них*.

В формировании исторической памяти историк – далеко не главное действующее лицо. Он обычно всего лишь реагирует на поставляемые памятью факторы алогичного ряда – от простого обычая до мифа, от мнемонических суеверий до вранья политиков. В сущности, навязываемая историку социальная роль состоит в том, чтобы перевести страхи современности на язык релаксирующих образов прошлого (вопреки тому, что «языки времен» препятствуют этому). Былые кризисы нужны людям как бестелесные страшилки, лишний раз убеждающие в мнимой непоколебимости текущего бытия. На это обращал внимание еще М. Фуко: «Для классической истории прерывность … следовало обойти, редуцировать, стереть во имя торжества непрерывного событийного ряда»[8]. Поэтому историческая память отказывается понимать профессионального историка или, что еще хуже, воспринимает сказанное им в переводе на *свой* язык. И если любая революция продуцирует своего рода виртуализацию действительности, когда факт и вымысел сплетаются в одно целое[9], то можно не сомневаться, что со временем бредни революционного времени обретут статус «железного» доказательства.

Казалось, историческая память безобидна своей «пластичностью» – в ее «коллективные мемуары», подобно энциклопедии, постоянно вносятся поправки, относительно нравственного содержания прошлого продолжается незримый референдум. Но массмедийная революция уплотняет и деморализует информационное пространство настолько, что известные факты приобретают совсем иное звучание и значение, исторический документ прочитывается «с точностью до наоборот». Сегодня даже историки забывают, что им не

---

6. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Взгляд на Великую французскую революцию через двести лет. М., 1991. – С. 117.

7. «На развалинах Советского Союза, – продолжал Ф. Фюре, – не появилось ни лидеров, готовых к возрождению, ни настоящих партий, ни нового общества, ни новой экономики… Народы Советского Союза не сохранили достаточно сил, чтобы изгнать расколовшуюся номенклатуру или оказать заметное воздействия на ход событий» (Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. – С. 12).

8. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. – С. 12).

9. См.: Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven and London. 1999.

дано судить прошлое. По тому, что люди пытаются отыскать в бездне веков – пепел или огонь, можно безошибочно поставить диагноз их нравственному, психическому и интеллектуальному состоянию.

Нынешнее состояние российской историографии революции выглядит удручающе[10]. Это связано с тем, что историческая память россиян менее чем за столетие пережила двойной удар – со стороны революции, затем «перестройки»[11]. После этого она оказалась под двойным прессом – на сей раз не столько со стороны власти[12], как нынешних *псевдоэлит*. Отличительной чертой последних является готовность откликаться на любой предрассудок.

Историография российской революции всегда носила коммеморативный (приуроченный к определенным датам), причем более «уплотненный» и политизированный, сравнительно с Францией, характер. При этом всего за полстолетия культ революционного насилия сменился на апологетику «мирного» характера «Великого Октября». Историческая память насиловалась властью, построенной на абсурдном сочетании революционаризма и патернализма. В результате образ прошлого противоестественно этатизировался – сначала в форме воспевания революционных героев, а затем «коллективного руководства» большевистской партии. А между тем, коммунистическое государство – мнимый вершитель истории – переживало процесс квазидинастического вырождения. В России отношение к государственности всегда было амбивалентным в силу известного рода патерналистских представлений. Люди, привыкшие работать на власть в надежде, что и она когда-то выручит их, легко смешивают ангелов и демонов.

Привычка замечать только ту историю, импульсы которой задаются либо «сверху» (вождями и правителями), либо «снизу» (заговорщиками и револю-

10. Редкие авторы откровенно пишут об этом (см.: Buldakov V.P. Scholary Passions around the Myth of «Great October» // After the Fall: Essays in Russian and Soviet Historiography / Ed. by M.David-Fox, P.Holquist, M.Poe / Bloomington, Indiana University, Slavica Publishers, 2004; Михайлов И.В. У истоков советской системы: Современные историографические споры о революции и Гражданской войне в России // The Soviet and Post-Soviet Review. 2004. Vol. 31. N 1). Преобладают пустые или намеренно выхолощенные «монографии», написанные «под диссертацию».

11. В то время как в 1987 г. при подготовке к 70-летию революции все партийное руководство во главе с М.С. Горбачёвым намерено было «сохранить импульс Октября», в демократической печати фактически началась демифологизация знаковых фигур того времени (Елисеева Н.В. Октябрьская революция 1917 г. в идеологии реформ периода перестройки в СССР (1985–1991 гг.) // Октябрь 1917 года: Взгляд из XXI века. М., 2007. – С. 110–111).

12. Впрочем, для современной власти мало-мальски достоверная история России нужна лишь как оболочка, в которой удобно донести нужные ей идеологические тезисы. См.: Батчиков С. Содом и Гоморра // Pro суверенную демократию. М., 2007. – С. 99–100.

ционерами) – признак недостатка в обществе демократических потенций и / или веры человека в собственные силы. «Политика – это точка жизни, наиболее удаленная от вечности и потому наиболее приближенная к дуракам» (Фазиль Искандер). По-настоящему свободный человек не станет считать правителей демиургами собственного бытия, он будет искать творцов истории не среди «спасителей» или «злодеев», а среди простых людей, составляющих народ, общество. Увы, русская революция, в отличие от французской, не научила этому.

Человеческое сознание всегда сопротивлялось очевидному: выдающийся революционер, а равно и тиран – в значительной степени виртуальная величина, проекция агрегированных людских представлений в точках исторических бифуркаций. Масса формирует вождей из «востребованного» человеческого материала, чтобы осуществить то, на что она сама не может решиться. С их помощью она преодолевает страхи перед всевозможными табу, расставленными прежней исторической памятью. «Вождям» предстоит сделать выбор (включая «ошибочный») за боязливых людей, решиться на то, что те готовы совершить лишь *мысленно*. Надо ли удивляться, что со временем разочарованные массы платят им черной неблагодарностью?

Русская революция создала новую иерархию «народных героев». Выдающиеся полководцы превращались в «царских сатрапов», Емельян Пугачёв предстал предтечей декабристов, народовольцев, да и самих большевиков. Все это делалось по законам *исторической памяти*, вопреки исторической науке. (Первым по этому пути двинулось Временное правительство.)

Соотношение «народный герой» и «правитель» в массовом сознании во все времена было непростым. Но восхождения Робин Гудов на престол историческая память не зафиксировала. Правда, на Руси у Ивана-дурака, судя по сказкам, были довольно интимные (почти распутинские) взаимоотношения с властью. Как бы то ни было, большевики нарушили правила игры, превратив «благородных разбойников» в полководцев, вождей, а затем и правителей. Между тем Стеньке Разину не удержаться на троне, полевой командир не создаст династии – даже с учетом того, что из «правдоискателей и бунтарей» порой вырабатываются настоящие «шельмы» (Ф.М. Достоевский). Одно то, что иерархию «героев-правителей» прошлого составили люди деструктивного склада, не могло не оказать болезненного воздействия на массовое сознание, в котором по-прежнему преобладала традиционалистская составляющая (пусть в качестве «социалистического» мутанта).

С другой стороны, после «красного Октября» в процесс формирования исторической памяти был имплантирован элемент новый (скорее обновленный – «прогрессистски-эсхатологический») мифотворческий элемент и одновременно реанимирован крайне архаичный. В прошлом россиянин-традиционалист был повернут лицом к прошлому с его непременным «золотым

веком»; теперь его пытались приучить смотреть *только* в будущее. После революции профессиональные (официальные) историки (и не только из числа «красной профессуры») заняли провокационную позицию по отношению к исторической памяти – на первый план вышли *предпосылки* революции, словно вырастающей из мутных глубин прошлого. Новый миф творился от лица квазирелигиозного учения, объявленного *наукой*. А между тем вера в магию постижимых закономерностей, соединившаяся с верой в сверхъестественное, особенно опасна – она развязывает руки людям ограниченным.

Мессианский компонент революционной коммеморации плохо стыковался с «общинным» пониманием социальной справедливости и, главное, утопией всеобщего достатка. Поэтому закономерно, что теоретически абсурдная идея построения социализма «в одной, отдельно взятой стране» была положительно воспринята массами, но неизбежно было и то, что ее результатом стала ситуация идейно-нравственного и знакового абсурда[13], вылившаяся в серию анекдотов про «Василия Иваныча» и макабрические стишки. Историческая память подхватывала рукотворные мифы в той мере, в какой они были изоморфны ей самой; она же разрушала их, как только их дутый пафос наталкивался на ее природный скепсис.

Теперь оказались востребованы представления о «золотом» дореволюционном веке. Казалось, это сделать просто: достаточно изменить ценностную коннотацию, «оживить» революцию конспирологическими домыслами (особенно модными во времена общественных неурядиц), как произойдет метаморфоза – место героев займет иерархия злодеев, предателей и шпионов. Но подобные ротации «добра» и «зла» не происходят легко: в «нынешнем прошлом» не осталось «своих» героев – туманные фигуры Петра I, Николая II или реформаторов типа Витте или Столыпина, вопреки стараниям сервильных историков, не заполняют прорех исторической памяти.

В обществе обычно всегда присутствует вирус недоверия к «книжникам и фарисеям», утаивающих от народа «правду». Рано или поздно он порождает эпидемию веры в нового «мессию».

Сложность взаимодействия профессионала с травмированной исторической памятью усугубляется и другим фактором. Современная глобалистская политика памяти признает только «политкорректную» историю – прошлое не должно провоцировать аллюзии с болезненными проблемами современности. Но тот же глобализм ведет к тому, что враждебные мнемонические дискурсы *сталкиваются* в едином информационном пространстве. Как быть историку?

---

13. Сегодня эта черта перестройки (см.: Согрин В. Левая, правая где сторона? Размышления о современных политических дискуссиях // Коммунист. 1990. – № 3) отнюдь не изжита.

Историческая память по-прежнему не нуждается в историках-профессионалах – даже воспевающих «славные традиции». В человеке сидит «страх истины» (Ж.-П. Сартр), а потому он, в отличие от одержимого революционера или безрассудного гения, не хочет брать на себя ответственность не только за настоящее, но и за прошлое. За эту пассивность будущее непременно отомстит. Напоминать об этом бесполезно, но «указать на дурака» необходимо.

* * *

К 90-летию память о революции резко актуализировалась. Причина лежала за пределами событий 1917 г. – начались очередные политические хороводы вокруг *существующей* российской власти. Последовал новый виток демонизации революции и ее вождей со стороны идейных перебежчиков и просто эмоционально неуравновешенных людей.

Историческая память по отношению к реалиям прошлого всегда селективна. Всякая «неудача» истории вписывается в нее как *инфернальное* действо, а не «расплата» за былое неведение. К тому же коллективная память не принимает понятия *внутреннего* раскола[14].

В дореволюционной России чрезвычайно остро стояла проблема «верхов» и «низов», сосуществующих в разных культурных измерениях. При этом верхи с их этикой народолюбия (обращенная форма патернализма) не осознавали своей отчужденности от низов. Советское общество, напротив, тяготело к не менее противоестественной гомогенности, а потому не могло адекватно воспринять всей глубины разобщенности дореволюционного общества. Зато опыт предреволюционной квазипарламентской политики мог интерпретироваться в «понятных» эволюционно-реформистских терминах. И хотя дореволюционные *прото*демократические институты отторгались тогдашней социальной средой (отсюда бесславная гибель и Государственной думы, и Учредительного собрания, не говоря уже о таких суррогатных диковинках, как Предпарламент), современные политологи взирают на них как на нечто органичное российскому историческому опыту. (Точно так же слово Дума выпрыгнуло из некорректных представлений «хитроумных» дореволюционных либералов о Боярской думе Древней Руси.)

14. В последние годы жизни эту проблематику активно разрабатывал А. Ахиезер. См.: Ахиезер А.С. Специфика исторического опыта России: Трудности обобщения // Pro et Contra. 2000. – Т. 5. – № 4; Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.

Но в некоторых отношениях историческая память начала XX в. и его конца совпадает. Так, российское общество травмирует ощущение отсталости, понимаемой как в имперско-геополитическом, так и чисто потребительском (особенно сегодня) смысле. До революции это породило идею *догоняющего*, после нее – *обгоняющего* развития. Уже в застойное время с его ужасающим дефицитом и, особенно, в постсоветское время с его барахолочным изобилием отсталость стала связываться, главным образом, с *качеством* потребления, а не количеством произведенного. И поскольку невнятный образ революции оказался потеснен идеей эволюции, историческое сознание противится представлениям о том, что Россия в конце XX в. в *вялотекущей* форме пережила очередной системный кризис.

А между тем стоило бы задаться простым вопросом *микро*исторического уровня. В принципе всякое динамичное в *макро*историческом смысле общество должно предоставить возможно большему числу индивидов максимально допустимый традицией спектр возможностей самореализации. Спрашивается, соответствовала ли дореволюционная Россия этой социально-антропологической составляющей «модернизационного стандарта»? Вряд ли.

С другой стороны, если эволюционные возможности оказались блокированными на микроуровне, уместно задаться другим вопросом: не получили ли на этом фоне дополнительные шансы самореализации диссипативные элементы? Не создались ли перспективы их *деструктивной* субкультурной социализации? Не натолкнули ли их *макро*исторические процессы на поиск неких «сверхидеалов», попирающих привычные этические нормы? Оглядываясь на феномен русской интеллигенции на этот вопрос придется ответить положительно[15].

Даже не вспоминая «Бесов» Достоевского, следует признать, что лавинообразный рост «малых возмущений» (что было им, в сущности, и описано) продуцировала *сама* система. И дело не в наличии целой иерархии «подстрекателей» на всех этажах социальной лестницы. Между прочим, Достоевский в своих произведениях описывал не только то, как виртуальная библейская нечисть превращается в реальных бесов русской истории, а то, *как* они проникают в деиммунизированное тело России. Вот этого последнего наше суеверное сознание с ее покореженной исторической памятью не желает замечать.

---

15. В 1917 г. для строительства демократии социалисты противоестественно использовали символы революционного подполья, а представители образованного общества, со своей стороны, полубессознательно (через культурные практики) разжигали народную ненависть (см.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. – С. 328–331).

Существует иллюзия: в «наше время» все происходит по-другому. И хотя она противоречит принципам социально-исторической (культурной) антропологии, в исторической памяти она находит себе надежное пристанище. На «человеческом» уровне в Смуте XVII в. и революций 1917 г. больше общего, нежели несходного. Прежде всего, следовало бы иметь в виду однотипность процесса десакрализации власти и усиления общественной психопатологии. Общим является также доктринерство «верхов» и утопии «низов». В целом, разновременные события происходили в рамках крайне архаичной (имперско-патерналистской) политической культуры. В том и другом случае произошла «революция поневоле». Современные «транзитологи» представляют собой своего рода оскопленный (или *само*оскопленный идеей эволюции) вариант революционеров образца 1917 г.

Очевидно, что любые катастрофичные события органично не вписываются в структуру исторической памяти – даже российской с ее имплицитной бесовщиной. Именно по этой причине сегодня столь распространены и попытки «метаисторической» социологизации, и суеверные фантазии о событиях 1917 г., а сознание россиян варьируется от геополитических самообольщений до бытовых самоуничижений.

Сегодняшней генерации перепуганных людей хочется верить, что они стали жертвами умнейших и коварнейших злодеев, а не коллективной глупости правителей и элит, помноженной на собственное легковерие. Человеку всегда трудно поверить, что все его беды происходят от его собственной недоразвитости. А потому надеяться, что общество будет внимать историкам, как пациент психоаналитику, не приходится. Да и сам историк не безгрешен.

К 80-летнему юбилею революции один из профессиональных исследователей убеждал, что ужасы советского коммунизма генетически прописаны в марксистско-ленинском учении[16]. Через десять лет его ближайший коллега, напротив, попытался ответить на вопрос: «как из партийки, чье существование порой интересовало лишь специалистов охранного отделения, большевики превратились во всеобъемлющий аппарат политической власти в момент наиболее интенсивного развития российской цивилизации»[17]. Путь исследователя от борьбы с историческим «злом» методом осинового кола до смирения перед его «функциональностью» обычен[18] – особенно в патерналистских

16. См.: Леонов С.В. Рождение советской империи: Государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997.

17. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. – С. 17.

18. Неслучайно некоторые авторы сочиняют весьма остроумные, но когнитивно небезупречные схемы, призванные примирить логическое с этическим. См.: Пивоваров Ю. Истоки и смысл русской революции // Полис. 2007. – № 5.

системах. Это всего лишь способ *мнимого* избавления от травмы исторического сознания на «научном» уровне.

* * *

Современные «академические» историки обычно делают вид, что брезгливо чураются самодеятельных открывателей «истин». Напрасно, еще В.О. Ключевский писал, что сила профессионализма историка связана с умением разобраться с людской глупостью, а не достижениями человеческого гения (последнее – удел «умничающих» философов).

90-летие Февральской революции преподнесло историографический сюрприз. На обложке глянцевого политологического журнала появился анонс «Первая “бархатная”: 90 лет Февральской революции». Имелась в виду статья Д. Андреева, помещенная в рубрике «Бифуркация» и снабженная слоганом «Возвращение двоевластия». В ней сообщалось, что в отличие от «классической» революции ее «бархатные» антиподы (в их числе и Февраль), были «многоходовыми политтехнологическими спецмероприятиями». Очевидно, что автор, используя притягивающую обывателя «конспирологическую» упаковку, предложил рекомендации относительно того, как нынешней России миновать «цветной революции»[19].

Заявление Андреева осталось бы рядовой, а потому незаметной химерой политологического воображения[20], если бы не последовавшая вскоре официозная публикация статьи А. Солженицына[21]. Творение нобелевского лауреата четвертьвековой давности использовали для PR-акции, приуроченной не к

19. См.: Андреев Д. Формула Февраля: Из-за чего в России может произойти «бархатная революция» // Политический класс. 2007. – № 2 (26). – С. 24–27. Подобное прожектерство, вероятно, навеяно сотрудничеством с профессиональным «соавтором» Г.А. Бордюговым (см.: Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство власти: От Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. М., 2004). Тот воспользовался 100-летием Первой русской революции, чтобы с помощью занудливой мешанины из чужих мыслей и краденых фраз «поучить» власть, как избежать революции, не впадая в «чрезвычайщину» (см.: Бордюгов Г. Праздник угнетенных, или социальная болезнь. Памятка ревнителям революции и «чрезвычайщины» // Политический класс. 2005. – № 1. – С. 17–23).

20. Писали даже о «самодержавной демократии» (Иванов А.Ф., Устименко С.В. Самодержавная демократия: Дуалистический характер российского государственного устройства // Полис. 2007. – № 5), нимало не задумываясь о том, каково нормальному человеку внутри сей экзотической системы.

21. Солженицын А.И. Размышления о Февральской революции // Российская газета. 2007. – 27 февраля.

90-летию революции[22], а к грядущим «демократическим» выборам. Современные установки статьи прочитываются легко: Февраль был результатом слабости Николая II, а между тем российский правитель должен быть не только тверд, но и жесток: главные враги российской государственности – либералы и интеллигенция вообще – не дремлют[23]. К антиреволюционному хору тут же подключились «патриоты» и «государственники»[24], включая наиболее вертлявых экс-марксистов[25] – последовала очередная истерия пресмыкательства перед властью[26]. За твердость правления, разумеется, высказались «активисты молодежных движений» – умственно инфантильные существа, вовсе не знакомые с историей[27]. Малоизвестные авторы с большими учеными степенями также разразились сентенциями по поводу преждевременной смерти Столыпина, «слабости» Николая II, а также коварства туманного Альбиона, организовавшего свержение императора[28].

Особенно отличился автор, по вполне символичному совпадению являющийся внуком одного из творцов номенклатурной системы – В.М. Молотова. Оказывается, дореволюционная Россия была прогрессирующей, демократической, «четвертой в мире» страной. Николай II был умным, мужественным человеком, сделавшим для ее модернизации больше, чем кто-либо из его предшественников, а императрица – «крупнейшим организатором санитарного дела». Эта сильная империя, конечно, стала жертвой заговоров. Что

---

22. Об особых взглядах А.Солженицына на Февральскую революцию было известно давно (см.: Лурье Я.С. Александр Солженицын – эволюция его исторических взглядов // Звезда. 1994. – № 6).

23. Профессиональные историки давно указали на иллюзорность представлений Солженицына. См.: Жидков Г.П. «Красное колесо» А. Солженицына глазами историка // Отечественная история. 1994. – № 4–5. – С. 217–218.

24. Особенно охотно подхватил ее истеричный «государственник» А. Проханов (см.: Российская газета. 2007. – 28 февраля).

25. «Бог наказал обезумевших советских инженеров и научных работников, которые готовы были в 1989 г. карабкаться на стены Кремля…, – возопили некоторые из них. – 1917 и 1991 гг. – это безумие элиты» (Ципко А. Третьему Февралю не бывать // Российская газета. 2007. – 10 марта).

26. Редкие историки заявили, что с помощью Солженицына народ просто пугают «нехорошими» либералами, и призвали отличать «нормальный» либерализм от «большевизма наоборот» (см.: Хаос с невидимым стержнем. Историки обсуждают статью А. Солженицына // Российская газета. 2007. – 1 марта).

27. См.: Российская газета. 2007. – 2 марта. Под «молодежными движениями», в соответствии с известной советской традицией, понимается лишь та часть подрастающего поколения, которая рассчитывает получить что-то от «твердой власти».

28. Российская газета. 2007. – 10 марта.

касается Временного правительства, то оно почти полностью разрушило правоохранительную систему, а затем и саму государственность[29].

Всезнайкам такого пошиба некогда знакомиться с будто специально для них написанными работами о том, что Февраль был порожден неспособностью обеспечить армию современным вооружением, слабостью финансов, наконец, ненадежностью самой армии[30]. Можно было бы, конечно, не обращать внимания на великовозрастных «детей застоя», которые манипуляции с химерами собственного воображения считают приличным публичным занятием, если бы подобные писания не оказывали развращающего – и в перспективе травмирующего – воздействия на людские умы. Интересно, сколько раз перевернулся в гробу дед такого внучка? Если верно, что человек есть «тончайший нерв истории», по которому можно определить многое (Ю. Трифонов), то что можно сказать о подобной ментально-исторической наследственности?

Лучшим исследованием о Февральской революции остается двухтомник выдающегося историка Э.Н. Бурджалова[31]. Никто из современных авторов о нем не упомянул – на его фоне они ощутили бы себя моськой, лающей на слона. В свое время эта книга вызвала нападки коммунистических идеологов, посчитавших, что революция предстала в ней чрезмерно стихийной. Еще больший гнев вызвала «недооценка» роли большевистской партии. И надо признать, что очень многие авторы – особенно «историки КПСС» – включились в травлю Бурджалова. Сегодня положение не лучше: его книга замалчивается. Результат налицо – самодеятельные авторы экстраполируют на прошлое свои верноподданические «идеалы».

* * *

Не успело пройти изумление по поводу новейшей трактовки Февраля, как Солженицын одарил читателями «новыми» (точнее, старыми) откровениями об Октябрьской революции[32]. Первая реакция оказалась вполне профессиональной. Но вряд ли можно согласиться с В.Т. Логиновым в том, что о «демократии осенью 1917 года уже никто не вспоминал» – и левые и правые

29. Никонов В. Крушение империи. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность // Российская газета. 2007. – 16 марта.

30. См.: Нефедов С.А. Февраль 1917 года: Власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. 2005. – № 10–11.

31. См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Его же. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. Конечно, Бурджалов писал книгу с марксистских позиций. Важно, однако, что он старался быть честным, а не «партийным».

32. См.: Солженицын А.И. На обрыве повествования // Литературная газета. 2007. – 18–23 июля.

готовились к диктатуре[33]. Это один из большевистских мифов – в действительности социалисты проиграли Ленину и Троцкому именно под знаменами демократии. После разгрома мнимого мятежника Корнилова[34] диктатура справа не грозила, но ею намеренно запугивали людей большевики.

Впрочем, интереснее другое. Всех переплюнул самодеятельный «историк»[35], устроивший рекламную акцию бредовому телефильму «Лев Троцкий. Тайны мировой революции»[36]. В очередной раз выяснилось, что революция была спланирована американскими банкирами, действовавшими через русских евреев-революционеров (за спиной каждого из которых стояло по родственнику-толстосуму)[37]. Сей автор откровенно бахвалился собственной «необъективностью», горделиво заявляя, что история вообще «субъективная наука»[38], в которой, надо полагать, любому шарлатану уготовано законное место. Действительно, всякий исторический источник многомерен – каждый выбирает из него то, что соответствует собственному уровню его понимания. Любителям «доступной истории» невдомек, что профессиональное источниковедение призвано свести неизбежную для всякого автора необъективность к минимуму. Современная медийная поп-культура, напротив, старается уравнять графомана-параноика и историка-профессионала.

Строго говоря, это всеобщее явление: не столь давно Великобритания лицезрела фильм «Кто убил Сталина?», где в роли заговорщиков предстали не только Берия, Маленков, Хрущёв, но и Светлана Аллилуева. В 2007 г. по телевидению ФРГ был показан подготовленный известным медиаконцерном *Spiegel* фильм «Купленная революция» с характерным подзаголовком: «90-лет назад: Кайзер Вильгельм II финансирует Октябрьскую революцию Ленина». Для справки: Германия действительно употребила немало средств

---

33. Литературная газета. 2007. – 25–31 июля.

34. О том, как Л.Г. Корнилова «подставил» А.Ф. Керенский см.: Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем Л.Г. Корнилове и его соучастниках. В 2-х томах. М., 2003.

35. См.: Шамбаров В. Оккультные корни Октябрьской революции. М., 2006. Книга посвящена Я.М. Свердлову. Тот сделал шкуру из своего любимого свирепого черного пса – это и есть решающее доказательство «оккультных корней» революции (С. 334–335).

36. Фильм снят «патриотами» из Фонда «Культура». Ему предшествовал не менее бредовый фильм «Кто платил Ленину?». В общей сложности получается, что Ленин был немецким шпионом, Троцкий – английским. И это вопреки тому, что некоторые консультанты фильма еще до его появления заявляли, что никакого антироссийского шпионажа со стороны Ленина не было и не могло быть (Независимая газета. 2001. – 25 января, 28 июня).

37. Литературная газета. 2007. – 1–7 августа.

38. Шамбаров В. Указ. соч. С. 464.

для ослабления противников (что естественно для любой воюющей страны)[39]. По отношению к России она (как и Австро-Венгрия) действовала по хорошо известному сценарию 1905 г., отводя преимущественную роль *сепаратистской*, а не революционной пропаганде[40]. Из этих денег непосредственно большевикам могла достаться лишь ничтожная часть[41]. Но фильм построен

39. По некоторым (не очень надежным) данным на Румынию и Италию было потрачено денег больше, чем на Россию (см.: Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. Лондон, 1991. – С. 53).

40. Значительная часть денег шла на издание листовок и газет на русском языке, работе с эмигрантами, а затем и с военнопленными (см.: Колоницкий Б.И. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизации России» (август 1914 – начало 1915) // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997).

41. Публикация в журнале Spiegel с примечательным заголовком «Революционер Его Величества» фокусирует внимание именно на Ленине. Хотя отмечается, что по разным каналам в Россию поступило около 100 млн. марок, только 26 млн. марок (по современному курсу около 75 млн. евро) до конца 1917 г. шло по линии германского МИДа, раздававшего наличные деньги неизвестным лицам. У читателя создается впечатление, что деньги шли преимущественно Парвусу, а через него – Ленину. И если историкам известно, что все предложения о сотрудничестве с украинцами и Парвусом Ленин отвергал, в публикации подчеркивается, что Ленин был крайне осторожен. Впрочем, признается, что финляндский социалист А.Э. Кескюла получил от немцев в общей сложности не менее 259 тыс. марок, но лишь малая часть из этой суммы поступила к большевикам (Der Spiegel. N 50 / 10.12.07. S. 35–38, 40). Немцы платили не только большевикам, а давали деньги на ослабление противника любым способом. К сожалению, даже серьезные российские авторы усвоили привычку отрицать существование «немецких денег» на том формальном основании, что архивы не содержат прямых свидетельств на этот счет (См.: Мироненко С. История как миф // Новое время. 2007. № 39. – 5 ноября. – С. 16–18). Но таковые свидетельства вряд ли возможны в принципе. В действительности какая-то часть средств, шедших из Германии, просто не могла не осесть у большевиков, не прилипнуть к ним с помощью действующих на свой страх и риск авантюристов. Из этого ничуть не следует, что революция была «сделана Лениным» на немецкие деньги. Вместе с тем нельзя не учитывать, что Ленин, в соответствии с марксистским учением полагавший, что капитализм сам себе выроет могилу, мог попросту закрывать на туманное происхождение партийных средств. В любом случае в годы Первой мировой войны он вел сложную игру с невольными союзниками в борьбе против самодержавия, прекрасно понимая, что те или иные его действия со временем будут «спрямлены» людьми, с куда более примитивным представлением о происходящем и стремящимися уличить его в недостойных по меркам обывателя поступках. Наиболее авторитетные российские авторы, не предрешая вопроса о деньгах, допускают их существование. Так, В.И. Старцев показал, кем и почему была запущена эта утка (см.: Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СП., 2006). Г.Л. Соболев дополнил его, признав, что ему не удалось открыть секреты финансирования большевиков (Соболев Г. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. – С. 7). Оба автора считают, что немцы платили большевикам после Октября, но не ранее

так, что независимо от намерений автора в памяти задерживаются лишь три символические фигуры: А. Парвус (и добытые им деньги на революцию), Вильгельм и Ленин[42]. Контраргументы логического ряда до зрителя уже не доходят. Упрочению этой ложной связки способствует и то, что серьезных историков забивает «попсовая» фигура Элизабет Хереш (кстати, давно одурачившей деятелей фонда «Культура»[43]). При помощи стандартных приемов современной «теледокументалистики» получается, что без грязных денег сделать революцию было невозможно, а ничем не рисковавший Ленин должен благодарить незаслуженно забытого Парвуса за то, что тот вознес его к власти. И сколь бы предположительно ни высказывались на экране историки-профессионалы, в памяти бундесбюргера останется только то, что соответствует наиболее примитивной ее составляющей. Телевидение способствует размножению любой ментальной одури в геометрической прогрессии[44] – в этом сомневаться не приходится.

Историкам, между прочим, давно известно, что бывают времена, когда персональные комплексы начинают резонировать с общественными психозами. Особенно удачно получается это у людей чем-то обделенных, подсознательно занятых поисками виновников своих несчастий, причем массовое сознание сочувственно откликается на их вопли.

Сегодня революции, как и власти, очень многие предъявляют свой *личный* счет. К примеру, протоиерей Михаил Ходанов, главный редактор журнала «Шестое чувство», убежден, что «…весь смысл Октябрьской революции и диктатуры пролетариата состоял в уничтожении христианства и установлении нового атеистичного государственного строя…»[45] Вообще-то в свое вре-

---

(Старцев В.И. Указ. соч. С.10; Соболев Г.Л. Указ. соч. С. 366–367). В любом случае, получается, что Ленин переиграл кайзера, «устроив», вслед за Россией, революцию в Германии.

42. Этому способствует «визуализация» прошлого: на экране мелькают документы, на которых видны суммы со многими нулями, актеры, изображающие Парвуса и Ленина, говорят по-русски (коряво, как в американских блокбастерах).

43. Булдаков В.П. Блеф после трагедии // Комсомольская правда. 2001. – 5 апреля. Именно Э. Хереш выступает в снятых на деньги фонда (кстати, очень немалых) фильмах о Ленине и Троцком в роли главной сказочницы.

44. С российских телеэкранов (и не только) уже предложено оценить Ленина по такому критерию: «Как бы вы отнеслись к человеку, который во время Великой Отечественной войны стал бы за деньги Гитлера работать против собственной страны?» Грандиозный революционный проект, чей демонстративный «аморализм» оправдывался кризисом, какого еще не знало человечество, ныне выносится на суд в чудовищно примитивизированном виде, рассчитанным на недумающего зрителя.

45. Литературная газета. 2008. 30 января – 5 февраля. Этому не приходится удивляться: уже показан телефильм (руководитель проекта к.и.н. о. П. Кузенков), где на примере гибели Византийской империи объясняется, отчего рухнула Российская империя, допустившая идеологические послабления.

мя Русская православная церковь с удивительной легкостью отреклась от своего формального главы – императора[46]. Это «оценил» А.Ф. Керенский, в полном согласии с тогдашними интеллигентскими представлениями инициировавший процесс отделения церкви от государства, который большевики довели до логического конца.

На изломе исторической памяти лихорадит и авторов, некогда имевших достойную профессиональную репутацию. По поводу революции вновь высказался известный специалист по истории Древней Руси И.Я. Фроянов[47]. В анализе ее предпосылок он зашел даже дальше марксистов – к указу о вольности дворянству, 1861 году, столыпинской реформе, которые и привели к «аграрно-демократической» революции 1905–1907 гг. Мировая война, в свою очередь, породила «бесформенную» Февральскую революцию; победоносный большевизм – реакция на ее «ущербность». И все было бы хорошо, если бы после 25 октября «революция для России» не уступила место глобалистскому проекту под названием «Россия для революции». После такого заявления автор впадает в национал-большевистские и евразийские фантазии, противопоставляемые, разумеется, замыслам зловредных американо-еврейских банкиров, стоящих за спиной универсального козла отпущения Троцкого[48] (напомним, что когда-то Д. Волкогонов назвал последнего «демоном революции»). Заключает Фроянов, естественно, аналогиями с современностью и реверансами в сторону нынешней власти.

В водовороте взбаламученной исторической памяти теряются и другие историки-профессионалы. В сущности они сами представляют болезненную ее часть. Для некоторых из них «уроки Октября» просты: «Пусть Россия впитает все положительное от социализма и капитализма»[49]. Не из-за склонности ли к подобной запредельной умозрительности Россия всякий раз ухитрялась впитывать все *самое худшее* от чего угодно?

На проблематике русской революции «сломались» многие ученые головы. Тематика мгновенного прорыва в светлое будущее (именно в ней историческое соприкасается с магическим) увлекает. Если профессионалы подвержены грезам исторической памяти, то чего ожидать от «историков-люби-

46. См.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви.) М., 2006.

47. Фроянов И. Революция для России // Литературная газета. 2007. – 29 августа – 4 сентября.

48. В прошлом И. Фроянов писал о том, что «было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых Лениным…» (Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. – С. 8). Теперь он фактически сам встал на «сверхпримитивную» точку зрения.

49. Громыко А. Каток истории // Литературная газета. 2007. – 15–25 сентября.

телей» из смежных научных дисциплин? Одни из них берутся опровергать всю существующую историографию[50]; другие в согласии с духом своего времени переводят революционный процесс на язык денег[51]; третьи безоговорочно вписывают большевизм в антологию мирового терроризма[52]. Смесь из учености и легковерия, забродившая в грязной лохани современных *mass media*, вливается в историческую память.

Пожалуй, наиболее любопытная манифестация околонаучного шапкозакидательства связана с именем эпатажного писателя М. Веллера, которому ассистирует некий А. Буровский[53]. Книга начинается фразой, претендующей на афористичность: «История – это свиток тайн, пересказанных глупцом по испорченному телефону»[54]. Применительно к памяти это справедливо: ни один человек не способен адекватно оценить неожиданность, вынырнувшую из замутненного прошлого. Вслед за тем автор принимается твердить о том, что историки – чистой воды дураки. Конечно, историографическая жириновщина порождена банкротством официальных легенд. Только сами Веллер и Буровский разбавляют *их же* еще более ненадежными свидетельствами мемуаристов, т.е. действуют по принципу все того же «испорченного телефона». Результат – обилие противоречий как самим себе, так и друг другу в цифрах, именах, фактах. Если бы они признались, что наговаривали свои тексты на диктофон, предварительно хряпнув стакан водки, я бы не удивился.

---

50. Галин В.В. Война и революция. М., 2004. Этот специалист по политэкономии задался целью за десять лет написать десятитомную историю Советского Союза. В первом же томе на место советских авторов он поставил мемуары белогвардейцев, даже не задумавшись о том, что они представляют всего лишь другую сторону медали. Разумеется, историографическая «десятилетка» провалилась.

51. Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903–1920. Факты, версии, размышления. Смоленск, 2004.

52. Барский Л.А. Корни и лики террора. Историко-публицистический детектив. М., 2007.

53. В Интернете одни именуют его доктором наук, другие, напротив, самоучкой – в наше время, когда дилетантизм срастается с графоманией, одно не исключает другого. В действительности этот философ в 1996 г. защитил в Алтайском университете (должно быть поближе к Шамбале) докторскую диссертацию по антропоэкологии и с тех пор наплодил с дюжину книжек типа «Русская Атлантида» и «Россия, которая могла бы быть». По известной аналогии, можно сказать: если человек не смог стать просто историком, он непременно попытается стать «сверхисториком». Рецепт прост: надо «смело» перемешать реальное с воображаемым, т.е. «дописать» прошлое в угоду недугам исторической памяти. Согласно интернетовским слухам, он всерьез способен фантазировать на тему «оптимальной» для России религии (от язычества до иудаизма; шаманизма, правда, не предлагалось, предпочтение отдано католицизму). Помимо этого он же является автором и такой нужной книги, как «Девочки. Инструкция по применению».

54. Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М., 2007. – С. 4.

Некогда Веллер посмеивался над «перпендикулярными» людьми, чья страсть отрицания ради отрицания доходила до абсурда. Ныне он сам превратился в перпендикулярную фигуру, что эффектно смотрится на телеэкране, но нелепо выглядит на бумаге.

Бывают времена, когда людей словно поражает гром истории – психопаты выбиваются в вожди, параноики – в пророков. Те и другие спешат обслужить ненасытные запросы людской одури. Поскольку достойного труда о Гражданской войне в *целом* все еще не написано, плацдарм для дилетантов свободен, причем Веллер – далеко не худший случай. Так или иначе, он ухитрился описать революцию и Гражданскую войну в терминах саморазвала, а затем восстановления российских иерархий – процесса, на конечной стадии которого выдающуюся роль сыграли большевики. Его отношение к последним амбивалентно – точно так же вели себя иные офицеры и генералы, преклонившиеся перед единственной силой, способной обуздать хаос.

Память может кровоточить. «...Россия просто пример, на что способен человек по отношению к другому человеку... В этом веке (XX. – В.П.) она обнаружила совершенно феноменальную степень отрицательного потенциала, заложенного в человеке...», – заметил в свое время И. Бродский. Порой профессиональные историки берутся за врачевание. Помимо упоминавшегося Б.Н. Миронова и А.И. Солженицына[55], историко-оптимистичную задачу попытался решить и В.Д. Соловей, назвав революцию, как и все три российские смуты (XVII в., 1917 г. и современную), «локомотивами» (должно быть, по известной аналогии) необычайно *успешной* русской истории[56].

Строго говоря, представление о революции и Гражданской войне как проявлении кризисного ритма российской истории, существует давно[57]. Автор, пытаясь переплюнуть предшественников, переборщил: дефицит аргументов конкретно-исторического ряда он принялся восполнять «метаисторической» умозрительностью. Хотя на фоне «юбилейной» попсы, новое сочи-

55. Он уже давно видит панацею от всех российских бед в восстановлении земства. В одной из последних публикаций оптимистичный сценарий связывается с тем, что в истории России «веками существовал и деревенский мір, и городские веча, и казачьи сходы, а с конца XIX века – плодотворное Земство…» (Солженицын А. Что нам по силам // Аргументы и факты. 2008. – № 5. – 30 января – 5 февраля. – С. 3). То, что кажется «веками существовавшим», на деле было давно подмято под себя государством; «плодотворное» земство на деле оставалось внутренне расколотым. В любом случае органы самоуправления не вводятся росчерком пера – они бессильны без соответствующего человеческого наполнения.

56. Соловей В.Д. Русская история: Новое прочтение. М., 2005. – С. 197, 7–9.

57. См.: Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. – 343–345; Его же. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007. – С. 80–105.

нение Соловья выглядит, по меньшей мере, элегантно, однако и оно кишит фантазмами, порожденными современным клиотравматизмом.

В. Соловей на сей раз взялся вывести некую стандартную формулу «смутореволюции» в России[58]. Отталкиваясь от «изученных», как ему кажется, форм протекания кризисов начала и конца XX в., он пытается проникнуть не просто в их *метаисторическую* логику, но и постичь *трансцендентный* (дерзаем, дерзаем!) смысл русской истории. Налицо претензии на элитарность, за которой таится желание избавиться от мешающей «полету мысли» конкретной истории.

Несомненно, революции – эти кровавые сгустки исторического времени – дают историку прекрасный шанс одномоментно разглядеть предшествующие им столетия и попытаться заглянуть в будущее. На деле, чем меньше он соприкасается с конкретным материалом, тем больше оказывается во власти вольных или невольных натяжек и передержек. Так, к примеру, Соловей предлагает поверить, что «революции в России начинаются не с мятежного своехотения людей, а с того, что против власти поднимается природа, мироздание…»[59] Красиво, но стоит ли порожденную революционным дискурсом истории метафору возводить на уровень логического довода?

Но чем вызван «революционный каприз»? Стоило бы обратить внимание на уплотнение российского социального пространства (демографический взрыв) и «сжатие» исторического времени, связанного с необузданным индустриализмом, насилующим душу традиционного человека. С другой стороны, следовало бы по-настоящему вглядеться в предшествующую революции тотальную эмоциональную перверсию также уплотнившегося информационного пространства. В известном смысле революционный взрыв – это соединение традиции и утопии на пике людского отчаяния – и ничего более.

«Нет ничего страшнее утопий, умозрительных инженерных схем прогресса, принудительно внедряемых заемных моделей социально-экономического развития, независимо от того, как они называются – капитализм, социализм, нацизм, – заметил один современный философ. – Все это Россия в какой-то степени испытала и удивительно, что до сих пор жива»[60]. В глубинных механизмах антропогенеза таятся все загадки катастрофичной человеческой истории и «спасающейся от нее» исторической памяти. Если кто-то об этом забыл, он из «клиотерапевта» непременно превратится в шарлатанствующего «знахаря».

---

58. Соловей В.Д. Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007. – С. 19.

59. Там же. С.20. Феномен метафорического описания революции как природного катаклизма давно описан (Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 82). К природно-катастрофическим образам, кстати, часто прибегал Ленин, сравнивая революцию с половодьем, грозой, вулканом и т.п. О «Буревестнике» М. Горького и напоминать не приходится.

60. Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996. – С. 381.

Впрочем, вглядываясь в прошлые и нынешние писания о *мнимой* революции, начинаешь понимать, что речь вовсе не о ней – продолжается нескончаемо-безнадежный разговор (точнее нытье) о *власти*. Иногда кажется, что историческая память в России – это просто тоска по приказному «идеалу», а потому профессиональной историографии не было, нет и в принципе быть не может. Под покровом историологии и историософии, которыми готов заниматься каждый аспирант, скрывается ужасающий своей непоколебимой безнадежностью «метанарратив», связанный с *образами* власти. Ослепленность этими квазиисторическими образами выливается в бесконечное нытье раба, отчаявшегося найти хорошего хозяина. На таком фоне не стыдно позволить себе любые благоглупости, не вспоминая о реальной истории.

В известные времена история начинает походить на дурной спектакль, который поставил Его Величество Случай. По его воле все актеры вынуждены – даже не подозревая об этом – постоянно блефовать. Память о революции вольно или невольно уподобляется самой революции. Из этого не следует, что закономерностей истории нельзя распознать. Метаистория на деле выписана кровавыми чернилами личных и коллективных фантазий и сумасбродств. Именно их предстоит дешифровать.

Современный образ революции, как и всей российской истории, формируется из двух компонентов: бесцветных и бессодержательных учебников истории и телевизионных «страшилок». Так осуществляется двойное давление на разум и чувство, еще больше травмирующее историческую память.

Сегодня прилавки магазинов завалены псевдоисторической попсой, *mass media* создали «замещенную реальность», воспринимаемую как подлинную. С другой стороны, сформировалось поколение историков, откровенно модернизирующих прошлое с помощью маломерных *case study*, скомпонованных в череду суггестивных клипов. В этих условиях интернетовская «утка» может произвести на современные умы воздействие, сравнимое с материализацией Змея Горыныча.

Из всего этого спонтанно складывается «политика памяти», вполне устраивающая нынешнюю власть – прошлое становится выигрышным фоном для ее «спортивно-патерналистского» имиджа.

Между прочим, большевики только тем и занимались, что создавали новые – как социально-управленческие, так и духовные (в форме квазирелигии) – иерархии, без которых немыслимы ни статичные имперские системы[61], ни государственно-инновационные прорывы. Напротив, современные соци-

61. В последнее время наметилась тенденция к идеализации империи, противопоставлению ее деспотии в качестве источника правового начала (см.: Кантор В. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008). К Российской империи, которая всегда воспринималась именно как деспотия, это вряд ли применимо.

ально-бюрократические иерархии зависают в «плоском» духовно-информационном пространстве, что позволяет усомниться в их жизнеспособности.

Разумеется, самодеятельные экзерсисы, превращающие историю в бессмысленную чехарду «хороших» и «плохих» правителей, «гениев» и «злодеев» – рискованное занятие. Если верить социологам, число российских граждан, позитивно оценивающих Октябрьскую революцию и даже Ленина, за десятилетие (1997–2007) выросло, причем преимущественно за счет молодого поколения[62]. «Дурная» российская историческая память вновь вступает в бой со столь дурными же идеологами и политиками.

* * *

В свое время М. Хальбвакс заметил, что память – всегда частичное и избирательное воссоздание прошлого – рождает *современное* общество. При этом индивидуальная память – это точка зрения на коллективную память, которая меняется от того неустойчивого места, которое занимает в ней индивид[63]. Нынешнего россиянина лихорадит: современная *индивидуальная* память о прошлом – продукт болезненной социально-исторической среды. Она неспособна создать *современное* общество. В эпоху новой социальной смуты система взглядов на прошлую смуту несет на себе печать общественной глупости, которая вылезает наружу без малейшего намека на смущение.

Возможно, чтобы понять революцию, надо пережить нечто подобное – хотя бы мысленно. В 1919 г., когда террористическая природа большевизма стала очевидна, аргументов для ее осуждения не нашел респектабельный историк Французской революции А. Олар – в них он обнаружил слишком много общего с тем, что пришлось пережить его родине[64]. Конечно, в деталях Олар мог заблуждаться. Но он нашел в себе мужество признать, что по большому счету большевистская Россия ничем *не удивила* в *его время* память человечества.

В отличие от Франции, в России все еще боятся собственной истории. Понятно, что из ямы очередного кризиса трудно восхищаться кризисом предыдущим. Кроме того, в историческую память россиян вмешался фактор непредсказуемости: историки не осознают, что работают в кардинально *изменившемся культурном пространстве*. «Вещность» и «телесность» современ-

62. Новое время. 2007. – № 39. – 5 ноября.

63. Halbwachs M. La memoire collective. Paris, 1970. – P. 83.

64. Выступая в марте 1919 г. на заседании Лиги прав человека он заявил, что Французская революция также была осуществлена руками меньшинства, вся Европа также считала революционеров бандитами. Как якобинский, так и большевистский террор, по его мнению, был в значительной степени спровоцирован интервенцией извне (см.: Фюре Ф. Указ. соч. – С. 88).

ности заставляет их торопливо скользить на поверхности истории, не замечая ее глубины. Однако легкомыслие, как и легковерие – не оправдание. Вся советская и современная история – это своеобразная «месть Клио» за игнорирование ее простых и ясных намеков и уроков.

В наше время «стрела времени», этот продукт Просвещения, надломлена, вся гуттенберговская эпоха становится жертвой современной медийной разнузданности. Глобализация превращает мир в «большую деревню», живущую по законам вневременного «общинного» (как и в 1917 г.) сознания. Постмодерн бесплоден. «Плоское», лишенное нравственной основы информационное пространство, приспособленное к интернет-эгоцентрику с разжиревшими мозгами, не позволяет направлять людскую энергетику в креативное русло истории.

У коллективной памяти, как бы скептически к ней ни относиться и есть одна исторически простительная задача – помочь человеку преодолеть страх перед будущим. Наркотик исторической памяти помогает «усталым» обществам беспечно угасать. Но что может случиться, если подобной беззаботностью проникнутся граждане страны, находящейся на перепутье?

В.А. Дубовцев

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ: ИТОГИ ДЕСЯТИ ЛЕТ ДИСКУССИЙ

Дубовцев Валерий Аркадьевич – кандидат политических наук, заместитель министра Мингосимущества Правительства Свердловской области.

Поворот политической публицистики и аналитики к проблеме национальных интересов России отнюдь не случаен. Тому есть и объективные, и субъективные причины.

К объективным причинам относится провал стремления России ранних 1990-х годов войти в сообщество развитых стран «на равных». Несмотря на членство в «восьмерке» (которое уже регулярно ставится под сомнение западными политиками) Россия так и не стала «своей» в этом элитном «клубе». Экономическое «процветание», обусловленное выгодной конъюнктурой, энергетическое могущество также требуют осознания стратегических национальных целей и интересов. Наконец, военные акции США и НАТО на Балканах и в Ираке, совершенные без согласия России, ряд «цветных революций», нескрываемая поддержка их западными державами, политика которых воспринимается в России как однозначно антироссийская, полностью развеивают надежды на всеобщую приверженность «общечеловеческим ценностям» и идеалам «нового мышления».

Субъективные факторы, такие как антизападничество, разочарование большинства в либеральных ценностях, сами в большой мере являются естественной реакцией на вышеупомянутые объективные. Кроме них следует указать на новый поворот общественного сознания к великодержавию, имперскости, ностальгии по величию СССР.

Итак, на повестку дня встает вполне политреалистская идея: каждая страна в этом жестком мире заботится и должна заботиться прежде всего о себе.

Любопытно, что распространенное в массах и правящих элитах антизападничество (среди последних, скорее, демонстративное) ведет не к формуле «их политика плоха, мы будем делать другую политику», а, скорее, к формуле «их политика плоха, заботятся они только о себе, и мы также будем заботиться только о себе». Так или иначе, многие авторы за идеологией глобализации видят достаточно отчетливо упорное следование правительствами развитых западных стран именно собственных национальных интересов[1].

П. Кандель справедливо указывает, что в России изначально весьма прагматическое понятие национальных интересов приобрело выраженную идеалистическую и идеологическую направленность. «Понятие, обычно предназначенное для ориентации страны во внешнем мире, в российском случае стало орудием жесткой внутриполитической поляризации»[2].

Рассмотрим теперь важнейшую проблему различения/неразличения национальных и государственных интересов. Здесь позиции оказываются достаточно предсказуемыми. Либералы-западники обычно резко отделяют государство от общества, никогда не отождествляют всю страну с государством, соответственно разделяют национальные и государственные интересы. Напротив, идеологи державно-патриотического фланга стремятся обосновать тождество государственного и национального. Б.В. Межуев назвал государственническую интерпретацию национального интереса «национал-консервативной», а утверждающую приоритет интересов нарождающегося в России гражданского общества – «национал-либеральной»[3].

Национал-консервативную позицию отождествления государственных и национальных интересов представляет Н. Слонов: «Государство и нация – это не два социальных субъекта, а один. Современное государство не существует без нации, нет и современной нации без государства. Современное государство есть лишь организационное оформление бытия нации. Современная нация – социальная общность, в основании которой лежит принадлежность к единому государству. Нация и государство являются парными категориями, относящимися друг к другу как содержание и форма. Есть один социальный субъект – государство-нация, в зависимости от того, какой аспект, внутренний или внешний, мы хотим подчеркнуть. Противопоставлять государственные и национальные интересы в нормальной ситуации можно

1. Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // Полис. – М., 2000. – № 1. – С. 15.

2. Кандель П.Е. Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы // Pro et Contra. – М., 2001. – Т. 6, № 4. – С. 11.

3. Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли // Полис. – М., 1997. – № 1.

лишь в пределах, в которых содержательные моменты могут быть противоположны формальным. Во всех других отношениях – это игра слов»[4].

В.Б. Пастухов не против соединения государственных и национальных интересов, но относит такую возможность к будущему. По его мнению, ни современное государство, ни современная нация в России еще не сформировались[5].

М.Г. Делягин указывает в качестве образцового на принятый в США способ эффективного соединения государственных интересов и интересов крупного бизнеса. «США при помощи аналитического сообщества с самого начала вырабатывают систему национальных интересов как целое, объединяющее интересы бизнеса и государства. Это смягчает противоречия и повышает осознанность развития, а с ним и конкурентоспособность общества»[6]. Итак, Делягин считает, что если не общенациональные интересы, то интересы крупного бизнеса вполне могут и даже должны органично соединяться с государственными; поэтому «широкомасштабное гибкое применение» американского опыта в России категорически необходимо для ее модернизации.

При этом Пастухов предостерегает против жульничества, когда слова «национальное» и «государственное» используются для прикрытия вполне корыстных корпоративных и клановых интересов. «Так *игра слов* превращается в *игру в слова*. Мы говорим “государственное”, подразумеваем – “бюрократическое”, говорим “национальное” – подразумеваем “общественное”. Нам кажется, что бюрократические и государственные, национальные и общественные интересы – это близнецы-братья»[7].

П. Кандель объясняет отечественную привычку отождествлять национальные и государственные интересы следующим образом: «…В качестве национальных интересов выступают интересы государственные, которые иногда сводятся к потребностям группировки, контролирующей вершину исполнительной власти»[8]. С.С. Митрохин придает весьма высокий статус национальным интересам, считая, что они «несравненно глубже и значительнее, чем любая национальная стратегия»[9].

---

4. Слонов Н. Четвертый полюс идеологического поля // Стратегия России. – М., 2005, 10.

5. Пастухов В.Б. Национальный и государственный интересы России: Игра слов или игра в слова? // Полис. – 2000. – № 1. – С. 92.

6. Делягин М.Г. Россия после Путина. М., «Вече», 2005. – 413 с.

7. Пастухов В.Б. Указ. соч. – С. 93.

8. Кандель П.Е. Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы // Pro et Contra. – Т. 6, № 4. – С. 16.

9. Митрохин С.С. Потенциал национальных интересов // Полис. – 2000. – № 1. – С. 57–58.

При всем этом многие авторы отмечают, что высокий ценностный статус национальных интересов вполне может служить и уже реально служит демагогическим прикрытием для совсем других интересов. Про такую опасность маскирования реальных клановых и государственно-бюрократических интересов национальными и общественными четко пишет В.В. Лапкин: «“Национальный интерес” как понятие вновь будет превращен в простой инструмент государственной политики, подчиняющей общество интересам государства; а вместе с тем – имитирующий современный характер и общества, и государства в целях создания более благоприятного имиджа России на внешнеполитической сцене»[10].

Так одно и то же национальные и государственные интересы или нет? В данном случае вполне актуальными являются слова отечественного классика политической мысли В.И. Ленина: истина конкретна. Все зависит от того насколько само государство, прежде всего в лице правящих элит, реально озабочено общенациональными интересами или более узкими административно-государственными (в предельном случае – клановыми). Иными словами, уровень общенациональной ответственности элит является переменной. Только на одном из полюсов этой шкалы (позитивным) можно утверждать, что национальные интересы совпадают с государственными. В общем же случае их необходимо различать. Более того, нужно также отличать государственные интересы от интересов правящей группы, которая опять же редко бывает однородной. Все это ведет к необходимости более детального рассмотрения проблемы интересов в отношении к государству и власти.

Пастухов проводит различие между интересами государственной бюрократии и интересами общества в России следующим образом. «Так называемый государственный интерес сводится по преимуществу к тому, чтобы в процессе изменений постоянно сохранять “преемственность курса”, т.е. оставлять для государственной бюрократии возможность держать руку на общественном пульсе»[11].

Ю.Е. Федоров считает, что интересы правящих групп состоят не только в удержании контроля над ресурсами и изменениями, но также в определенной степени внешней изоляции[12].

Нет сомнений в стремлении современной российской бюрократии сохранить контроль над социальной жизнью (по крайней мере над всем, что так или иначе связано с финансовыми, силовыми, административными и матери-

10. Лапкин В.В. Изменение ценностных ориентаций россиян // Полис. – 2000. – № 1. С. 84–85.

11. Пастухов В.Б. Указ. соч. – С. 93–94.

12. Федоров. Ю.Е. Критический вызов для России //Pro et Contra. – 1999. – Т. 4, № 4. – С. 24.

альными ресурсами). Отнюдь не исключено, что для такого контроля более удобна значительная степень отчуждения от внешнего мира, особенно Запада, что позволяет обвинять любые протестные группы в предательстве. Что касается общества, то здесь складывается впечатление, что Пастухов выдает желаемое за действительное, точнее, отождествляет свое (вполне здравое) понимание важного и нужного для России с интересами общества, которые обычно выявляются посредством социологических опросов. Данные наиболее респектабельного, явно не ангажированного властью Левада-Центра, в частности, известный проект «Советский простой человек» вносят существенные коррективы[13]. Никакого ускорения социальных преобразований люди не хотят, в большинстве они хотят стабильности, восстановления великой державы, возврата к определенным реалиям идеализированной советской жизни, что во многом объясняет также беспрецедентно высокий и устойчивый рейтинг В.В. Путина.

Можно ли считать эти выявляемые социологическими опросами умонастроения больших масс населения действительными национальными интересами? Многие считают, что последние еще не сложились, более того, даже не могут сложиться при существующей социально-политической системе. Так, И.Г. Яковенко пишет: «Концепция национальных интересов предполагает сложившуюся традицию обсуждения на довольно высоком уровне, а также вовлеченность в эту дискуссию социально активных слоев общества. Сегодня ни одного из перечисленных признаков зрелой концепции национальных интересов в России нет»[14]. Схожей точки зрения придерживается И.А. Климов: «Если отождествлять столь глобальную категорию как “национальные интересы” с интересами всего общества, то о применении этого понятия к России можно будет говорить только в тот момент, когда начнут работать – и без контроля сверху – механизмы согласования интересов и позиций отдельных групп»[15].

Допустим, действительные национальные интересы в России еще не сложились. Какой же тогда статус (а также роль, происхождение) имеют массовые представления людей о желаемом будущем для своей страны? Г.И. Мусихин проводит следующую интересную и нетривиальную мысль: «По сути дела национальный интерес превращается в инструмент господства исполнительной властной вертикали, которая не позволяет артикулировать, агрегировать и провести многие интересы гражданского общества через систему государственных институтов. В таком случае национальная идея высту-

13. Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005 гг. М., 2006.

14. Яковенко И.Г. Динамика интересов // Полис. – 2000, № 1. – С. 60.

15. Климов И.А. Национальные интересы – мобилизация ресурса инициативы и ресурса солидарности // Полис. – 2000, № 1. – С. 75.

пает как механизм манипуляции массовым сознанием, препятствующий формированию реального общенационального интереса»[16].

Итак, фиксируемые социологическими опросами массовые установки имеют статус не действительных национальных интересов, а квазиинтересов, своего рода симулякров, продуктов целенаправленной манипуляции со стороны «властной вертикали».

Не меньшим симулякром является и так называемый «интерес военно-промышленного комплекса». «Если бы таковой действительно наличествовал, мыслимы ли были бы почти ежегодные реорганизации компаний по экспорту вооружений, их нелояльная конкуренция друг с другом на внешних рынках, отсутствие координации и распыление сил в отечественном авиастроении? Следовательно, неоформленность и неконсолидированность внутренних экономических и социальных интересов препятствует их упорядоченной экстраполяции вовне»[17]. Даже про государственный интерес можно сказать примерно то же самое, поскольку, как хорошо известно, разные государственные органы (МИД, Генштаб, Совет безопасности, Правительство, Администрация Президента, Генпрокуратура, ФСБ и др.) нередко «тянут в разные стороны». Проверку на прочность, видимо, проходят только прагматические интересы правящей группировки.

Чтобы разобраться в сложном узле противоречивых воззрений на национальные интересы нам понадобится более или менее простая общая схема. И. Яковенко дает следующее понимание общей логики формирования национальных интересов. «Сложившаяся концепция интересов – элемент довольно устойчивой системы представлений о направлении и перспективах развития, целях и смысле существования человека, месте данного общества в универсуме. Понимание национальной перспективы опирается на осознание своего цивилизационного, геополитического, экономического статуса. Из этого мировоззренческого блока вырастает конкретика политических ориентиров и целеполагания: складывается парадигма национальных перспектив, задач и интересов, формируются представления о том, кто партнеры и союзники, а кто – конкуренты и потенциальные или актуальные противники»[18].

Несколько видоизменив эту схему, получаем следующий принцип. При определении национальных интересов необходимым являются: а) определение постоянных, долговременных интересов, общих перспектив развития страны; б) осознание собственного положения, основных внешних и внутренних угроз, препятствий развития; в) выражение конкретной системы

16. Мусихин Г.И. Деформация механизма формирования национального интереса // Полис. – 2000, № 1. – С. 78.

17. Кандель П.Е. Указ. соч. – С. 17–18.

18. Яковенко И.Г. Указ. соч. – С. 60.

интересов в приоритетах, целях, задачах, представлениях о союзниках и противниках, которые соответствовали бы продвижению к целям (а) в условиях (б).

Весьма прозрачны взгляды полярных идеологий на общие цели и перспективы национального развития: либерально-западнической и державно-патриотической. Для первых Россия – неотъемлемая часть Европы, она должна прекратить досадные «отпадения» от Европы, «возвратиться в Европу»[19] и т.д. Для вторых, Россия самостоятельная неевропейская (евразийская, русская, православная) цивилизация[20], и если даже европейская, то все равно особая (византийская), соответственно, она должна идти своим путем, отличным от западного (зачастую, проповедуется антизападный путь).

Наряду с этими понятными, весьма односторонними взглядами есть более интересные, претендующие на комплексность и синтез. Так, даже в духовно-религиозном дискурсе российское православное христианство может не противопоставляться европейскому «нигилизму и безверию», но получать роль «спасения» европейских христианских ценностей и даже исконной европейской цивилизации. Так, М.В. Демурин пишет: «Допусти мы разрушение или размывание нашей национально-государственной самобытности (или как сейчас говорят, идентичности), кто станет субъектом осуществления Божьего промысла о России?»[21]

По-видимому, во вполне вменяемой статье на страницах уважаемого политологического журнала слова о «Божьем промысле» появляются неслучайно. В.Б. Пастухов считает, что тяга русского сознания к абстрактным надмирным идеям имеет свои глубокие основания. «Происходит раздвоение национального сознания, связанное с наличием в нем двух основополагающих, но несовместимых идей (целей)… Устремленность русских в будущее, к абстрактным, отвлеченным целям, потустороннему миру абсолютных ценностей проистекает из их стремления убежать от необходимости решать неразрешимую задачу совмещения исключающих друг друга целей в повседневной, практической, посюсторонней и относительной жизни. Если бы “русская душа” не искала убежища от действительности в отвлеченной идее, то русская идеология пошла бы “вразнос” – как аварийный двигатель. Только в та-

19. Янов А.Л. Идейная война. Эпигоны, либералы, Россия и Европа // Свободная мысль – XXI. – М., 2005. – № 3. – С. 55–58.

20. «Концептуальным основанием для “четвертого полюса”, для “концерта” патриотических идеологий и поиска пути “в новую Россию” может быть представление о России как об особой, самостоятельной цивилизации, как о стране-цивилизации» (Слонов Н. Четвертый полюс идеологического поля // Стратегия России. – 2005, № 10. – С. 85).

21. Демурин М.В. Что для меня значит европейский выбор России? // Политический класс. – М., 2005. – № 12. – С. 64.

кой экзотической форме русская идеология обретает реальную возможность развития»[22].

Поскольку суждения о «Божьем промысле» находятся вне пространства рационально-научного дискурса, ссылки на него в научном журнале носят идеологический характер, выражая не только духовную самоидентификацию автора, но и намеренный уход от необходимости представить теоретическое или эмпирическое основание своих взглядов.

Что касается самой структуры аргумента М.В. Демурина, то она может быть выражена примерно так: Европа идет по неверному пути, но пойдем по своему – верному и спасем тем самым все лучшее, что было в Европе. Мысль отнюдь не новая. Вспомним концепцию «Москва – Третий Рим» или хрестоматийный ответ Пушкина Чаадаеву с указанием на роль России в спасении Европы от монгольских орд. Теперь, согласно Демурину, миссия и высший интерес России должны состоять в спасении европейских христианских ценностей, которых испорченная Европа уже недостойна.

Можно указать и на следующую возможность реализации той же логической структуры, которая витает в воздухе, но до сих пор так и не была четко артикулирована. США, вне всякого сомнения, нарушили нормы международного права и закрепившийся после учреждения ООН порядок решения острых международных споров, когда стали бомбить Югославию и вторглись в Ирак. При том, что Франция и Германия протестовали против иракской кампании (достаточно вяло), практически вся Европа оппортунистически поддерживала натовские бомбежки сербов. Вот в этих ситуациях Россия и должна была отстаивать именно международное право, одновременно отмежевываясь от западной агрессивной политики и спасая нормы и ценности международного сотрудничества, источником которых в свое время был преимущественно тот же Запад. Этот шанс не был реализован, но история не кончилась, и он может снова появиться.

Отсутствие зрелых реальных национальных интересов в России не означает невозможности попыток их формулировать. Что же предлагают современные политические аналитики и публицисты?

Развитие демократии в России теперь рассматривается уже не как близкая политическая, а как достаточно отдаленная и в большой мере культурная задача. В.Б. Пастухов считает, что «единственно возможный путь к индивидуальной свободе лежит через преодоление этой пресловутой культурной самобытности России. Мужество реального консерватизма состоит именно в

22. Пастухов В.Б. Конец русской идеологии. Новый курс или новый путь? // Полис. – 2001, № 1. – С. 54.

признании необходимости *культурной революции* как условия спасения России»[23].

О необходимости модернизации и перехода к интенсивной стратегии пишет Игорь Яковенко. «Первая из этих задач вполне очевидна, вторая возбуждает споры – как относительно содержания изменений, так и способов их реализации. Речь идет о необходимости перейти от экстенсивной к *интенсивной стратегии* исторического развития России (похоже, что неспособность преодолеть этот рубеж и привела к краху социализма)»[24].

Содержание задач демократизации и модернизации только на первый взгляд кажется очевидным и общеизвестным. Дискурс о демократии чрезвычайно идеологически нагружен, кроме того, в глазах не только основной массы населения России, но и правящих элит сама ценность демократии существенно дискредитирована. В отношении модернизации, казалось бы, наблюдается более широкий консенсус, но что именно считать модернизацией в социально-политическом и социально-экономическом смысле, на самом деле далеко не ясно. Весьма четкую и вразумительную современную трактовку требований к современному («модерному») государству дает В.Л. Иноземцев. «Если принять, что “естественным желанием” человека выступают повышение своей защищенности и рост материального благосостояния, то оказывается, что успешность государства правильнее всего определять по тому, насколько хорошо оно обеспечивает безопасность граждан и насколько достойную и богатую жизнь оно им гарантирует. Между тем подобная задача выглядит вполне «экономической»: необходимо при ограниченных ресурсах обеспечить такое их распределение, которое позволило бы противостоять внешним опасностям, гарантировать минимальный нормальный уровень жизни и максимально раскрепостить те возможности народа, которые позволят устойчиво повышать его благосостояние в дальнейшем. Эта задача имеет свое вполне определенное название – задача «эффективности»»[25].

Я.А. Пляйс критически проанализировал освещение национально-государственных интересов в нескольких президентских посланиях и в двух вариантах «Концепции национальной безопасности Российской Федерации»[26] и выдвинул свой вариант постоянных (долгосрочных), среднесрочных и краткосрочных национальных и государственных интересов[27].

---

23. Пастухов В.Б. Конец русской идеологии. – С. 62.

24. Яковенко И.Г. Указ. соч. – С. 62.

25. Иноземцев В.Л. Власть как бизнес // Политический класс. – 2005, № 12. – С. 49.

26. Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 52. «Российская газета», 18.01.2000.

27. Пляйс Я.А. Некоторые общие размышления об интересах нашей страны // Полис. – 2000, №1. – С. 65.

Отметим, что весьма различные по идейным истокам подходы Иноземцева и Пляйса оказываются вполне совместимыми. Защита территории и населения от внешних посягательств есть в обеих формулировках и, вообще говоря, воспроизводит классические политреалистские концепции (Розенау и даже ранее). Обеспечение «достойной и богатой жизни гражданам» (Иноземцев) предполагает «развитие экономики, науки, культуры, образования, т.е. всего того, что обеспечивает социальный прогресс» (Пляйс). Если же речь вести не только о ныне живущих, но и о будущих поколениях (о чем Иноземцев прямо не говорит), то необходимым становится «рациональное, бережное использование и развитие потенциала страны, включая ее природные и человеческие ресурсы» (Пляйс).

При этом заметим, что формулировка Иноземцева имеет преимущественно либеральный характер (главная ориентация – на интересы граждан), тогда как Пляйс дает более размытую трактовку обязанностей государства, которая вполне может получить дирижистский крен. Действительно, если государство обязано «рационально использовать» потенциал страны, то оно должно иметь и полномочия контролировать этот потенциал. Отсюда остается только шаг до утверждения необходимости огосударствления всех наиболее значимых ресурсов и функций.

С этой точки зрения, более «бедная» формулировка В.Л. Иноземцева является более предпочтительной. В ней индивидуалистический либерализм может предполагаться, но отнюдь не обязателен. На самом деле пути, способы, институты, с помощью которых государство позволяет людям вести достойную и богатую жизнь, реализовывать свои возможности, не предопределены однозначно. Они и должны стать предметом широкой общественной дискуссии и конкуренции политических программ.

Я.А. Пляйс приводит также свою формулировку среднесрочных интересов. «К такого рода интересам относятся, к примеру, индустриализация или решение другой крупномасштабной задачи подобного рода (в современной России – это возрождение промышленности, сельского хозяйства, сохранение и эволюция науки, образования, культуры и пр.)»[28].

Возразить здесь по существу нечего, но это и подозрительно. Вместо России здесь можно подставить любую другую постсоциалистическую страну, и ее среднесрочные интересы по Пляйсу будут примерно такими же. Категория национальных интересов характеризуется именно спецификой задач и потребностей каждой страны. Кроме того, в содержании среднесрочных интересов должны учитываться в гораздо большей степени, чем в случае долгосрочных (постоянных) интересов, особенности конкретного исторического времени. Действительно, развитие промышленности, сельского хозяйства,

28. Пляйс Я.А. Указ. соч. – С. 66.

науки, образования и культуры были и остаются актуальными для России еще с XVIII в. В чем же специфика российской ситуации и российских интересов начала XXI в.?

В последнее десятилетие в России резко активизировался проимперский дискурс. Так, один известных проповедников имперства А. Дугин пишет: «Русские готовы идти на немыслимые жертвы и лишения, лишь бы реализовывалась и развивалась национальная идея, великая русская мечта. А границы этой мечты нация видит, по меньшей мере, в Империи»[29].

А.Г. Арбатов весьма критически относится к ходовым обоснованиям прежних и постсоветских имперских амбиций: «Это в основе своей идея власти России над другими славянскими и неславянскими этносами, в той или иной мере входившими в "естественные" границы поздней Российской империи и Советского Союза, а также ее политического доминирования над "внешней оболочкой" этого ядра – непосредственно прилегающими зонами Восточной и Центральной Европы, Малой и Южной Азии, Монголии и Дальнего Востока. Ключевой момент в том, что прямое правление и геополитическое доминирование не обосновываются привлекательностью примера экономического процветания или политической свободы российского народа. Они скорее объясняются метафизическими достоинствами – русским духовным превосходством и универсальностью, которые должны априори приниматься как дар Божий всеми народами, оказавшимися в этих владениях»[30].

Далее А.Г. Арбатов дает глубокое и нелицеприятное историко-социологическое объяснение так называемого российского имперства и так называемой русской идеи: «Такое психологическое оправдание трудностей, порожденных централизованной милитаризованной экономикой и неэффективной бюрократией, требовалось более всего для того, чтобы примирить в сознании русских людей их страдания и вечные лишения с огромными пространствами, колоссальными природными ресурсами страны и талантами ее великого народа»[31].

В.Л. Иноземцев еще более жестко отвергает имперские амбиции и приводит следующие аргументы. «В ближайшие 10–15 лет несостоятельность претензий Российской Федерации на возрождение геополитических позиций, которые занимал Советский Союз, станет очевидной. Во-первых, влияние СССР обеспечивалось коммунистической идеологией, распространенной повсюду в мире; нынешний же российский режим не имеет идеологии, разде-

29. Дугин А.Г. Россия немыслима без империи // Внешняя политика и безопасность современной России. М., МОНФ, 1999. – С. 96–116.

30. Арбатов А.Г. Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1998. – № 5. – С. 8–9.

31. Там же. – С. 16–17.

ляемой даже его адептами. Во-вторых, у Советского Союза были союзники в различных регионах мира, каковых нет у России. В-третьих, военная мощь СССР была несоизмерима с российской и применялась для достижения целей, потерявших смысл в настоящее время. В начале XXI в. Россия связана с миром преимущественно экономически, а не военно-политически, и смешивать одно с другим – самая большая из возможных ошибок»[32].

Л. Шевцова указывает, что по опросам «Левада-Центра» 63% населения «хотели бы жить не в империи, не в великой сверхдержаве, а в нормальной стране, которая необязательно должна быть одной из великих держав, и только от 24 до 30% хотят жить в империи. То есть Россия на уровне населения в значительной степени перестала себя ощущать империей»[33].

Если не империя, то каково содержание специфических среднесрочных интересов России в начале XXI века?

Возьмем за отправную точку фундаментальные критерии эффективности государственного управления по В.Л. Иноземцеву: обеспечение безопасности гражданам и создание условий для роста их благосостояния. Принципиальным источником среднесрочных задач в таком случае будет ответ на следующие вопросы: какие факторы в России начала XXI в. в наибольшей степени представляют опасности и препятствия для достижения этих важнейших долгосрочных целей? Какие возможности, какой потенциал имеется на протяжении ближайших десятилетий для преодоления этих опасностей и препятствий?

Ответы на оба вопроса требуют больших развернутых исследовательских программ, должны служить основой для широких экспертных, политических и публичных дискуссий. Здесь мы можем выделить только наиболее очевидные обстоятельства,

Внешнеполитические опасности касаются, прежде всего, азиатской части России в связи с общей тенденцией депопуляции, ускоренным вымыванием населения из регионов Дальнего Востока и Сибири при мощном демографическом, экономическом и военно-политическом росте Китая, при нерешенности вопроса о Курильских островах и отсутствии мирного договора с Японией. Ухудшение отношений со многими странами ближнего зарубежья (Грузией, Украиной, Эстонией, Белоруссией, Молдавией), хоть и не создает прямых военных опасностей, но крайне неблагоприятно сказывается как на внешнеполитическом положении, так и на внутренней политике России.

Соответственно, среднесрочные интересы России состоят в скорейшем и эффективном оборачивании вспять неблагоприятных демографических тен-

32. Иноземцев В.Л. Россия в 2020: Что будет? // Введение в будущее. Мир в 2020 году. – М., 2006.

33. Шевцова Л. Кризис системы неизбежен. Интервью. // Polit.ru

денций в азиатской части страны. Вероятно, это может быть достигнуто только комплексными мерами: новой политикой привлечения иммигрантов-соотечественников из-за рубежа, крупными бизнес-проектами по подъему транспортных и коммуникационных сетей, жилищного строительства, промышленности, газификации и электрификации регионов Сибири и Дальнего Востока, более разумной, рассчитанной на перспективу политикой ассимиляции этнических китайцев, корейцев, вьетнамцев, желающих остаться в России, и т.д.

В состав среднесрочных интересов входит также важнейшая задача восстановления благоприятных отношений со странами ближнего зарубежья, восстановления авторитета и влияния России на постсоветском пространстве. Недавние конфликты с Украиной, Грузией, Молдавией, Белоруссией, Эстонией показали, что ни манипулирование нефтегазовыми кранами, ни грозные заявления, ни свертывание торговли и обрыв транспортных путей, ни, тем более, уничижительный тон и издевательства по поводу слабости и несамостоятельности «противников» никак не способствуют, скорее вредят выполнению обозначенного среднесрочного интереса России. Наиболее контрпродуктивной и опасной представляется четко обозначившаяся тенденция: Кремль поддерживает «лояльных» к России (обычно ненадолго и только на словах) авторитарных лидеров и авторитарные режимы в соседних странах, тогда как Запад, как правило (ели это не расходится с его внешнеполитическими амбициями), поддерживает там более демократическую оппозицию. С учетом совокупной экономической, политической и военной мощи Запада (вместе с сателлитами) при все еще экономически слабой России, с учетом общемирового тренда (пусть и с зигзагами) к современной демократической, хотя бы декоративно-демократической, государственности такой путь к восстановлению позиций России на постсоветском пространстве представляется совершенно бесперспективным. Нужна принципиально иная стратегия – какая?

Прежде всего следует разделить интересы Объединенной Европы и США на постсоветском пространстве. США в большей мере заинтересованы в доступе к стратегическим ресурсам, в геополитическом закреплении на новых рубежах, в препятствовании восстановления политического влияния России на постсоветском пространстве, что воспринимается американцами (не без основания) как имперский реваншизм, причем – и это главное – реваншизм, противоречащий их собственным геостратегическим интересам. «Экспорт демократии» в постсоветскую республику нередко для США служит прикрытием установления в ней проамериканской политики (пусть и с весьма авторитарным режимом). Как видим, здесь интересы России и США почти противоположны, речь может идти только о минимизации ущерба их отношениям вследствие имеющихся противоречий.

Европа не столь напориста в борьбе за мировое лидерство, больше обеспокоена растущей иммиграцией, спокойствием в Евразии, цивилизованным, мирным и действительно демократическим развитием в странах постсоветского пространства (включая Россию). Здесь найти соприкосновение интересов гораздо легче. Не противопоставляя себя Объединенной Европе, а, напротив, вместе с ней Россия могла бы способствовать экономической, социально-политической и культурной модернизации стран Ближнего Зарубежья, а в перспективе и всей Азии. Вот как о такой масштабной внешнеполитической стратегии пишет новосибирский философ Н.С. Розов: «Главный и наиболее перспективный альянс для России практически по всем направлением – это союз с Европой, объективно конкурирующей с США в мире, но лучшие шансы имеющей именно в Северной и Центральной Азии. Российская территория при таком взгляде становится главным плацдармом для европейско-российской цивилизаторской роли. Очевидно, что сам плацдарм должен получить более высокое развитие (плотность дорог и коммуникаций, производственные цепочки, сеть научно-технологических центров, налаженные рыночные и финансовые институты) для последующей экспансии вовне. Урал, Сибирь и Дальний Восток должны стать первым центром внимания для цивилизаторской европейско-российской активности»[34].

Рассмотрим теперь среднесрочные интересы России с точки зрения необходимости преодоления современных внутренних угроз.

В социально-экономической сфере неблагоприятными факторами являются ограниченность возможностей экспорта нефти, тенденции к деиндустриализации, изношенность основных производственных мощностей, межотраслевые дисбалансы, деградация социального и человеческого капитала.

В этом контексте социально-экономическое содержание среднесрочных национальных интересов уточняется следующим образом. В течение ближайших десятилетий необходимо резко изменить одностороннюю экспортно-сырьевую направленность российской экономики, воспользоваться накопленными финансовыми ресурсами для массированного восстановления и развития промышленной инфраструктуры (дороги, порты, внутренние терминалы, линии связи, энергетика), но посредством незатратных и малоэффективных государственных программ, а институциональной поддержки соответствующего конкурентного бизнеса.

В политической сфере совмещение роста иммиграции из Кавказа, Средней, Центральной и Юго-Восточной Азии с вероятным ростом социального напряжения вследствие увеличивающегося разрыва в доходах чревато взрывами ксенофобии, усиления шовинистических и фашистских движений.

34. Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: Возможно ли выздоровление? // Полис. – 2006. – № 2.

Очевидный среднесрочный интерес: каким-то образом устранить условия роста этих опаснейших тенденций. Ситуацию могли бы исправить:

а) активизация гражданской самоорганизации, рост массового опыта «наведения порядка» не «сильной рукой», а работой гражданских институтов;

б) просветительская и пропагандистская работа по повышению толерантности к иммигрантам;

в) социально-экономическая политика, направленная на рост качества жизни основной массы населения и соответствующее снижение социальной напряженности;

г) упорядочение, легализация контролируемой иммиграции, эффективная социализация и аккультурация приезжих.

Сопоставление этих достаточно очевидных императивов с реальной политикой неутешительно.

Относительно национального интереса России в более широком контексте современной глобальной экономики В.Б. Пастухов пишет следующее: «*Общий интерес* России состоит в том, чтобы вписаться в новое мировое разделение труда в качестве не донора, а спонсора (с учетом того различия, что последний добровольно отдает излишки, а у донора зачастую отбирают необходимое, не спрашивая)»[35].

Л. Шевцова общим контекстом международных интересов России считает общий глобальный тренд расширения пространства западно-ориентированных демократий. «Прибалтика, Украина, Белоруссия, Молдова через десять лет будут жить в другом мире, – это неизбежно, так развивается история. А нам придется выбирать между этим миром и озлобленным миром, который будет находиться в какой-то сырьевой подсистеме. Мы вряд ли захотим быть там»[36].

Как видим, спектр взглядов на внешнеполитические интересы России достаточно широк, даже включает взаимоисключающие позиции. Совершенно очевидно, что определение среднесрочных внешнеполитических интересов России напрямую зависит от общего образа складывающегося мира, будет ли он иметь однополярную, многополярную и какую-то иную структуру.

Связка США–Канада–Объединенная Европа–Япония – это отнюдь не отдельные противоборствующие полюса, но единый плотный конгломерат с доминированием США и НАТО. Рост могущества и влияния Китая, в меньшей степени – Индии, России, Бразилии, арабо-исламского мира не позволяет говорить о равенстве полюсов, но явно усложняет картину. Теперь вышеуказанному конгломерату противостоит не единый блок «второго мира», как во времена «холодной войны», не слабая колониальная или полуколониальная

35. Пастухов В.Б. Национальный и государственный интересы России… – С. 93.

36. Шевцова Л. Кризис системы неизбежен. Интервью // Polit.ru

периферия традиционных обществ, как при глобальном доминировании Европы в XIX в., а сложная, разнородная и весьма динамичная конфигурация с открытыми возможностями альянсов (например, Индия–Россия, Китай–Россия, Китай–Пакистан, Китай–Иран и т.д.).

С учетом этого сложного и неоднозначного образа, что можно сказать о национальных интересах современной России на международной арене? Как уже говорилось в начале статьи, надежды на вхождение «демократической России» в цивилизованный (западный) мир никак не оправдались. В настоящее время в массовых настроениях и кремлевской политике доминирует реакция на этот отказ: антиамериканизм, имперская и великодержавная риторика, ностальгия по могуществу СССР и проч. Это, по-видимому, естественная реакция, что не означает ее рациональности, эффективности с точки зрения долговременных интересов России – укрепления ее международного статуса, авторитета и влияния.

Необходима радикальная смена глубинной схемы взаимодействия. Вместо «игры с нулевой суммой» – «перетягивания каната» (чем хуже для Америки и Запада, тем лучше для нас и наоборот) нужна принципиально иная модель. Требуется сосредоточение на весьма широком круге международных проблем, где интересы России, западных стран, возможно иных поднимающихся центров вполне совместимы или даже сходятся. С учетом того, что нынешний потенциал России не оставляет места для глобальных амбиций, речь должна идти, прежде всего, о Евразии, особенно, о поясе прилегающих к России территорий и государств (страны Ближнего Зарубежья, Корейский полуостров, северные провинции Китая, проблемные Афганистан, Пакистан и Иран, перманентно конфликтный Ближний Восток, Турция и Греция с их взаимными обидами и претензиями, незамиренные Балканы, весьма недружелюбные к России страны Центральной Европы и Прибалтики). Как западные страны, так и Россия, заинтересованы в мирном, стабильном и демократическом развитии всей этой широкой полосы (Лимитрофа), поскольку авторитарные режимы неустойчивы, чреваты кризисами при передаче власти, агрессией в отношении к мятежным провинциям и слабым соседям. Замирение, включение в цивилизованные международные процессы и структуры, демократизация внутренней политики, налаживание плотных экономических и культурных связей – во всех этих вопросах Россия могла бы успешно сотрудничать с Объединенной Европой.

Действительно, кооперация с США гораздо более проблематична, как по причине весьма эгоистических геополитических интересов этой сверхдержавы в Евразии, так и по причине накопления взаимных подозрений и отчужденности, значительной реанимации настроений «холодной войны». Сказанное не означает, однако, что осталась единственная возможность – возобновлять «холодную войну» и «игру с нулевой суммой». Даже в сложившейся

сложной ситуации можно и нужно находить более полезные для обеих сторон способы взаимодействия.

Подведем итоги.

1. Тема национальных интересов России вполне закономерно заместила прежние представления о «новом мышлении» и «общечеловеческих ценностях», однако до сих пор не достигнуто приемлемого согласия ни по сути этого понятия, ни тем более по содержанию национальных интересов.

2. Несмотря на отождествление некоторыми авторами национальных и государственных интересов, их в общем случае следует различать, признавая, что в определенных условиях возможно их сближение и отождествление.

3. При определении национальных интересов необходимым является: а) определение постоянных, долговременных интересов, общих перспектив развития страны; б) осознание собственного положения, основных внешних и внутренних угроз, препятствий развития; в) выражение конкретной системы интересов в приоритетах, целях, задачах, представлениях о союзниках и противниках, которые соответствовали бы продвижению к целям (а) в условиях (б).

4. Восстановление и расширение «империи», выполнение какой-либо надмирной «русской идеи» или «русской миссии», хоть и являются популярными элементами нынешнего политического дискурса, но не отвечают требованиям реалистичности и операциональности, поэтому должны трактоваться как риторические фигуры, а не как реальные интересы. К неоспоримым долговременным (постоянным) национальным интересам относится сохранение целостности страны и суверенности государства, ответственного за обеспечение условий достойной и богатой жизни граждан, тогда как пути достижения этих целей могут и должны быть предметом общественной полемики и конкуренции политических сил.

5. Если учесть основные внешние и внутренние угрозы, сравнительные преимущества и потенциал России в начале XXI в., то в состав главных среднесрочных интересов входят: а) слом и оборачивание вспять неблагоприятных демографических тенденций в азиатской части страны; б) нейтрализация условий роста усиления шовинистических и фашистских движений; в) восстановление дружественных отношений со странами ближнего зарубежья, восстановления авторитета и влияния России на постсоветском пространстве; г) уменьшение экспортно-сырьевого флюса российской экономики, использование накопленных финансовых ресурсов для массированного восстановления и развития промышленной инфраструктуры; д) сотрудничество с западными странами (прежде всего, Объединенной Европой) в целях экономической, социально-политической и культурной модернизации стран ближнего зарубежья, мирного, стабильного и демократического развития всей широкой полосы Лимитрофа, в перспективе – всей Евразии.

Ю.В. Ирхин

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ И ИДЕОЛОГЕМА «ПЛАН ПУТИНА»

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, академик Академии гуманитарных наук, профессор РАГС.

1. О национальной идее

Национальная идея представляет собой понятие, идеологему, отражающие в сознании людей реальные или мнимые устремления народа, его достижения и его особенности как нации, цивилизации[1]. Без Национальной идеи, по сути, нет Нации. Национальная же идея формулируется исходя из осознаваемой большинством Нации Общей Цели, в соответствии с исторически сложившимся менталитетом Нации и ее традиционными духовно-нравственными установками, иначе она просто не будет воспринята.

Понятие «национальная идея», относится к категориям, которые совмещают свойства и ценностей, и схем. Им вполне свойственна неопределенность ценностей, проявляющаяся в различных интерпретациях одного и того же ценностного концепта, а также способность переосмысления действительности, характерная для метафорических категорий.

Национальная идея выступает как своеобразный синтез соответствующих социально-политических и духовных ценностей (свободы, справедливости, равенства, истины, идеи нации и др.). Вместе с тем национальная идея – в известном смысле уникальная категория, поскольку практически все политические субъекты осознают неопределенность ее содержания.

Как и многие понятия современного политического языка, отражающие состояние общественного сознания, категория национальной идеи способна трансформироваться, обслуживая интересы различных политических субъек-

1. Национальная идея / Политическая энциклопедия в 2-х т. Т. 2 // Рук. Г.Ю. Семигин. М., 2000. – С. 31.

тов (политиков, политических партий, общественных движений и т.п.). Она включена (включается) в стандартные схемы восприятия проблемных ситуаций и принятия решений, реализующиеся, например, в метафорах «войны», «мира», «спорта», «театра» и т.д.

Национальная идея – это в первую очередь этическое и духовное поле, ткань, создающая сложную и многогранную мировоззренческую систему определения добра и зла, справедливости и несправедливости, правды и лжи и многих других этических норм, являющихся продуктом векового духовного взросления сообщества; идеологему, призванную интегрировать нацию, содействовать ее самосохранению и генезису. Национальная идея, в сжатой форме отражая и выражая опыт тысячелетнего духовного и иного развития, показывает, что позволило нации выжить и выстоять в борьбе с врагами, силами природы, с внутренними противоречиями, и что нужно делать в обозримой исторической перспективе.

По соображениям самого общего порядка национальная идея должна быть:

1. Интегрирующей – снижающей напряженность всех форм противостояния (идейных, социальных, этнических, демографических, территориальных и т.п.) и укореняющей ценности, безусловно общие для граждан сообщества.

2. Мобилизующей – снимающей эффекты социальной фрустрации и апатии, стимулирующей активность, инициативу, разного рода конструктивную деятельность и созидательные акции.

3. Преобразующей – утверждающей ценности, которые стимулируют в стране изменения и ориентируют на перспективу.

2. О соотношении культуры и цивилизации в контексте национальной идеи

Для анализа национальной идеи необходимо рассмотреть общее и особенное в понятиях «культура» и «цивилизация».

Посредством термина «культура» определяется стиль функционирования и ценностные характеристики любой цивилизации, способы ее самовыражения, духовность, мера гуманизма. Культуру нужно связывать с самоорганизацией духа, миром духовности, а цивилизацию – с гражданским, общественным устроением нашей жизни. Цивилизацию можно уподобить телу общества, а культуру – ее душе. Цивилизация устраивает нашу жизнь, делает ее удобной, приятной. Культура «ответственна» за другое – постоянную неудовлетворенность достигнутым, поиск достойного для души, а не одного

только тела. Человек культуры – душевно-духовное существо; человек цивилизации – целерациональное существо[2].

Переход культуры в цивилизацию связан с изменением отношения человека к природе. Все перемены в судьбе человечества связаны с новым отношением человека к природе. В известном смысле жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. Человек окончательно удаляется от природы в процессе технического овладения природой и организованного властвования над ее силами. Современная цивилизация прежде всего технична, в ней техника торжествует над духом, над организмом. Современные культурологи склоняются к убеждению, что цивилизацию надо понимать как среднюю стадию развития человеческого опыта. Эта стадия началась, как они полагают, с возникновением сельского хозяйства, затем продолжалась в промышленной революции, после чего человечество волей-неволей начинает двигаться к постцивилизационной стадии развития, когда массовые коммуникации обеспечат глобализацию культуры.

Во многих работах при сопоставлении культуры и цивилизации первая оценивается как сфера высших человеческих действий: духовных, научных, художественных и иных проявлений человеческой активности. Цивилизация же рассматривается как олицетворение материальных основ и форм бытия. В английской и французской традициях значения терминов «культура» и «цивилизация» достаточно близки. В Германии сложилось несколько иное понимание: культура выступает как сфера духовных ценностей, вместилище высших достижений человеческого разума и области индивидуального совершенствования личности, а цивилизация охватывает сферу материально-вещественных достижений, «комфорта», угрожающего развитию индивидуальности человека, «омассовления» духовного производства.

Вместе с тем всегда необходимо учитывать, что *цивилизация и культура во многом едины*: не существует цивилизации без своей культуры, не существует и культуры без цивилизации. И культура, и цивилизация имеют нормативную природу. Различие между ними состоит в том, что цивилизация создает предпосылки культурного процесса, реализует его. В свою очередь культура создает условия развития цивилизации, являясь творчеством нового. Наличие названного противоречия – источник развития и культуры, и цивилизации[3].

Интересна постановка вопроса о соотношении цивилизации и религии известным иранским ученым, видным политиком Ирана С.М. Хатами – именно по его предложению ООН объявила 2001 г. «годом диалога цивилиза-

2. Гречко П.К. К вопросу о соотношении цивилизаций и культуры // Диалог цивилизаций: Восток–Запад. – М., 1994. – С. 26.

3. Подробнее см.: Ирхин Ю.В. Социология культуры. – М., 2006.

ций». Он рассматривает религию как важную культурную составляющую и обращает внимание на то, она может выступать (применительно к исламскому обществу) духовным ориентиром цивилизации. Он писал: «Цивилизация имеет дело с конкретными потребностями и дилеммами сообщества в определенном времени и определенном месте. Религия же проливает свет на вопросы о вечности, намечая для человечества общую дорогу на все времена и давая жизни направление, независимо от постоянно меняющихся обстоятельств... Цивилизации и мировоззрения существуют во времени и пространстве – они конечны. Религия, наоборот, не зависит ни от времени, ни от пространства…»[4]

В ходе эволюции термина цивилизации обнаружились его многозначность, смысловой плюрализм, сохраняемые до наших дней. Современные цивилизации – социальные и культурные суперсистемы – в своем большинстве не совпадают ни с нацией, ни с государством, ни с какой-либо социальной группой; но при этом определяют характер всех этих явлений. Особую роль в цивилизации составляет ее культурно-духовно-религиозное ядро или «матрица». В то же время можно говорить о наметившейся долговременной и противоречивой тенденции к формированию общечеловеческого цивилизационного сообщества, как системы «общепризнанных ценностей всех культур» (К. Ясперс), результата их взаимодействия.

При цивилизационном подходе акцент делается на «выделении устойчивых типов обществ», идентификации народов на основе их социокультурной общности, на единых духовно-культурных факторах и иерархии структур и ценностей, способах производства духовности, социализации, регулировании отношений, дифференциации жизнедеятельности и устойчивой интегрированности в сообщество всех его территорий и групп. «Каждая цивилизация, – пишет Хатами, – основывается на особом мировоззрении, которое, в свою очередь, формируется каждым народом в процессе приобретения им своего специфического исторического опыта. Это мировоззрение, или “коллективное сознание”, является своего рода фундаментом цивилизации и способно решать насущные общественные проблемы».

Особую роль в национальной идее имеют ценности духовного, религиозного порядка, отражающие коренные потребности этноса, нации, цивилизации в их самосохранении, развитии, приумножении.

Так, например, в основе китайской национальной идеи лежит концепт особой роли китайцев и китайского государства, шире – конфуцианской цивилизации как занимающей центральное место в «Поднебесной». Самоназвание Китая («Чжун го») – означает «Срединное государство». Это смысловое понятие отражает традицию представлений китайцев о самих себе именно как о «Сре-

4. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. – М., 2001. – С. 208–209.

динном царстве», т.е. о центре цивилизованного мира. Даже сама картинка иероглифа «чжун» означает центр, середину и сразу «подтягивает» мысль именно к этому смыслу. Китай – это великая конфуцианская цивилизация, которая выдает себя за нацию и обретает устойчивую материальную основу (по объему ВВП КНР вышла на второе место в мире).

Индийская национальная идея немыслима без ведических начал индо-буддийской цивилизации. Махатма Ганди полагал, что «индийская цивилизация стремится возвысить нравственное существование. Понимая это и веря в это, каждый, кто любит Индию, должен прильнуть к древней индийской цивилизации, как дитя к материнской груди». М. Тэтчер, неоднократно бывавшая в Индии и специально изучавшая особенности ее социокультурного и политического развития, писала, что было бы не совсем правильно смотреть на Индию лишь с точки зрения ее размеров и географии – только как на обширную часть Азии и огромную страну. «Индия, – по ее в целом обоснованному, на наш взгляд, мнению, – это *цивилизация, религия и исторический опыт*», которые отличают ее от иных, в том числе «восточно-азиатских цивилизаций»[5].

Соглашаясь с данным подходом, мы бы несколько расширили и поставили в ином «генетическом» порядке указанный ряд, а именно: *культура, религия, цивилизация, исторический опыт индо-буддийской цивилизации.* Начиная с рубежа 90-х годов Индия последовательно идет по пути реформ, творчески сочетая либерализацию рыночных отношений с их рациональным государственным регулированием с тем, «чтобы стать конкурентоспособной на международном рынке и превратиться в важного глобального игрока»[6].

Сегодня все страны Дальнего Востока в качестве национальной идеи выдвигают задачу дальнейшего развития соответствующей нации (цивилизации) на основе традиционных духовно-этических принципов применительно к вызовам глобализации и постиндустриального развития.

Национальная идея США базируется на «богоизбранности» американского народа в реализации соответственно понимаемых принципов свободы и демократии как на территории американского государства, так и за его пределами. «Американская мечта» – идеал свободы или возможностей, который был сформулирован «отцами-основателями»; духовная мощь нации. Если американская система – это скелет американской политики, то американская мечта – ее душа (У. Сэфайр).

---

5. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. – М., 2003. – С. 223.

6. Ситхараман С. Первый бюджет нового тысячелетия // Индия. Перспективы. – М., 2000. – Апрель. – С. 24.

В основе арабской национальной идеи лежат принципы ислама, представляющего собой номократию, т.е. особую религиозно-политическую систему, в которой «теологически-рационалистический монизм с его приматом коллективной субстанции видит источник власти только в Божественном Законе»[7]. Соответственно, в нем нет принципиального различия между «священным» и «светским». Исламский мир имеет свой, отличный от западного, взгляд на развитие, основанный на собственном учении о бытии и понимании текстов ислама. Исламская идея находится в постоянном переосмыслении. Видимо, возможны такие интерпретации ислама, которые бы реально ответили на вызовы XXI в. с учетом всей исторической практики становления и развития мусульманских государств. Известный американский политолог П. Дж. Бьюкенен отмечал: «В науке, технологиях, экономике, промышленном производстве, сельском хозяйстве, разработке и производстве вооружений и демократичности общества Америка, Европа и Япония ушли вперед, но исламский мир сохранил нечто, утраченное Западом, а именно – желание иметь детей и продолжать свою цивилизацию, культуру, семью и веру. Да, Запад узнал много такого, о чем неведомо исламу, однако ислам помнит то, о чем Запад позабыл: “Нет иного мира, кроме мира, сотворенного верой”».

Социологи отмечают изменения в восприятии понятия «национальная идея» украинцами. Об этом говорится в сообщении Центра социологических исследований «София» (исследования проводились в августе 2007 г.). По словам директора Центра А. Ермолаева, национальная идея для украинцев имеет четко выраженный социальный характер. «Это социальная, но не внешнеполитическая утопия, и тем более не ностальгирующая утопия. Политизированные внешнеполитические фишки оказываются на второстепенных ролях. То есть членство в военно-политических союзах, другие подобного рода вопросы оказываются вторичными и незначимыми для украинского гражданина сейчас, когда он пытается определиться с образом будущего, с целью национальной идеи». Согласно опросам центра, 67,4% респондентов гордятся тем, что являются гражданами Украины.

3. О национальной идее россиян

В русской философии проблема поиска национальной идеи рассматривается более 100 лет, правда, изначально ее чаще называют «русской идеей» (впервые этот термин употребил Ф.М. Достоевский, позднее доклад с тем же названием сделал В.С. Соловьёв). В дальнейшем тема поиска и определения национальной идеи присутствовала в творчестве практически всех крупнейших отечественных мыслителей. Н.А. Бердяев издал объемный труд «Русская

7. Сравнительное изучение цивилизаций / Сост. Б.С. Ерасов. – М., 1999. – С. 349.

идея», о ней писали Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, Н.С. Трубецкой – список этот может быть продолжен едва ли не до бесконечности. Как ключевые компоненты трактовались православие, соборность, коллективизм, монархия, но единое и общепринятое толкование русской идеи не сложилось.

Анализируя методы изучения истории политических учений, известный теоретик социологии знания К. Манхейм отмечал, что существуют два основных способа исследования исторического генезиса идей. Первый способ – «повествовательный», на основе которого показывается переход идей от одного мыслителя к другому и ведется эпический рассказ об истории их развития. При втором способе ключом к пониманию изменений мысли служит меняющийся «общественный фон», прежде всего судьба классов, общественных групп, государств, цивилизаций.

Однако изучить возникновение той или иной идеи, еще не значит уметь использовать или применять ее в различных социокультурных и цивилизационных условиях. При рассмотрении истории политических учений те или иные их положения необходимо «связывать» со всем современным концептуальным багажом политических наук, использовать развитую, мультипарадигмальную методологию изучения политики.

В современных условиях существенное значение приобретает умение учитывать взаимосвязь различных методов изучения истории и теории политики, использовать их в соответствующих «увязках», в своеобразном комплексном подходе. Изучая политико-психологические, да и любые другие общественные явления и процессы, важно понимать их *глобализационный контекст*. В Послании XV Всемирному социологическому конгрессу президента Международной социологической ассоциации А. Мартинелли говорилось, что «сегодня глобализация означает не только появление нового объекта исследования – мира как такового, но требует, чтобы любое конкретное исследование ставилось в рамки глобального контекста, так как каждая часть мира все больше взаимозависима со многими другими и мир как таковой все более присутствует во всех своих частях… Необходимо смещать уровень анализа на глобальный и любое исследование вести с точки зрения мировой системы».

При разработке актуальных аспектов национальной идеи для России целесообразно учитывать высказанные выше предложения.

Национальной идеей в России должно выступить нечто, объединяющее всех россиян, принадлежащих к разным национальностям, конфессиям, классам, имеющих разный уровень образования и социальных притязаний.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации (26 апреля 2007 г.) говорится, что «думать о будущем, конечно, нужно всегда. А у нас с вами, в России, есть еще такая “старинная русская забава” – поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом не-

бесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и бесконечно. Не будем сегодня открывать дискуссию по этим вопросам. Но, думаю, многие согласятся со мной в том, что, решая стоящие перед нами задачи и используя при этом все самое современное, все самое новое, генерируя эту новизну, мы вместе с тем должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю. Только в этом случае мы сможем правильно определить ориентиры развития страны. И только в этом случае нас ждет успех»[8].

На наш взгляд, такая объединительная и мобилизующая идея для россиян должна базироваться на ряде принципов, подтвержденных историческим опытом, теорией и современными реалиями. В.А. Печенев выделяет следующие составляющие «русской национальной идеи»: державность, патриотизм, государственничество, социальная солидарность (включая взаимопомощь и общественное благо)[9]. Причем эти составляющие не могут рассматриваться только на одной идее западного экономического либерализма (неолиберализма), а требуют более широкого привлечения и осмысления мирового опыта национального реформирования и выдвижения идеологических, мобилизующих программ-идей: от «Нового курса» Ф. Рузвельта до государственно-рыночных преобразований конца XX – начала XXI в. в условиях Индии и Дальневосточного региона.

Полезно, но не достаточно выявить отдельные принципы национальной идеи по аналогии с известной формулой: самодержавие – православие – народность. В современных условиях она могла бы звучать так: державность – интегративная российская культура – многонациональный российский народ – социальная справедливость (социальное государство) – конкурентоспособное общество.

Можно представить следующие соображения по поводу национальной идеи для России.

Во-первых, объединяющей идеей для россиян всегда являлась мысль о великом евразийском цивилизационном сообществе, являющемся родным домом для сотен народов и культур. Россия не может полностью реализовать себя в окружающем мире без тесного сотрудничества со странами СНГ. На первом этапе речь идет о создании сообщества (по типу ЕС) в лице России, Белоруссии, Казахстана и др. В евразийском союзе может быть более 220 млн. человек. В 2007 г. Россия заняла 8-е место в мире по объему ВВП (после США, КНР, Японии, Индии, ФРГ, Великобритании, Франции). Такое образование имеет перспективы выживания в глобализирующемся мире.

---

8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 г // Российская газета. – 28 апр. 2007 г.

9. Печенев В.А. Владимир Путин – последний шанс России? – М., 2001. – С. 46–47.

Во-вторых, евразийское сообщество может выстоять в борьбе цивилизаций и государств «за место под солнцем» только в том случае, если оно будет конкурентоспособным в целом ряде общественных сфер. Перед Россией снова стоит задача мобилизационного развития (удвоение промышленного производства за десятилетие), однако на основе уже не авторитарно-тоталитарного управления, а более современных, рациональных и гуманных методов и принципов развития, догоняющей и опережающей модернизации постиндустриально-информационного характера. [В.В. Путин: «Мы должны быть конкурентоспособны во всем – и человек, и отрасль, и население, и страна. Вот это должна быть наша основная национальная идея». Д.А. Медведев: Вместе мы добьемся мирового лидерства России[10]].

В-третьих, в специфических условиях российского генезиса государство, в силу понятных причин, всегда играло особую роль. «Убежден, – подчеркнул В.В. Путин, – наша страна только тогда займет достойное положение в мире, мы с вами только тогда сможем сохранить и нашу государственность, и суверенитет, если наши граждане будут видеть, будут чувствовать, будут уверены в том, что все усилия государства направлены на защиту их кровных интересов, на улучшение их жизни, на повышение их благосостояния и их безопасности. И если они смогут гордиться своей страной. Каждый гражданин России должен чувствовать свою сопричастность с судьбой государства. И каждый должен иметь шанс законным образом улучшить свою собственную жизнь, приумножить трудом богатство своей Родины. А все те, кто занимается административной, общественной, тем более политической работой, несут, конечно, особую ответственность»[11].

В-четвертых, сегодня речь должна идти не только о сильном, рациональном и «умном» государстве, но и о его социальной сущности, *социальном государстве*. Национальная идея россиян всегда воплощала (как мечту или лозунг) принцип социальной справедливости. Такой принцип может быть воплощен лишь в рамках социального государства. Существование в российском обществе широкого социального слоя людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, делает эту задачу еще более актуальной.

В-пятых, пожалуй, впервые за последние два столетия перед страной так остро стала задача «сбережения населения», численность которого последние пятнадцать лет уменьшается. Без выдвижения этой проблемы на общенациональный, приоритетный уровень трудно будет решить любые иные вопросы.

---

10. Выступление Д.А. Медведева на VIII съезде партии «Единая Россия» 17 декабря 2007 г. http://www.edinros.ru/news.html?id=126322.

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 г // Российская газета. – 28 апр. 2007 г.

В-шестых, речь идет о духовном богатстве, общих моральных ценностях и этических нормах (по аналогии с протестантской или конфуцианской этиками). В.В. Путин отмечал, что «духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом для экономических и политических отношений» (Послание от 27 апреля 2007 г.).

В-седьмых, неэффективность и забюрократизированность государственного управления, его непрозрачность стали основным тормозом на пути осуществления необходимых реформ. Идея контроля общества (гражданского) над результативностью деятельности государства все шире поддерживается массами. Для дальнейшей разработки национальной идеи россиян необходима, как справедливо замечено в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 г., «консолидация всех наших интеллектуальных, властных и нравственных ресурсов», которая «позволит России достичь самых больших целей».

Итак, в общем виде национальная российская идея может быть сформулирована как создание конкурентоспособного в современном мире евразийского социального и мультиэтничного сообщества в пределах российского многонационального социального государства и стран, являющихся его стратегическими союзниками. Такое сообщество стало бы сегодняшним результатом развития древнейшей, уникальной конкурентоспособной евразийской цивилизации.

В предвыборной платформе партии «Единая Россия» отмечалось: «Наша стратегическая цель – строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации. Россия, которую мы выбираем, – это сильное демократическое, социально ориентированное государство. Это – свободное, справедливое и духовно сплоченное общество. Это – конкурентоспособная инновационная экономика. Это – высокое качество жизни граждан. Реализуя стратегию качественного обновления страны на принципах суверенной демократии, мы исходим из неотъемлемого права свободного российского народа самостоятельно определять свою историческую судьбу, распоряжаться национальным достоянием в интересах всей нации, каждого гражданина…

Утверждение общероссийской гражданской идентичности, формирование общей системы духовно-нравственных ориентиров при сохранении культурной самобытности народов России, развитии национальных языков, обычаев и традиций – приоритет “Единой России”. Именно в приверженности народа моральным и духовным ценностям мы видим одно из важнейших конкурентных преимуществ России, залог успеха нашего развития»[12].

4. Идеологема «План Путина»

Многие составляющие элементы и принципы формирующейся национальной идеи россиян содержатся в посланиях Президента Федеральному Собранию РФ. «Фактически в каждом из моих восьми посланий Федеральному Собранию, – говорил В.В. Путин, – давалась не только оценка ситуации в стране и ее положения в мире, но и определялись приоритеты, в том числе и долгосрочные приоритеты, в социальной сфере, в экономике, во внешней и внутренней политике, в области безопасности и обороны. По сути, это и есть, может быть, неполный, но все-таки достаточно конкретный и основательный концептуальный план развития России. Его выполнение потребует созидательной работы всего общества, потребует огромных усилий и огромных финансовых ресурсов» (Послание от 27 апреля 2007 г.).

Под «Планом Путина» на ближайшие четыре года партия «Единая Россия» понимает решение следующих задач:

1) дальнейшее развитие России как уникальной цивилизации, защита общего культурного пространства, русского языка, наших исторических традиций;

2) повышение конкурентоспособности экономики через выход на инновационный путь развития, поддержку науки, развитие инфраструктуры, наращивание инвестиций в первую очередь в высокие технологии, в отрасли – локомотивы экономического роста;

3) обеспечение нового качества жизни граждан путем продолжения реализации приоритетных национальных проектов, дальнейшего и значительного повышения заработной платы, пенсий и стипендий, оказания помощи гражданам в решении жилищной проблемы;

4) поддержка институтов гражданского общества, стимулирование социальной мобильности и активности, продвижение общественных инициатив;

---

12. См.: Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» «План Путина – достойное будущее великой страны». Принята VIII Съездом Всероссийской политической партии «Единая Россия» 1 октября 2007 г., г. Москва http://www.edinros.ru /news.html?rid=3144.

5) укрепление суверенитета России, обороноспособности страны, обеспечение для нее достойного места в многополярном мире[13].

Послания Путина – это, в первую очередь, «апология здравого смысла». Отсутствие в посланиях какой-либо идеологии – либеральной, консервативной, левой или патриотической – лишает оппозицию серьезных «зацепок» и возможностей для принципиальной критики и идеологических дебатов. Сознательная деидеологизация посланий, сформулированных на уровне «здравого смысла» (преодоление демографического коллапса, отстаивание национальных интересов, борьба с коррупцией, лидерство в мировой энергетике, инновационная экономика и т.д.), обеспечивает общее согласие с ней российских граждан. Пожалуй, за исключением ежегодной и не дающей реального эффекта критики бюрократии сложно найти приоритеты, которые могли бы стать полноценной мишенью для недовольства различных политических лагерей. Поэтому послания напоминают план-инструкцию, предельно приземленное «руководство к действию» вертикали власти всех уровней[14].

Президент как эффективный политик выступает в качестве зеркала, которое отражает массовые ожидания, актуальный запрос общества на определенные идеологемы. Поэтому он и либерал, и консерватор, и социалист, и патриот. В известном смысле, он «постмодернистский трансидеологический популист, преодолевший устаревшие идеологические границы, в которых и посредством которых велся политический спор “левых”, “правых” и “центристов” в эпоху модерна и был адекватен ее исторической реальности» (В.С. Мартьянов). Текущий курс, который является предельно рациональным воплощением воли правящей элиты на основе державнической традиционалистско-популистской политики и своеобразного консервативно-либерального консенсуса правящего политического класса.

Время покажет сильные и слабые стороны рассматриваемых идеологем и провозглашенного политического курса. Оселком проверки станет его реализация.

---

13. Из предвыборной платформы партии «Единая Россия».

14. Мартьянов В.С. Идеология В.В. Путина: Концептуализация посланий президента РФ // Политэкс (Политическая экспертиза). № 1. 2007.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

М.Е. Николаев

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Николаев Михаил Ефимович – заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Мировая тенденция формирования общества знаний

Сегодняшний динамично развивающийся мир движется к формированию общества знаний, инновационной экономики, рынка товаров интеллектуальной деятельности. В таком обществе развитие науки и фундаментальное образование представляют выгодное вложение средств в особое производство, которое создает знание как товар, имеющий определенную стоимость. Мировая экономика характеризуется востребованностью инноваций не отдельными предпринимателями, а национальными экономиками. Экономика знаний – новый этап развития экономики, в которой знания играют решающую роль, а их производство является источником роста.

В науке появилась особая категория – «человеческий капитал», включающая знания, практические навыки, творческие и мыслительные способности людей, культуру труда. Накапливая и используя его, экономические субъекты получают ренту, идентичную доходу от вложений в ценные бумаги или от банковского кредитования.

Обращает на себя внимание то, что в настоящее время инвестиции в знания в развитых странах растут быстрее, чем инвестиции в основные фонды. Из всего объема знаний, которым располагает человечество, 90% получено за последние 30 лет, так же как 90% общего числа ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации, – наши современники. Это наиболее явные признаки перехода от экономики, базирующейся на использовании природных ресурсов к новой экономической модели, в которой образование и наука, исследование и внедрение их результатов играют ведущую роль. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании и организации производства, в промышленно-развитых странах приходится до 80%

прироста ВВП. Капитал в традиционном смысле слова перестает быть единственной основой оценки стоимости товара. В роли инструментов развития выступают интеллектуальные ресурсы, при помощи которых решаются различные финансово-экономические задачи: повышение рыночной стоимости, привлечение инвестиций, экономический рост. Следует отметить, что за последние 15 лет капитализация российских компаний увеличилась в 30 раз. Это говорит о колоссальном значении интеллектуального капитала.

В мировом сообществе по сути дела началась интенсивная гонка за производством знаний, эффективным использованием интеллектуальных ресурсов, наращиванием интеллектуальной собственности. Научиться создавать стоимость из нематериальных активов, овладеть искусством управления ими – эти задачи выходят на первый план во всей деятельности по обеспечению устойчивого экономического роста.

В своем выступлении на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» В.В. Путин указал на «фрагментарность» модернизации российской экономики, что чревато превращением страны в сырьевой придаток мировой экономики. Выход из подобного положения – в инновационном развитии. Президент отметил также наше главное конкурентное преимущество – человеческий потенциал.

Ученому сообществу России вместе с государственными структурами надо создавать систему развития интеллектуальных ресурсов для формирования экономики знаний.

Большое внимание следует уделить мониторингу интеллектуальных ресурсов. А это не только кадры, это – научная лицензионная деятельность, патенты, ноу-хау во всех секторах экономики на основе целенаправленного развития. К сожалению, наше «невидимое богатство» – интеллектуальная собственность не имеет точных методов оценки. В России отсутствует единая биржевая система оценки национального богатства. В мире ежегодно на 12–14% растет число патентов, у нас за последние десять лет оно упало на 50%.

Вот на этом поле сегодня разворачивается борьба за умы, за высокопрофессиональные кадры для сохранения и развития научного творческого потенциала.

Подготовка кадров ± необходимое условие развития инновационной среды

Важнейшая задача российской науки и образования – подготовить конкурентоспособных работников, способных ответить на вызовы времени. Для этого необходимо увязать тот перечень знаний, которые дает наша вузовская система со стремительными изменениями мира. Выпускники вузов должны

опережать тех, кто функционирует в своей профессиональной сфере десятилетиями.

В последние годы родились новейшие дисциплины – управление знаниями, логистика, экономика знаний, геоэкономика. Но специалистов такого профиля наши вузы в масштабе государства не готовят. В государственных общеобразовательных стандартах, включающих сумму требований к преподаванию предмета и уровню знаний учащихся, отсутствуют новейшие дисциплины. Чтобы новые науки прижились в вузовской системе, нужны соответствующие стандарты. Отсутствие их грозит глобальным отставанием от окружающего мира.

Для полноценной подготовки специалистов целесообразно практиковать стажировку студентов на крупных предприятиях и организациях, как отечественных, так и зарубежных. Сейчас просматривается такая форма взаимодействия, как создание корпоративных университетов, в которых фундаментальная подготовка ведется вузом, а профилирующая – совместно вузом и предприятием. Такая подготовка осуществляется, например, в МГУ им. М.В. Ломоносова, в МГТУ им. Н.Э. Баумана, Архангельском государственном техническом университете.

К сожалению, молодые специалисты предпочитают работать за рубежом ввиду того, что не находят на родине сферы применения своему труду. Для работы молодых специалистов нужны такие условия, чтобы они могли найти применение полученным знаниям после окончания вузов, а также облегчить процесс внедрения созданных ими инновационных разработок в производство.

Интеллигенция или «креативный класс»?

Само понятие «инновация» означает превращение творческой идеи в полезный продукт или услугу. Инновационное общество делает каждого работника творческой личностью. Такой личности свойственны оригинальность взглядов, любознательность, восприимчивость к новым идеям. И речь идет не только о специалистах высокой квалификации. Это те специалисты, мастера, профессии которых мы называем массовыми: портные, парикмахеры, повара, деревообработчики и т.д. Каждое рабочее место приобретает новое дыхание. В идеале, в своей законченности, работа становится высшим профессиональным пилотажем. Уместно вспомнить народную пословицу: «Не то пахарь, который хорошо пашет, а то пахарь, который любуется на свою пашню».

Сегодня Россия нуждается в квалифицированных инженерных и рабочих кадрах. Допустим, у нас имеется достаточное количество талантливых инженеров. Но непосредственно у станка трудится рабочий, который в новых условиях создает новую высокотехнологичную продукцию. Сама специализа-

ция рабочего в наукоемких областях кардинально меняется, как и само содержание рабочей профессии. Нельзя к суперсовременному станку поставить человека без высшего образования.

В выступлении Президента России 8 февраля 2008 г. четко сказано: «Будущее России, наши успехи зависят от образования и здоровья людей, от их стремления к совершенствованию и использованию своих навыков и талантов». Поэтому в самой стратегии инновационного развития должна быть заложена мотивация к инновационному поведению.

Общество знаний формирует новый социальный слой, класс творцов, созидателей – *креативный класс*. Глобализация вносит свои коррективы в самое понятие «интеллигенция» с точки зрения содержания и роли интеллектуальной функции в общественной системе. Привычное толкование меняется, ибо утрачивается интеллектуальная монополия, меняется сам характер и состав категории лиц умственного труда. Вместе с тем традиционно свойственные русской интеллигенции качества высокой образованности, человеческой порядочности, гражданской смелости и ответственности, готовность воспринять чужую боль как свою, хотелось бы надеяться, останутся в природе новых российских интеллектуалов-созидателей.

Организация российского инновационного пространства

Как должно быть организовано российское инновационное пространство?

На мой взгляд, прежде всего, – это *инновационные школы и инновационные университеты*. Известно, что в развитых странах научные исследования ведутся в университетских центрах и проектных лабораториях, специально созданных для решения задач технологического прорыва. И здесь успешно партнерствуют наука и образование, закладывается база для научной деятельности. Талантливой молодежи надо помогать интегрироваться в инновационную среду. В конечном счете, необходимо создать сетевую структуру по инновациям с использованием научной базы передовых российских институтов и университетов.

Далее в российской инновационной цепочке я бы назвал *технопарки*. Это форма сотрудничества научно-технического центра (вуза), инновационных предприятий и бизнеса (коммерческой организации) для производства высокотехнологичной продукции.

У нас наука, образование и промышленность в значительной степени развиваются неконсолидированно. Имеет место разрыв единого инновационного цикла – от подготовки кадров для исследовательской деятельности до внедрения в производство новых технологий. И такая отчужденность ведет к размыванию конкурентного потенциала каждой из этих сфер. Необходим

тесный контакт между высшими учебными заведениями как источниками инновационных идей и коммерческими организациями, задействованными в производстве, как источниками финансирования.

Создание в России сети технопарков предоставляет возможности для такого перспективного творческого союза.

Следующее звено в структуре российского инновационного пространства – *наукограды* – научно-производственные комплексы, представляющие собой совокупность организаций, осуществляющих научно-техническую, инновационную деятельность, эсперимантальные разработки и т.п. в соответствии с государственными приоритетами развития науки и техники.

Следующим звеном структуры становится *Российская корпорация нанотехнологий*. Основная задача, стоящая перед ней – создание конкурентоспособной национальной инновационной модели, соответствующей самым высоким мировым стандартам.

На мой взгляд, Российская корпорация нанотехнологий не является завершающим звеном инновационной структуры. В формировании инновационной политики страны должны быть задействованы все организации, осуществляющие деятельность в области высоких технологий.

В соседней Финляндии, например, разработана национальная политика в области нанонауки и нанотехнологий, в которой основная роль принадлежит Совету по научно-технической политике страны, возглавляемого премьер-министром, Министерству просвещения, Министерству труда и экономики, Академии наук Финляндии, Национальному агентству по финансированию технологий и инноваций (ТЕКЕС), университетам, наноцентрам и другим организациям, создающим экономику знаний.

Именно такой мне представляется структура российской инновационной системы, т.е. весь комплекс учреждений и организаций по разработке и внедрению инноваций, куда войдут научно-образовательные учреждения (где собственно и создаются знания), инновационные предприятия и сети предприятий, коммуникационная инфраструктура.

Опыт Финляндии

В последние годы регулярно посещая Финляндскую Республику, отмечаю, что в этой стране большое внимание уделяется созданию инновационно-ориентированной экономики.

Одна из ведущих ролей в реализации инновационной политики принадлежит Национальному агентству по финансированию технологий и инноваций (ТЕКЕС). Это агентство (сродни недавно созданной у нас Российской корпорации нанотехнологий) действует при Министерстве труда и экономики с 1983 г. Агентство реализует государственное финансирование при-

кладных НИОКР по приоритетным направлениям научно-технического развития страны. Оно обеспечивает финансирование и экспертные оценки НИОКР, технологических инновационных проектов не только предприятий и исследовательских институтов, но и университетов Финляндии, крупных и мелких компаний, деятельность которых направлена на инновационное развитие.

Основными направлениями НИОКР, получающими государственное финансирования через ТЕКЕС являются: информационные технологии и связь; биомедицинские технологии и химия; энергетика и защита окружающей среды; машиностроение и логистика; технология строительства; нанотехнологии. Каждый проект на 10–20% финансируется промышленными партнерами, а ТЕКЕС компенсирует остальную часть. В 2007 г. через Национальное агентство по финансированию технологий и инноваций было профинансировано 2120 проектов общей стоимостью 469 млн. евро.

Финляндия представляет классический пример деятельности технологических центров (технопарков), которые появились здесь в середине 80-х годов прошлого века. Ныне при каждом из 20 университетов Финляндии действует технопарк, функционально связанный с вузом. Надо отметить, что компании, действующие в рамках технопарков не имеют налоговых льгот. Но они могут покупать услуги университетов, консультации в области бизнес-планирования, защиты интеллектуальной собственности, трансфера технологий, создавать свои производства. В данной системе занято 2 тыс. человек. В подобных техцентрах осуществляется конструктивное сотрудничество между образованием и наукой, государством и бизнесом.

Хочу поделиться впечатлениями от посещения крупнейшего в Финляндии биомедицинского исследовательского центра – Биомедикума Хельсинки. Он функционирует на базе кооперации специалистов Хельсинкского университета, Национального института здоровья, исследовательских подразделений ряда частных компаний.

Работы в Биомедикуме Хельсинки связаны с молекулярной генетикой, клеточной биологией, изучением раковых, сосудистых и эндокринных заболеваний. Основной упор в научной и практической деятельности делается на развитие функциональной геномики, исследующей изменения и функционирование генов. Современный подход к генетическим исследованиям стал возможен в процессе работ по расшифровке генома человека, что открывает новые возможности для биотехнологических исследований и создания действенных лекарственных препаратов.

В Центре трудятся около 1400 исследователей. Руководство Биомедикума задалось целью вернуть молодых ученых и талантливых специалистов, работающих в других странах, в Финляндию, создав здесь комфортные условия для жизни и научной деятельности. Ученые Биомедикума своей сверхза-

дачей считают создание на базе финского Центра биомедицинских исследований совершенно новой промышленности Финляндии.

Я спросил специалистов Центра, насколько такое сложное и необходимое направление под силу одной стране. Научные исследования, проводимые одной группой ученых, могут осуществляться в неверном направлении, и для человечества это может обернуться страшной бедой. Молекулярно-генетические исследования целесообразно сосредоточить в определенных местах. Почему бы ученому сообществу не подумать о создании Международного центра по изучению генома человека?

Какой быть российской инновационной модели

Возможна ли единая инновационная модель развития экономики России, или эффективнее будут работать региональные модели, как при стратегическом планировании учитывается уровень развития регионов?

Без государства нет экономики знаний, и его задача в современном обществе состоит не в стимулировании отдельных инноваций, а в формировании организационных, экономических и правовых условий для осуществления инновационного процесса в рамках национальной инновационной системы. Основой формирования национальной инновационной системы могут выступать регионы, обладающие развитыми хозяйственными комплексами и научным потенциалом. В сегодняшней России регионы различаются по уровню инновационного потенциала, и единые для них принципы региональной инновационной политики вряд ли приемлемы.

Наилучшим вариантом развития инновационной среды в Российской Федерации является установление тесного контакта между государством, непосредственно заинтересованном в росте инноваций, образованием в лице высших учебных заведений, выступающих в качестве источника инновационных идей, и бизнесом, способным осуществить финансирование инновационных разработок. Чтобы мотивировать бизнес к инновациям, надо создавать адекватные экономические механизмы, совершенствовать налоговое законодательство, инициировать законопроекты, позволяющие создать оптимальные условия инновационного развития России.

Инновационная экономика – это тот путь, который в итоге приведет к качественному изменению жизни, ее реальному улучшению, укреплению государственности и национальной безопасности России.

М.В. Клинова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В СЕТЕВЫХ ОТРАСЛЯХ В ЕС И РОССИИ

Клинова Марина Вилениновна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, преподаватель Московской международной школы бизнеса.

В условиях глобализации особую роль приобретает организованная по сетевому принципу производственная инфраструктура – связь, транспорт, снабжение водой, газом, электроэнергией. Эта сфера, как известно, обеспечивает общие условия для развития материального производства и определяет конкурентоспособность в мире целых стран – в зависимости от степени ее развитости и разветвленности. В предшествующий постиндустриальному развитию период она, хотя и с определенными исключениями, повсеместно пребывала в ведении государства.

В условиях глобализации, когда рыночные принципы стали рассматриваться как более эффективный способ организации работы, эта сфера превратилась в поле для становления государственно-частного партнерства (ГЧП), с привлечением иностранных инвесторов. Здесь требуются значительные капиталовложения, которые при недостатке средств из бюджета находят на рынке частных капиталов, в том числе за рубежом. В энергетическом контексте это было отмечено, в частности, в пункте 46 документа «Глобальная энергетическая безопасность», принятого по итогам саммита Большой Восьмерки в Санкт-Петербурге (2006). Государство осуществляет в данном случае смычку внутренней и международной экономики, используя методы экономической дипломатии. При этом формируется особая разновидность ГЧП, когда государство всемерно поддерживает национальный капитал любой формы собственности внутри страны и на внешних рынках.

В мировой экономике обозначился устойчивый структурный тренд – перенос центра тяжести прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из промышленности в сетевые отрасли, концентрация капитала в которых усиливается.

Можно констатировать, что и в России наблюдаются тенденции, присущие производственной инфраструктуре в мире, а именно – укрупнение игроков и интернационализация капитала. Вот почему необходимо обратиться к изучению зарубежного опыта, прежде всего нашего соседа и стратегического партнера – Европейского союза (ЕС).

Государство во всем мире призвано улучшать общие условия хозяйственной деятельности путем поддержки сетевых отраслей, непосредственно влияя тем самым на макроконкурентоспособность. Это означает, что сетевые отрасли в значительной мере, но в разной степени в конкретных странах, определяют конкурентоспособность страны на мировой арене, повышая привлекательность остальных сфер хозяйства своей страны для капиталовложений. Этим обусловлен подъем инфраструктурных компаний в рейтинге крупнейших ТНК мира, многие из которых остались под контролем государства и после приватизации (смешанные предприятия) и либерализации.

Государство во имя благосостояния страны призвано уделять растущее внимание международным экономическим отношениям, поскольку национальная конкурентоспособность зависит от степени и характера вовлеченности в международное разделение труда. В эпоху глобализации складывается хозяйственная среда, в которой государственные ресурсы продолжают участвовать в создании прибыли путем поддержания предприятий инфраструктуры. Последняя служит одним из основных факторов, определяющих развернутость страны к международной кооперации наряду с квалифицированной рабочей силой, независимой и надежной правовой системой, непредвзятой правоприменительной практикой и др. Расширяются косвенные экономические функции государства. Происходит это на фоне достаточно благоприятной хозяйственной конъюнктуры, отличающейся, в то же время, обострением конкуренции за рынки сбыта и источники сырья, особенно в связи с возрастанием веса в мировой экономике Китая и Индии.

Поддержка национального государства также содействует активному развертыванию деятельности бизнеса за рубежом. Новизна и специфика нынешнего этапа развития сетевых отраслей состоит в том, что вопреки наблюдающимся протекционистским веяниям в ряде стран в виде «экономического патриотизма» как реакции на объективно обусловленные и неизбежные процессы глобализации, приватизация с участием зарубежных инвестиций проникает в сетевые отрасли.

Еще в начале 1990-х годов, по данным ЮНКТАД, предприятия сетевых услуг не были представлены среди 50 крупнейших нефинансовых ТНК мира. Десятилетие спустя их там было уже 13. В 2005 г. европейские ТНК сетевых услуг расположились в начале списка 100 крупнейших нефинансовых групп мира. Некоторые приватизированы полностью или почти полностью, другие – частично.

В начале 1990-х годов прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в ТНК сферы услуг составляли менее 5% общемирового их объема (несмотря на то, что сами отрасли очень капиталоемки)[1]. Начиная примерно с середины десятилетия, сюда устремились зарубежные инвестиционные потоки. В 2005 г. на них уже пришлось две трети общемировых накопленных ПИИ (по сравнению с примерно половиной в 1990 г.), а доля отраслей инфраструктуры выросла в абсолютном и относительном выражении[2].

В том же 2005 г. произошло порядка 300 слияний и поглощений с участием фирм сетевых отраслей. Компании активно участвовали в инвестиционных проектах на началах *greenfield*, создавая новые объекты за рубежом. За 1993–2005 гг. доля сетевых компаний в общей численности слияний и поглощений увеличилась с 4,3 до 9,2%, а в стоимостном выражении – с 17 до 27%[3].

Интернационализируются, разумеется, не все компании сетевых услуг. Но можно утверждать, что процесс создания «европейских предприятий», речь о которых в Евросоюзе велась еще два десятилетия назад, «пошел» быстрее[4]. Сегодня они представляют собой самостоятельные хозяйственные единицы, основанные на трансевропейском движении капиталов, в частности ПИИ в рамках европейского экономического пространства.

В первом приближении кажется, что глобализация смещает центр тяжести хозяйственной власти от правительств к частному сектору[5]. На самом деле очевидно, что национальные государства «как прежде, выступают ключевыми игроками в мире»[6]. На внешнем рынке государства как субъекты экономической дипломатии и центровой элемент ГЧП владеют и пользуются определенным набором инструментов влияния наряду с бизнес-партнерами –

---

1. Transforming Public Enterprise in Europe and North America. Networks, Integration and Transnationalisation. Ed. by Clifton J., Comín F., Díaz D. L.: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 16.

2. World Investment Report 2007. – Overview (UNCTAD). Transnational Corporations, Extractive Industries and development. N.Y., Geneva: UN. 2007. – P. 4.

3. Evaluation of the Performance of Network Industries. Providing Services of General Economic Interest: European Commission. 2006 Report. Commission Staff Working Document SEC(2007) 1024. – P. 46. (http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/ european_economy/2007/ee0107_en.pdf).

4. См. подробнее книгу L'Euro-entreprise / Babeau A., Bernis de G., Bonnafous A. et al. Préf. de Berlioz-Houin B. P.: Economica, 1988. – 267 p., а также рецензию на нее автора данной статьи МЭиМО. 1990, № 2. – С. 143–144.

5. Bayne N., Woolcock S. The New Economic Diplomacy: Decision-Making a. Negotiation in International Economic Relations. Aldershot; Burlington, 2003. – P. 86.

6. См. книгу Müller H. Wirtschaftsfaktor Patriotismus. Vaterlandsliebe in Zeiten der Globalisierung, Eichborn, Frankfurt am Main, 2006. (http://www.knowckers.org/content/ view/234/3/).

и национальными, и транснациональными. Иными словами, видоизменяется только их ролевая функция.

Продолжающиеся процессы концентрации капитала в виде роста ТНК ведут к развитию трансевропейских сетей, в том числе и с российским участием. Так, проекту газопровода «Северный поток» *(Nord Stream)* при партнерстве «Газпрома» Еврокомиссия присвоила статус трансевропейской сети. Система трансевропейских сетей (TEN) обеспечивает Евросоюзу поддержку в условиях обострения международной конкуренции. Без ГЧП с иностранным капиталом тут не обойтись.

Современная мировая практика, в том числе в области энергетики, показывает: страны, где рыночная составляющая отсутствует или не получает должного распространения, сталкиваются с многочисленными проблемами. Не случайно для обеспечения доступа российскому углеводородному сырью через ГЧП кооперацию с Россией выстраивают три центра мировой экономики – ЕС, США, Япония. И ТНК, и государства тут вынуждены сотрудничать. Французские эксперты А. Феррон и К. Велио прогнозируют, что «со временем россияне смогут выбирать между Азией, Америкой и Европой. Но в настоящий момент на Европу приходится основная выручка от продажи газа, и она останется самым стабильным и надежным рынком для России». Эти аналитики справедливо полагают, что России не обойтись без финансового и технического участия зарубежных инвесторов в освоении новых газовых месторождений, поскольку «Газпром не вкладывает капиталы и соответственно предложение не увеличивается». Такие заявления представляются проявлением понятной обеспокоенности западных потребителей за свою энергетическую безопасность, когда прирост потребления энергии к 2030 г. в Европе оценивается в 60% от нынешнего, а зависимость от ее импорта должна составить 70% против сегодняшних 50%[7].

Формируется партнерство российских и зарубежных ТНК в различных проектах, в том числе с помощью обмена активами. Примерами служат соглашения между «Газпромом» и немецким концерном *BASF*, итальянским *ENI* (61,98% акций у государства). Наряду с соглашением 2006 г. о сотрудничестве с *ENI* до 2035 г. «Газпром» получит доступ к конечным потребителям, – порядка 3% розничного рынка Италии.

В России, как и в остальном мире, ГЧП может и должно стать рычагом подъема эффективности и конкурентоспособности сетевых отраслей инфра-

7. L'énergie, un moteur pour l'Europe// La lettre de Confrontations Europe. 2006, juill.-sept. N 75. – P. 16, 29.

структуры[8]. Проблема ГЧП сетевых отраслей РФ, имеет по крайней мере два заслуживающих внимания аспекта. Задача государства состоит в том, чтобы без потерь для общества передать определенные объекты в управление частному сектору, в том числе при участии иностранного капитала, когда это может быть взаимовыгодно.

Второй аспект охватывает совместное освоение и финансирование вновь создаваемых с участием иностранного партнера совместных предприятий (СП), адекватных современным хозяйственным требованиям. В рамках ГЧП зарубежный частный капитал может предложить инновационные решения (технические, коммерческие, финансовые, управленческие и т.д.). Применение знаний, опыта, навыков организации и ведения бизнеса обусловлено стремлением к эффективному расходованию средств и распределению рисков, ведет к снижению стоимости услуг аналогичного или даже более высокого качества. По сути речь идет о поддержании некоего оптимума между регулированием и рыночными силами – иными словами, поиска «цивилизованного консенсуса» между государством, собственником и менеджментом[9].

По оценкам, прирост отечественного ВВП примерно на четверть обеспечивается сырьевыми и капиталоемкими отраслями (нефтегазовой и металлургической), на которые приходится свыше половины доходов федерального бюджета. Предпринимательская деятельность, понятно, стихийно устремляется в наиболее выгодные сферы, связанные с извлечением ренты. Так, в 2007 г. топливно-энергетическому комплексу (ТЭК) досталось почти 70% «завезенных денег»[10]. Высокие цены на углеводородное сырье отвлекают бизнес от ГЧП в иных сферах, помимо сырьевых. Проблема назрела и требует скорейшего решения.

На фоне сравнительно высоких темпов роста экономики в России в последние годы, к сожалению, пока не наблюдается опережающего роста инфраструктурных отраслей. Более того: это, пожалуй, наиболее «узкое» место отечественной хозяйственной системы. Оно остается источником опасности различного рода техногенных кризисов и катастроф. Износ основных фондов продолжает нарастать. Сегодня средний износ трубопроводной инфраструктуры в ТЭК составляет более 65%[11]. Даже в ведении «странообразующей» (по выражению главы Минпромэнерго В.Б. Христенко), компании «Газпром»,

8. См. подробнее: Кондратьев В.Б. Концессия как форма взаимодействия государства и частного капитала в инвестиционной сфере/ В кн.: Государство и отрасли инфраструктуры в современной рыночной экономике. – М.: Наука, 2001. – С. 273–290.

9. Петраков Н.Я. Трансформация отношений собственности в переходной экономике // Экономика и управление. – М., 2005, № 3 (20). – С. 13.

10. Чайка Ф. Иностранные инвестиции удвоились раньше ВВП // Известия. 11.12.2007. – С. 7.

11. http://www.press-release.ru/branches/oil/47454954b293a/

находится весьма изношенное оборудование. Доля основных фондов, срок эксплуатации которых превысил десять лет, составляет более 80% и ежегодно увеличивается. Один проект замены 968 газоперекачивающих агрегатов оценивается примерно в 6 млрд. долл.[12] По другим данным, инвестиционные потребности газовой отрасли в целом до 2020 г. могут обойтись в огромную сумму – 170–200 млрд. долл. Сюда включены 35 млрд. долл., необходимых для реализации программы освоения газовых ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока и 70 млрд. долл. – для полуострова Ямал[13].

Чтобы разрешить создавшиеся проблемы, российское государство собирается вложить в инфраструктуру в ближайшие десять лет 1000 млрд. долл. (683 млрд. евро). Оно создает в этих целях ряд организаций для управления вливаниями общественных средств в экономику[14]. Создание сетевой инфраструктуры, обеспечивающей бизнесу выгодные условия для работы, – одна из основных задач государства для обеспечения сбалансированного социально-экономического и технологического развития.

Существует авторитетное мнение, что привлечение частного сектора к инфраструктурным проектам может сделать государство «компактным, эффективным и гибким»[15], способствуя тем самым снижению бюрократизации и коррумпированности экономики. При надлежащем подходе взаимоотношения государства и бизнеса они могут превратиться в партнерство, выгодное для обеих сторон и общества в целом. Не следует при этом забывать, что государственные капиталовложения не заменят опыта и знаний частных инвесторов.

Во взаимоотношениях государства и бизнеса в РФ имеется специфика, не содействующая развитию ГЧП. Усиление по всем азимутам экономической роли государства в России сопровождается противоборством тенденций, связанных с выбором направления дальнейшего развития хозяйственного комплекса. В частности, остро стоит проблема соотношения ролей каждой из

12. Кондрачук В.В. Нефтегазовый бизнес России: Политика и экономика. – М., 2005. – С. 61.

13. Глаголев А.И., Демин С.С., Орлов Ю.Н. Долгосрочное прогнозирование газового рынка: Опыт сценарного программирования. – М., 2003. – С.47, 49; http://www.ng.ru/energy/2007-07-10/9_ambitions.html

14. http://fr.today.reuters.com/news/newsArticle.aspx?type=businessnews&storyID=2007-12-07T154709Z_01_GAR756798_RTRIDST_0_OFRBS-RUSSIE-CROISSANCE-20071207.XML

15. См. введение Демидовой Л.С. в кн.: Государство и отрасли инфраструктуры в современной рыночной экономике. – М., 2001. – С. 4–5.

сторон в процессе такого партнерства. Это касается не просто количественного вклада[16], а соотношения прав и обязанностей сторон.

Сегодня все чаще звучат тревожные оценки, согласно которым государство в России стало доминирующим партнером, когда «заведомо неравные» позиции власти и бизнеса могут привести к «профанации идеи частно-государственного партнерства»[17].

Суть равноправного диалога, перефразируя крылатое выражение, в том, что нельзя «командовать бизнесменом», ему надо помогать, постоянно создавая благоприятные условия для эффективной деятельности.

Государство призвано прежде всего формировать в альянсе институциональную среду. В самом деле, ГЧП в России по-прежнему упирается в создание четкой законодательно-правовой базы, гарантий инвесторам и улучшение общего инвестиционного климата в стране. Отсутствуют подзаконная нормативная база, ясное определение прав и обязанностей сторон при передаче госсобственности частному сектору, концепции и стратегии введения концессий как одной из форм ГЧП. Существует и такой пробел в российском законодательстве как отсутствие институтов публичного права и публичной собственности, в рамках которых работает вся система ГЧП на Западе. Кроме того, правовая база должна, наконец, обрести стабильность, а не меняться столь часто, при этом сохраняя вопиющие лакуны. Получается, что, как и в начале XX в., о чем писал еще выдающийся российский ученый И.И. Янжул (1846–1914) «законы… меняются… гораздо раньше, чем старый закон сумел пустить корни и привиться к русской почве»[18]. Без всего изложенного, как, впрочем, и без «упорядочения» налогового режима, благоприятный инвестиционный климат невозможен.

Нельзя не согласиться с предложением начать с продуманного определения того, что́ из производственной инфраструктуры должно оставаться в госсобственности, а что́ может передаваться бизнесу в рамках ГЧП на правах одной из его форм – концессий, управления, владения, пользования[19]. Услуги у нас, в отличие от принятой за рубежом практики, не вошли в список сфер, где могут работать концессионеры. Российский закон разрешает, к примеру, привести в порядок обветшалый водоканал, но не поставлять воду в кварти-

16. Например, отечественный экономист Я.Ш. Паппэ нормальным считает 70–80% вклад частного партнера и соответственно 20–30% – государства. См.: Паппэ Я.Ш. Трансформация крупной собственности в России: Тенденции и риски // Отечественные записки. – М., 2005, № 1. – С. 81.

17. Яковлев А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития в России: До и после «дела ЮКОСа» / Материалы международного научного коллоквиума «Системные изменения в российском обществе: Новые взгляды». – М., 2005. – С. 131.

18. Янжул И.И. Избранные труды. – М., 2005. – С. 214.

19. Варнавский В.Г. Указ. соч. – С. 176.

ры. Между тем в других странах негосударственным операторам частично или полностью передано около 10% услуг по водоснабжению[20].

В России пока более плодотворным оказывается взаимодействие государства с зарубежным бизнесом. Анализ результатов работы примерно 600 совместных с иностранным капиталом предприятий свидетельствует о том, что по показателям эффективности они представляют собой лучшую часть нашей экономики[21].

Недавний пример ГЧП с иностранными контрагентами – создание немецким концерном *EON* в электроэнергетике СП на паритетных началах с российской «СТС-Энерджи» для инвестирования около 2 млрд. евро в регионы РФ с интенсивным промышленным ростом – Урал и Западную Сибирь.

Для России инфраструктурные сетевые отрасли приобретают жизненно важное значение. Без разветвленной сетевой инфраструктуры обширная и малонаселенная страна оказывается в очень уязвимом положении. «Оплодотворите спящие богатства России европейскими капиталами и техникой», – призывал еще в начале XX в. замечательный отечественный ученый-политэконом И.Х. Озеров (1869–1942). Он предлагал выдавать иностранцам концессии на постройку железных дорог в Сибири, куда наше же собственное «население потянулось бы» развивать производительные силы и осваивать территории. При этом ученым было выдвинуто условие – «производить работы трудом русских рабочих из русского материала»[22].

Заявленная позиция перекликается в известной степени с недавним опытом Норвегии в духе налаживания ГЧП в нефтегазовой сфере. До недавнего времени норвежский Закон о нефтяной деятельности (1985) требовал от иностранных ТНК отдавать безусловное предпочтение отечественным товарам и услугам, тогда как национальные компании *Norsk Hydro* (объединена в 2007 г. со *Statoil* под 62,5% контролем государства) и *Saga* (частная) пользовались большей свободой выбора. Впоследствии законодательство поменялось (1995) в результате сближения Норвегии с Евросоюзом – вхождения страны в Европейское экономическое пространство с максимумом экономической интеграции без членства в ЕС. На сегодняшний день на фоне достаточного развития отрасли преференции норвежских товаров и услуг в этой сфере сняты, и конкурентам предоставлены равные возможности для получения заказов.

---

20. Chaussade J.-L. L'accès à l'eau pour tous//Défense nat. P., 2006. – A. 62. – N 11. – P. 82.

21. Журавский Ю.А., Гилева В.К. Анализ параметрических зависимостей менеджмента и собственности. В кн.: Россия в экономических системах всемирного хозяйства: Диалектика содержания и формы собственности (экон. очерки). Ярославль, 2004. – С. 113.

22. См.: Озеров И.Х. Чему учит нас Америка? СПб, 1908. – С. 185–186, 214–215.

Вместе с тем в Норвегии неукоснительно обеспечиваются национально-государственный контроль и присутствие в данной сфере. С начала освоения ресурсов Северного моря (конец 1960-х годов) непременное условие лицензионных соглашений – реализация плана профессиональной подготовки норвежских кадров и передача им технологических знаний и навыков нефтяными ТНК[23]. Это также укладывается в рамки развития партнерства.

В России партнерство государства и частного капитала имеет особое значение для развития Востока страны. В условиях сохраняющейся на данном этапе экспортной ориентации энергетики ГЧП в инфраструктурных отраслях может способствовать созданию общей экономической зоны Европа–Евразия, укрепить энергетическую безопасность, связать между собой хозяйственные системы Востока и Запада. ГЧП призвано стать основой создания в Восточной части РФ новых межотраслевых энергопромышленных *кластеров,* или совокупности промышленных зон, сосредоточенных на определенной территории и являющихся объектом хозяйственной политики государства на основе принципов ГЧП[24]. Имеется в виду одновременное создание промышленных производств и транспортно-энергетической и социальной сетевой инфраструктуры для освоения азиатского пространства страны. Создание инфраструктуры, обеспечивающей бизнесу выгодные условия для работы, – одна из основных задач государства в целях обеспечения сбалансированного социально-экономического и технологического развития. Государство сегодня вкладывает капитал в наименее рентабельную инфраструктурную часть новых мегаэнергетических проектов (строительство дорог, подъездных путей и т.п.) за счет средств Инвестиционного фонда (пример – комплексная программа развития Нижнего Приангарья, проект развития Южной Якутии) и Федеральных целевых программ (например, ФЦП «Дальний Восток и Забайкалье»)[25].

Особый интерес тут представляет опыт ГЧП по транспортировке природного газа. Международное сотрудничество в строительстве трубопрово-

---

23. См.: Ряшин В. Норвежский подход к вопросу увеличения доли национальной составляющей в нефтегазовом секторе. Доклад на Международной энергетической неделе «МЭН-2007». Москва 24 октября 2007 г. – С. 8, 10. Kashani H.A. State intervention causing inefficiency: An empirical analysis of the Norwegian Continental Shelf // Energy policy. 2005. Vol. 33, Oct., N 15. – P. 2008.

24. Об опыте ЕС по проведению государственной политики через кластеры см.: Пилипенко И.В. Конкурентоспособность и интеграция: Кластерная политика в Европейском союзе / Интеграционные процессы в современном мире: Экономика, политика, безопасность. – М.: ИМЭМО РАН, 2007. – С. 24–32.

25. См. подробнее: Павленко С.А. Перспективы развития российской гидроэнергетики. Доклад на II Международной энергетической неделе. Москва, 23–26 октября 2007 г. – С. 8.

дов в отечественной нефтегазовой сфере осуществляется по схеме проектного финансирования (ПФ), которое также представляет одну из форм ГЧП. Инвестируется строительство в счет ожидаемой прибыли от создаваемого предприятия, т.е. окупаемость происходит по экономическому результату. Так создаются целевые СП. В ЕС по подобной схеме построены Евротуннель под Ла-Маншем, трансграничные скоростные железные и автодороги, трансевропейские сети телекоммуникаций и энергетики. Похожие проекты реализуются и в других регионах мира с пропорциональным распределением рисков между участниками, включая государство. С использованием ПФ, например, развивается газпромовский проект «Голубой поток» по дну Черного моря.

В России ГЧП с помощью зарубежных инвестиций применимо в энергетике при сохранении за государством контроля над проектами. Иными словами, на началах разграничения доступа к энергоресурсам и права собственности (как на Штокмановском газовом месторождении при участии «Газпрома», французской *Total* и норвежской *StatoilHydro*). Природная рента – естественное преимущество, не подлежащее дележу ни с кем. Вопрос в грамотном его использовании, в частности, на сокращение в будущем зависимости от нефтегазовых бюджетных поступлений и подавление «голландской болезни», которую у РФ отмечает Европейская экономическая комиссия ООН, а также признают авторитетные отечественные эксперты[26].

По этой же причине аналитики Всемирного банка в специальном докладе, посвященном России (декабрь 2006 г.), пришли к выводу о формировании новой экономической стратегии, «смещении акцента». Это выражается в отходе от классического либерального экономического курса, направленного на создание равных условий для частных инициатив и предпринимательства, в сторону «промышленной» или «региональной» политики, задача которой – «создание особых условий для приоритетного развития определенных секторов, регионов или предприятий». Специалисты этой организации считают логичным, что для роста конкурентоспособности на международных рынках и снижения зависимости от сырьевых отраслей «требуется государственное вмешательство». Главная цель диверсификации, поощрения инновационной экономики, развития конкурентных отраслей у экспертов ВБ «находит и по-

26. См., в частности: Economic Survey of Europe. N.Y.; Geneva: UN, 2004. N 2. – P. 42. Гутник В.П. Перспективы вхождения России в общее европейское экономическое пространство // В кн.: Расширение ЕС на восток: Предпосылки, проблемы, последствия. – М.: Наука. 2003. – С. 308; Оболенский В.П. Внешняя торговля России: Темпы сверхвысокие, товарное наполнение прежнее // МЭ и МО. 2006. № 1. – С. 78; Клинов В.Г. Как лечить больную экономику. «Голландская болезнь» и энергетическая политика России // Россия и современный мир. – 2007, № 4. – С. 5–21.

Economic Survey of Europe. N.Y.; Geneva: UN, 2004, N 2. – P. 42.

нимание, и одобрение»[27]. Вопрос в том, какие методы используются – малоэффективные административные или рыночные.

Для совершенствования механизмов ГЧП необходимо формирование *конкурентной среды*, чему способствует включение российской экономики в процессы глобализации. По данным *Ernst&Young*, РФ в 2005 г. вышла на второе после Польши место по новым ПИИ среди европейских стран[28]. Рост отечественной экономики побуждает зарубежный капитал инвестировать в сферу услуг РФ[29]. Однако пока оснований для оптимизма немного, так как из-за сохраняющейся сырьевой ориентации экономика, по меткому замечанию Р.С. Гринберга, по-прежнему «растет, а не развивается»[30]. Этот феномен можно объяснить изъянами инвестиционного климата, нехваткой доверия российских экономических агентов к государственной политике формирования деловой среды вкупе с недостаточной эффективностью отечественного банковского сектора.

Формирование конкурентной среды требует также снятия препятствий на пути развития сотрудничества отечественного бизнеса за рубежом, что важно не только для отдельных предприятий, но и для экономики РФ в целом[31]. Страны ЕС настороженно относятся к стремлению российских компаний с участием госкапитала инвестировать в их инфраструктурные сети, считая это экспансией. Компании с участием государственного капитала, занимающие монопольное положение в своих странах, воспринимаются в Евросоюзе как иностранные «агенты влияния». В ЕС усиливается отрицательное отношение истеблишмента к госсобственности. Именно ради облегчения процессов интеграции там была осуществлена массовая приватизация в конкурентных секторах экономики. В определенной степени неблагожелательным приемом в Евросоюзе (наряду с основной целью – необходимостью осваивать восточные регионы страны) объясняется разворот отечественных компаний на Восток[32]. Возможно также, что руководству РФ показался привлекательным опыт китайских нефтяных госкорпораций. Государственная принадлежность капита-

---

27. См.: World Bank Moscow Office. Economic Units. Доклад об экономике России. 2006 г., дек. № 13. – С. 15 (http://ns.worldbank.org.ru/files/rer/RER_13_rus.pdf).

28. http://rian.ru/analytics/20050714/40908209.html

29. См. Кузнецов А.В. Немецкий бизнес: Снова в Россию // Эксперт. 2007. 29 окт.–4 ноября. № 40 (581). – С. 188.

30. Цит. по: Известия. 14.11.2007. – С. 10.

31. Тематическое исследование о вывозе прямых иностранных инвестиций российскими предприятиями // ЮНКТАД. 2 November 2005. TD/B/COM.3/EM.26/2/ADD.4. – P. 22.

32. См. подробнее: Klinova M. V. The Transformation of State Enterprises in Russian Networks, 1990–2005. – P. 166–167. In: Transforming Public Enterprises in Europe and North America: Networks, Integration and Transnationalisation. Ed. by Clifton J., Comín F., Díaz D. L.: Palgrave Macmillan, 2007. – XVI, 243 p.

ла не мешает им развивать бурную деятельность в нефтегазовой сфере за рубежом, участвуя в ГЧП в различных регионах мира – и в Азии, и в Африке, и в Южной Америке, и в Австралии[33].

На мой взгляд, повышение роли частного капитала (с одновременной поддержкой его на внешней арене государством в процессе настраивания коммерческих связей с партнерами) могло бы противостоять подобным опасениям. В эпоху глобализации устанавливать и развивать взаимоотношения между контрагентами необходимо и возможно только на основе консенсусного подхода. И сегодня из четырех российских гигантов, возглавляющих рейтинг 25 российских ТНК – «Газпром», «Лукойл», «Северсталь» и «Русал» – три последние компании – частные. В совокупности на эти четыре ТНК приходится 78% российских зарубежных активов. Подавляющая часть отечественных активов за границей размещена в странах Западной и Восточной Европы (63%). Для сравнения: в СНГ – всего 22%[34].

Что касается перспектив ГЧП внутри страны с участием отечественного хозяйственного фактора – частного предпринимательства – его взаимодействия в экономике с государством, полагаю уместным привести в заключение высказывание уже упомянутого российского ученого И.Х. Озерова: «С осуществлением *правового строя* даровитое русское население… проявит свою энергию…»[35] (курсив мой. – М.К.).

33. См: Kang Wu, Shair Ling Han. State company goals give China's investment push unique features // Oil &Gas Journal. 2005.Vol.103. Apr. 18. Iss. 15. – P. 18–20, 20–25.

34. Известия. 12.12.2007. – С. 10.

35. Озеров И.Х. Указ. соч. – С. 215.

В.С. Селин, В.А. Цукерман

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ В АРКТИКЕ

Селин Владимир Степанович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических проблем Кольского научного центра РАН.

Цукерман Вячеслав Александрович – кандидат технических наук, заведующий отделом промышленной и инновационной политики Института экономических проблем Кольского научного центра РАН.

Роль арктических территорий и акваторий в отечественной социально-экономической системе будет только возрастать, что обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, это огромные запасы природных ресурсов, внимание к которым мирового сообщества будет возрастать по мере их истощения в других мегарегионах. В принципе, движение человека на Крайний Север всегда было в подавляющей мере связано с борьбой за ресурсы, и в обозримой перспективе эти тенденции сохранятся. Во-вторых, это транспортные коммуникации, временно находящиеся в стадии спада, но могущие резко укрепить свои позиции при благоприятных климатических условиях. В-третьих, это серьезный экологический резерв, имеющий не только биологическое, но и рекреационное значение. Наконец, это огромные пространства суши и воды, площадь которых исчисляется в миллионах квадратных километров, а хозяйственное значение в определенных условиях может многократно возрасти.

Новые тенденции в позицировании государств и компаний на арктических акваториях и шельфе связаны с ожидаемым в ближайшие 15 лет крупномасштабным освоением месторождений углеводородного сырья. Однако расстановка сил и интересов здесь достаточно противоречива, в том числе в

связи с отсутствием признанных мировым сообществом подходов к демаркации шельфовых границ. Определенные дополнительные проблемы вносит прогнозируемое изменение климата, последствия которого для политических и экономических процессов в мировой Арктике пока трудно предсказуемы.

В условиях глобализации геополитическое и геоэкономическое положение страны непосредственным образом зависит от национального положения и способности действовать в Мировом океане, важной составной частью которого являются арктические акватории. Для России морские перевозки имеют огромное значение, особенно там, где данный вид транспорта является доминирующим. Эти два направления деятельности и определяют как проблемы, так и приоритеты национальных интересов.

При исследовании геоэкономического позицирования и перспективной динамики социально-экономических процессов в российской Арктике следует исходить из двух основополагающих принципов:

глобальности – то есть российская Арктика является составной частью мировой Арктики и все процессы в ней необходимо исследовать с учетом международных тенденций и нормативных актов, расстановки действующих здесь сил;

суверенности – то есть российская Арктика является важнейшей частью национальной социально-экономической системы и все меры регулирования должны быть направлены на защиту национальных интересов и суверенитета Российской Федерации.

К сожалению, международные тенденции в Арктике очень существенно отличаются от отечественных практически по всем основным направлениям:

демографическое – в российской части за годы реформ население уменьшилось более чем на 30%, а в зарубежной оно почти на столько же выросло. В результате деловой центр штата Аляска г. Анкоридж по населению вплотную приблизился к г. Мурманск, хотя еще в 1990 г. отставал по этому показателю в два раза;

финансовое – только арктические регионы РФ перечисляют в федеральный бюджет больше, чем получают в виде обратных трансфертов. При этом уровень их бюджетной обеспеченности даже несколько ниже, чем в среднем по стране;

инфраструктурное – состояние инфраструктуры серьезно сдерживает реализацию инвестиционных проектов, в том числе в части освоения углеводородного сырья шельфа. В настоящее время на грани полной остановки находится значительная часть портов. Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием в Республике Саха (Якутия) менее 3 тыс. км, а в том же штате Аляска, который в два раза меньше по площади, превышает 20 тыс. км.

С точки зрения долговременных тенденций можно предполагать, что одним из важнейших факторов, определяющих расстановку и взаимодействие

различных сил в XXI в., будет борьба за ресурсы. В этой связи вероятно объективное нарастание геоэкономических противоречий в Арктике, связанное с ее ресурсным потенциалом и транспортным значением, с одной стороны, и с отсутствием признанной и нормативно оформленной демаркацией морских пространств и шельфа – с другой.

Свой вклад в эти противоречия могут внести и климатические изменения, хотя соответствующие тенденции признаются мировым сообществом достаточно противоречивыми. В последние десятилетия в большей части Арктики температура выросла, особенно в зимний сезон. Потепление на Аляске и в северо-западных территориях Канады составило 3°С за последние 50 лет. За 100 лет примерно на 8% выросло количество осадков, а уровень мирового океана повысился на 10–20 см, в том числе за счет таяния льдов: в последние 30 лет среднегодовая площадь морского льда уменьшилась примерно на 8%, а сам он стал тоньше на 10–15%[1].

К концу XXI в. прогнозируемый рост средней температуры в арктическом регионе составит 3–5°С над сушей и до 7°С над океаном. При этом можно ожидать сокращения площади морского льда на 10–50%, некоторые модели показывают почти полное его исчезновение летом. Дополнительный подъем уровня моря составит 10–90 см. Однако влияние возможных изменений климата как на освоение шельфовых месторождений, так и на морские коммуникации в Арктике, также достаточно противоречиво.

В настоящее время основные риски в неразграниченных пространствах арктического бассейна носят не только политический, но и экономический характер. Борьба ведется за ресурсы рыболовства, так, на Берингово море приходится почти 50% общего вылова США, а для Норвегии продукция рыболовства – вторая по значимости статья экспорта (более 3 млрд. евро). Углеводородные ресурсы арктического шельфа превышают 100 млрд. т.у.т., из них практически 2/3 приходится на российскую Арктику. При этом объем добычи на норвежском шельфе будет неуклонно падать (сейчас обеспечивает почти половину общего объема потребления в ЕС). Особое значение приобретают транспортные коридоры и их режим (национально-ресурсный или свободный). Как правило, конкуренция в этих сферах сопряжена, а мотивы сторон при рассмотрении с точки зрения указанных направлений тесно переплетены. Противоречия определяются борьбой за правовой контроль над пространствами, финансовый и технологический контроль за видами деятельности. Военный контроль (как и экологическая политика) – дополнительный инструмент обеспечения экономических интересов.

---

1. ACVA. Impacts of Warming Arctic: Arctic Climate Impacts Assessment. Cambridge University Press. 2004.

Расстановка сил в мировой Арктике неоднозначна. Даже у таких интегрированных партнеров, как США и Канада, возникали неоднократные разногласия в отношении арктических проливов, в том числе в связи с учетом возможных климатических изменений. Серьезные споры существуют у той же Канады с Данией из-за небольшого островка Ханса, затерянного в арктических льдах между датской Гренландией и крупным канадским островом Эльсмер. Считается, что прилегающая акватория богата ценными морепродуктами, а шельф – запасами нефти, поэтому удовлетворяющее обе стороны решение не видится даже в проекте. Есть разногласия в отношении отдельных участков Арктики между Данией и Норвегией. Между тем перечисленные страны являются членами НАТО. Все эти моменты Российская Федерация должна не только учитывать, но и использовать в своей политике позиционирования.

Динамика российского нефтегазового сектора и интегрированных с ним отраслей уже в ближайшее десятилетие в усиливающейся мере будет зависеть от роста добычи на шельфовых месторождениях. Однако при этом необходимо иметь в виду, что затраты на разведку и освоение сырья на суше составляют в России в среднем 2,5 долл. за баррель, а на морских объектах – как минимум в 3 раза выше. Если учесть огромный объем материковых залежей (по мнению экспертов, Западная Сибирь может дать еще 15 млрд. т нефти), то быстрый рост разведочных и добычных работ на шельфе, особенно на арктическом, вызывает определенный скепсис.

С другой стороны, можно выделить факторы, определяющие корпоративный и государственный интерес к этому направлению. Во-первых, освоение морских объектов сырья – это высокотехнологичная задача, определяющая инновационное развитие целых отраслей и регионов, формирование новых кластеров конкурентоспособности. Это очень важно, особенно учитывая наше отставание более чем от 20 стран, осваивающих морские месторождения углеводородов, включая глубоководные (глубины более 500 м), которое исчисляется уже не годами, а десятилетиями.

Во-вторых, последнее время значительно активизировались различные общественные (а иногда и политические организации) и клубы в обсуждении вопросов освоения шельфа. Постоянно говорится о необходимости его передачи под международный контроль, если суверенные права соответствующих государств на его освоение практически не используются. Не вызывает сомнения, что речь идет прежде всего о России, к которой относится 20% площади мирового шельфа, причем 85% классифицируется как категория «Д», т.е. пространство с не только неразрабатываемыми, но и практически неразведанными ресурсами.

На состоявшейся в 2006 г. Вильнюсской конференции глав стран Восточной Европы прозвучал доклад вице-президента США Д. Чейни, рассмат-

риваемый экспертами как программный документ, стержневая часть которого посвящена использованию и контролю российских энергоресурсов. В лишенной дипломатических тонкостей категорической форме он предложил России допустить США и ряд стран ЕС к процессу диверсификации источников энергии за счет ресурсов РФ и транспортировки их транснациональными компаниями на мировой рынок при неограниченном использовании американских технологий в ходе добычи нефти и газа на российском шельфе[2].

Собственно, примерно такую же позицию занимают и стратеги известного «Северного измерения» Европейского союза, которые считают важнейшим элементом ускорения динамики экономического развития своих новых восточных «союзников» именно опору на ресурсы России.

Преобладающая часть морских углеводородов залегает в Баренцевом и Карском морях (Западный арктический шельф) и в Охотском море (Дальневосточный шельф). Бурение разведочных скважин проведено только на 11 прогнозных залежах, в результате подтверждены только 6% начальных суммарных запасов шельфовой нефти и 11% начальных суммарных запасов газа[3].

В марте 2006 г. Правительство Российской Федерации утвердило Стратегию изучения и освоения нефтегазового потенциала континентального шельфа на период до 2020 г., основной целью которой является формирование ресурсной базы углеводородов, гарантирующей энергетическую и экономическую безопасность страны и устойчивое развитие топливно-энергетического комплекса в условиях возрастающей потребности экономики в энергоресурсах. Предполагается решение следующих задач:

– ожидаемые объемы добычи нефти на участках недр континентального шельфа Российской Федерации составят к 2010 г. – до 10 млн. т, к 2020 г. – до 95 млн. т; объем добычи газа к 2010 г. – 30 млрд. м^3, к 2020 – не менее 150 млрд. м^3;

– ожидаемый объем привлечения инвестиций в развитие морского нефтегазового и судостроительного комплексов составят 2,1–3,3 трлн. руб., затраты федерального бюджета в период с 2006 г. по 2020 г. – около 33 млрд. руб.;

– около 70% нефти и более 90% добычи газа будет производиться в Западной Арктике, при этом предполагается продажа на экспорт до 50% газа после его сжижения.

---

2. Смоловский А. Инфраструктура базирования ВС (ВМС) США и НАТО по периметру западных и южных границ России // Морской сборник, 2006, № 9. – С. 51.

3. Ильинский А.А., Мнацаканян О.С., Череповицын А.Е. Нефтегазовый сектор Северо-Запада России. Стратегический анализ и концепция развития / СПб.: Наука, 2006. – 475 с.

Кроме того, материально-техническое обеспечение отработки месторождений требует организации морских арктических грузопотоков в объемах до 1% от масштабов добываемого сырья, что составит к 2020 г. 1,5–2 млн. т в год. Что касается направлений и структуры морских перевозок, то они в значительной мере связаны с позицированием отечественных производителей на мировых энергетических рынках.

Однако при этом следует ожидать сохранения наметившейся в конце XX – начале XXI в. тенденции к увеличению вероятности появления айсбергов в районах северных морских месторождений, включая Штокмановское. Сохраняется риск вторжения тяжелых паковых льдов в южные районы Баренцева моря. Необходим пересмотр полученных ранее оценок экстремальной высоты волн, значения которых заложены в проектные решения буровых платформ для нефтяных и газовых месторождений. Что касается айсбергов, то с учетом данных последних десяти лет вероятность их столкновения с платформой в районе Штокмана выросла в 8 раз.

Освоение в ближайшей перспективе углеводородного сырья арктического континентального шельфа и как следствие увеличение перевозок требует пересмотра концепции развития Северного морского пути (СМП). По словам заместителя руководителя Федерального агентства морского и речного транспорта Минтранса РФ Д. Дмитриенко, роль государства в формировании арктической морской транспортной системы заключается в создании благоприятных условий для надежного функционирования трассы СМП и подготовке всей необходимой транспортной инфраструктуры. Реформирование управления СМП определяется необходимостью перехода к комплексному регулированию деятельности частных судоходных компаний со стороны федеральных государственных организаций. В разработанной Министерством транспорта концепции развития СМП предусмотрено создание управляющей компании в форме акционерного общества со 100%-ным участием государства, в состав которой войдут ледокольный флот и другие объекты, обеспечивающие судоходство по СМП.

Западная Арктика России располагает мощной портовой инфраструктурой и базами флота, к тому же динамично развивающимися, что позволяет рассматривать ее как центр поддержания влияния России как в Северном Ледовитом океане, так и в мировой Арктике. Нет необходимости напоминать, что именно в северных регионах России расположена основная часть ее природных богатств: около 80% нефти, более 90% газа, 46% олова, около половины ниобия и фосфорного сырья, более 80% никеля и т.п. Защита этого достояния, в том числе экономическими методами, должна рассматриваться как важнейший фактор сохранения и развития суверенитета страны. Именно арктические пространства могут в значительной мере компенсировать России геоэкономические потери, которые она понесла за последние 15 лет. Страна

может восполнить стратегический дефицит пространства через расширение доступа к открытым северным акваториям Атлантики и Тихого океана взамен попавших под двойной контроль НАТО и теряющих экономическую привлекательность путей через Балтику и Черное море[4].

Однако влияние климатических изменений на коммерческое судоходство по трассе СМП достаточно противоречиво. Проанализировав основные тенденции в Арктике «Госгидромет», пришел к выводу, что наиболее вероятной тенденцией на ближайшие 10–15 лет является дальнейшее сокращение площади ледового покрова. Однако при этом возникнут новые проблемы, связанные с появлением айсбергов, паковых льдов, усилением обледенения судов, что потребует новых методов мониторинга судоходства, условия которого в целом будут оставаться исключительно тяжелыми. Существует вероятность крайне тяжелых условий в проливах Велькицкого, Штокмановского, Санникова и Лонга с сокращением продолжительности сквозного плавания по СМП без ледовой проводки до 10–15 суток в год.

Что касается национального суверенитета над арктическими акваториями, то особый режим мореплавания по Северному морскому пути может существовать согласно статьи 214 Конвенции ООН по морскому праву лишь тогда, когда акватория закрыта льдами более шести месяцев в году. По мнению экспертов, в ближайшей перспективе (до 2015 г.) исключительные права Российской Федерации в Арктике сохранятся[5].

Таким образом, экономическим содержанием морской политики в Западной Арктике можно считать стратегическое завоевание и удержание конкурентных преимуществ в освоении ресурсов и использовании морских коммуникаций региона в условиях нарастающей глобализации и экспансии мировых держав. Необходимо отметить, что именно в этом районе расположены основные российские порты и базы ледокольного флота, обеспечивающие функционирование всей трассы Северного морского пути.

Велика роль районов Севера в обороноспособности России, в контроле над морским, воздушным и космическим пространством Арктики, в сдерживании военно-политического давления стран НАТО и США в арктическом геополитическом пространстве. Здесь дислоцирована значительная часть Вооруженных Сил России, крупнейшие оперативно-стратегические объединения Военно-Морского флота. По Северному Ледовитому океану и северным дальневосточным морям на протяжении более 20 тыс. км проходит государственная граница Российской Федерации. Важную роль в обеспечении национальной безопасности играют острова арктической зоны России, на ко-

4. См.: Арктика: Интересы России и международные условия их реализации / Борисов Ю.Г., Корзун В.А., Могилевич И.М. и др. – М.: Наука. 2002. – 356 с.

5. Партнерство за Полярным кругом // Круглый стол / «Гудок», № 170, 24.09.2007.

торых расположены оборонные объекты, пограничные заставы, полярные гидрометеорологические станции и посты, научные станции и экспедиции. Оборонное значение Севера обусловливается также тем, что в настоящее время только через арктические и дальневосточные моря обеспечивается полностью открытый доступ России в Мировой океан и открывается широкий оперативный маневр для действий подводных сил флота.

Национальные интересы России в Арктике, исторически сложившиеся в основных сферах государственной деятельности, – политической, экономической, военной, научной, – распространяются не только на континентальную часть страны, но и морские акватории: исключительную экономическую зону и континентальный шельф, пространство СЛО Северного Ледовитого океана, находящиеся за пределами юрисдикции прибрежных государств.

Важным компонентом российских интересов является необходимость реализации международных требований в области обеспечения транспортной безопасности как обязательного условия конкурентоспособного присутствия российских перевозчиков на мировом рынке. Отдельные вопросы в данной области нашли свое отражение в ряде законодательных актов (Кодекс торгового мореплавания РФ, Кодекс внутреннего водного транспорта РФ и некоторых других). Однако единая государственная система обеспечения транспортной безопасности в российском законодательстве отсутствует, а разрозненные правовые нормы не соответствуют характеру и уровню потенциальных угроз[6].

Важным элементом транспортной безопасности является противодействие терроризму. К основным направлениям терроризма на море относятся: нападения на морской сектор экономики (корабли, порты, объекты инфраструктуры); аренда кораблей и судов для перевозки обычного оружия, оружия массового поражения и наркотиков; морское пиратство, приносящее ежегодный ущерб мировым морским перевозкам не менее 450 млн. долл.; угроза интересам государства при нарушении водных путей и маршрутов; нападения на объекты морской индустрии и морских путешествий; нарушение морского судоходства и рыболовства; нарушение морской производственной деятельности на континентальном шельфе; нападения на морские объекты и инфраструктуру, которые могут привести к экологическим катастрофам в регионах[7].

С учетом всего сказанного Российская Федерация, объективно заинтересованная в сохранении и укреплении присутствия в Арктике, должна приме-

6. Концепция транспортной безопасности Российской Федерации http: // www.oftb.org?rus/info/concept_O.html.

7. Жаринов Н., Иванов Г. Актуальные проблемы борьбы с терроризмом на море в интересах экономической безопасности // Морской сборник, 2006. – № 5.

нить все необходимые меры для усиления своих естественных конкурентных преимуществ в данном регионе. Основными ее приоритетами являются:

– защита суверенитета и национальных интересов в освоении природных ресурсов Арктики и их транспортировке на внешний и внутренний рынок, сохранение контроля за деятельностью отечественных и международных корпораций на объектах шельфа;

– использование противоречий между странами, обладающими особыми правами на арктические акватории, для укрепления позицирования Российской Федерации в Арктике;

– стратегическое усиление присутствия государства и национальных компаний в Арктике с учетом климатических изменений и сохранения режима, предусмотренного статьей 214 Конвенции ООН по морскому праву;

– создание режима благоприятствования для развития арктических портов, в том числе с использованием механизма создания особых портовых экономических зон для обеспечения коридоров Европа – Азия и Россия – Америка;

– содействие возрождению и развитию отечественного судостроения на новой, инновационной основе с целью обеспечения разведки, добычи и крупномасштабных перевозок углеводородного сырья (включая использование ледокольного флота);

– формирование режима транспортной безопасности на морских коммуникациях и объектах, включая предотвращение террористических актов и иных преступлений;

– развитие правовых основ арктического мореплавания, в том числе в сферах страхования грузов и ответственности перевозчиков, тарифного регулирования, повышения инвестиционной привлекательности проектов морской экономики.

И.С. Гумарова

ОСВОЕНИЕ АРКТИЧЕСКОГО ШЕЛЬФА: РОССИЯ И НОРВЕГИЯ ± ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПАРТНЕРЫ

Гумарова Ирина Сергеевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

В XX в. выдвижению Арктики на передний план развития экономики способствовали рост спроса на нефть и ее быстрорастущая добыча в СССР (годовой рубеж в 300 млн. т был превышен в 1973 г.). Эффективность поисково-разведочных работ на шельфах Баренцева и Карского морей не имеет аналогов в мире за последние 30 лет. Пик открытий пришелся на 1980-е годы. Всего выявлено 11 месторождений, среди которых уникальные по запасам газоконденсатные месторождения Штокмановское, Русановское, Ленинградское, Ледовое и гигантское нефтяное месторождение Приразломное.

Крупнейшим достижением российских ученых в конце XX в. стало получение достоверных доказательств того, что арктический шельф является супергигантским нефтегазоносным районом мира, вмещающим не менее 100 млрд. т условного топлива в нефтяном эквиваленте[1]. Нефтегазовые месторождения Арктики образуют ряд провинций на суше (Тимано-Печорская, Западно-Сибирская и др.) и шельфовый супербассейн. Специалисты сходятся во мнении, что добыча нефти и газа в шельфовой зоне северных морей станет к середине XXI столетия основой развития ТЭК России[2].

Напомним, что российский арктический шельф является самым большим в мире. В пределах сектора континентальный шельф России охватывает площадь 6,19 млн. км^2, что составляет 41% от площади всей акватории Арктики.

1. Грамберг И.С., Лаверов Н.П., Додин Д.А. и др. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии). – СПб.: Наука, 2000. – С. 76–80.

2. Могилевкин И.М. и др. Указ. соч. – С. 121.

Объем прав России в Арктике зависит от международно-правового статуса арктических пространств.

Доказательство того, что большая часть дна Северного Ледовитого океана от евразийского побережья до Северного полюса является продолжением Сибирской континентальной платформы и, следовательно, естественным продолжением России, дает нашей стране право на распространение своих исключительных суверенных прав на ресурсы континентального шельфа в пределах своего арктического сектора. Оформление прав России в порядке, установленном Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., позволит на законном основании установить внешнюю границу континентального шельфа за пределами 200-мильной экономической зоны.

Истории известны факты защиты Россией своих интересов в Арктике. В ответ на выступление госсекретаря США по морским делам в 1924 г. советское правительство в меморандуме от 4 ноября 1924 г. повторило ноту российского МИДа 1916 г. о включении в состав Российской империи всех земель, составляющих продолжение на север Сибирского континентального плоскогорья. Советский арктический сектор был закреплен Постановлением Президиума ЦИК и СНК от 15 апреля 1926 г.[3] Но у российских соседей по Арктике есть одно преимущество правового плана. Со школьных времен всем знакома пунктирная линия, обозначающая арктические владения СССР, а впоследствии и Российской Федерации. Точно такой же сектор в 1925 г. первой выделила Канада, и если ей удалось закрепить права на свой сектор в некоторых договорах с соседними государствами, то наш сектор международными двусторонними документами никак не закреплен. А принятый в 1998 г. Государственной думой РФ Федеральный закон «Об арктической зоне Российской Федерации» закрепляет преимущество Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. над федеральным законом, тем самым сокращая российский арктический шельф на 1,7 млн. км[4].

Мощным раздражителем мировой общественности является то, что ресурсы нефти и газа арктических акваторий России поражают своей оценочной величиной при сравнении с аналогичными ресурсами зарубежной Арктики. Если прогнозные ресурсы нефти российского сектора по максимальным оценкам достигают 24 млрд. т, то следующие по величине канадские и норвежские нефтяные залежи – 9,5 и 8,5 млрд. т соответственно.

На сегодняшний день ни одна страна не получила от Комиссии ООН по границам континентального шельфа права на владение шельфом за предела-

3. Сектор между 32 04 35 в.д. и 168 49 30 з.д. за исключением восточных островов архипелага Шпицберген, так как суверенитет Норвегии над архипелагом закреплен условиями Парижского договора 1920 г.

4. www.council.gov/print/lawmaking/sf/document/item/4455/index.html

ми 200-мильной зоны. Для стран, желающих увеличить свои арктические владения, Комиссией ООН разработаны определенные условия подачи заявок. Государствам, присоединившимся к Конвенции по морскому праву до 13 мая 1999 г. (Россия присоединилась в 1997 г.), следует подать заявку до 13 мая 2009 г. Остальным предоставляется десятилетний срок с момента ратификации конвенции. Норвегия присоединилась в 2006 г., Канада – в 2003, Дания – в 2004[5]. Комиссия по континентальному шельфу ООН рекомендовала России скорейшим образом заключить договоры о разграничении морских пространств с Норвегией, США и Японией. Что касается российско-американских отношений в области разграничения морских пространств, то на основании Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.[6], страны временно применяют договор Бейкера-Шеварднадзе 1990 г., который Россия на данный момент не ратифицировала[7]. «Линия Бейкера-Шеварднадзе» разграничивает морские пространства в Беринговом и Чукотском морях. С подписанием Договора исторически сложившаяся линия разграничения морских пространств между Россией и США, установленная в 1867 г., была изменена в пользу Соединенных Штатов. Уже в XXI в. российскими законодателями не раз поднимался вопрос о пересмотре Договора, американская сторона отвечает отказом и предлагает сначала ратифицировать Договор, предусматривая компенсации российской стороне. Поэтому обсуждение этой проблемы превратилось в длительный переговорный процесс[8]. Результативность переговоров с Японией зависит от вопроса о статусе Курильской гряды. Сложнее всего урегулировать территориальный спор с Норвегией, который длится уже 75 лет[9].

Несмотря на множество схожих черт, начиная от географических условий и заканчивая высокой степенью участия государства в судьбе топливно-энергетического комплекса страны, сотрудничество России и Норвегии в нефтегазовой сфере характеризуется крайне низкой активностью и находится в зачаточном состоянии. Из наиболее заметных совместных проектов можно обозначить лишь совместную работу «Statoil» и «Газпрома» на Медынско-Варандейском месторождении и участие норвежцев в освоении Харьяги.

Такая ситуация складывается отнюдь неспроста. Трудности в отношениях с норвежскими компаниями вызывает проблема неурегулированности спора по поводу так называемой «серой зоны». Спор идет из-за метода разметки морской границы между Шпицбергеном и Новой Землей. Россия тре-

5. There is no chill in the Arctic // The Financial Times, Aug. 21, 2007; Battle Arctic oil hinges on UN panel // The Financial Times, Aug. 09, 2007.

6. www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36152.html

7. www.finam.ru/analysis/forecasts00883/default.asp

8. www.finiz.ru/cfin/tmpl-art/id_art-5426, www.ng.ru/politics/2002-09-24/2_gp.html

9. Голубчиков С. Политическая геология // Независимая газета. – 26 сент. 2007 г.

бует провести границу по «северному» принципу, продолжив на север линию советских полярных владений, определенную в 1926 г.[10] Советский вариант раздела норвежская сторона не признает и ссылается на международную практику раздела морских территорий, которая отталкивается от контура побережий приграничных стран[11]. Данный спор может стать внутренним спором «Большой восьмерки», так как разработанная Норвегией единая политика по освоению северных областей (White Paper) предполагает переговоры с США, Канадой, Францией и Германией[12]. Отстаивание же своих интересов Россия может проводить, активно участвуя в глобальной инициативе ЕС под названием «Северный морской коридор» (СМК). Тем более что Россией СМК рассматривается в качестве западной составляющей Северного морского пути[13]. Территориально СМК охватывает огромное пространство от континентального побережья Европы и Великобритании на юге до Норвегии и России на северо-востоке, Исландии и Гренландии на северо-западе. Проект рассматривает регион Баренцева моря в перспективе как новую глобальную нефтяную провинцию. Геополитическая ситуация и высокие цены на нефть стимулируют развитие морских транспортных каналов и способствует более тесной кооперации промышленного потенциала и ресурсов стран, входящих в проект.

С началом геополитической борьбы за арктический шельф проявилась тенденция к обострению противоречий между государствами. На предъявление Россией претензий в Арктике норвежцы отреагировали подготовкой к началу в 2015 г. масштабных работ по добыче нефти на Шпицбергене и примыкающей к нему с севера акватории. Добыча нефти и газа намечена также вблизи автономных от Дании Фарерских островов и в акватории между Исландией и датской Гренландией. Совокупные ресурсы месторождений этой зоны сопоставимы с углеводородными запасами в российском секторе Баренцева моря[14]. Складывается ситуация, когда арктические соседи России выходят на мировой топливный рынок с конкурирующими проектами. Норвежский сжиженный газ, добываемый на месторождениях Северного и Норвежского морей, законтрактован до 2025 г. на поставки в США и Канаду. Развивая добычу сырья на севере Баренцева моря, Норвегия намерена форси-

10. Советский арктический сектор закреплен Постановлением Президиума ЦИК и СНК от 15 апреля 1926 г.

11. Лебедев И., Удальцов В. Граница нефти // «Нефть России», 2003. – № 3.

12. Текст документа см.: www.dep.no/ud/ebgelsk/publ/p10001859/032181040002/dok-bn.html.

13. Выступление заместителя председателя ГД РФ А. Чилингарова на международной конференции «Северный морской коридор», г. Архангельск, 15 мая 2007 г. www.severinform.ru.

14. Гонка на шельфе // Российская бизнес-газета. – № 621. – 18 сент. – 2007 г.

ровать конкуренцию с Россией в освоении газовых ресурсов бассейна Баренцева моря. Быстрое введение в строй российского Штокмановского проекта заведомо дает России преимущества в газообеспечении Европы. Поэтому вполне закономерным является решение нашей страны привлечь норвежские компании к освоению Штокмановского месторождения. Совместное участие в освоении месторождения может как подтолкнуть государства к решению вопроса о «серой зоне», так и временно его заморозить.

Проведение границы в «серой зоне» позволит обеим странам посредством участия в Штокмановском проекте создать единое газовое мегаполе. При данном сценарии развития событий у России появится шанс вступить в новую, более продуктивную фазу отношений в энергетической сфере с Европейским союзом и США. Ориентации на сотрудничество с Норвегией во внешней энергетической политике России способствуют несколько важных факторов.

Во-первых, Норвегия имеет вторую по величине после российской долю европейского рынка газа (18%), и ее энергетическая политика не вызывает вопросов у европейских законодателей. Норвегия остро нуждается в увеличении своих газовых запасов для удержания уровня экспортных поставок, и наиболее логичным партнером на европейском рынке для норвежцев является именно Россия, а не третий крупный газовый игрок Европы – африканский Алжир.

Во-вторых, Норвегия – член НАТО с момента основания организации, поэтому американский вектор во внешней политике страны весьма велик. Стоит сказать о том, что командование НАТО с середины 1970-х годов стало рассматривать Норвегию как возможного поставщика нефти для военных нужд организации в случае военного конфликта с СССР и его союзниками по Варшавскому договору. Серьезным внешнеполитическим фактором норвежский нефтегазовый комплекс стал в 1985 г., когда администрация Рейгана рассматривала возможность введения эмбарго против Советского Союза в ответ на непрекращающиеся боевые действия в Афганистане[15]. Именно в тот момент американцы настаивали на ускоренном общеевропейском развитии крупнейшего газового месторождения Troll, открытого в 1979 г. «как альтернативного источника природного газа в рамках Северо-Атлантического альянса»[16]. Сегодня при поддержке США Норвегия строит огромный комплекс для приемки природного газа в рамках проекта освоения газового месторождения Snohvit в Баренцевом море. В сжиженном виде, по предварительному

15. Рогинский С.В. Черное золото страны викингов. – М., 2001. – С. 141.

16. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М., 2001. – С. 792.

плану, газ будет транспортироваться до американского порта Коув Пойнт[17]. Напомним, что «Газпром» с 2005 г. осуществляет поставки сжиженного природного газа (СПГ) в Коув Пойнт по схеме замещения. В перспективе это направление может предусматривать экспорт СПГ со Штокмана через Snohvit на привлекательный для российских экспортеров энергоносителей американский рынок.

В-третьих, долгий и продуктивный опыт газодобычи на морском шельфе делает Норвегию естественным партнером России в освоении Штокмановского месторождения.

Уникальное Штокмановское месторождение в Баренцевом море – самое большое из известных в мире морских газоконденсатных месторождений. Запасы газа – 3,2 трлн. м^3, газового конденсата – 31 млн. т[18].

Открыли Штокман в 1988 г. и изначально это месторождение рассматривалось как флагман российской индустрии СПГ. В начале XXI в. ответы на вопросы, каким образом будут осваиваться штокмановские залежи, по какому маршруту и в каком виде пойдет штокмановский газ, попали в зависимость от внешнеполитических решений России. Кажется вполне очевидным, что чем неопределеннее становилась ситуация по Штокмановскому месторождению, тем более объяснимым представлялся дебют «Газпрома» в сахалинском проекте.

Освоение столь беспрецедентного по капиталовложениям ресурсного участка требует участия, помимо «Газпрома», еще нескольких иностранных инвесторов – крупных энергетических компаний.

Заявление Президента РФ Путина в 2006 г. о том, что Россия намерена самостоятельно разрабатывать ресурсы Штокмана[19], как и предполагали политологи, явилось элементом политической игры, поэтому и не оказалось решением окончательным и было пересмотрено. Первый выбор российского «Газпрома» был сделан в пользу французской компании «Total». Однако в число наиболее вероятных претендентов она не попала, несмотря на то что предлагала заманчивое предложение по обмену активами (доли в баренцевском проекте Snohvit и регазификационном терминале Sabin-Pass в Мексиканском заливе в обмен на участие в освоении) и была интересна российской стороне по причине большого опыта в продаже и производстве сжиженного природного газа на европейском рынке.

Напомним, что приглашение российского президента к более тесному сотрудничеству в сфере поставок газа европейским потребителям путем участия в освоении Штокмана было сделано германской стороне. Фактическим

17. www.ng.ru/science/2007-09-26/11_geology.html.

18. Вокруг света. – 2006 г. – № 12. – С. 164.

19. Слишком много газа // Власть. – № 41. – 16.10.2006.

ответом на это явилось создание энергетического альянса между Францией и Германией без участия третьих стран. Демонстрация консолидированной позиции Европы в борьбе с монополизацией энергопоставок побудило Россию принять политическое решение о неучастии в проектах компаний, продвигающих интересы ЕС. Поэтому с самого начала отдавалось предпочтение компаниям ConocoPhillips и Chevron, тем более что борьба за североамериканский рынок штокмановского газа предполагала наличие нефтяного лобби в администрации президента США. Но противоречия в отношениях с Соединенными Штатами по ряду международных вопросов (резолюция по Ирану, размещение системы ПРО в Польше и Чехии) обрекли этих заведомо приоритетных участников на выбывание. Ожидание политических уступок в обмен на участие американских компаний в проекте не оправдалось, и решением газового лобби в российском правительстве уже Вашингтону придется довольствоваться, по крайней мере в ближайшей перспективе, лишь спотовыми поставками «Газпрома», т.е. по схеме замещения сетевого российского газа сжиженным газом нероссийского происхождения. Надо заметить, что это решение также не претендует на статус окончательного и тому есть подтверждение в виде заинтересованности России в строительстве СПГ-терминалов на Балтике с прицелом на рынки Атлантики. В данном случае, являясь сильно убыточной для газового концерна, вышеупомянутая схема используется Россией в качестве имиджевого хода в отношениях с мировыми потребителями энергоресурсов.

Французская «Total» первой получила приглашение на участие в Штокмановском проекте из числа компаний в приоритетном списке «Газпрома» образца сентября 2005 г. Наиболее вероятным объяснением участия «Total» в проекте является желание России активно проводить свою внешнеполитическую линию в двустороннем диалоге с Францией во главе с американоориентированным президентом Н. Саркози. Французская составляющая в энергетических проектах очень необходима для России в политическом и экономическом плане. Французским партнером в Штокмане Россия уравновесила российско-германское направление внешней энергетической политики, воплощенное в реализации газопроводного проекта «Nord Stream». Как раз с вопросом наполнения этого газопровода и связаны изменения в расстановке сил среди участников проекта.

Для запуска газопровода Nord Stream на полную мощность (55 млрд. $м^3$ в год) в 2013 г. ресурсов одного Южно-Русского месторождения будет недостаточно[20]. В пресс-релизе газового монополиста говорится, что российская и французская стороны создадут компанию специального назначения для организации проектирования, финансирования, строительства и эксплуатации

20. www.gazo.ru/ru/main/publication/?id=128

объектов первой фазы освоения месторождения[21]. «Total» будет принадлежать 25% акционерного капитала совместной компании, «Газпрому» – 75%. Соглашением предусмотрено участие других иностранных компаний за счет уменьшения российской доли. На тот момент было нетрудно догадаться, что предпочтение будет отдано в прошлом обиженным отказом претендентам – норвежцам. Данная схема для «Газпрома» выгодна, так как зарубежные компании привлекаются в качестве простых подрядчиков. Скорее всего, в обмен на не соответствующее статусу иностранных компаний лишь сервисное обеспечение проекта ими будут получены некоторые преференции от «Газпрома», остающегося единоличным собственником штокмановского газа. Например, такие как возможность приобретать часть российского газа по льготным ценам, либо участие в транспортировке или торговле газом[22].

Наличие в предварительном списке претендентов «Hydro» и «Statoil» было самым предсказуемым: норвежцы традиционно сильны в добыче газа на северных морях.

Возможности партнерства со скандинавскими компаниями рассмотрим более подробно, так как помимо того, что и Россия, и Норвегия не являются членами ОПЕК и от них полностью зависит вся структура европейского рынка газа, Норвегия олицетворяет собой уникальный опыт в создании эффективного государственного нефтегазового комплекса. Некоторые моменты из успешного опыта европейской страны 70-х годов прошлого столетия мы можем наблюдать сегодня и в действиях российского «Газпрома».

С открытием в 1969 г. на норвежском шельфе первых крупных месторождений на государственном уровне возник вопрос о формировании нового административного органа, ответственного за концепцию развития ТЭК. Первоначально вопросы в области нефти и газа координировало Министерство промышленности Норвегии. По решению парламента страны (Стортинга) в 1972 г. произошла реорганизация министерства промышленности. Был сформирован норвежский нефтяной директорат со штаб-квартирой в нефтяной столице Норвегии – г. Ставангер и создана государственная нефтяная компания «Statoil»[23]. Только с вводом в разработку месторождений в 1978 г. было создано отдельное Министерство нефти и энергетики, что продемонстрировало приоритет отрасли для экономического благополучия страны. Здесь прослеживается параллель с историей советского нефтегазового комплекса: на протяжении нескольких десятилетий, в зависимости от внутренних нужд огромного государства и от того, насколько агрессивного поведения требова-

21. www.gazprom.ru/news/2007/07/131235 24571.shtml

22. Штокман поделили // Эксперт. – 13 июля 2007 г.

23. Рогинский С.В. Государство и нефтегазовый комплекс. Опыт России и Норвегии. – М, 2002. – С. 72.

ла внешнеполитическая доктрина СССР, происходила реформа структур ТЭК, то разделяя полномочия, то объединяя вновь усилия нефтяной отрасли и газового комплекса[24]. Централизованные идеи руководства и управления сыграли определяющую роль в мощном рывке вперед отрасли в 70–80-е годы. Правящая в Норвегии в этот же временной период Норвежская рабочая партия ратовала за государственный контроль над экономикой страны и тем самым оказала сильное влияние на успехи нефтегазодобычи.

Ответственность за эффективность государственной компании побудила государство административными мерами усилить позиции новообразованной «Statoil», используя для этого переговоры с транснациональными компаниями по вопросу получения лицензий на освоение новых месторождений. Траектории такого поведения придерживается сегодня и Россия, когда маневрирует при выборе «транснациональных подрядчиков» для «Газпрома» в освоении Штокмана, вводит монополиста в Сахалин-2, пересматривает решение по разработке Ковыктинского месторождения. С государственных позиций действия объяснимы и оправданны – с одной внушительной разницей: «Газпром» сегодня – мировой лидер, «Statoil» 30 лет назад стартовала с нулевых позиций, но при грамотном протекционизме со стороны государства.

В 1973 г. при выдаче лицензии на освоение новых морских блоков, норвежское правительство потребовало от ТНК, претендующих на место оператора проекта, существенных уступок для «Statoil». Одной из таких уступок была передача компанией, победившей на конкурсе 50% добываемой ею нефти госкомпании. Лицензионное соглашение 1973 г. предусматривало также полное освобождение «Statoil» от расходов на освоение, при том что государственная компания участвовала в принятии решений в качестве полноправного члена консорциума. По условиям соглашения, «Statoil» получала помощь со стороны компаний – участников консорциума в деле создания необходимых производственных мощностей и накопления знаний[25].

В период с 1974 по 1978 г. транснациональным компаниям не было предоставлено ни одной новой концессии. Госкомпания принимала участие во всех проектах освоения месторождений в качестве неизменного участника консорциумов. Таким образом «Statoil» заимствовала опыт управления нефтяными и газовыми месторождениями, который был накоплен такими сильными игроками как «Mobil», «Conoco», «Total», «RoyalDutchShell», оттеснив их на вторые роли.

---

24. С 1931 по 1992 г. руководящие органы газовой промышленности были реорганизованы более десяти раз.

25. 276 ТЭК Норвегии: Состояние и правовое регулирование / Аскхейм Л.О., Кокин В.Н., Стубберуд Й.А. // Энергетическое право. – М., 2005. – № 1. – С. 20–30.

Но в Штокмановском проекте «Statoil», хоть и в обновленном более сильном состоянии, вместе с другими потенциальными участниками придется самой довольствоваться лишь второй ролью. Солировать будет «Газпром», за спиной которого также стоят государственные интересы.

Дело в том, что за время принятия российской стороной решения по поводу второго партнера по Штокману, две конкурирующие и одинаково сильные норвежские компании, одна из которых «Statoil», а другая – «NorskHydro» приняли решение об объединении своих нефтегазовых активов для достижения наибольших успехов на международном топливном рынке. 25 октября 2007 г. именно концерн StatoilHydro подписал контракт с «Газпромом» на 24%-ную долю в Штокмановском проекте.

Норвегии договоренность об участии в освоении Штокмановского месторождения дает шанс для замещения стремительно падающей добычи в Северном море и сохранения позиций мирового экспортера. Привлечение норвежских концернов к освоению гигантского шельфового месторождения гарантирует также временное затишье в споре о «серой зоне». Не подвергается сомнению то, что неурегулированность приграничного вопроса дает России возможность снизить конкуренцию на европейских энергетических рынках и переориентировать норвежские компании на участие в российских нефтегазовых проектах. Однако, по мнению некоторых экспертов, в частности одного из крупнейших в мире специалистов в области морской геологии Тиграна Оганесяна, «северные арабы», а именно так называют норвежцев в мире за обладание огромными запасами нефти и газа на шельфе Баренцева моря, дезинформируют мировое энергетическое сообщество о значительных объемах падения добычи для прикрытия государственной стратегии в острой конкурентной мировой борьбе за доступ к энергетическим ресурсам[26].

Россия же крайне нуждается в богатом опыте североевропейцев, и в этой связи российской стороне, по нашему мнению, необходимо максимально расширить взаимодействие с нефтегазовыми компаниями Норвегии. Вполне логичным было бы совместное участие стран в освоении месторождения Ormen Lange, оператором которого является уже упомянутая «Hydro» и это предложение является обоснованным по нескольким причинам.

Во-первых, и Ormen Lange, и Штокман сильно удалены от берегового терминала, что предполагает множество схожих технологических моментов при освоении.

Во-вторых, газ с норвежского месторождения будет поставляться подводными трубопроводами на берег, где предполагается разделение многофазного потока на газ и конденсат. Конденсат будет отгружаться в танкеры и

26. Т. Оганесян. Лишь большие острова в океане // Эксперт. – 2005 г. – № 42. – С. 70.

отправляться на европейский континент, а природный газ экспортироваться (по газопроводу Britpipe) на стратегически важный для «Газпрома» рынок Великобритании.

В-третьих, участие российской стороны в освоении Ormen Lange означает политические дивиденды в виде присоединения к проекту под девизом «новый газ для Европы».

Отдельно отметим, что в соглашении между Норвегией и Великобританией о строительстве трубопровода Britpipe есть нюанс, который дает российскому газовому монополисту в перспективе все-таки стать одним из главных действующих лиц на газовом рынке туманного Альбиона. Дело в том, что этим соглашением англичане фактически впервые отказались от доминирующих спотовых поставок в пользу долгосрочного контракта с норвежцами, и это обстоятельство открывает рынок для российского газа из трубопроводной системы Североевропейского газопровода (как известно, этот трубопровод будет функционировать только по схеме долгосрочных контрактов).

Несомненно, потенциал энергетического взаимодействия у России и Норвегии огромный. Несмотря на политические разногласия (Норвегия – член НАТО), между странами много общего – щедро одаренные энергетическими ресурсами, они одинаково понимают концепцию их сохранения, приумножения и использования. Не являясь членами ОПЕК, Россия и Норвегия остаются независимыми производителями, определяющими развитие мирового нефтяного рынка. Стабилизационные фонды обеих стран входят в так называемую «большую семерку» суверенных фондов[27] (вместе с Абу-Даби, Кувейтом, Китаем, Сингапуром) и тем самым играют весомую роль в принятии решений по управлению мировыми финансовыми потоками[28].

Три десятилетия назад «Statoil» дала стремительный рост своей капитализации с обогащения мировым опытом нефтегазовых гигантов английского и американского происхождения. Наступает время, когда опыт будут заимствовать уже у «StatoilHydro» российские компании.

Сегодня в освоении Штокмана принимают участие три стороны: Россия в лице ОАО «Газпром» с долей в 51%, французская «Total» (25%), норвежская «StatoilHydro» (24%). Можно предположить, что данная расстановка сил окончательна, так как контрольная доля российской стороны пересмотру не подлежит.

Штокмановский газ оказался той гранью современных международных отношений, когда Россия, принимая решение по реализации проекта, выводит на новый уровень взаимоотношений с ЕС и США. Центром борьбы в наступившем веке станет Арктика. На современном этапе между странами су-

27. Фонды, в каждом из которых накоплено более 100 млрд. долл. активов.

28. www.expert.ru/printissues/expert/2007/39/finansoviy_goskapitalizm/

ществует жесткая конкуренция за право обладания нефтью и газом, которые будут добыты через два десятка лет из ее недр. Ни одна страна не сможет самостоятельно осилить трудоемкое, требующее колоссальных экономических затрат освоение столь уязвимых в экологическом плане территорий. В условиях стремительного развития глобализации мировой экономики, при конструктивном, волевом и политически осмысленном диалоге государств, на смену соперничеству неизбежно придет сотрудничество, ярким примером которого является Штокмановский проект.

При принятии решений не стоит забывать о том, что когда добыча нефти и газа достигнет своего пика, а это произойдет по разным прогнозным оценкам через 10–20 лет, то практически все оставшиеся нетронутыми запасы будут приходиться на мусульманские страны Ближневосточного региона, что может кардинально поменять сложившийся баланс сил в мире. Учитывая существующее многократное отставание стран европейского мегаконтинента, а также стран Северной и Южной Америки по объемам запасов углеводородного сырья в их недрах, освоение шельфовых территорий призвано наполнить год от года увеличивающийся разрыв в мировом энергетическом уравнении. Переменная России в этом уравнении имеет большой потенциал в силу обладания огромными запасами нефти и газа на морских шельфах и многовекторности энергетической политики государства.

ЕС, РОССИЯ, ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА

И.Ф. Селиванова

ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ СОСЕДСТВА ЕС

Селиванова Ирина Федоровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

Европейская политика соседства (ЕПС): Принципы и программы. Масштабное расширение в 2004 г. и принятие в ЕС Болгарии и Румынии в 2007 г. вывело Евросоюз на новые географические рубежи, поставив его перед необходимостью сформулировать новую политику по отношению к своим соседям на юге и на востоке. Осмысление завершилось принятием Стратегического доклада о европейской политике соседства (Strategy Paper on the European Neighborhood Policy). «The Financial Times» писала в связи с этим, что «ЕС не может равнодушно относиться к цепочке нестабильности, которая проходит от Белоруссии до Северной Африки через Украину, Молдову, Западные Балканы и Ближний Восток. В случае, если ЕС не возьмет на себя ответственность и не направит соседние регионы на путь экономического процветания и хорошего управления государств, он рискует жестоко поплатиться»[1].

После расширения на восток и юг (почти одновременного приема 12 государств) Евросоюз вплотную придвинулся к постсоветскому пространству (а часть его в лице государств Балтии даже поглотил). Это масштабное расширение обернулось для интегрирующейся Европы множеством проблем. Возникла необходимость искать особую модель отношений с государствами, расположенными на новых восточных границах ЕС. Союз не мог ответить согласием на просьбы все новых и новых стран о приеме. Немецкая «Ди Вельт» писала, что на фоне все возрастающей усталости граждан ЕС от его расширения, политика добрососедства призвана удержать соседние государства от требования членства в Евросоюзе. «Чем лучше будет европейская по-

1. http:/news.liga.net/smi/NP060331/html

литика добрососедства, тем меньше будет стремление к членству», – полагала Барбара Липперт из Института европейской политики.

Идея ЕПС возникла еще в 90-е годы, а в 2003 г. Европейской комиссией был одобрен доклад «Добрососедство в Большой Европе: Новые рамки взаимоотношений с нашими восточными и южными соседями»[2]. В этом документе были обозначены четыре основные цели новой политики:

– содействие социально-экономическому развитию граничащих с ЕС регионов посредством увеличения объемов торговли и инвестиционных потоков, расширения трансграничного сотрудничества в сферах транспорта, энергии и других, а также вовлечения их в углубленное общеевропейское сотрудничество;

– совместная деятельность в таких областях, как защита окружающей среды, здравоохранение, профилактика правонарушений и борьба с организованной преступностью;

– обеспечение эффективности и надежной защиты границ от контрабанды, торговли наркотиками, организованной преступности (включая международный терроризм) и нелегальной иммиграции (включая транзитное перемещение);

– организация и проведение акций местного масштаба для населения приграничных областей[3].

Главной целью ЕПС провозглашалось недопущение появления новых разделительных линий между расширенным Евросоюзом и его новыми соседями[4], в связи с чем декларировалась задача построения с ними «особых отношений, основанных на единстве ценностей и общности интересов»[5]. В действительности же, как утверждал высокопоставленный сотрудник МИД Германии Гернот Эрлер, ЕПС должна была стать всего лишь «суррогатом членства в ЕС». Некоторые наблюдатели даже предположили, что концепция добрососедства – всего лишь способ «защитить» ЕС от наплыва желающих вступить в его ряды.

Ключевым элементом концепции ЕПС являлся пункт о том, что отношения с соседями должны были строиться на взаимной приверженности общим ценностям – верховенству закона, соблюдению прав человека, включая права меньшинств, принципам рыночной экономики и устойчивого развития.

---

2. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com03_104_en.pdf

3. Доклад Комиссии. Внедрение нового механизма установления добрососедских отношений. http://rnsc.leontief.ru/rus/PDF/R-Com.pdf.

4. Европейские страны постсоветского пространства в контексте отношений РФ – ЕС http://www.ieras.ru/news12.htm

5. Выступление Гюнтера Ферхойгена, члена Европейской комиссии в Дипломатической академии – Москва, 27.10.2003 http://www.delrus.cec.eu.int/ru/news_45.htm

«Стремление ЕС развивать связи с каждым из партнеров через ЕПС будет зависеть от того, действительно ли эти страны разделяют общие ценности»[6], – подчеркивалось в «Стратегическом документе» 2004 г.

12 мая 2004 г. Еврокомиссия обнародовала стратегический доклад по ЕПС, в котором определялись все ее параметры, включая географические. Еврокомиссия, в частности, определила в качестве получателей значительно увеличивавшейся финансовой помощи по ЕПС 9 средиземноморских государств, 3 закавказских страны (Армения, Азербайджан и Грузия), а также Украина и Молдавия. В целом 15 государств – членов ЕПС, а также Россия и Белоруссия, являющиеся фактическими соседями ЕС, но не подписавшие с ним соответствующие документы, образуют зону с населением около 400 млн. человек, что примерно равно численности населения Евросоюза. Их ВВП составляет менее 10% ВВП Евросоюза в составе 25 членов (без Болгарии и Румынии), но, с другой стороны, он был вдвое большим, чем у 10 государств, вступивших в ЕС в 2004 г.[7]

Всего с 2004 по 2006 г. на выполнение программ политики соседства было выделено 955 млн. евро. Необходимо отметить, что в 2000–2003 гг. основной поток средств в страны Восточной Европы, которые потом были включены в ЕПС, шел через программу TASIS. Так, в указанный период для помощи было выделено: России – 599,6 млн. евро; Украине – 435,6 млн. евро; Молдавии – 46 млн. евро; Белоруссии – 10 млн. евро. К этим суммам следует добавить 241 млн. евро, выделенный для помощи по групповым программам. Это увеличило расходы Евросоюза на ЕПС до 1 млрд. 332,2 млн. евро[8].

ЕПС и Республика Беларусь. В 2004 г. Белоруссия была исключена из программы добрососедства ЕС в связи с обострившимися политическими противоречиями между ЕС и белорусским руководством. По этому вопросу польский корреспондент «Радио Свобода» Агто Лабьякас отметил: «Пока в Минске не произойдут определенные изменения, не будет никакого подключения Беларуси к политике “Новое соседство”»[9]. Вместе с тем это не означало, что Белоруссия была полностью лишена всех возможностей взаимодействия с соседними странами и с ЕС. Она продолжила свое участие в некоторых региональных программах добрососедства, более того, в Европе сохранилось

6. Выступление Гюнтера Ферхойгена, члена Европейской комиссии в Дипломатической академии – Москва, 27.10.2003 http://www.delrus.cec.eu.int/ru/news_45.htm

7. Там же.

8. Сообщение Комиссии. «Европейская политика соседства – Стратегический документ». 12.05.2004 (http://www.delrus.cec.eu.int/ru/images/pText_pict/628/NNP%20 Communication%20rus.doc).

9. Еврокомиссия исключила Беларусь из программы «Новое соседство» 13.05.2004 (http://www.charter97.org/rus/news/2004/05/13/eu).

намерение оказывать помощь Белоруссии с целью либерализации режима, продвижения по пути демократии, установления верховенства законов.

Однако вплоть до конца 2006 г. усилия по демократизации Белоруссии оценивались ЕС как «неэффективные». Лишь после российско-белорусского газового скандала был выработан план новой стратегии сотрудничества ЕС с Белоруссией. План содержал, с одной стороны, конкретные требования к руководству страны, а с другой – предложения и обещания Евросоюза. Требования к Белоруссии, получившие название «12 условий ЕС», сводились к внедрению демократических процедур в избирательную систему, обеспечению прав человека и т.д. Взамен Евросоюз предлагал Минску:

– новые возможности в области взаимной торговли;

– помощь в улучшении здравоохранения и образования;

– поддержку наиболее незащищенных слоев населения;

– содействие в модернизации транспортных сетей и энергетических коммуникаций;

– помощь в реформировании законодательства и судебной власти;

– усиление приграничной кооперации;

– улучшение состояния окружающей среды;

– содействие в повышении качества питьевой воды;

– обеспечение эффективности использования отходов;

– помощь в устранении последствий Чернобыльской катастрофы.

Комиссар ЕС по внешним связям Бенита Ферреро-Вальднер в связи с утверждением новой стратегии заявила: «Народ Белоруссии имеет право знать, что он теряет. Наше послание заключается в том, что как только страна проявит желание двигаться к настоящей демократии, соблюдению прав человека и верховенства закона, мы будем готовы к полному партнерству с Белоруссией в рамках ЕПД. Это будет означать значительное усиление помощи, что принесет белорусам улучшение качества жизни»[10]. Еврокомиссия в своем заявлении также подчеркнула: «Исходя из существующей политической ситуации, пока еще далеко до возможности, когда ЕС предложит Белоруссии все преимущества программы Европейской политики добрососедства, которыми уже пользуются другие страны, такие, как Украина и Молдавия»[11].

Тем не менее Белоруссия продемонстрировала готовность к активизации сотрудничества и налаживания партнерских отношений в рамках европейской политики добрососедства. Президент страны Александр Лукашенко на фоне обострения российско-белорусских отношений публично признал ошибочность проводимой им внешней политики и заявил о желании выстраивать

10. Еврокомиссия исключила Беларусь из программы «Новое соседство» 13.05.2004 (http://www.charter97.org/rus/news/2004/05/13/eu).

11. Там же.

диалог с Западом. Вместе с тем официальный Минск не продемонстрировал никакого желания проводить ожидаемые от него реформы. Белорусские власти заняли такую позицию, понимая, что «в итоге компромиссов потеряют больше, чем приобретут»[12]. В сентябре 2007 г. в Брюсселе на международной конференция «Работать вместе – укреплять Европейскую политику добрососедства» Минску в очередной раз дали понять, что отношения с ним будут строиться по правилам, предложенным Евросоюзом[13].

Опыт сотрудничества Белоруссии с Евросоюзом в параметрах политики добрососедства оказался неудачным. Белорусский политолог Вячеслав Поздняк полагает, что ЕПД непригодна для Белоруссии, поскольку строится «с нуля», а должна была бы основываться на фундаменте предыдущих соглашений. Однако такой базы в двусторонних отношениях, утверждает автор, просто не существует[14]. Независимый эксперт Юрий Дракохруст, в свою очередь, полагает, что «за 13 лет президентства Лукашенко Европа использовала все мыслимые и немыслимые варианты стратегии. Были и кнут, и пряник, но пряник оказался не по вкусу белорусскому руководству. За эти годы среди населения не усилились проевропейские настроения, что объясняется улучшением материального положения белорусов. Речь не идет ни о ненависти, ни о ксенофобии. Но Россия по-прежнему остается геополитическим магнитом для белорусов, несмотря на все обострившиеся в последнее время кризисы и усилия белорусской пропаганды, в которой отчетливо звучат антироссийские нотки»[15]. По мнению еще одного белорусского политолога, Олега Манаева, «сегодня потенциально в Белоруссии есть почва для совершенно разных внешнеполитических курсов»[16].

ЕПС и Российская Федерация. Россия хотя формально и входит в зону действия ЕПС тем не менее считается особым стратегическим партнером Евросоюза и поэтому развитие его отношений с РФ строится в соответствии с иной логикой и фиксируется в других документах. В течение последнего десятилетия международно-правовой основой взаимоотношений России с ЕС было Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, срок действия которого истек в конце 2007 г. За это время двусторонние отношения претерпели значительные изменения. Сохраняющаяся взаимная заинтересованность партнеров друг в друге развивается на фоне усиливающихся конкурентных интересов.

---

12. Еврокомиссия исключила Беларусь из программы «Новое соседство» 13.05.2004 (http://www.charter97.org/rus/news/2004/05/13/eu).

13. Взгляд, 07.09.2007.

14. «Беларусь и большая Европа: Проблемы и перспективы» (материалы конференции), 23.02.2007.

15. Там же.

16. Там же.

По мнению российского эксперта Юрия Борко, «в последние годы, безусловно, расширилось сотрудничество, однако при этом стало больше противоречий. Во многом это связано с растущими российскими запросами. Во-первых, разногласия проявляются в энергетической стратегии, во-вторых, во внешней политике. Говоря, например, о Балканах и странах постсоветского пространства, складывается впечатление, что Россия и ЕС просто перетягивают канат, и я не вижу каких-то предпосылок к тому, что компромисс все-таки будет найден. Третья проблема – это строительство демократии в России. Отмечу, что претензии Запада по этому вопросу в последние годы стали значительно серьезнее. Притом, на мой взгляд, претензии зачастую обоснованные»[17].

Между Россией и ЕС нарастает геополитическое соперничество в пространстве СНГ, но одновременно усиливается их экономическая взаимозависимость, побуждающая стороны к сотрудничеству. На ЕС приходится 52% всего российского экспорта и 70% иностранных инвестиций[18]. Россия покрывает 25% потребляемого газа и нефти в странах Евросоюза и занимает третье место среди торговых партнеров Европы, уступая лишь США и Китаю. Общий объем капиталовложений Евросоюза в России на порядок выше российских инвестиций в Европе (30 млрд. долл. против 3 млрд. долл.).

Политика Евросоюза на постсоветском пространстве интерпретируется Москвой в терминах геополитики, когда ЕС воспринимается как сильнейший соперник за влияние в зоне СНГ, традиционно считающейся стратегически важной для России[19]. И это неслучайно, если учесть, что речь идет о попытках вытеснить Россию с этого пространства. Как писали директора общества Генри Джексона в Кембридже Джеймс Роджерс и Хендрик Пушманн: «Россия должна понимать, что сейчас она является лишь частью этого более широкого европейского добрососедства и что от нее, как таковой, ожидают определенной ответственности и обязательств (например, защиты демократии и прав человека на своей территории), и что ее господству в этом регионе фактически наступил конец».

Пока что, по известным причинам, переговоры между Россией и ЕС по новому Соглашению о партнерстве и сотрудничестве заблокированы. Двадцатый юбилейный саммит Россия – ЕС, который состоялся в конце октября 2007 г. в Португалии, никаких неожиданностей в этом вопросе не принес. В ноябре действующее соглашение будет автоматически продлено. И так может продолжаться долго. Российский президент В. Путин полагает, что мяч на стороне Евросоюза, а Москву пока устраивает существующее положение ве-

17. Московская среда, № 41(244), 31 октября – 6 ноября 2007 г.

18. Российская газета, 13 октября 2007 г.

19. Стратегия России, № 12, декабрь 2006 г.

щей. В то же время специальный представитель президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским союзом Сергей Ястржембский опроверг мнение, что отношения России и ЕС достигли низшей точки и находятся в кризисе. По его мнению, Москву и Брюссель «ждет еще более тесный уровень взаимодействия и взаимопроникновения. Между нами будет безвизовый режим. И к этому времени мы все же приступим к переговорам по новому Соглашению о партнерстве и сотрудничестве»[20].

ЕПС и Украина. Особое место в Европейской политике соседства занимает Украина. Активизация ЕПС на восточном направлении совпала по времени с победой «оранжевой революции» в Киеве. Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу подтвердил тогда готовность ЕС поддерживать проводимые Украиной реформы. По его словам, в рамках политики нового соседства ЕС могут быть реализованы все устремления Украины, в том числе относительно модернизации страны и получения ею технико-экономической помощи. Председатель Еврокомиссии также обещал содействовать Украине со вступлением во Всемирную торговую организацию.

«План действий» для Украины был согласован в конце 2004 г., а принят в феврале 2005 г. Он рассчитан на три года и направлен на содействие выполнению положений Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Украиной. Предварительные результаты взаимодействия Европейского союза и украинской стороны можно оценивать по докладу о прогрессе, датированному 4 декабря 2006 г. Согласно этому документу, наилучшие результаты были достигнуты в сотрудничестве по вопросам внешней политики и безопасности, особенно в области региональных проблем[21]. Украинская сторона относительно преуспела в выполнении конкретных программ в различных сферах жизни общества. Это было связано и с тем, что в период с 2003 по 2006 г. в 2 раза увеличилась сумма инвестиций из ЕС – с 50 млн. евро до 100 млн. евро[22].

Несмотря на то, что оценка ЕС выполнения Украиной «Плана действий» имела в целом одобрительный характер, европейские эксперты обращали внимание на «колоссальный объем работы», которую еще предстоит выполнить Украине для сближения своего законодательства с правом ЕС. По мнению эксперта из Великобритании Аннели Албби, перед Киевом «по-прежнему

20. Российская газета, 13 октября 2007 г.

21. Commission Staff Working Document. ENP Progress Report. Ukraine. 4.12.2006. http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/sec06_1505-2_en.pdf

22. Там же.

стоят задачи освоения и включения в национальное законодательство около 80 тыс. страниц применяемых в ЕС юридических актов»[23].

Что касается Украины, то она в целом оценивает меры в рамках политики добрососедства как явно недостаточные для своей страны, сделавшей однозначный европейский выбор. Вызывает возражение Киева сам термин «добрососедство», поскольку в нем содержится намек на то, что Украина находится вне Европы. Глава миссии Украины при Европейском союзе Роман Шпек отмечал, что «Украина никогда не была в восторге от Европейской политики соседства»[24]. Киев не устраивает то, что ЕПС никак не связана со вступлением в ЕС, в чем в первую очередь заинтересована Украина.

Украинский дипломат, выражая официальную точку зрения, подчеркнул, что в политике добрососедства для «восточных соседей» должно быть четко прописано, что ЕПС не является альтернативой членству в Евросоюзе. «Пока расширение ЕС не будет законодательно остановлено, мы не сможем рассматривать и оценивать как успешные любые попытки, которые ограничивают легитимный процесс расширения ЕС»[25]. Украина осознает свою неготовность к членству в ЕС и неготовность Европы к ее приему, отметил Р. Шпек, однако задача состоит в том, чтобы «не потерять стратегическую цель. Никто не имеет права лишить европейские страны перспективы членства».

В провозглашенной президентом В. Ющенко «Национальной стратегии» четко и недвусмысленно говорится: «Вступление в Евросоюз – это стратегическая цель Украины и историческая возможность для всего украинского общества. Альтернативой может стать только сознательное желание остаться вне сферы европейского сотрудничества и потерять все преимущества, которые дает интеграция в Европу»[26]. После прихода к власти новый украинский президент заявлял о намерении поставить вопрос о членстве Украины в ЕС уже в 2007 г., чтобы в 2010 г. быть в составе Евросоюза. Лидер украинской оппозиции В. Янукович также считает, что интеграция Украины в Европу всецело поддерживается обществом.

Однако в подготовленном весной 2007 г. европейской стороной проекте нового соглашения Украина – ЕС возможность членства Украины в Евросоюзе не рассматривается даже в отдаленном будущем. По мнению Бениты Феррero-Вальднер, «перспектива членства не является незаменимым рычагом содействия реформам. В Украине и без этого наблюдается существенный прогресс в целом ряде областей, таких как свобода прессы, энергетика, тор-

23. Европейская политика добрососедства как инструмент преобразований, сближения и интеграции: Опыт Украины // Материалы международной конференции, проведенной 27–28 июня 2007 г. в г. Регенбург, Германия.

24. Htth://www.zn.ua/1000/1550/55331

25. Там же.

26. Іностранец, № 4 от 07.02.2005.

говля. Политика добрососедства не является альтернативой дискуссии о будущих границах Евросоюза: это отдельный процесс, который имеет свою собственную ценность. Евросоюз заинтересован в налаживании сотрудничества с соседями по вопросам безопасности, торговли, энергетики и миграции». По данным опроса службы «Евробарометр», 80% европейцев согласны с тем, что подобное сотрудничество выгодно как Европе, так и ее партнерам[27].

Эта аргументация не убедила украинскую сторону. На состоявшейся в Брюсселе в сентябре 2007 г. международной конференции с участием 27 членов ЕС и 16 стран-соседей Р. Шпек заявил, что политика добрососедства «не может быть принята как основа для отношений ЕС–Украина. Мы сможем работать только при условии, что Украина останется составной частью объединенной Европы», уточнив при этом, что его страна желает быть полноправным членом ЕС и предпочитает двусторонние отношения с ЕС вместо политики добрососедства[28].

Озабоченность Украины не остается без внимания европейцев. В июне 2007 г. в Регенсбурге (Бавария) состоялась международная конференция «Европейская политика добрососедства как инструмент преобразований, сближения и интеграции: Опыт Украины». Помимо актуальных проблем двустороннего сотрудничества, на конференции рассматривался вопрос, связанный с новым базовым договором Украина–ЕС. С украинской стороны высказывалось пожелание, чтобы такой документ по своей юридической природе был договором об ассоциации. Понимая, что ЕС еще не готов к такой стадии сотрудничества, украинская сторона считала, что договор мог бы носить переходный характер со сроком действия в 5–10 лет.

ЕПС и Республика Молдова. Европейское направление всегда занимало важное место во внешней политике Молдавии. Первоначально пророссийская ориентация президента Владимира Воронина довольно скоро сменилась на евроатлантическую. После провала «плана Козака» по урегулированию приднестровского конфликта эта тенденция стала определяющей в действиях молдавского руководства. Принятие Румынии в члены Европейского союза изменило геополитический статус Молдавии – она стала приграничным с ЕС государством, что, естественно, не могло не сказаться на качестве и уровне двусторонних отношений. Значимость европейского вектора внешней политики Молдавии получила отражение и в названии главного внешнеполитического ведомства страны, которое стало называться не просто Министерством иностранных дел (МИД), а Министерством иностранных дел и европейской интеграции (МИДЕИ).

27. Financial Times, 05.09.2007.
28. Политика, 06.09.2007.

«План действий» Европейского союза с Молдавией был согласован и принят обеими сторонами в те же сроки, что и в случае с Украиной, т.е. в конце 2004 – начале 2005 г. Однако уровни отношений ЕС с Украиной и с Молдавией не вполне сопоставимы. «План действий» ЕС для Молдавии, построенный по той же схеме, что и «План действий» для Украины тем не менее содержал важные отличия:

– во-первых, он был более обширным, т.е. в одних и тех же разделах более детально обговаривалась каждая конкретная проблема;

– во-вторых, в нем был отдельный пункт, посвященный конфликту в Приднестровье, где указывалось, что при решении данной проблемы необходимо уважать суверенитет и территориальную целостность Молдавии в рамках международно-признанных границ, а также гарантировать соблюдение принципов демократии, верховенства закона и прав человека.

«План действий» как и в случае с Украиной рассчитан на три года, поэтому еще нет доклада о результатах его реализации. Есть только оценочный доклад о ходе его реализации от 4 декабря 2006 г. Во вступлении к докладу отмечалось, что Молдавия начала реализовывать план, находясь в очень тяжелой ситуации, сложившейся как во внутренних, так и во внешних делах. Вместе с тем общая оценка, которую Европейская комиссия дала Молдавии, была положительной. В декабре 2006 г. было принято решение выделить Молдавии на финансирование внутренних реформ 1,2 млрд. евро (520 млн. евро – в качестве кредитов, 680 млн. – в качестве грантов). Рассчитанная на три года, крупномасштабная помощь Евросоюза и Всемирного банка является крупнейшей за всю 15-летнюю историю Молдавии и по своим размерам эквивалентна национальному бюджету страны за последние два года. Однако эта помощь, создающая уникальные возможности для Молдавии, одновременно станет сложнейшим испытанием для правительства В. Воронина[29].

В целом, по совпадающей оценке и зарубежных, и молдавских экспертов, 2007 год стал решающим для европейских перспектив Молдавии. К концу года страна должна была достичь 80 запрограммированных целей и провести 294 мероприятия в семи сферах деятельности. Ответственность за реализацию большинства упомянутых целей и мероприятий лежит на Молдавии, 14 – входит в число обязательств ЕС, а 40 – относятся в равной степени к ответственности обеих сторон. «План действий» РМ-ЕС свидетельствует об асимметричности решения задач и характерных для отношений «центр–периферия» чертах[30].

Реализация намеченных в Молдавии реформ многими аналитиками ставится под сомнение. Райан Кеннеди из США писал в этой связи, что если

29. Молдавские ведомости, №60 (957) от 12.10.2007.

30. Молдавские ведомости, 12.10.2007.

Молдавия будет плохо администрировать средства финансовой помощи или же они прямым или косвенным образом будут связаны с коррупцией, то «европейским ожиданиям Молдавии будет нанесен жестокий удар»[31]. Всемирный банк в своем исследовании о прозрачности ведения бизнеса поместил Молдавию на 83-е место из 155 оценивавшихся по этому показателю стран[32]. Весьма обеспокоены возможностью такого исхода и молдавские власти. Президент В. Воронин, по его словам, «крайне недоволен ходом европейской интеграции» Молдавии, имея в виду неудовлетворительную работу своего правительства в этом направлении.

В сфере европейско-молдавского сотрудничества по вопросам внешней политики, безопасности, предотвращения и разрешения конфликтов основное внимание уделялось, несомненно, проблеме Приднестровья. Приднестровское урегулирование стало особенно актуальным для Евросоюза после его последнего расширения за счет Болгарии и Румынии, а также активного вовлечения Украины и Молдавии в ЕПС. Приднестровье как сторона конфликта с Кишиневом, как территория с преимущественным политическим влиянием, военным и экономическим присутствием России, не вписывается в параметры политики соседства с его унификацией основных политико-экономических стандартов по европейскому образцу.

В марте 2005 г. Евросоюз назначил специального представителя в Молдавии, а в сентябре того же года вместе с США присоединился к переговорному процессу по разрешению приднестровского конфликта в качестве наблюдателя. Это вполне соответствовало намерениям Молдавии ослабить позиции России в регионе. ЕС специально для данного случая создал комиссию по приграничному сотрудничеству – EUBAM. Справедливости ради нужно отметить, что деятельность европейцев в рамках переговоров не увенчалась сколько-нибудь ощутимым успехом. Кроме того, в 2006–2007 гг. имели место встречи исключительно между наблюдателями, посредниками и одной из сторон (молдавской) в конфликте, а не полноценные переговоры в формате 5+2, как они задумывались.

Молдавия, вслед за Украиной, считает возможным претендовать на членство в ЕС в относительно недалекой перспективе. На международной конференции в Брюсселе в сентябре 2007 г. министр иностранных дел Молдавии Андрей Стратан подчеркнул, что «элементом приближения к ЕС должно стать предоставление ясных перспектив для стран, которые поставили себе такую цель»[33]. В пользу Молдавии действуют такие факторы как ее геогра-

31. Молдавские ведомости, 12.10.2007.
32. Молдавские ведомости. № 60 (957).12.10. 2007.
33. http//sngnews.ru/articles/26/80674/html

фическое положение, скромный размер территории и относительно малочисленное население.

ЕПС и государства Закавказья. На начальном этапе в программах ЕС не участвовали государства Кавказа, которые были включены в них позднее. В Европейской стратегии безопасности 2004 г. Южный Кавказ указывался как один из регионов, заслуживающий «более сильной и активной заинтересованности» ЕС[34]. В докладе от 12 мая 2004 г. Еврокомиссия уже рекомендует включить в политику добрососедства Армению, Грузию и Азербайджан[35]. В этом же докладе упоминалась и одна из причин заинтересованности Евросоюза в сотрудничестве с закавказскими государствами – наличие нефти в регионе, транспортировка энергоносителей через Южный Кавказ[36].

Армения, Грузия и Азербайджан подключились к политике соседства в 2004 г. при активной поддержке со стороны Германии. Но «Планы действий» с ними были составлены только к концу 2006 г. и рассчитаны на 2007–2013 гг. Наибольший энтузиазм в отношении сотрудничества с ЕС проявляет Грузия, во внешней политике которой заметно преобладает евроатлантический вектор, объясняющийся ее напряженными отношениями с Россией из-за разногласий по вопросу статусов Абхазии и Южной Осетии, а также субъективизма нынешнего грузинского президента М. Саакашвили. Геостратегические возможности Грузии как транзитной территории для нефти и газа из Азербайджана и Центральной Азии добавляют куража в действия грузинской элиты. Это же обстоятельство обеспечивает и интерес Евросоюза в развитии тесных отношений с Грузией, правда без конкретных обещаний полноправного членства, на что первоначально рассчитывала Грузия. В настоящее время Тбилиси настаивает на скорейшем заключении договора о свободной торговле с ЕС.

Гораздо более сбалансированную политику в отношении основных центров силы проводит Азербайджан, обладающий несопоставимыми по сравнению с Грузией экономическими возможностями. Резкий рост экспорта нефти и нефтепродуктов в европейские страны, особенно после ввода в действие нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, превратил Азербайджан в ведущего торгового партнера Евросоюза; на долю последнего приходится около половины внешнеторгового оборота страны. В сфере политических отношений взаимодействие Евросоюза с Азербайджаном поддерживается признанием территориальной целостности страны и участием Брюсселя в урегулировании проблемы Нагорного Карабаха.

---

34. http//sngnews.ru/articles/26/80674/html

35. «Европейская политика соседства – Стратегический документ». 12.05.2004 http://www.delrus.cec.eu.int/ru/images/pText_pict/628/NNP%20Communication%20rus.doc

36. Там же.

Армения в силу своих традиционно пророссийских геополитических пристрастий и экономических возможностей не столь однозначно нацелена на развитие отношений с Евросоюзом. В отличие от Азербайджана и Грузии, она не рассматривает «План действий» в качестве конкретного шага на пути к приему в ЕС. Заинтересованность Армении в политике соседства определяется ее желанием обеспечить себе поддержку ЕС как влиятельной международной силы в случае возможного осложнения отношений с Азербайджаном и Турцией. Экономические соображения определяются постоянно растущим объемом товарооборота Армении с ЕС, который в 2005 г. в полтора раза превышал объем товарооборота Армении со странами СНГ. Кроме того, страны ЕС являются активными инвесторами в армянскую экономику, незначительно превосходя Россию по количеству капиталовложений. Тем не менее экономические позиции России на армянском рынке достаточно прочны, российский капитал контролирует ряд стратегически важных отраслей экономики Армении.

ЕПС и страны Центральной Азии. В июне 2007 г. была принята стратегия ЕС по сотрудничеству с государствами этого региона. Она пришла на смену существовавшему здесь около 15 лет проекту TACIS и отличается от него тем, что страны региона рассматриваются в индивидуальном порядке и характеризуются особым отношением со стороны ЕС к каждой из них. Вместе с тем сохраняется и общерегиональный аспект политики. Стратегия рассчитана на период до 2013 г. и оценивается в 750 млн. долл. США.

Одним из основных политических тезисов стратегии является увязывание европейской безопасности с ситуацией в Центрально-Азиатском регионе. В документе отмечается также, что стратегическое, политическое и экономическое развитие, а также возрастающее количество региональных проблем в Центральной Азии прямо или косвенно влияют на интересы ЕС[37]. По мнению киргизского политолога А. Третьякова, Евросоюз хочет стать новой «крышей» для центральноазиатских государств, преследуя при этом конкретные цели: а) импорт энергоносителей Казахстана, Узбекистана и Туркменистана; б) продвижение в регион западных либеральных ценностей[38].

На 2007–2013 гг. Евросоюз планирует вдвое увеличить финансовую поддержку странам Центральной Азии[39]. Прогресс, достигнутый в процессе развертывания ЕПС в Центральной Азии, будет рассматриваться ЕС в июне 2008 г. и впоследствии, как минимум, каждые два года[40]. Несмотря на то, что подписание двусторонних планов сотрудничества остается делом будущего,

37. ЕС и Центральная Азия: Стратегия нового партнерства, с. 1.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же.

совершенно очевидно, что Евросоюз окончательно включил данный регион (вслед за Соединенными Штатами и НАТО) в сферу своих жизненных интересов.

В декабре 2006 г. Еврокомиссия подвела первые итоги полутора лет реализации ЕПС и указала на возникающие трудности. В докладе ЕК бедность и безработица, невнятная экономическая политика, коррупция и слабость государственных институтов были названы главными проблемами в странах по периметру ЕС. Представителей Еврокомиссии также не удовлетворили результаты усилий, направленных на разрешение территориальных конфликтов в странах, охваченных ЕПС[41]. Британская «The Financial Times» писала тогда же, что «разработанная в 2004 г. политика добрососедства сегодня демонстрирует свою неадекватность… Некоторые страны добились определенных результатов, но в целом ЕПС не смогла обеспечить в соседних государствах такие же преобразования, которые осуществили восточноевропейские страны в процессе вступления в ЕС. "Морковка" оказалась не столь сочной, чтобы побудить политические элиты этих стран провести многие из необходимых болезненных реформ. Естественно, что ЕС не может предложить всем соседям место в Союзе, но в то же время он должен разработать для них ряд более привлекательных стимулов»[42].

Для решения всех этих проблем Еврокомиссия разработала ряд мер, направленных в первую очередь на углубление экономической интеграции, на создание новых и расширение уже имеющихся зон свободной торговли. Еще одно активно продвигаемое направление ЕПС – включение как можно большего количества стран-партнеров в проекты в области транспорта и энергетики, их интеграция в существующие европейские сети.

В 2007 г. начался новый период в развитии политики соседства. Один из самых важных факторов успешного выполнения любых программ и планов – их финансирование. Это относится и к финансовому обеспечению программ приграничного сотрудничества, в которых учитываются все мероприятия и проекты, предусмотренные всеми «планами действий» в рамках ЕПС. Сразу же нужно отметить, что финансирование этих программ из разных фондов и источников затрудняет осуществление политики соседства, так как большинство такого рода организаций не предназначены для обслуживания ЕПС, да и их средств для ее реализации явно недостаточно.

По этой причине в докладе «Финансовая перспектива» на 2007–2013 гг. объявлено о создании так называемого Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП), который предусматривает единый регламент финансирования мероприятий как внутри союза, так и за его пределами. Этот меха-

41. ИноСМИ.Ru 09.03.2007.

42. The Financial Times? 13.12.2006.

низм охватывает и вопросы внешней политики, и внутренние дела, а его финансирование будет осуществляться в рамках одной главы бюджета. Предполагается, что он будет действовать через два так называемые «окна»[43]. Первое предусмотрено для финансирования в основном двусторонних программ приграничного сотрудничества (хотя возможен и многосторонний формат). Через второе «окно» будет осуществляться поддержка широкого спектра проектов международного сотрудничества, предусмотренных ЕПС.

Бюджет Европейской политики соседства для стран-партнеров на период с 2007 по 2013 г. составит 12 млрд. евро[44]. Рост финансирования увеличится на треть. Помимо финансовой поддержки, Европейская комиссия пообещала всем охваченным политикой соседства странам:

– перспективу широкой торгово-экономической интеграции, построенной на принципах свободного передвижения товаров;

– упрощенный режим выдачи виз;

– систематическое вовлечение стран в совместные программы и более тесное сотрудничество в сферах энергетики и транспорта.

Таким образом, предпринятая в 2006–2007 гг. корректировка ЕПС свидетельствует о том, что Евросоюз в ближайшие годы всерьез намерен «переформатировать» пространство вдоль своих границ, разработав для этого гибкую стратегию и тактику. Как заметил один европейский чиновник, ЕС должен, как ни парадоксально, проводить политику Екатерины Великой, которая говорила, что у нее нет другого способа защищать границы России, кроме их расширения. Подобные действия, разумеется, затрагивают интересы России. Продолжение тесных отношений РФ–ЕС неизбежно, но уже в принципиально иной ситуации, нежели в предыдущий период. Постсоветское пространство в этих отношениях выходит на первый план. Как отмечают авторы доклада «Большая Европа – большие проблемы», помимо причин, связанных с настораживающими Запад внутриполитическими трендами в России, такой поворот был обусловлен рядом объективных долгосрочных факторов. Главные из них – глобальное распространение интеграционных тенденций и послекризисное восстановление России.

43. Сообщение Комиссии. Европейская политика соседства – Стратегический документ. 12.05.2004 http://www.delrus.cec.eu.int/ru/images/pText_pict/628/NNP%20Communication%20rus.doc

44. http://www.tiga.by/news/world/2006/12/05/es/

В.С. Авдонин

РОССИЯ – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ОТНОШЕНИЙ

Авдонин Владимир Сергеевич – доктор политических наук, профессор Рязанского государственного университета.

В преддверии нового соглашения Россия – Европейский союз актуальность обсуждения его вероятных базовых параметров возрастает. За 10 лет действия текущего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС (СПС) условия и в России и в Европе заметно изменились, отношения между партнерами приобрели новые очертания. При этом очевидными являются сложности выработки нового соглашения. Даже переговоры о нем, которые должны были начаться еще в 2006 г., оказались на какое-то время заблокированы. Формально это произошло из-за вето Польши, недовольной запретом России на ввоз мяса, но многие наблюдатели считают, что, если бы не Польша, был бы найден другой предлог для оттягивания переговоров, так как стороны просто не были готовы к быстрому принятию нового взаимно удовлетворяющего решения. Тем не менее вопрос о новом соглашении по-прежнему находится в повестке дня отношений России и ЕС. Действие СПС формально завершилось в ноябре 2007 г., но было автоматически пролонгировано на следующий год. В течение этого периода все-таки должен быть запущен процесс переговоров о новом соглашении. Движение в этом направлении началось. Позиция Польши после смены там кабинета министров изменилась, и в январе 2008 г. ее вето было снято. Путь к переговорам теперь, кажется, открыт. Но проблемы на этом пути остаются. Формат и контуры нового соглашения пока не определены, дискуссии вокруг новой модели отношений продолжаются.

Говоря о проблемах новой модели отношений России и ЕС, целесообразно остановиться на основных чертах прежней модели, в рамках которой стороны строили отношения в предшествующий период (с середины 90-х годов). Они были сформулированы в Соглашении, подписанном в 1994 г. В нем бы-

ли зафиксированы общие цели и ценности сторон, принципы и институты сотрудничества, ведущие к сближению. Общие цели – безопасность, политическое взаимодействие, экономическая интеграция, культурное и гуманитарное сближение на основе общих ценностей – демократии, рыночной экономики, защиты прав человека и охраны окружающей среды. Важное место в соглашении занимали вопросы торгового и экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов, вопросы регулирования экспорта и импорта, а также программы сотрудничества, охватывающие более 30 самых различных областей деятельности. Были также определены институты сотрудничества, призванные контролировать и стимулировать этот процесс[1].

Понятно, что в основе этой модели сотрудничества лежали политические реалии начала 90-х годов. С одной стороны, это системная трансформация в России, сопровождавшаяся глубоким социальным и экономическим кризисом, политической нестабильностью, геополитическими сдвигами и конфликтами на пространстве Восточной Европы и СНГ, но также и ярко выраженным стремлением к созданию новых рыночных и демократических институтов, к сближению с Западом и интеграции в систему его союзов и институтов. С другой стороны, это заметное развитие и усиление западных союзов и институтов, прежде всего ЕС и НАТО, проявляющих готовность поддерживать реформы в Восточной Европе, России и СНГ, вовлекать эти страны систему западных союзов, а также стабилизировать и контролировать развитие ситуации на этом геополитическом пространстве.

Зафиксированная в СПС модель отношений России и ЕС, казалось бы, отвечала основным политическим реалиям, целям сторон и обеспечивала поступательное развитие этих отношений. Но на практике, начиная с момента подписания соглашения, они развивались весьма неровно. В них все время возникали трудности и осложнения, а периоды активизации сближения сменялись периодами напряженности и отчуждения. Само вступление в силу СПС проходило весьма сложно, после подписания понадобилось более трех лет для начала его полноформатной реализации (с декабря 1997 г.).

Достаточно упомянуть лишь несколько наиболее значимых событий и проблем, которые осложняли отношения ЕС и России в период действия СПС. В середине и в конце 90-х, например, обострению отношений способствовали конфликты на Балканах и в Чечне. И в том, и в другом случае Россия и ЕС демонстрировали различные подходы и несовпадение позиций. Во время кризиса на Балканах, в конфликте вокруг Косово страны ЕС в основном поддержали применение силы против Сербии, тогда как Россия была категорически против силовой акции НАТО и настаивала на переговорах. А в

1. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). См: http://www.delrus.ec.europa.eu/ru/p_318.htm

Чечне ситуация была обратной. Там ЕС требовал переговоров, а Россия, после неудачных попыток разрешения конфликта переговорным путем, взяла курс на силовое решение. В ЕС это вызвало резкое неприятие. Осложняли отношения и вопросы, связанные с расширением НАТО. Позиция Евросоюза четко показала России, что он фактически не намерен развивать в Европе собственные структуры безопасности, а всецело полагается на НАТО и одобряет расширение блока. В России же это расширение долго рассматривалось как неприемлемое, что продуцировало осложнение отношений. Причем проблемы вызывали не только международные вопросы и конфликты, но и процессы в экономике и внутренней политике. Важным осложняющим моментом был, например, печально известный дефолт в России в 1998 г., который привел к резкому сокращению объема торговых и экономических отношений с ЕС, а также вызвал многочисленные негативные оценки проходивших в России реформ. Практика реализации этих реформ подвергалась все более острой критике в странах ЕС, звучали призывы к прекращению помощи России и проведению по отношению к ней более жесткой политики.

Причины такого положения дел в отношениях сторон не раз становились объектами анализа и российских, и европейских политиков и экспертов. Одни из них видели основной корень проблем в российской политике, другие – в действиях и позициях европейцев, третьи – возлагали ответственность на обе стороны, а также и на само соглашение, которое, по их мнению, якобы содержало много неопределенности, нечеткости, несбалансированности[2].

Постепенно текущие споры и расхождения стали осознаваться как более фундаментальные несовпадения в целях, средствах, задачах и мотивах действий сторон как во внутренней, так и во внешней политике. Хотя это не сразу отразилось на непосредственной практике и масштабах многообразных отношений, которые продолжали активно развиваться. Происходил постоянный рост торговли и инвестиций, расширялись культурные, гуманитарные, туристические обмены, выстраивались приграничные контакты, развивались институты сотрудничества. Но все это, впрочем, не мешало периодическому обострению отношений в различных областях, подвергающему сотрудничество испытаниям.

На этом фоне были предприняты попытки внести коррективы в стратегическое видение партнерства. В 1999 г., в разгар очередного обострения отношений, вызванного резким расхождением позиций по проблемам конфликтов в бывшей Югославии и в Чечне, стороны выдвинули свои стратегии долго-

2. См., например: Россия и Европейский союз: Вызовы времени и перспективы сотрудничества: Международная конференция (стенографический отчет). – М., 1999; Первый год действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Российской Федерацией: Материалы конференции. – М., 1999.

срочных отношений. В какой-то мере это было ответом на возникающие разногласия, стремлением их предвосхитить и ослабить, а также учесть происходившие в европейской политике изменения.

В своих стратегических целях в отношении России ЕС по-прежнему сохранял курс на содействие ходу российских реформ, ведущих к построению «стабильной плюралистической демократии» и «процветающей рыночной экономики», а также на интеграцию России в европейское экономическое и социальное пространство. Вместе с тем формулировались и другие элементы стратегического курса – партнерство в сфере поддержания стабильности и безопасности в Европе и в мире и объединение усилий в реагировании на общеевропейские вызовы в различных областях. Для реализации этой политики предлагалось усилить координирующую роль совместных институтов сотрудничества, созданных СПС[3]. Россия также обращала внимание на усиление координации и сотрудничества с ЕС в рамках общих институтов. В сфере стратегических целей сотрудничества Россия подчеркивала значение обеспечения своих национальных интересов при формировании системы европейской безопасности и привлечении экономического потенциала и практического опыта ЕС в развитии в России «социально ориентированной рыночной экономики» и строительстве «демократического правового государства»[4].

В какой-то мере и формулировка долгосрочных стратегий, и содержащиеся в них уточнения, дополнения и корректировки политики были полезны для обеих сторон. И начало 2000-х годов стало временем стабилизации и активизации их отношений. На саммитах Россия–ЕС была сформирована новая повестка дня, в которую вошли основные сюжеты, упомянутые в долгосрочных стратегиях, – от совместных мер в отношении общеевропейских вызовов и планов содействия российским реформам до общих приоритетов в сфере европейской безопасности и проектов общего экономического пространства. Вместе с тем в повестку дня были интегрированы и новые вопросы – проблематика расширения ЕС на восток, затрагивающая интересы России, ответы на вызовы международного терроризма (после сентября 2001 г.), развитие сотрудничества в области энергетики («энергодиалог») и мн. др.[5].

Вместе с тем практика развития отношений в 2000-е годы показала, что принципиально долгосрочные стратегии и новая повестка дня прежней модели отношений не изменили. В ней также акцентировались общие цели и цен-

3. Коллективная стратегия Европейского союза по отношению к России. См.: http://www.delrus.ec.europa.eu/ru/p_319.htm

4. Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу. См.: http://www.delrus.ec.europa.eu/ru/p_320.htm

5. О саммитах Россия–ЕС см: www.delrus.ec.europa.eu

ности, поддержка реформ в России, сближение России с ЕС и развитие совместных институтов, расширение и углубление экономического, политического, культурного сотрудничества. В то же время в ней было усилено прагматическое начало. Стороны больше ориентировались на развитие технической стороны взаимодействий, а также на политические реалии, хотя отдавали должное общим идеям и ценностям. Эти реалии означали, что ЕС признавал сложности российской трансформации и вытекающие из этого особенности позиций России, а Россия признавала новое качество ЕС, его возросший статус в Европе и в мире. Одновременно признавалась важность совместных действий в решении европейских проблем и развития институциональной и технической стороны сотрудничества.

Но и эта модель, скорректированная в духе прагматизации отношений, не привела к безоблачному сотрудничеству. Общий рисунок прежней модели отношений в основном сохранился. Они по-прежнему состояли, с одной стороны, из взлетов и спадов, из демонстраций тесного сближения и согласия, подкрепляемого ростом экономических, гуманитарных, культурных контактов, а с другой – из вспышек разногласий и отчуждения. И в 2000-е годы этому вновь было достаточно примеров. Положение русских в Прибалтике, проблемы балканского урегулирования, «цветные революции» и «замороженные конфликты» в странах СНГ, калининградский транзит и т.д. не раз были предметами споров и расхождений. И вновь накопление «критической массы» расхождений привело к актуализации вопроса об особенностях общих стратегических интересов и к идеям пересмотра существующей формулы «партнерства».

Особенно сложным в отношениях стал 2004 год. Финальная фаза расширения Евросоюза, которая завершалась к 1 мая 2004 г., когда полноправными членами ЕС должны были стать десять новых стран, создала проблему определения нового формата отношений ЕС с Россией. В частности, возник вопрос о распространении на эти страны действия СПС. В ЕС были уверены, что последствия расширения будут для России позитивными, так как в соседних с ней странах повысится уровень экономической и политической стабильности. В России же мнения на этот счет были неоднозначны, давались также и негативные оценки этого процесса как в политическом, так и в экономическом плане. Москва выдвинула ряд требований к ЕС, которые должны были быть выполнены для согласия России на распространение СПС на новые страны. В ответ Брюссель выдвинул собственные жесткие требования к России, многие из которых касались политической ситуации в России и ее отказа от «европейских ценностей». В отношениях сторон возник кризис. Потребовались очень серьезные дипломатические усилия (многодневные напряженные переговоры в режиме «нон-стоп», а также участие первых лиц), чтобы преодолеть его. Протокол о включении в СПС новых стран был под-

писан между Россией и ЕС 27 апреля 2004 г., всего за три дня до даты их официального вступления в Евросоюз[6]. После этого, правда, в отношениях наметился некоторый подъем. Была активизирована работа по созданию общих пространств между ЕС и Россией, были завершены переговоры по основным параметрам торговых отношений ЕС и России при вступлении последней в ВТО. Но еще одной «критической точкой» в отношениях стали события на Украине в ноябре 2004 г., где, как известно, проигравшая на президентских выборах оппозиция организовала массовые выступления против фальсификации итогов голосования с требованиями проведения нового тура выборов. Позиции России и ЕС по этим событиям вновь были различны. Россия выступала за признание итогов выборов, а представители ЕС склонялись к поддержке украинской оппозиции. Спор был в итоге урегулирован в интересах оппозиции, представители которой пришли к власти на Украине. Но проходивший на фоне этих событий очередной саммит Россия–ЕС вновь отразил стагнацию отношений, более острыми стали споры и по энергетической проблематике, и по ряду гуманитарных и политических вопросов[7]. Одной из последних по времени тем, вызвавшей полемику между сторонами, стал транзит энергоносителей из России в Европу; возникла и проблема доступа экономических субъектов сторон к добыче, транспортировке и распределению энергоносителей в общеевропейском экономическом пространстве. Здесь также наблюдалось несовпадение позиций[8]. Больше разногласий у России стало и с отдельными странами ЕС (Польшей, Великобританией и др.), что также способствовало стагнации отношений.

В кругах европейских политиков и экспертов опыт проблем и конфликтов, постоянно возникавших в отношениях России и ЕС в 1990-х и 2000-х годах, все активнее стал интерпретироваться в том смысле, что Россия является скорее соперником и конкурентом, чем партнером Евросоюза. Поэтому формулы «партнерства», базирующиеся на «общих европейских ценностях», должны быть пересмотрены и переформулированы в новом формате[9]. В России претензий и жестких оценок политики ЕС также стало высказываться существенно больше. В частности, подчеркивалась мысль о политике «двойных стандартов», которую ЕС практикует в отношении тех или иных ситуаций и процессов, действуя в эгоистических интересах в ущерб партнерским отношениям, упоминалось и об элементах экспансионизма и дестабилизации

6. Подробнее см.: Борко Ю. Экономические отношения: От сотрудничества к общему экономическому пространству // Библиотека европейских исследований. 2004. – Вып. 13. – С. 43–45.

7. См: www.delrus.ec.europa.eu.

8. Там же.

9. См: Охман К., Загорский А. Застой никому не нужен: Россия и Европейский союз в 2008 г. // Spotlight Europe. 2008. – № 1. – С. 1–6.

в его политике на пространстве СНГ и т.д.[10]. В этой связи России также предлагалось видоизменить модель «партнерства».

Альтернативой нарастанию разногласий и споров в подходах к формированию стратегической модели партнерства в какой-то мере стала концепция «дорожных карт» в отношениях России и ЕС, принятая на саммите Россия–ЕС в 2005 г. Эта концепция пытается сохранить некоторые принципы прежней модели отношений, идущей еще из середины 90-х годов, но в то же время делает еще один шаг к ее пересмотру. Главной особенностью «дорожных карт» является конкретизация целей и задач, направленных на формирование между Россией и ЕС четырех «общих пространств»: экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; научных исследований и образования, включая культурные аспекты. По каждому пространству «дорожные карты» предусматривают согласованный перечень конкретных мер, необходимых для достижения поставленных целей[11]. Таким образом, этот документ, в какой-то мере оставляя в стороне разработку проблематики общих ценностей, а значит и полемику вокруг этого, делает упор на конкретные и технические мероприятия, позволяющие развивать партнерство и сближать позиции в ходе «конкретной работы в конкретных областях».

Отношение к «дорожным картам» в кругах российских политиков и экспертов различно. В основном дискутируется вопрос о том, смогут ли эти «карты» послужить базой для выработки нового соглашения с ЕС и, тем самым, основной новой модели отношений. При этом, в частности, имеется в виду и отмеченный выше акцент в них на конкретные и технические вопросы при минимизации общеполитической и ценностной проблематики. Одни авторы считают, что это возможно, так как «дорожные карты» являются в современных условиях оптимальной формулой, нацеленной на развитие сотрудничества и постепенное сближение «шаг за шагом» через согласованное решение «конкретных проблем»[12]. Другие, напротив, относятся к ним критически, указывая, что «дорожные карты» уже не соответствуют реалиям отношений, так как за оптимистической риторикой «конкретных мероприятий» скрываются растущее отчуждение и соперничество. Поэтому движение в этом формате и уход от «разговора начистоту» неизбежно приведут к кризису

10. См., например: Иванов И. Расширенный Евросоюз как партнер России / Расширение Европейского союза и Россия / Под ред. О.В. Буториной и Ю.А. Борко. М., 2006. С. 310–313. Батюк В.И. Вступит ли Россия в Евросоюз? // Современная Европа. 2004. – № 2.

11. «Дорожные карты» по четырем совместным пространствам. Саммит Россия–ЕС (Москва 10 мая 2005 г.) // Современная Европа. 2005. – № 3. – С. 124–155.

12. Борко Ю. Россия – Европейский союз: Сценарии взаимоотношений // Расширение Европейского союза и Россия / Под ред. О.В. Буториной и Ю.А. Борко. М., 2006. – С. 437–450.

отношений и разладу[13]. Вместе с тем значительное число специалистов и в России и в Европе считают, что «дорожные карты» являются, скорее, временной формулой. Они позволяют поддерживать определенную динамику партнерства, выполнять отдельные практические задачи, но не решают проблемы формирования новой стратегии отношений. В них закрепляется статус-кво, а это при отсутствии ясной стратегии подвергает сотрудничество давлению краткосрочных факторов, делает его слишком зависимым от политической конъюнктуры[14]. Поэтому развитие отношений требует дополнения сложившейся структуры новым стратегическим видением, новой долгосрочной политической формулой, новой моделью взаимодействий.

Мнения о том, как может выглядеть эта новая модель отношений, также неоднозначны. Как в России, так и в Европе обсуждаются несколько вариантов. Один из них – пролонгация с некоторыми изменениями и уточнениями действия СПС на следующий десятилетний период. Эта процедура предусмотрена самим соглашением в случае согласия сторон. В данном случае сохраняется и вся другая договорная база, включая «дорожные карты» и другие существующие договоренности. В принципе этот подход сохраняет с некоторыми изменениями нынешнюю модель отношений со всеми ее достоинствами, проблемами и недостатками. Его преимущества связаны с уже апробированными способами и формулами взаимодействия, с использованием уже существующих наработок и практического опыта. Недостатки же его тоже очевидны. Во-первых, как показывает тот же опыт взаимодействий, о котором шла речь выше, модель, представленная в СПС, не только не исключает, но практически с неизбежностью предполагает периодические кризисы и обострения отношений. А, во-вторых, прежняя модель уже изменилась de facto, изменились условия и рамки ее функционирования, цели и интересы сторон, способы их взаимодействий, что и предполагает ее изменение de jure.

Значительно шире представлен другой подход, исходящий из необходимости существенного пересмотра нынешней модели отношений. Но здесь тоже нет единого мнения. В спектре выдвигаемых оценок и предложений можно выделить два направления.

Одно, условно говоря «прагматическое», исходит из того, что отношения России и ЕС должны быть стратегически переформатированы по формуле отношений двух крупных самостоятельных игроков мировой политики. И в России, и в Европе признается, что Россия активно восстанавливает свою силу и влияние в мировой политике и стремится вести политику великой дер-

13. См.: Иноземцев В.Л. Россия: Почему «дорожные карты» не ведут в Европу? / В.Л. Иноземцев, Е.С. Кузнецова // Современная Европа. – 2005. – № 4.

14. См., например, оценку Д.А. Данилова в: Будущее России и Евросоюза // Современная Европа. 2006. – № 1. – С. 151.

жавы с акцентом на собственные национальные интересы. С другой стороны, и ЕС превратился в ведущий мировой фактор со своими интересами. Исходя из этого, отношения России с ЕС должны строиться не каким-то особым образом, но в общем ряду ее отношений с другими мировыми центрами силы (такими как США, Китай, Япония и др.) на принципах независимости, баланса интересов и соперничества и с учетом, разумеется, географической близости и большого объема торговых отношений. Проблема этого подхода, однако, связана с тем, что внешняя политика в ЕС формируется особым образом (на основе консенсуса позиций входящих в него стран). Поэтому строительство отношений России с ЕС на основе «баланса интересов» с большой вероятностью будет сводить их к «наименьшему общему знаменателю», т.е. определяться наиболее проблемными для стран ЕС в этих отношениях аспектами. Это будет порождать в них большие трудности, открывая путь к воспроизводству разделительных линий в Европе по типу уже существовавшего в прошлом раскола континента. В этом одна из главных проблем «прагматического» подхода к строительству отношений, он чреват утратой динамизма и даже поворотом назад в европейских отношениях России.

Другое направление, ратующее за пересмотр существующей модели отношений, условно можно назвать «ценностным» или «ценностно-прагматическим». Оно исходит из того, что сведение отношений России с ЕС к модели «чистого прагматизма» непродуктивно. Фактически это означает отказ от той «общности европейских ценностей», на которой строились особые отношения России и ЕС как «стратегических партнеров». Это неизбежно приведет к сужению формата отношений. Поэтому в новом Соглашении о стратегическом партнерстве акцент на «европейский выбор» России, ее принадлежность к Европе и «европейским ценностям» должен быть не только сохранен, но и усилен. Это усилит позиции России в отношениях с ЕС и откроет путь к ускоренному строительству разнообразных общих интеграционных институтов, обновлению и качественному улучшению сотрудничества и взаимодействия по формуле «продвинутого партнерства». В этом случае «дремлющие» «дорожные карты» могли бы наполниться действующим содержанием.

Разумеется, акцент на «общих ценностях» не должен означать ущемления интересов. Прагматические элементы сотрудничества должны обязательно присутствовать. Но их необходимо эффективно объединить с ценностной стороной отношений, что облегчит достижение договоренностей и решение проблем. При этом в рамках такого подхода часто отмечается, что базовые процессы сближения не должны осложняться конфликтами политиков, а, напротив, сами призваны оказывать влияние на политиков, заставляя их сближать позиции. Уязвимые места этого подхода к развитию отношений России и ЕС обычно видят в слабом учете политических реальностей. В частности,

указывают на то, что приверженность политической элиты России «европейским ценностям» весьма сомнительна, а политики в ЕС очень сдержанно относятся к учету некоторых интересов России и к ее участию в установлении европейских правил игры. Все это делает мало реалистичной концепцию пересмотра нынешних отношений России и ЕС в духе их существенного улучшения и активизации на основе эффективного объединения «общих ценностей» и интересов.

И тем не менее вопрос о поиске новой модели отношений становится все более актуальным. В этом смысле 2008 год открывает определенное «окно возможностей» как с российской, так и европейской стороны. Принятый в конце 2007 г. Конституционный договор ЕС в Лиссабоне продемонстрировал после неудачи с принятием Конституции ЕС новую тенденцию к консенсусу в Евросоюзе, к укреплению его политических институтов и к выработке более активной общей политики, в том числе и по отношению к России. С другой стороны, в России завершается избирательный цикл, который может принести определенные изменения политического курса. При сохранении преемственности все же предполагается активизация политики нового президента и правительства в отношении Европейского союза, придание ей большей результативности и поиск возможностей компромиссов. Признаки активизации и конструктивного изменения позиций здесь уже наметились. Остается надеяться, что они принесут и для России, и для Европы позитивные плоды.

Варкоч А.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Warkotsch A.
Die Nachbarschaftspolitik der EU im postsowjetischen Raum // Aus Politik u. Zeitgeschichte. – Bonn, 2007, N 43. – S. 9–14.

Автор – специалист по экономическим вопросам, научный сотрудник Вюрцбургского университета.

Вступление Болгарии и Румынии в Евросоюз в январе 2007 г. приблизило его восточные границы непосредственно к бывшим советским республикам. По оценке автора, этот регион, обладая в высшей степени богатыми энергетическими ресурсами, имеет «более чем сомнительную характеристику состояния демократии, слабую государственность и множество транснациональных рисков в области безопасности» (с. 9). В этой связи понятен растущий интерес Европейского союза к региону Восточной Европы.

В первой половине 2007 г. – в период председательства Германии – основное внимание ЕС уделял трем так называемым «восточным инициативам»: *европейской политике соседства плюс* («ЕПС плюс»), переговорам с Россией о новом соглашении, а также выработке стратегии в отношении Центральной Азии. Поскольку во Внешнеполитическом ведомстве ФРГ эти предложения истолковывались как «новая восточная политика» (Neue Ostpolitik), то и ожидания были соответственно высокими.

ЕПС была провозглашена в 2003 г. с целью создания единых и всеобъемлющих рамок для отношений ЕС со странами его непосредственной периферии – от Беларуси до Передней Азии и Северной Африки. Таким образом, странам периферии предлагалось участие в европейской интеграции без вступления в Евросоюз. В результате страны, соседствующие с ЕС, но не имеющие ближайшей перспективы вступления, привязывались к нему как партнеры по совместным проектам в сфере экономики, политики и безопас-

ности. Такая политика позволяла создать восточнее Евросоюза и на его Средиземноморском рубеже кольцо государств, проводящих согласованную и ответственную политику. При этом, подчеркивает автор, «центральным элементом ЕПС является принцип дифференциации. Индивидуальные планы взаимодействия ЕС и соответствующих стран учитывают те или иные потребности и возможности государств, но естественно также интересы ЕС» (с. 9).

Посредством такой политики Евросоюз намерен оказывать влияние на политическое и экономическое развитие стран-соседей. В стратегических документах Европейской комиссии для них были обозначены следующие приоритетные направления: 1) открытие рынков на основе критериев ВТО, а также заимствование действующих в ЕС норм; 2) социально-экономическое развитие, участие во внутреннем рынке ЕС и улучшение инфраструктурной привязки к Евросоюзу; 3) укрепление сотрудничества в области юстиции и внутренних дел – прежде всего в вопросах миграции, урегулирования пограничных споров и в борьбе с организованной преступностью; 4) налаживание политического диалога по актуальным проблемам.

В 2007 г. Берлин выступил с новыми предложениями. Чем же было вызвано настойчивое продвижение программы «ЕПС плюс»? В основном неудовлетворенностью той политикой, которая проводилась «без стратегической глубины и была встречена с недовольством в восточноевропейских странах, которым она была адресована прежде всего потому, что эти государства ставились на одну ступень с североафриканскими и ближневосточными странами – партнерами ЕС, а подчас и ниже» (с. 10). Такое положение дел не устраивало страны Восточной Европы, поскольку они (особенно Украина и Молдавия) рассматривали свой статус стран-соседей как этап на пути к последующему членству в Евросоюзе. Кроме того, негативное впечатление от отказа в будущем членстве усиливалось неравным распределением финансовой помощи со стороны ЕС: 65% денежных средств направлялось на юг и только 35% – в восточноевропейские страны (там же).

Попытка исправить эти недостатки была предпринята со стороны ФРГ, что определялось не только ее географическим положением, но и традиционным интересом к Восточной Европе. Берлин предложил модернизировать партнерские отношения с Украиной, Молдавией, Грузией, Арменией и Азербайджаном, а также Беларусью (при определенных условиях) под лозунгом «Сближение через взаимопроникновение». Соображения, которыми руководствовался Берлин, были следующие: 1) необходимо эффективнее передавать соседним странам часть общего законодательства (Acquis Communautaire) и тем самым расширять пространство ЕС (с помощью соглашений по отдельным секторам); 2) расширять институциональное сотрудничество, прежде всего путем введения статуса наблюдателя в тех политических сферах, в ко-

торых страны уже заимствовали правовые положения; 3) совершенствование партнерства с Восточной Европой должно происходить с «региональной привязкой» подобно тому, как это уже существует для соседних государств Средиземноморья.

А. Варкоч акцентирует внимание на том, что в конце 2006 г. Еврокомиссия представляла для обсуждения проект реформирования политики соседства, где содержались многочисленные предложения Берлина. Те из них, которые касались улучшения секторального сотрудничества, были приняты. Однако идеи о заключении новых соглашений были отвергнуты. «Тем самым Комиссия осталась верна принципу “all but institutions” в политике соседства. Она препятствовала также принципиально новому направлению ЕПС в отношении Востока. Так, план финансирования политики соседства на период с 2007 по 2013 г. предусматривал лишь незначительное повышение доли для восточноевропейских государств до уровня 38%... С учетом сопротивления внутри Еврокомиссии немецкая сторона не стала дальше форсировать свой проект и одобрила на заключительном заседании 24 июня 2007 г. предложенный стратегический документ. Тем самым результаты обсуждения ЕПС оказались меньше ожиданий в самих восточноевропейских странах – членах ЕС и в регионе в целом» (с. 10–11). Единственным исключением стала поддержка многосторонних связей с Украиной, в том числе заметное повышение для нее суммы денежных средств.

Значительное место в предложениях Берлина отводилось России. Предполагалось развить достигнутые в мае 2005 г. на Московской встрече в верхах договоренности в форме четырех «дорожных карт». Годом позже обе стороны – ЕС и Россия – подтвердили готовность принять совершенно новое рамочное соглашение, которое должно было продемонстрировать качественное изменение стратегического партнерства.

Подготовка этого основополагающего договора в 2007 г. была отягощена некоторыми принципиальными расхождениями и политическими противоречиями между ЕС и Россией. По мнению автора статьи, это произошло по трем причинам. Во-первых, с начала XXI в. на постсоветском пространстве четко обозначилась конкуренция между Россией и ЕС в сфере интеграции. «Россия планирует создать с помощью так называемого “единого экономического пространства” собственный Восточный Евросоюз» (с. 12), которому должны принадлежать Россия, Казахстан, Беларусь и Украина. Вместе с тем очевидно, что ЕПС способствует росту политического влияния Европейского союза в Восточной Европе.

«Во-вторых, вследствие нового осознания Россией своей роли как энергетической сверхдержавы она переживает ренессанс концепции суверенитета» (с. 12). По логике большей части московского политического истеблишмента Россия может в одиночку справиться с негативными влияниями извне

и стать стабильной и конкурентоспособной в международном плане. Но это противоречит стратегии Евросоюза, стремящегося сильнее привязать Россию к общеевропейским процессам. Российская элита видит в этом «попытку поставить под европейский контроль потенциал России» (там же).

В-третьих, в отношениях ЕС и России все более отчетливо проявляются ценностные различия. «В принципе речь идет о том, будут ли строиться далее партнерские отношения между ЕС и Россией только на общих интересах или их основу составит общность ценностей» (там же).

Следует учитывать, что на эти двусторонние отношения влияют отношения отдельных европейских стран с российским государством. Среди негативных факторов автор называет эмбарго России на польский экспорт мяса, конфликт в связи с переносом памятника советским воинам в Таллинне, убийство Литвиненко, острые дебаты между В. Путиным и А. Меркель в ходе встречи на высшем уровне в мае 2007 г. в Самаре. Евросоюз также упрекает Москву в использовании ею своих энергетических ресурсов в качестве «политического оружия».

Принятие Европейским союзом стратегии в отношении Центральной Азии автор считает значительным успехом восточной политики в первой половине 2007 г. До тех пор европейская политика на этом направлении находилась в тени России, США или Китая. Соответственно в прошедшие годы шло недофинансирование этого региона в сравнении с другими. С одной стороны, внутри Евросоюза не было достаточно сильного лобби, которое продвигало бы центральноазиатские проекты. С другой – наблюдался дефицит привлекательности ЕС для центральноазиатских государств.

Новая стратегия держится на функциональной основе ЕС, а именно: «на нормативной силе и социализирующем влиянии малых шагов по переплетению связей и их гармонизации, выстраиваемых на либеральной системе ценностей». Как отмечает автор, данная стратегия содержит некоторые элементы, которые смогут позитивно повлиять на межрегиональное сотрудничество. Например, Евросоюз предлагает повысить уровень финансовой помощи этому региону в 2007–2013 гг. примерно на 50% – это почти 750 млн. евро, что соответствует половине всех средств, выделенных Соединенными Штатами Америки. Предполагается также усилить партнерские отношения в сфере энергетики и прав человека.

В заключение автор делает вывод о том, что «высокие ожидания, вызванные инициативой выработки новой восточной политики в период председательства Германии в ЕС, остались нереализованными. Не удалось сделать более сильной политику соседства в Восточной Европе и преодолеть блокирование переговоров с Россией. Некоторые успехи, такие как принятие центральноазиатской стратегии, не могут восполнить этот дефицит. Поворотным и ключевым пунктом успешной восточной политики ЕС являются

его отношения с Россией. За кажущейся зачастую простой формулой *стратегического партнерства* кроется понимание множества общих интересов. Их всеобщее признание все же отодвинуто на отдаленную перспективу в силу растущих ценностных различий и национально-государственного эгоизма отдельных стран – членов ЕС. Поэтому первостепенной целью политики ЕС в отношении России должно стать преодоление собственного внутреннего раскола и восстановление многосторонних отношений. Это включает в себя, в первую очередь, открытый диалог о гармонизации европейских и российских инициатив в области кооперации и интеграции на постсоветском пространстве (с. 14).

Шаншиева Л.Н.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ЕС: УКРЕПЛЕНИЕ ПАРТНЕРСТВА С РОССИЕЙ. (Реферат)

1. Штайнмайер Ф.-В. Переплетение и интеграция // Intern. Politik. – Бонн; Москва, 2007. – № 2. – С. 4–8.
2. Вайссер У. Нам нужна Россия! // Intern. Politik. – Бонн; Москва, 2007. – № 2. – С. 24–31.

Председатель Совета ЕС Ф.-В. Штайнмайер пишет, что новая фаза восточной политики ЕС требует не размежевания, а тесного взаимодействия (1). Успех европейской интеграции следует распространить на европейских соседей и закрепить его в глобальном масштабе. Европейская интеграция – ответ на главный вызов XXI в. – на процесс глобализации, охвативший не только экономику, но и почти все сферы нашей жизни, поэтому она необходима, и ожидания, связанные с Европой, огромны. Об этом свидетельствует число стран, желающих вступить в ЕС или установить с ним тесные связи в расчете на его поддержку. Цель ЕС заключается в том, чтобы распространить свою модель переплетения и гармонизации интересов на соседние страны и, по возможности, в глобальном масштабе. Международная кооперация – это единственная возможность для ЕС сохранить свои позиции в мире, где формируются такие мощные центры как Китай и Индия, а также стимулировать экономическое развитие и демократические тенденции.

ЕС заинтересован в сильных и стабильных партнерах и на это направлена Европейская политика соседства (ЕПС), которая в равной степени касается соседей на Востоке и в Средиземноморье. Как показал отчет Комиссии ЕС по ЕПС, опубликованный в декабре 2006 г., потенциал этой политики еще далеко не исчерпан: Восток Европы значительно отстает по сравнению с Югом. Автор подчеркивает, что усиление ЕПС не означает начало новых дискуссий о вступлении в ЕС, активизация ЕПС – это не альтернатива или путь к вступлению в Евросоюз, а, скорее, стремление развивать сотрудничество с соседями с учетом их специфических потребностей и состояния реформ в соответствующей стране. Конечная цель заключается в том, чтобы способствовать

трансформации и проведению реформ, направленных на приближение условий жизни в этих государствах к нормам и стандартам ЕС.

Все, что относится к странам, входящим в зону ЕПС, актуально и для отношений между ЕС и Россией. Европейская общественность по-разному оценивает перспективы развития России. Некоторые наблюдатели опасаются, что окрепшая Россия может отмежеваться от ЕС и пойти своим путем. Автор полагает, что спустя 15 лет после распада СССР многие ответственные лица в России стремятся к более тесным отношениям с Европой, понимая, что только тесное партнерство с ЕС позволит России воспользоваться преимуществами глобализации, хотя на этом пути встретится немало трудностей. Цель европейской политики должна заключаться в том, чтобы стимулировать Россию к дальнейшему сотрудничеству на основе реального анализа как общих, так и различных интересов. Стратегия «сдерживания» или избирательного сотрудничества с Россией, как предлагают некоторые политики, не отвечает европейским интересам.

Россия для ЕС – важнейший стратегический партнер. Общеевропейский мирный порядок и надежное решение важных проблем безопасности на континенте могут быть обеспечены только при участии России. ЕС жизненно заинтересован в тесном сотрудничестве со страной, обладающей огромными возможностями. Фундамент такой политики ЕС и Россия заложили еще в 2003 г., согласовав взаимодействие в области экономики, внутренней и внешней безопасности, науки и образования. В 2007 г. срок действия Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией истек. ЕС и Россия заинтересованы в том, чтобы как можно раньше начать переговоры о заключении нацеленного на будущее соглашения. Предстоящее вступление России в ВТО свидетельствует о том, что Россия ориентирована на интеграцию в мировую экономику. ЕС должен поддерживать это стремление.

Россия остается ключевым фактором в энергоснабжении Европы: на нее приходится более 80% экспорта российского газа (1, с. 5). Здесь речь идет о взаимной и равноправной зависимости между Россией и ЕС, которая должна быть поддержана. Ни один из рыночных игроков не должен преследовать свои энергетические интересы, ущемляя при этом интересы другой стороны. Принципом таких отношений должны быть взаимный доступ на рынки, признание строгих конкурентных правил ЕС, а также стабильность и предсказуемость правовых основ. Главным ориентиром здесь являются принципы Энергетической хартии, которые ЕС намерен распространить на отношения с Россией. Но важнейшими элементами европейско-российского энергетического партнерства являются взаимное доверие, уверенность в строгом соблюдении договоров и надежности поставок.

ЕС заинтересован в том, чтобы Россия процветала, опираясь на собственные традиции и ориентируясь на ценности, исповедуемые Европой, и

осуществила в результате успешный переход к стабильной, основанной на принципах правового государства демократии. Для этого необходимо партнерское сотрудничество, выходящее за пределы газово-нефтяной сферы и открытое для диалога по вопросам, по которым мнения не всегда совпадают. Поэтому, подчеркивает автор, нет противоречия между заинтересованностью в расширении экономических взаимоотношений и соблюдением принципов правового государства и прав человека.

Вице-адмирал в отставке У. Вайссер (2) также считает, что неотъемлемой частью общей безопасности не только в Европе, но и во всем мире, является тесное стратегическое сотрудничество ЕС с Россией. Сегодня проблемы, представляющие самую серьезную угрозу для политики безопасности, могут быть решены только сообща при объединении усилий Европы, России и США. Россия должна быть заинтересована в том, чтобы примкнуть к западным странам, готовым к экономическому и стратегическому сотрудничеству, чтобы иметь возможность в будущем больше концентрироваться на проблемах своего юга, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Эти проблемы представляют собой вызов для Европы и России, поэтому нужны механизмы совместного анализа угрозы и совместных решений для совместных действий.

Россия – крупная европейская и азиатская держава с интересами, простирающимися по всему миру. Она обладает политико-стратегическим и экономическим капиталом, который невозможно переоценить в плане его значения для Европы и для всего мира. Сотрудничество с Москвой в энергетическом секторе нужно понимать не как зависимость, а как потенциал для долгосрочного партнерства. Стремление США в третьем раунде расширения НАТО включить в него наряду с Грузией и Украину, где эту идею поддерживает только 20% населения, чреваты большим политическим взрывом. Необходимо чутко и деликатно обращаться с болезненными для России темами и стратегическими интересами. Политическая стратегия открытости альянса должна быть подкреплена взвешенной концепцией членства и партнерства. В ответ на это Россия хотела проявить готовность принять интеграцию и кооперацию в качестве дополнительного элемента цельной стратегии безопасности. Однако НАТО до сих пор сделала в этом отношении очень мало.

Тем не менее Россия и Европа нуждаются друг в друге, поскольку в ближайшие годы евроатлантическому сообществу предстоит решить две большие задачи. С одной стороны, НАТО и ЕС при активном партнерстве с Россией должны укрепить стабильность и безопасность на всем континенте, а с другой – Европа должна внести существенный вклад в стабильность региона, в котором жизненно заинтересованы Европа, США и Россия и из которого исходят самые высокие риски – речь идет о расширенном Ближнем Востоке, и прежде всего об Иране.

Сейчас важно показать, как Европа намерена преодолевать эти стратегические вызовы, и конечно, она не намерена искать безопасности от России. Если Москва будет поставлена перед выбором: быстро интегрироваться в мировую экономику в соответствии с европейскими критериями или искать свое будущее в Азии, то у России не должно возникнуть ощущения, что Запад ее отталкивает. Такое впечатление может создать американская политика, и перед ЕС стоит важная задача: объяснить Вашингтону, почему европейцы проводят конструктивную, определяемую взаимными интересами политику в отношении России. У европейцев и русских больший опыт трансформационных процессов, чем у какого-либо другого региона планеты. Нигде в мире за прошедшие годы не происходило такого количества процессов превращения плановых экономик в рыночные, коммунистических государств в свободные демократии. ЕС и Россия должны умело воспользоваться этим опытом.

В.И. Шабаева

РОССИЯ, СНГ, ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В.Ю. Додонов

ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА В СНГ: ПРИОРИТЕТЫ, НАПРАВЛЕНИЯ, МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Додонов Владимир Юрьевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан.

Успешная интеграционная политика соседних государств возможна при условии сочетания политических и иных инициатив с использованием действенных экономических механизмов интеграции. Данное сочетание должно обеспечиваться разработкой и реализацией заинтересованными в интеграции странами последовательной стратегии, включающей на комплексной и системной основе рационально обусловленные приоритеты, многовекторные направления и широкий инструментарий организационно-экономических механизмов этого процесса.

Эффективность реализации стратегии интеграции, по нашему мнению, напрямую зависит от ее прагматизма – чем более ориентированной на экономические интересы будет политика соседства вовлеченных агентов, тем большую можно ожидать отдачу. Приоритеты политики соседства должны быть выстроены так, чтобы интеграция в рамках этой политики осуществлялась в наиболее значимых сферах и отраслях, максимально затрагивающих интересы сторон. При этом следует учитывать, что субъекты интеграции, так же, как и их интересы могут быть различны. Можно выделить по крайней мере три уровня субъектов – собственно государства (как политические институты, имеющие соответствующие преимущественно политические цели); корпоративный сектор экономики, преследующий прежде всего коммерческие интересы; и население, заинтересованное в интеграции по целому ряду причин – от экономических (рост занятости и доходов за счет расширения спроса на рабочую силу) до широкого спектра социальных (родственные свя-

зи, возможности упрощенного посещения соседних стран, использования интегрированного культурного пространства и пр.) мотивов.

Соответственно выстраивание приоритетов в рамках стратегии соседства должно быть направлено на задействование ресурса реализации всех этих обширных интересов, что позволит более эффективно решать задачи интеграции. Приоритеты должны быть обусловлены объективными потребностями субъектов интеграции, а не механическим следованием в русле неких сложившихся тенденций или макроэкономических показателей (например, объем товарооборота). Между тем иногда объемы взаимной торговли стран отождествляются с уровнем приоритетности соответствующих государств в плане укрепления партнерства и интеграции, что, на наш взгляд, весьма спорно. Уровень товарооборота так же как и некоторые другие показатели внешнеэкономической деятельности далеко не всегда верно определяют приоритеты стратегического сотрудничества. Так, объем экспорта из России по итогам 2006 г. исчислялся более чем 10 млрд. долл. в такие страны, как Великобритания, Германия, Италия, Нидерланды, Польша, Швейцария, Китай, Турция[1]. Объемы внешней торговли России со странами СНГ заметно меньше.

Данные табл. 1 иллюстрируют крайне незначительные объемы того же экспорта для многих постсоветских государств – экспорт из России в страны Закавказья и Средней Азии в сотни раз меньше по сравнению с вышеперечисленными государствами дальнего зарубежья. Но значит ли это, что, например, Польша или Турция должны пользоваться интеграционным приоритетом, условно говоря, «в сто раз больше», по сравнению с Киргизией или Арменией – странами, где проживают большие диаспоры соотечественников и стоят российские войска? Аналогичные вопросы можно задать и применительно к внешнеэкономической деятельности других стран СНГ. Так, по итогам 2006 г. максимальный объем экспорта из Казахстана шел в Италию и Швейцарию (6892 и 6721 млн. долл. соответственно[2]), однако вряд ли эти цифры свидетельствуют о меньшей значимости интеграции с Россией, экспорт в которую составил 3731 млн. долл.

Значительно более показателен для оценки уровня текущих процессов интеграции индикатор объема иностранных инвестиций, так как инвестиции направляются в проекты, «завязывающие» страны на взаимный экономический интерес. Показатели иностранных инвестиций, например в Россию, да-

1. Источник: Федеральная служба государственной статистики. Внешняя торговля Российской Федерации со странами дальнего зарубежья.

2. Источник: Агентство Республики Казахстан по статистике. Социально-экономическое развитие Республики Казахстан. Январь 2007 г. Алматы, 2007.

ют заметно измененный список стран-лидеров по сравнению с показателями внешней торговли (табл. 2).

Таблица 1

ДИНАМИКА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ СО СТРАНАМИ СНГ[3] (МЛН. ДОЛЛ.)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
	Экспорт							
Всего	**14 530**	**13 824**	**14 617**	**15 711**	**20 498**	**29 471**	**32 605**	**42 305**
в том числе в страны:								
Азербайджан	85,6	136	133	277	410	621	858	1380
Армения	127	27,5	75,5	94,5	126	135	191	392
Белоруссия	2965	5568	5438	5922	7602	11 219	10 118	13 099
Грузия	48,9	42,3	58,2	91,4	153	230	353	570
Казахстан	2555	2247	2778	2403	3281	4664	6534	8976
Киргизия	105	103	83,3	104	161	268	333	561
Молдавия	413	210	240	269	306	372	448	664
Таджикистан	190	55,9	69,4	67,9	129	183	240	377
Туркмения	93,1	130	140	143	222	242	224	229
Узбекистан	824	274	409	453	512	767	861	1087
Украина	7149	5024	5282	5885	7598	10 770	12 402	14 965
	Импорт							
Всего	**13 592**	**11 604**	**11 202**	**10 163**	**13 139**	**17 713**	**18 996**	**22 367**
в том числе из стран:								
Азербайджан	107	135	81,1	86,8	93,1	139	206	259
Армения	75,1	44,0	51,8	56,6	78,8	73,7	101	104
Белоруссия	2185	3710	3963	3977	4880	6485	5716	6845
Грузия	57,9	76,6	83,4	69,0	84,2	107	158	68,4
Казахстан	2675	2200	2018	1946	2474	3429	3225	3840
Киргизия	101	88,6	61,9	74,2	104	150	146	194
Молдавия	636	325	347	281	404	496	548	323
Таджикистан	167	237	130	66,0	70,0	75,9	95,0	126
Туркмения	179	473	39,1	32,1	28,4	43,2	77,2	78.9
Узбекистан	889	663	584	344	485	613	904	1290
Украина	6617	3651	3845	3230	4438	6100	7819	9234

3. Российский статистический ежегодник 2007. – М.: Росстат, 2007.– С. 755.

Таблица 2

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ЭКОНОМИКУ РОССИИ В 2006 Г.[4]

	Млн. долл. США	В % к итогу
Всего инвестиций	**55 109**	**100**
из них из стран:		
Кипр	9851	17,9
Великобритания	7022	12,7
Нидерланды	6595	12,0
Люксембург	5908	10,7
Германия	5002	9,1
Франция	3039	5,5
Виргинские острова (Брит.)	2054	3,7
Швейцария	2047	3,7
США	1640	3,0
Казахстан	1116	2,0

В первой десятке стран, впрочем, едва ли не половина приходится на офшорные территории (Кипр, Люксембург, Виргинские острова, отчасти – Швейцария и Нидерланды), инвестиции из которых, как известно, во многом опосредованно представляют российские капиталы. Остальные страны в качестве крупнейших инвесторов действительно могут в определенной мере отражать приоритеты интеграции страны. Инвестиции из России за рубеж, закладывая фундамент будущей экономической кооперации, формируют страновые приоритеты интеграции. В контексте «политики соседства» надо отметить, что применительно к странам ближнего зарубежья, государствам СНГ российские инвестиции пока что представляются весьма недостаточными для реализации эффективной стратегии интеграции (табл. 3).

Для сравнения можно привести некоторые данные по российским инвестициям в 2006 г. в страны вне СНГ: Кипр – 2686 млн. долл., Австрия – 12 970, Люксембург – 1012, США – 18 241, Великобритания – 2006, Германия – 3190 млн. долл.[5] Эти данные показывают, что в страны СНГ, заявляемые в качестве приоритетных партнеров, в том числе по ряду интеграционных объединений (ЕврАзЭС, ЕЭП, Таможенный союз), направляется в сотни

4. Источник: Федеральная служба государственной статистики. Объем инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов в экономику России в 2006 г., по основным странам-инвесторам. http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/23-12.htm

5. Источник: Федеральная служба государственной статистики. Об иностранных инвестициях в 2006 г. http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d020/i020490r.htm

раз меньше российских инвестиций, чем в государства дальнего зарубежья, не связанные с Россией какими-либо тесными интеграционными соглашениями. Более того, столь низкая инвестиционная активность России на пространстве СНГ ведет к тому, что некоторые страны Содружества вкладывают в российскую экономику больше средств, чем получают, т.е., являются нетто-экспортерами капитала. Такая ситуация, в частности, складывается в инвестиционном сотрудничестве Казахстана и России: казахстанские инвестиции в 2006 г. превысили российские почти в 6 раз (1116 млн.долл. против 189). Аналогичная ситуация по Беларуси (624 и 572 млн.), Киргизии (452 и 112 млн.), Азербайджану (72 и 7 млн.), Грузии (4,5 и 0,3 млн. долл.). Очевидно, в данном случае российская политика соседства отличается пробелами в использовании экономических механизмов интеграции, так как потенциал инвестиционного сотрудничества со странами СНГ многократно превышает существующий уровень.

Таблица 3

ДИНАМИКА ИНВЕСТИЦИЙ ИЗ РОССИИ В СТРАНЫ СНГ[6]

	2000		2004		2005		2006	
	Тыс. долл. США	В % к итогу	Тыс. долл. США	В % к итогу	Тыс. долл. США	В % к итогу	Тыс. долл. США	В % к итогу
Всего инвестиций	**130 981**	**100**	**713 016**	**100**	**620 522**	**100**	**412 7757**	**100**
в том числе в страны:								
Азербайджан	26	0,0	2379	0,3	6734	1,1	6661	0,2
Армения	5	0,0	1032	0,2	138185	22,3	3168	0,1
Белоруссия	77 238	59,0	280 193	39,3	102 438	16,5	572 329	13,8
Грузия	133	0,1	285	0,0	60	0,0	328	0,0
Казахстан	3453	2,6	84 104	11,8	204 314	32,9	189 231	4,6
Киргизия	7	0,0	628	0,1	1247	0,2	112094	2,7
Молдавия	31 224	23,8	6600	0,9	4904	0,8	44 131	1,1
Таджикистан	–	–	3067	0,4	496	0,1	22 315	0,5
Туркмения	2934	2,3	1865	0,3	–	–-	–	–
Узбекистан	929	0,7	138 547	19,4	6968	1,1	176 174	4,3
Украина	15 032	11,5	194 316	27,3	155 176	25,0	3 001 326	72,7

Однако инвестиционная сфера является не единственным приложением стратегии интеграции. Инвестиции, по сути, выступают лишь в качестве инструмента реализации политики соседства, а куда они направляются – как раз

6. Источник: Федеральная служба государственной статистики. Объем инвестиций России в экономику стран СНГ. http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/23-13.htm

и должна определять эффективная стратегия интеграции. По нашему мнению, ее необходимо развивать с учетом следующих основных компонентов (рис. 1).

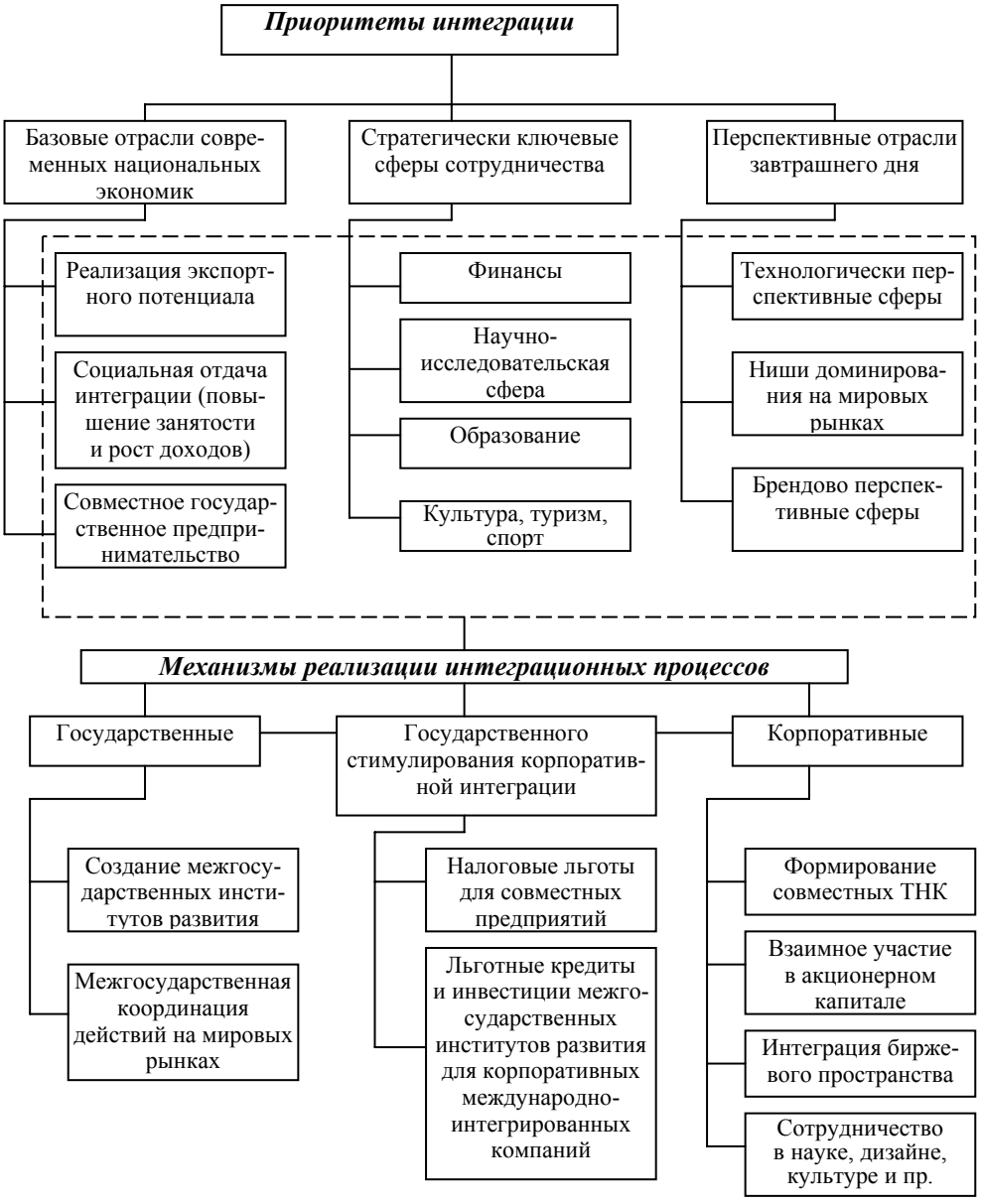

Рис. 1. Структурные основы стратегии реализации интеграционной экономической политики.

В первую очередь необходимо определить приоритеты интеграции. Как отмечалось выше, они должны выстраиваться с целью вовлечения в процесс интеграции максимально значимых для всех участников стран-партнеров сферы и направлений деятельности. Причем их значимость должна быть предусмотрена в перспективе. Таким образом, чтобы интеграция была эффективной и реальной, она прежде всего должна включать отрасли, на которых сегодня базируется благополучие страны (например, нефтегазовая или машиностроительная), а также те, на которых это благополучие будет базироваться и в дальнейшем. Кроме того, к числу приоритетов необходимо относить и стратегически значимые, ключевые сферы социально-экономических систем – финансы, науку, образование, культуру. Это позволит заинтересовать в интеграции широкие слои населения (за счет образования, культуры, спорта), а также влиятельные и авторитетные круги стран-партнеров, представляющих данные сферы.

Приоритеты интеграции детализируются ее направлениями, текущими условиями экономического развития стран, вовлеченных в реализацию политики соседства. При этом они не должны ограничиваться только отраслевым или функциональным характером.

Как видно из схемы на рис. 1, одним из важнейших направлений интеграции является реализация экспортного потенциала, так как во многом на экспортных поставках в настоящее время базируется благополучие государств СНГ. Соответственно усиление взаимной зависимости экономик будет более эффективным, осуществляясь в экспортных отраслях, поскольку возможная дезинтеграция в столь значимой сфере немедленно окажет негативное влияние на национальные хозяйственные комплексы. Другим ключевым направлением интеграции должны быть отрасли с максимальной занятостью – это позволит создать обширную социальную базу интеграции. Возможная же дезинтеграция приведет к социальным протестам занятых на интегрированных производствах работников. Еще одним перспективным направлением является совместное государственное предпринимательство в сфере базовых отраслей хозяйственных комплексов интегрируемых стран, тем более что экономические модели большинства стран СНГ позволяют использовать данный инструмент. Например, создание на основе государственных (или с участием государства) компаний совместных проектов и фирм международного масштаба позволит скрепить интеграционные процессы реальными экономическими механизмами и на государственном уровне.

Направления сотрудничества в долгосрочной перспективе обусловливаются логикой развития глобальной экономики. В первую очередь это технологически перспективные отрасли, сотрудничество в которых позволит укрепить позиции стран-партнеров на мировых рынках высокотехнологичной продукции. По некоторым позициям, в которых возможно доминирование

стран-партнеров, целесообразна интеграция в форме организаций типа ОПЕК с целью олигопольного или монопольного контролирования ряда товарных рынков. Такими рынками могут быть газовый, редкоземельных металлов, хромитов, урана и ряда других, по которым совокупные запасы стран СНГ позволят обеспечить совместное доминирование в глобальной экономике. Одним из направлений перспективного сотрудничества могут быть совместные усилия по формированию и продвижению брендов интегрированных бизнес-структур на мировые рынки.

Обозначенные направления интеграции закономерно задают и набор основных механизмов реализации стратегии соседства. Именно они во многом обусловливают эффективность интеграционных процессов, а их адекватность реальным потребностям интеграции будет предопределять взаимную заинтересованность стран и национальных хозяйствующих субъектов в ее укреплении. В системе необходимых механизмов можно выделить три основных уровня – механизмы межгосударственной интеграции, экономические механизмы государственного стимулирования корпоративной интеграции и организационные механизмы корпоративной интеграции.

Первый уровень – механизмы прямого государственного влияния на интеграцию – могут включать ряд мер, среди которых можно выделить создание межгосударственных институтов развития и координацию действий странами-партнерами на мировых рынках в целях повышения эффективности внешнеторговой политики. В качестве примера можно привести создание Россией и Казахстаном в январе 2006 г. Евразийского банка развития (ЕАБР). Он призван стать одним из ключевых элементов финансовой инфраструктуры на евразийском пространстве. Уставный капитал ЕАБР составляет 1,5 млрд. долл. США. Банк открыт для вступления новых участников, к Соглашению об учреждении ЕАБР могут присоединяться другие государства и международные организации. В настоящее время проводится работа по вступлению в состав учредителей банка Киргизии.

Этот банк уже реализует ряд крупных инвестиционных проектов на общую сумму 221,5 млн. долл. США.

– В полном объеме профинансирован проект промышленного освоения уранового месторождения «Заречное» в Казахстане на сумму 63 млн. долл. США сроком на пять лет. Проект осуществлен в рамках Комплексной программы сотрудничества России и Казахстана в области мирного использования атомной энергии.

– ЕАБР совместно с западными банками WestLB и HVB участвует в финансировании разработки месторождения хромитов «Восход» в Актюбинской области (Казахстан). Общий объем финансирования проекта – 120 млн. долл. США, участие ЕАБР – 60 млн. долл. США сроком на десять лет.

– Улучшение технического состояния Экибастузской ГРЭС-2. Сумма кредита ЕАБР – 93,5 млн. долл. США сроком на десять лет.

– Синдицированное кредитование ООО «Славинвестбанк». Сумма кредита ЕАБР– 5 млн. долл. США на один год[7].

– На рассмотрении банка находится более 20 проектов на сумму более 2,5 млрд. долл.

Функционирование ЕАБР создает основу для укрепления сотрудничества на базе использования межгосударственных институтов развития. При этом можно отметить, что для такого сотрудничества между Казахстаном и Россией может успешно использоваться потенциал существующих национальных институтов развития. В Казахстане к настоящему времени создан широкий круг таких институтов различного функционального назначения, как Банк развития, Национальный инновационный фонд, Инвестиционный фонд Казахстана, Государственная страховая корпорация по страхованию экспортных кредитов и инвестиций, Казахстанский центр содействия инвестициям, Фонд развития малого предпринимательства, Казахстанская ипотечная компания. Эти институты уже сейчас реализуют достаточно масштабные проекты в рамках национальной экономики – с начала 2007 г. основными финансовыми институтами развития (БРК, БРК-Лизинг, ИФК, НИФ) одобрены 30 проектов на сумму 1 млрд. долл. с долей участия ИР в размере 0,3 млрд. долл. Ожидается, что к началу 2008 г. портфель инвестиционных проектов увеличится до 6 млрд., а к началу 2009 г. – до 10 млрд.долл.[8] Кроме того, в Казахстане функционируют крупные государственные компании с совокупной капитализацией в десятки млрд. долл., которые также могут выступать инструментом активизации интеграционных процессов и основой для создания новых типов межгосударственных институтов развития. В России государство также активизирует свою роль в крупном бизнесе и формирует институты развития, что создает предпосылки для организационного усиления интеграции в рамках своего рода «межгосударственного предпринимательства».

Конкретные направления такого совместного предпринимательства на мировых рынках могут быть достаточно разнообразными и выходить за рамки традиционного формирования совместных предприятий. Значительно более перспективной представляется межгосударственная координация действий на мировых рынках, причем в различных секторах этих рынков. Наиболее перспективными секторами представляются глобальные сырьевые и фондовые рынки. Особенно актуальным такое сотрудничество представляется в свете происходящих в настоящее время попыток ограничить присутствие

7. По материалам с сайта ЕАБР: www.eabr.org.

8. К. Келимбетов: Институты развития в Казахстане. Итоги и планы «Казыны» (интервью журналу Kazakhstan). 03.10.2007.

российского капитала и вообще капитала из третьих стран на рынках развитых стран Евросоюза и США. Как известно, Еврокомиссия разработала жесткие ограничительные меры по защите энергетического сектора ЕС от крупных зарубежных инвесторов, правительство Германии создает специальный контрольный орган, чтобы ограничить нежелательные инвестиции из России, Китая и некоторых других стран. В США введены жесточайшие требования к инвесторам и эмитентам: «За последние годы ни одна российская компания не сумела разместить свои акции на американском фондовом рынке. Зато несколько фирм ушло оттуда из-за невыносимых условий работы. Жизнь им усложнила, например, поправка Сарбейнса-Оксли, заставляющая раскрыть американским властям всю без исключения внутреннюю информацию компании, в том числе закрытую»[9].

Складывающаяся ситуация в сфере слияний и приобретений с участием компаний из «развивающихся» стран, включая Россию, дает основание для сомнений в успешности формирования глобальной экономики как некоего общего пространства с едиными для всех и либеральными правилами игры. В последнее время слишком много примеров иррациональных и политизированных решений в этой области со стороны развитых стран. Когда в 2005 г. «Газпром» пытался приобрести британскую газораспределительную компанию Centrica, дело дошло до принятия отдельного закона, запрещающего продажу Centrica «Газпрому». «Аэрофлот», пытавшийся купить итальянскую Alitalia, столкнулся с противодействием итальянских властей, которые выставили неприемлемые условия. Протесты последовали также, когда банк ВТБ купил пакет акций аэрокосмического концерна EADS с перспективой на то, что Россия будет участвовать в сборке «Аэробусов».

Подобного рода препоны на пути инвесторов из России и других стран также являются дополнительным стимулом для совместных действий стран СНГ на мировых рынках капитала. Например, если в Европе или США национальное законодательство будет ограничивать участие российских компаний в акционерном капитале определенными долями, то партнерами в экспансии на эти рынки капитала могут выступать компании стран СНГ, в частности Казахстана, что позволит отчасти обойти такие ограничения за счет совместного участия в капитале приобретаемых компаний. Совместные действия позволят более результативно участвовать в зарубежных рынках технологий, осуществляя их трансферт в экономику стран-партнеров.

Трансферт технологий в условиях глобализации может быть более эффективным с использованием операций на мировых рынках капитала, на основе участия в капитале иностранных компаний. Это позволит решить не-

9. Андрей Реут, Федор Чайка. Русиш инвестор? Хенде хох! Газета «Известия», 6.07.2007.

сколько задач в области технологической модернизации национальных экономик стран-партнеров:

– получить доступ к передовым технологиям;

– организовать обучение специалистов в зарубежных компаниях;

– получить возможность использования брендов хай-тек продукции;

– организовать размещение части производства в странах СНГ.

Следует отметить, что предлагаемые методы проникновения на зарубежные рынки посредством покупки фирм – носителей известных брендов и технологий, уже активно применяются наиболее динамично развивающимися странами и их компаниями. Так, в 2005 г. китайская государственная автомобильная компания Nanjing Automobile приобрела разорившуюся английскую автомобильную компанию MG. Производственные мощности и права на марку MG были куплены Nanjing Automobile за 87 млн. долл., и производство автомобилей было переведено в Китай. Этот пример показывает, что участие в капитале известных зарубежных товаропроизводителей, в том числе и в высокотехнологичных отраслях, вполне может иметь результатом перенесение части производства в Казахстан, Россию и другие страны СНГ, реализующие совместные проекты в высокотехнологичных отраслях.

Помимо мировых рынков капиталов и технологий, приоритетным направлением интеграционных инициатив стран СНГ должна быть координация действий на мировых товарных рынках, особенно на тех сегментах, где страны-партнеры вместе могут занимать доминирующее положение. Это позволит укрепить позиции соответствующих бизнес-структур и в перспективе привести к формированию на их основе транснациональных корпораций, базирующихся в СНГ и выступающих проводниками экономических и иных интересов стран-партнеров. В этой области особенно перспективным представляется сотрудничество России и Казахстана как стран с наиболее богатым в СНГ ресурсным потенциалом. Так, по оценкам Казахстанского центра содействия инвестициям («Казинвеста»), Казахстан занимает первое место в мире по разведанным запасам цинка, вольфрама и барита, второе – серебра, свинца и хромитов, третье – меди и флюорита, четвертое – молибдена, шестое – золота. Среди стран СНГ по объему запасов полезных ископаемых Казахстан занимает первое место по хромовым рудам и свинцу, второе – по запасам нефти, серебра, меди, марганца, цинка, никеля и фосфорного сырья, третье – по газу, углю, золоту и олову. По результатам геолого-экономической оценки имеющихся запасов полезных ископаемых Казахстана, наибольший вес по экономической значимости имеют уголь, нефть, медь, железо, свинец, цинк, хромиты, золото, марганец[10]. В соответствии с этими пози-

10. О Казахстане. Казинвест (Казахстанский центр содействия инвестициям). http://www.kazinvest.kz/pages/29.html

циями страны на мировых рынках должны определяться и отраслевые приоритеты формирования ТНК как доминирующих компаний, имеющих монопольное или олигопольное положение.

Формирование межгосударственных ТНК в рамках укрепления политики соседства может быть особенно ускоренным и эффективным на основе использования инструментария государственного предпринимательства и государственно-частного партнерства. Эти механизмы, предполагающие участие государственных (или с участием государства) институтов и компаний, позволяют провести интеграцию на корпоративном уровне быстрее и миновать длительный период эволюционного «созревания условий» для объединения капиталов частных хозяйствующих субъектов. Необходимость применения данных инструментов обосновывается и рядом российских ученых. Так, в докладе Института экономики РАН «Частно-государственное партнерство: состояние и перспективы развития в России» утверждается, что «ЧГП должны быть нацелены как на привлечение инвестиций национальных инвесторов, так и в не меньшей мере – иностранных»[11]. Очевидно, что сотрудничество с инвесторами из стран СНГ также может рассматриваться в этом контексте. В связи с этим можно предложить общие направления формирования интегрированных межгосударственных ТНК.

В приоритетных и перспективных отраслях выделяются национальные компании-лидеры. Через систему государственных холдингов путем покупки части акций дополнительных выпусков этих компаний (с их согласия), в том числе инвесторами из страны-партнера (России или Казахстана) существенно повышается их капитализация. Второй стадией развития этой компании, которая фактически становится «кандидатом в ТНК», является выбор приоритетных зарубежных рынков сбыта. После этого через какой-либо государственный инвестиционный институт производится собственно инвестирование в зарубежные фирмы важные для дальнейшего прогресса компании. Например, производится покупка какой-либо торговой (оптовой или розничной) сети, компании, имеющей на текущий момент лучшие в отрасли технологические возможности, которые могут быть позаимствованы отечественной структурой, финансового учреждения, через которое можно организовать аудит, получение рейтингов, доступ к более дешевым кредитным ресурсам и т.д. Наиболее важные структуры в этом ряду могут закупаться полностью, в остальных достаточно приобрести значимые пакеты акций (порядка 5%, в зависимости от национального законодательства в конкретных странах), позволяющие представителям фирмы войти в органы управления. Таким обра-

11. Частно-государственное партнерство: Состояние и перспективы развития в России. Аналитический доклад. Под. ред. Р.С. Гринберга. Москва, Национальный инвестиционный совет, 2006. – С. 69.

зом, фактически реализуется первая стадия формирования ТНК казахстанско-российского происхождения со всеми необходимыми атрибутами – зарубежными сетями сбыта, финансовыми структурами, входящими в группу, и, самое главное, – доступом к передовым зарубежным технологиям в области производства, финансов и управления. Приобретаемые государственным инвестиционным институтом зарубежные активы могут в дальнейшем передаваться в формирующуюся «суперкомпанию» в обмен на адекватную долю участия государства в ее акционерном капитале. В результате в течение относительно короткого срока достигается главная задача по формированию крупной (в международном масштабе) корпорации, базирующейся в России или Казахстане, но фактически являющейся ТНК и способной выдержать конкуренцию с крупнейшими игроками мирового рынка в условиях глобализации.

Следует отметить, что в последние годы крупнейшие компании СНГ (в основном это относится к российским фирмам) повысили свою капитализацию до масштабов, соизмеримых с мировыми лидерами, что позволяет начать формирование на их базе ТНК.

Использование потенциала межгосударственной интеграции позволит осуществлять процесс формирования ТНК более быстрыми темпами и с большей эффективностью за счет роста масштаба международных операций в странах-партнерах, роста капитализации создаваемых структур путем объединения их активов, совместной экспансии на рынки третьих стран.

На государственном уровне стимулирование корпоративной интеграции может осуществляться и косвенными мерами экономического стимулирования. В частности, целесообразно предоставление налоговых льгот для совместных предприятий. Особенно действенным в данном случае может быть освобождение от налогообложения прибыли, направляемой на выплату дивидендов зарубежным стратегическим акционерам, что позволит создать стимулы для объединения на уровне компаний разных стран. Также целесообразно предоставлять льготные кредиты и инвестиции межгосударственных институтов развития для корпоративных международно-интегрированных компаний.

Использование всего спектра рассмотренных механизмов позволит успешно реализовывать интеграционные стратегии соседства и партнерства между странами СНГ и укреплять социально-экономические взаимосвязи на всех уровнях сотрудничества.

О.Д. Волкогонова, А.Ю. Полунов

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ: РУССКАЯ ДИАСПОРА И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ*

Волкогонова Ольга Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова.

Полунов Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

Прошедшие в октябре 2007 г. досрочные выборы в Верховную раду еще раз показали, что Украину сегодня вряд ли можно назвать единой – страна расколота, причем раскол является не политическим, а региональным. Некоторые политологи заговорили о том, что многие проблемы страны могут быть решены при переходе к федеративному устройству. Визуальным образом раскола стали палаточные поселения вокруг Верховной рады, которые бросались в глаза любому приезжему: с одной стороны – «оранжевые» палатки, с другой – «бело-голубые». Авторы статьи в Newsweek остроумно и верно заметили, что украинские «избиратели голосуют не столько за политическую программу, сколько за "политическую национальность" кандидатов»[1]. В этой связи вновь встает непростая проблема русских, проживающих на украинской территории, причем проблема эта влияет как на украинскую, так и на российскую политику.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-03-00197а.*

1. Найем М., Попович А., Баунов А. Две в одной. – Newsweek, 08.10 – 14.10.2007. – С. 28.

Многие исследователи, обращающиеся к анализу современных российско-украинских отношений, отмечают, что присущая им напряженность определяется не столько взаимной враждебностью, сколько неким недопониманием, неспособностью сформулировать внятный курс в отношении друг друга и последовательно его придерживаться. Очевидно, что в основе этого феномена лежат какие-то важные закономерности, относящиеся не только к сфере дипломатии, но и к проблемам внутреннего развития двух обществ. Представляется, что для Украины такая ситуация во многом обусловлена состоянием, которое киевские социологи Е.И. Головаха и Н.В. Панина определили как «аномия» и «двойная институционализация»[2]. Суть его заключается в том, что общество как бы застыло на распутье между старым и новым, не решаясь сделать определенный выбор. В результате триумфально утвердившиеся после 1991 г. институты и отношения (политическая демократия, многопартийность, разделение властей, рыночная экономика и др.) во многом оказались прикрытием для порядков, унаследованных от позднесоветского времени. К их числу в течение долгого времени относилось фактическое господство старой номенклатурной элиты, сосредоточившей в своих руках значительную часть псевдоприватизированной государственной собственности, отстраненность широких масс населения от реальной политической жизни.

Подобная ситуация придавала украинскому обществу черты некого кентавра, живущего одновременно в двух измерениях, однако значительная часть украинского общества сознательно или бессознательно мирилась с подобным положением. Она не была готова отказаться от многих «завоеваний социализма», таких, как государственный патернализм, гарантированная занятость и др. Сказалось и то, что в обществе с подачи властей «культивировался тотальный страх перед любыми конфликтами»[3]. Составной частью «двойной институционализации» был и отказ от определенного геостратегического выбора, а внутри страны – стремление балансировать между интересами русскоязычного Юго-Востока и украиноязычного Северо-Запада. Результат подобной политики лавирования был в высшей степени противоречив. Украине действительно удалось избежать открытого внутреннего конфликта, однако ценой «худого мира» оказалось угасание экономики и социально-политической активности населения. В рамках механизма власти сложился своеобразный «центристский буфер» (раздел сфер влияния между неономенклатурной и умеренно-националистической элитой), в результате чего правые и левые радикалы оказались оттеснены на обочину политическо-

2. См.: Головаха Е.И., Панина Н.В. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: От перестройки до парламентского кризиса 2007 г. // Вестник Института Кеннана в России. – Вып. 11. – М., 2007. – С. 18–35.

3. Головаха Е.И., Панина Н.В. Указ. соч. – С. 23.

го процесса. Основная масса населения, придавленная тяготами борьбы за выживание, не выражала открытого протеста против сложившейся ситуации, а власти имели возможность рапортовать о сохранении внутреннего мира и стабильности как о важнейшей своей заслуге.

Очевидно, что такая ситуация не могла продолжаться бесконечно. Всплеску недовольства способствовало, как ни парадоксально, некоторое улучшение экономической ситуации на Украине к началу 2000-х годов. Оно позволило значительным массам населения несколько отвлечься от повседневной борьбы за существование и задуматься о политических вопросах. В то же время укрепились позиции новых элит, способных бросить вызов существующему режиму. Результатом стала вспышка общественной активности вокруг президентских выборов 2004 г. и последовавший затем длительный период нестабильности, составной частью которого стало заметное обострение отношений между Юго-Востоком и Северо-Западом. Задача настоящей статьи – рассмотреть в данном контексте настроения русской диаспоры в Крыму, который по ряду причин стал средоточием многих присущих современной Украине противоречий.

Общественно-политическая роль Крыма очевидна и в свете развития российско-украинских отношений, и с точки зрения внутренней ситуации на Украине. Крым является местом сосредоточения одного из самых крупных в стране массивов русскоязычного населения. Население Крыма сегодня – почти 2,5 млн. человек. В целом по Крыму доля русских составляет 64% населения, в Севастополе этот показатель достигает 74,3%[4]. Согласно данным переписи населения Украины 2002 г., русский язык считают родным 84% крымчан, т.е. русскоязычными являются и многие этнические украинцы. Крым в целом, а особенно – Севастополь имеют для России огромное историко-символическое значение и как исток христианства на Руси, и как память о блестящих успехах Российской империи при Екатерине II, и как памятник воинской доблести в годы Крымской и Великой Отечественной войн. Очевидно, что коллизии, характерные для эпохи «двойной институционализации», должны были отразиться на русскоязычном населении Крыма с особой остротой.

Крымской геополитической проблемы в глазах ведущих мировых политиков официально не существует. Иллюстрацией Крыма как культурной проблемы может быть ситуация из пьесы польского драматурга С. Мрожека, где в финале два матроса, украинский и русский, идут в тумане, широко расставив руки, пытаются найти друг друга, но проходят мимо. По сути, истинное место встречи Украины и России находится именно в Крыму. Перефразируя

4. Статистический сборник за 2002 год. – Севастополь: Государственный комитет статистики Украины, 2003. – С. 159.

известную латинскую поговорку, в отношениях между Россией и Украиной «все дороги ведут в Крым», хотя и проходят вдоль газовой трубы… Еще точнее – самой болезненной точкой российско-украинских отношений остается Севастополь, который воспринимается русскими (независимо от их места жительства) как «город русской славы» и героическая часть русской истории и где дислоцируется Черноморский Флот России.

Постсоветское развитие Украины шло в условиях глубокого социокультурного кризиса, связанного с разрушением прежней идентичности и поисками новых ценностных ориентиров и норм социальной регуляции. Среди этих ориентиров большое место занимает этнонациональная традиция (как правило, мифологизированная и заново конструируемая), которая становится фактором складывания «воображаемого» этнического сообщества (используя термин Б. Андерсона). Причем процессы эти свойственны как украинской, так и русской общностям. Для большинства людей в неустойчивой ситуации переходного общества семейная и этническая принадлежность (восприятие себя членом «семьи» – маленькой или большой) становится наиболее приемлемым способом вновь ощутить себя частью некоего целого, найти психологическую поддержку в традиции. Отсюда – повышенное внимание к этнической идентификации, потребность консолидации этнической общности, попытки выработки интегрирующего национального идеала в новых социальных условиях, «охранение» и обособление своей национальной мифологии, культуры, истории, языка от других. В переходных обществах, как правило, имеет место процесс *политизации этничности*, что можно наблюдать и в современной Украине.

Можно назвать по меньшей мере три причины подобного повышения роли этничности: во-первых, затянувшийся переход к другому типу социальной организации (реакцией на который является обращение к традиционности и устойчивости), во-вторых, ответ на былую политику русификации в СССР и, в-третьих, направленное идеологическое воздействие. Чрезвычайно важным представляется именно третий фактор: чувство этнического единения возникает не столько стихийно (из сходного жизненного опыта, объективной общности «крови» и «почвы»), сколько формируется целенаправленно. В конечном счете, нация конструируется элитой, ведь вера в наличие неких естественных связей между членами этнической общности значит больше, чем реальное наличие этих связей. В этом смысле, именно идеологи декларируют единство на основе общей истории этноса (о которой рядовой член общности может иногда иметь весьма смутное представление), единой культуры (несмотря на то, что в условиях господства массовой культуры, этнодифференцирующий аспект культура имеет, главным образом, лишь для интеллигенции), религии (хотя речь идет в большинстве случаев о мировых религиях, и православный алеут не менее православен, чем православный русский или

украинец) и т.д. Национальная идентичность (и украинская, и русская, и татарская) в современном Крыму используется как инструмент для политической «мобилизации» самыми разными силами. Идеологи находят в процедуре этнонациональной идентификации тот ритуал, который позволяет выражать солидарность больших анонимных общностей и является катализатором социальной активности.

Этнонациональный фактор играет особенно большую роль в Юго-Восточных областях Украины, в частности на Крымском полуострове. Правительство Украины не обладало достаточными возможностями для того, чтобы конструктивно обратить внимание на ухудшающуюся экономическую ситуацию в Крыму. Ограниченные финансовые средства, которые были предназначены, чтобы помочь региону, были значительно сокращены в государственном бюджете. Опыт многих стран показывает, что влияние экономического фактора резко усиливает этнокультурные проблемы на многонациональных территориях: в условиях трудностей ищут «виноватого», которым всегда оказываются «другие». В Западной Европе в 70-е годы вошло в обиход понятие «*новая этничность*». Это понятие связано с групповым поведением, когда группа преследует цели признания ее социально-политических интересов другими группами. В такой ситуации этничность становится одним из источников стратификации[5]. Поэтому при анализе положения в Крыму встает важный вопрос: какую роль играет этничность в реальном и воображаемом социальном неравенстве на полуострове? Как этнонациональная принадлежность влияет на политические пристрастия и поведение населения?

Весной 2003 г. студентами и сотрудниками Черноморского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова среди населения г. Севастополь был проведен анкетный опрос с целью выявить взаимосвязь между национальной принадлежностью респондентов и их политической позицией, отношением к будущему Крыма, оценкой влияния национальности на перспективы карьерного роста. Для выявления динамики изменений подобный опрос был проведен еще раз в 2007 г. (при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда). Программа исследования предусматривала опрос взрослого (старше 18 лет) населения города. Были опрошены 558 человек в 2004 г. и 615 человек в 2007 г., причем распределение респондентов по возрасту и национальности совпало со средними данными Севастопольского городского управления статистики, что позволяет считать выборку репрезентативной.

Один из пунктов анкеты был посвящен оценке межнациональных отношений в регионе. Необходимо отметить, что первое анкетирование проводи-

5. Впервые этнические группы как одно из полей стратификации стали рассматриваться О.И. Шкаратаном.

лось в относительно спокойной политической обстановке, до президентских выборов в Украине, тем не менее более половины опрошенных высказали ту или иную степень озабоченности состоянием межнациональных отношений в регионе. Большинство опрошенных (около 50%) оценили межнациональные отношения как «внешне спокойные, но внутренне напряженные», причем украинцами оценки давались более оптимистичные, чем людьми других национальностей. (Самые пессимистичные оценки принадлежали этническим татарам).

Таблица 1

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ? (2003)

Варианты ответа	Количество ответивших	% от общего числа ответивших	% среди опрошенных русских	% среди опрошенных украинцев	% среди опрошенных татар
Спокойные	222	40	35	53	32
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	278	50	51,5	44	51,6
Напряженные	44	8	9,3	4	16
На грани столкновений	14	1,25	4	нет	нет

Это анкетирование и некоторые иные исследования показали, что у русских, живущих в Украине, была *выше критичность* по отношению к происходящим в стране изменениям, чем у лиц титульной национальности. Какие же изменения произошли на полуострове за четыре года?

Результаты исследования 2007 г. были для нас несколько неожиданными. Мы ждали более пессимистичных оценок межнациональных отношений в регионе (и оказались правы), но то, что критичность этнических украинцев стала даже чуть выше, чем у русских и татар, заставило задуматься о причинах произошедших негативных перемен. Можно предположить, что дала знать о себе парадоксальность ситуации, когда «титульная» национальность ощущает себя меньшинством на своей земле, а кипящие в Крыму споры о статусе русского языка, изменениях в школьных программах по истории и т.п. заставляют подчас украинцев занимать «оборонительную» или «наступательную» позиции, что отражается в формировании субъективного представления о ситуации как конфликтной. Кроме того, на восприятие межнациональных отношений живущими в Крыму этническими украинцами (и русскими) оказало влияние продолжающееся переселение на полуостров крымских татар и связанные с ними проблемы (социальные, экономические, религиозные).

Таблица 2

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ? (2007)

Варианты ответа	Количество ответивших	% от общего числа ответивших	% среди опрошенных русских	% среди опрошенных украинцев	% среди опрошенных татар
Спокойные	155	23	24,6	25,8	33,3
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	231	37,6	39,3	34,7	16,7
Напряженные	171	27,8	27,4	28,2	44,4
На грани столкновений	58	9,4	8,7	12	5,6

В целом, очевидно, что крымчане ощущают отрицательную динамику в этнонациональной сфере, напряженность в этих вопросах возрастает: если в 2003 г. 40% респондентов характеризовали межнациональные отношения как «спокойные», то через четыре года таких было лишь 23%, зато в ***несколько раз*** больше стало людей, оценивающих эти отношения как «напряженные» и «на грани столкновений». Подобные результаты являются крайне тревожным сигналом, косвенно говорящим о неспособности власти урегулировать возникающие проблемы.

После неоднозначных результатов президентских выборов и «оранжевой революции» (большинство населения Крыма голосовало за В. Януковича) у части крымского населения возникло чувство дискриминации их политических интересов. Ситуация не изменилась и после прошедших парламентских выборов, и после объявленных в 2007 г. досрочных выборов в Верховную раду: многие русские испытывают психологический дискомфорт, причем «катализатором» для их критичности выступает болезненная проблема языка.

В Украине происходит вполне закономерное и ожидаемое сужение сферы функционирования русского языка. Имевшая в прошлом место политика русификации породила естественное стремление к развитию и распространению украинского языка, пережившего долгие годы отношения к себе как «второсортному». Но подобная реакция приводит к крайностям иного рода: согласно официальным данным переписи населения Украины 2002 г., около трети населения Украины считают русский язык родным, тем не менее вопрос о его статусе обсуждается в стране уже 15 лет и ставится в прямую зависимость от того, кто стоит у руля власти. Многочисленные опросы показывают, что население страны, в том числе и этнические украинцы, в целом толерантно относятся к перспективе двуязычия. А проведенный в июне 2007 г.

опрос ФОМ-Украина показал, что русский признает языком бытового общения половина населения Украины[6] (см. рис. 1).

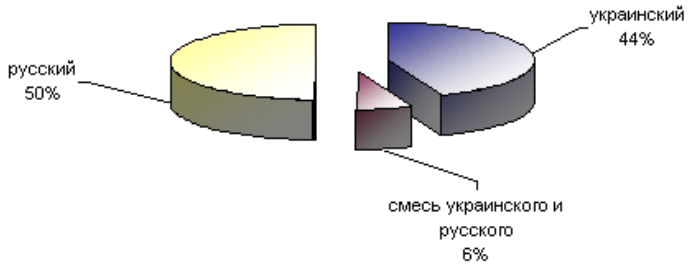

Рис. 1

Как верно заметила Л.М. Дробижева: «Язык в условиях социальных и политических перемен часто играет роль политического символа»[7]. Политический характер проблемы статуса русского языка в Украине очевиден: языковая проблема, с одной стороны, является катализатором политического недовольства юга и востока страны, а с другой – очевидны политические же причины, по которым украинская власть не может потушить эту напряженность.

В Крыму, где русский является основным языком общения (в Севастополе, например, даже 70,1% этнических украинцев родным считают русский язык[8]), нерешенность данного вопроса является одним из мощных факторов дестабилизации политической обстановки. Интересно, что позиция русских граждан Украины чрезвычайно далека от «великодержавного настроя». Опрос жителей Севастополя показал, что большинство из них приветствуют изучение украинского языка («необходимо знать язык страны, в которой живешь»), но считают, что «наравне с украинским необходимо использовать в качестве официального языка русский» (89% опрошенных) как родной для большинства населения региона.

По Ф. Барту, не сами культурные различия, а «этническая граница» (маркеры) определяет группу. Маркером могут быть и политические пристрастия.

---

6. www.fom.ru

7. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2003. – С. 65.

8. См.: Статистический сборник за 2002 год. – Севастополь: Государственный комитет статистики Украины, 2003. – С. 159.

Рабочей гипотезой для проведенного в Севастополе исследования стала идея о «*ресоветизации*» сознания русской диаспоры. Вероятность подобного предположения была велика, ведь в транзитных обществах всегда существует тяга к прошлому, причем это прошлое, как отметил М. Мерло-Понти[9], не живет в сознании в виде «объективного сознания» или датированного момента, – ему свойственно жить в памяти как стилю бытия, в обобщенном виде. Эта гипотеза получила свое подтверждение в 2003 г. лишь отчасти (и потому не разрабатывалась в повторном исследовании). Действительно, ностальгию по бывшему СССР переживают 49% опрошенных, но у русских она не сильнее, чем у представителей других национальных групп. Гораздо более важным в этом вопросе является фактор возраста, а не национальности (среди лиц старше 55 лет отрицательно относятся к распаду СССР 90%). В целом показательно, что большинство опрошенных крымчан, как русских, так и украинцев (!), в 2003 г. связали политическое будущее полуострова с Россией.

Таблица 3

КАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫМ ДЛЯ КРЫМА? (2003)

Варианты ответа	Количество ответивших	% от общего числа ответивших	% среди опрошенных русских	% среди опрошенных украинцев	% среди опрошенных крымских татар
Остаться в составе Украины	108	19,35	12,28	33,9	25,8
Получить независимость	38	6,8	7,6	3,2	9,6
Войти в состав Российской Федерации	378	67,7	75,44	61,3	41,9
Другое	34	6,1	4,7	1,6	22,6

Вполне ожидаемым результатом стал тот факт, что среди русских респондентов процент ориентированных на «историческую родину» был значительно выше. Тем не менее, если вспомнить, что 1 декабря 1991 г. в референдуме 54% населения Крыма и около 43% севастопольцев проголосовало за независимость Украины, то прослеживается тенденция разочарования в политическом курсе украинского правительства. Показательно, что даже среди этнических украинцев – жителей города большинство предпочли включенность полуострова в состав РФ. Мы предположили возможность того, что

9. См.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – М., 1999.

такая ситуация была вызвана недовольством линией Л. Кучмы и произошедшая «оранжевая революция» несколько изменила положение. Повторное анкетирование населения весной 2007 г. показало, что изменения произошли, но лояльность к центральной власти не выросла значительно, заметным образом «подрос» лишь процент людей, чьи политические настроения направлены на независимость Крыма и от России, и от Украины. По сути, такая динамика дает однозначно негативную оценку как внешнеполитическим шагам России в отношении Украины и соотечественников в ней, так и деятельности киевского правительства. Русское большинство по-прежнему связывает будущее полуострова с Россией, хотя этнических украинцев и татар, придерживающихся такой точки зрения, стало значительно меньше. Важно, что наиболее желаемая модель будущего у крымских татар значительно отличается от моделей представителей других этнических групп, – большинство из них теперь выступает уже за независимость Крыма (см. табл. 4).

Таблица 4

КАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫМ ДЛЯ КРЫМА? (2007)

Варианты ответа	Количество ответивших	% от общего числа ответивших	% среди опрошенных русских	% среди опрошенных украинцев	% среди опрошенных крымских татар
Остаться в составе Украины	136	22,1	12,9	52	22,2
Получить независимость	103	16,7	15,6	14,4	66,7
Войти в состав Российской Федерации	346	56,3	66,2	28	11,1
Другое	30	4,9	4,6	3,2	нет

Эти цифры можно проинтерпретировать и в том смысле, что в иерархии идентичностей национальная (в том числе, украинская) и крымская идентичности не являются равноценными для жителей региона. Когда респондентам (по тесту М. Куна) было предложено ответить на вопрос: «Как в первую очередь вы бы охарактеризовали себя? Кем вы себя ощущаете прежде всего?», причем они могли выбрать не более двух из предложенных вариантов ответов («Гражданин Украины», «Житель Крыма», «Житель своего города/деревни», «Представитель той или иной профессии (студент)», «Представитель той или иной национальности», «Верующий той или иной конфессии (православный, мусульманин и т.д.)», «Человек, имеющий определенные по-

литические убеждения (коммунист, либерал и т.д.)», «Мужчина/женщина» и др.), *самая высокая интенсивность была зафиксирована именно у крымской идентичности* (ее выбрали 250 человек или около 45% опрошенных в 2003 г. и 245 человек или 39,5 % в 2007 г.). Данный факт трудно переоценить: несмотря на обострение этнических проблем, население многонационального региона ощущает себя как единую общность, что является объективной предпосылкой для предотвращения серьезных этнических конфликтов и формирования толерантности в этнонациональных вопросах. Один из исследователей крымской темы в литературоведческом аспекте, А.П. Люсый, отреагировал на сложившуюся ситуацию введением термина «homo tauricus»[10].

Разумеется, все идентичности контекстуальны. Возможно, сам факт заполнения анкеты создал для респондентов ситуацию, когда та или иная идентичность стала представляться более значимой. Тем не менее интересно субъективное приписывание себе той или иной идентичности как первостепенной. Показательно, что *восприятие себя как крымчанина «обошло» по показателям все остальные идентичности*, – даже гендерную (36,4%). В то же время, опрошенные в процессе анкетирования крымские татары идентифицируют себя прежде всего по национальности (более 60%).

Уточняющим место национальной идентичности стал следующий вопрос анкеты (см. табл. 5 и 6).

Таблица 5

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВАС ИМЕЕТ ВАША ЭТНИЧЕСКАЯ (НАЦИОНАЛЬНАЯ) ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ? (2003)

Варианты ответа	Количество ответивших	% от общего числа ответивших	% среди опрошенных русских	% среди опрошенных украинцев	% среди опрошенных крымских татар
Я всегда помню, что я член своей этнической группы, человек определенной национальности	132	23,7	21,6	16,1	51,6
Для меня этническая (национальная) принадлежность не имеет существенного значения	274	49,1	48	58	38,7
Это зависит от ситуации	152	27	30	25,8	9,6

10. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. – СПб., 2003. – С. 319, 311 и др.

Полученные данные показали, что в 2003 г. наименьшее значение национальная принадлежность имела для украинцев, которые, с одной стороны, ощущали себя «титульной» нацией на полуострове, а с другой – процесс «воображения» нации (Б. Андерсон) был еще далек от завершения. Русские, в силу сходства своего образа жизни, поведения и т.п. с образом жизни, поведением украинцев, также не придавали решающего значения национальности. Но ситуация коренным образом менялась, когда отвечали респонденты-татары, – у более половины из опрошенных национальная идентификация носила базовый характер. Повторное анкетирование выявило тенденцию роста значения этнонациональной принадлежности для респондентов, особенно явно подобная динамика наблюдается среди этнических украинцев. Тем не менее среди крымских татар значение этнонациональной идентификации все равно остается почти в два раза выше, чем среди остальных крымчан (см. табл. 6).

Таблица 6

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВАС ИМЕЕТ ВАША ЭТНИЧЕСКАЯ (НАЦИОНАЛЬНАЯ) ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ? (2007)

Варианты ответа	Количество ответивших	% от общего числа ответивших	% среди опрошенных русских	% среди опрошенных украинцев	% среди опрошенных крымских татар
Я всегда помню, что я член своей этнической группы, человек определенной национальности	171	27,8	26	30	55,6
Для меня этническая (национальная) принадлежность не имеет существенного значения	231	37,6	37,5	42,7	16,7
Это зависит от ситуации	213	34,6	36,6	27,4	27,8

Одной из наиболее интересных задач исследования стало выявление взаимосвязей между этнической принадлежностью и социальным статусом, доходом, властным ресурсом этнической группы и ее представителей. Респондентам был предложен соответствующий вопрос (см. табл. 7).

Таблица 7

У ЛЮДЕЙ КАКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ БОЛЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ? (2003) (%)

	Не знаю, нет ответа	Не зависит от национальности	У крымских татар	У русских	У украинцев	Другой ответ
Занять высокий пост в органах власти	10,4	41,6	5	11,1	28,3	3,6
Получить хорошо оплачиваемую работу	7,9	59,9	3,5	11,5	13	4,3
Открыть свое дело	6	67	6,8	8,2	7,5	4,3

В целом, результаты ответа на этот вопрос в 2003 г. показали, что *большая часть респондентов не прослеживает прямой зависимости между жизненным успехом и национальной принадлежностью*. Тем не менее, если положение дел в бизнесе видится таковым для 67% опрошенных, то занятие высокого поста в органах власти не связывают с национальностью лишь 41,6%, а 28,3% считают украинскую идентичность, способствующей государственной карьере. Отрадно, что в 2007 г. большинство также не увидели прямой зависимости между национальностью и карьерой (см. табл. 8), однако, по мнению респондентов, властные органы наиболее «восприимчивы» к этнонациональной принадлежности человека (около 40% опрошенных увидели взаимосвязь между национальностью и карьерой в органах власти, правда наряду с украинской идентичностью почти столь же часто упоминалась и крымско-татарская). Примечательно, что опрошенные севастопольцы (большинство из которых русские) стали приписывать уже не этническим украинцам, а крымским татарам бóльшую вероятность успеха в связи с их национальной принадлежностью. Видимо, это связано с реакцией населения на политику льгот по отношению к возвращающимся в Крым татарам.

Полученные сведения позволяют сделать ряд выводов и предположений. С одной стороны, долгий опыт многонациональной истории Крыма является фактором, гармонизирующим этнонациональные отношения в регионе. Тем не менее этот инерционный запас не безграничен и может быть достаточно быстро исчерпан (недаром отношения в регионе были оценены большинством «как внешне спокойные, но внутренне напряженные» и «напряженные») при обострении экономических трудностей. В Крыму практически отсутствует средний класс, являющийся естественным стабилизатором социальной об-

становки. Налицо положительная динамика в этом отношении: если в 2003 г. 36% опрошенных считали, что их материальное положение за последние десять лет ухудшилось, то в 2007 г. так заявили только 13,2%. Тем не менее ежемесячный доход у 18% респондентов чрезвычайно низок и приблизительно равен 100 долл. США в месяц. Дестабилизация ситуации возможна и в случае непринятия властями адекватного решения по проблеме двуязычия в регионе.

Таблица 8

У ЛЮДЕЙ КАКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ БОЛЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ? (2007) (%)

	Не знаю, нет ответа	Не зависит от национальности	У крымских татар	У русских	У украинцев	Другой ответ
Занять высокий пост в органах власти	17,2	42,9	16	2,1	18,2	3,4
Получить хорошо оплачиваемую работу	10,4	62	13,7	3,1	8,4	3,1
Открыть свое дело	13,8	55,4	11	5,7	7,8	6,2

Результаты исследования подтвердили гипотезу о смещении интересов представителей русского сообщества данного региона в процессе национальной идентификации из сфер культурной и психологической в сферы государственно-политическую и социально-экономическую. По сути, этнонациональная идентификация становится процедурой политического сплочения группы. Отчасти эту гипотезу подтвердили и прошедшие парламентские выборы, в ходе которых этнический и языковой факторы стали одним из наиболее значимых при предпочтении того или иного кандидата и партии.

Наряду с данными социологического характера, определенное представление о настроениях русскоязычного населения могут дать материалы общественных организаций, объединяющих наиболее активную часть диаспоры. Их изучение особенно важно в связи с тем, что, по мнению ряда ученых, важнейшим признаком существования диаспоры является именно наличие у нее организационных структур (землячеств, движений и др.)[11] В настоящей статье использованы материалы двух известных общественных организаций – публикации Российской общины Севастополя и материалы веб-сайта Народного фронта «Севастополь-Крым-Россия» (http://sevkrimrus.narod.ru/). Первая организация является одной из старейших в Крыму (издает свою газе-

11. См.: Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. – М., 2003. – С. 32, 38.

ту с апреля 1993 г.). Вторая, созданная в августе 2005 г. на волне политической нестабильности, последовавшей за президентскими выборами 2004 г., объединяет в своем составе 14 русских организаций из восьми городов Крыма (Российское народное вече Севастополя, Русскую общину Евпатории, Клуб избирателей Ялты, Российскую общину Керчи и др.). Разумеется, политически активная часть диаспоры входит в другие структуры[12]. Однако анализ публикаций показывает, что высказываемые в них идеи в целом совпадают с материалами двух вышеуказанных организаций. Какими же чертами характеризуются настроения политически активной части русской диаспоры в Крыму?

Одна из важнейших особенностей, сразу бросающихся в глаза стороннему наблюдателю, – это разделяемое многими представителями диаспоры чувство глубокой отчужденности от окружающего мира, его политических организаций и властных структур, включая «ближайшую» – крымскую власть. В отношении крымских властей чувство это особенно усилилось после 1995–1996 гг., когда Киеву удалось настоять на изменении Конституции Автономной Республики Крым (АРК), принятой в 1992 г., и существенно ограничить самостоятельность республики. С этого времени руководители Крыма стали восприниматься как порождение характерной для всей Украины ситуации «аномии» и «двойной институционализации». По словам К.Ф. Затулина, недавно сочувственно процитированным на веб-сайте Народного фронта, «политическое поле» Крыма оказалось занято «ложными авторитетами, коррумпированными функционерами, людьми, которые уже запутались, когда и кому они изменяли»[13]. Результаты опросов, обобщенные крымским социологом П.А. Хриенко, демонстрируют весьма низкий уровень доверия крымчан к властям автономии (Верховному Совету и Совету Министров АРК), не превышающий с середины 1990-х годов 15%[14].

Еще более напряженным является отношение общественных организаций диаспоры к правительству Украины. Большинство начинаний киевских властей вызывает протест, отражающийся в резко негативных оценках украинской государственности, требованиях активизировать сближение с Россией, вплоть до включения Крыма в ее состав. Подобная конфликтная ситуация связана с крайне болезненным, противоречивым процессом становления современной украинской нации, которая в зависимости от обстоятельств рас-

12. Укажем среди них Крымскую республиканскую организацию Славянской партии (http://kro-krim.narod.ru), Крымскую республиканскую организацию партии «Русский блок» (http://www.ruscrimea.ru/), Русский молодежный центр Крыма (http://russ-centr.narod.ru/) и др.

13. Из интервью К.Ф. Затулина «Литературной газете» (23 июля 2003 г.)

14. См. принадлежащую П.А. Хриенко публикацию «Экономические и политические приоритеты в общественном мнении населения Крыма» на веб-сайте Народного фронта. http://sevkrimrus.narod.ru/

сматривается то как гражданское, то как этническое образование[15]. В этих условиях всякая попытка педалировать «этничность», предпринимаемая киевскими властями, вызывает резкое недовольство в традиционно русскоязычном Крыму. Крымчане протестуют против сокращения теле- и радиовещания на русском языке, против содержания учебников и учебных программ для средних школ и др.[16] Полем чрезвычайно ожесточенной борьбы становится сфера истории и культурных символов. Так, резко негативную реакцию вызвало переложение на украинский язык песни «Легендарный Севастополь» с превращением последнего в «столицу украинских моряков» (раньше в песне были строки о том, что это «город русских моряков»), решение президента В.А. Ющенко отметить в государственном масштабе столетний юбилей вождя Украинской повстанческой армии Романа Шухевича и др.[17]

Степень неприятия власти хорошо видна по выражениям, которыми оценивается политика правительства Украины в Крыму – «оккупация», «колонизация», «аннексия», «этноцид». Процессы, в результате которых русскоязычное население Крыма оказалось в составе украинского государства (т.е. на «новой родине»), расцениваются как «депортация»[18]. Внимательный анализ, однако, показывает, что за подобными заявлениями нередко стоит не идеологическая ангажированность, а прагматическое желание выжить в хаосе, порожденном как состоянием «двойной институционализации», так и неизбежно болезненным выходом из него. На веб-сайте Народного фронта подчеркивается, что «государство Украина на протяжении уже более двух лет находится в состоянии прогрессирующего перманентного гражданского конфликта, ведущего к открытому вооруженному противостоянию, ставящему под угрозу мир и стабильность в Крыму»[19].

---

15. См. об этом: Майборода А.Н. Этнополитическая сфера в Украине // Политические и экономические преобразования в России и Украине. – М., 2003. – С. 293–334.

16. См. критическую оценку современных украинских учебников по истории учеными Таврического национального университета: Моисеенкова Л., Марцинковский П. Россия в украинских учебниках истории: Новое видение или проявление конкуренции на идеологическом рынке? Взгляд из Крыма // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории. – М., 2003.

17. См.: Стрелецкий Д. От президента Украины – гауптштурмфюреру СС. – Российская община Севастополя. Июнь 2007.

18. Отметим, что в данном случае описывается одна из известных науке форм образования диаспоры – в результате движения границ государства (наряду с движением населения через государственные границы). Коллизия первого рода особенно болезненна, так как в данном случае диаспора (так называемая «диаспора катаклизма») возникает мгновенно и вопреки воле людей. См.: Попков В.Д. Указ. соч. – С. 37–38.

19. Из обращения Народного фронта к депутатам Верховного Совета АРК, 7 мая 2005 г.

В сложившейся ситуации можно было бы предположить, что политически активная часть диаспоры сделает ставку на силы, представляющие русскоязычный Юго-Восток в развернувшейся с 2004 г. политической борьбе. В реальности, однако, Партия регионов и ее лидеры получают на страницах изданий диаспоры едва ли не более резкие оценки, чем их оппоненты. «Оранжевые и бело-голубые оккупанты одинаково ненавистны крымчанам и севастопольцам», – говорится в заявлении Народного фронта от 24 августа 2006 г. Представителей Партии регионов обвиняют в преследовании узкокорыстных интересов, характерном для всех отрядов украинской «олигархии», готовности предать политические идеалы в ходе борьбы за власть. Очевидно, что чувство отчужденности, недоверия и разочарования, характерное для диаспоры, распространяется и на потенциально близкие ей по идеологии течения, порождая стремление рассчитывать только на себя и опираться на собственные силы, делая данные движения маргинальными. Настроения подобных организаций нельзя расценивать как настроения всего русского населения полуострова, речь идет лишь о наиболее радикально настроенном течении внутри диаспоры. Тем не менее эти настроения интересны как раз в качестве «наиболее концентрированных».

Недоверие и разочарование, как ни парадоксально, отчасти распространяются и на историческую родину – Россию. Разумеется, в официальных заявлениях русских организаций подчеркивается их тесная связь с Россией и стремление к сближению к ней, вплоть до включения Крыма в ее состав. Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России, описание связанных с Россией празднеств (День России 12 июня, День Военно-морского флота России и др.) – все это находит самое широкое освещение в изданиях диаспоры. В организуемых диаспорой школах, на курсах школьники знакомятся с наиболее выдающимися событиями русской истории, достижениями науки и техники, страницами воинской славы. Вместе с тем политика современных российских властей, характеризующаяся известной двойственностью и противоречивостью, вызывает у диаспоры критическую реакцию. Неслучаен призыв, с которым к российским властям обратилась одна из организаций, действующая в контакте с Народным фронтом (Евразийский союз молодежи): к «проявлению смелости, пробуждению совести».

Высказываниям российских оппозиционных политиков (С.Н. Бабурин, К.Р. Затулина), ориентирующихся на идеалы «державности» и «национального возрождения», уделяется в изданиях организаций русской диаспоры особое место. Многие лозунги этих лидеров – ужесточение внешнеполитического курса России по отношению к Западу, активизация политики России на постсоветском пространстве, углубление реинтеграционных процессов в рамках СНГ – весьма близки политически активной части русского населения. Народный фронт отметил особыми акциями годовщины денонсации Бе-

ловежских соглашений Государственной думой РФ в 1996 г. и обороны Белого Дома в 1993 г. Последнее событие имеет для политически активной части российской диаспоры особое значение, ибо разогнанный Б.Н. Ельциным Верховный Совет РФ успел в 1992–1993 гг. принять постановления, признающие неправомочность передачи Крыма Украине в 1954 г. и утверждавшие российский статус Севастополя[20].

Об умонастроениях и идеологических предпочтениях политически активной части диаспоры можно судить по высказываниям о тотальной враждебности Запада к России, резко критической оценке Запада в целом, опасениям, что «евроатлантический» курс руководства Украины является одним из звеньев в цепи плана установления глобального господства США и т.д.[21] Однако делать на основании этих данных вывод о «ресоветизации» мировоззрения этой части диаспоры было бы преждевременно.

Стремясь найти опору в русской истории и культуре, воспринимая их как единое целое, идеологи диаспоры относятся неоднозначно к советскому периоду уже потому, что его истоком была революция, знаменовавшая явный разрыв исторической преемственности. В связи с этим на страницах изданий диаспоры можно встретить и выпады в адрес «наследников Ульянова», и призывы вернуться к церковным истокам русского языка с критикой советской реформы алфавита. Кроме обращения к давнему прошлому, у русского населения есть и более веские причины для критики советского строя. Ведь именно в рамках этого строя Крым в 1954 г. был передан Украине, причем сама эта передача производилась с характерным для тоталитарного режима пренебрежением к правовым нормам и мнению тех, чьими судьбами власть распоряжалась[22].

Отвергая эту сторону советского наследия, русские, участвующие в политической жизни Крыма, призывали к соблюдению демократических процедур. Такие призывы имеют и тактический смысл в отношениях с Киевом –

---

20. Постановления Верховного совета РФ «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 г.» (21 мая 1992 г.) и «О статусе города Севастополя» (9 июля 1993 г.).

21. См. публикации в газете Российской общины Севастополя: «План Даллеса для СССР» (июнь 2007 г.); «Севастополь проголосовал за Черноморский флот России», «Севастополь – русский город», «Ни один российский корабль не будет перебазирован из Севастополя», «Украина и Грузия против России» (август 2007 г.) и др.

22. См. статью Дм. Куликова «Миллион нас – в подарок» («Крымская правда», 15 февраля 2007 г.): «Утверждаете, что подарить человека невозможно – все-таки давно в цивилизованном мире живем и строй далеко не рабовладельческий! Тогда посмотрите друг на друга, крымчане: мы с вами в большинстве своем и есть подарок… Почти миллион жителей заснули в своих домах в границах одной республики, а проснулись в другой».

они зачастую ставят украинские власти в сложное положение. Последние, осуждая деяния тоталитарного режима как главный источник проблем Украины, должны, следуя логике, осудить и передачу Крыма, которая тем же режимом была осуществлена. Провозглашая приоритет демократических принципов, они обязаны уважать мнение большинства населения Крыма, которое по многим пунктам враждебно проводимому украинскими властями курсу. В материале, размещенном профессором П.А. Хриенко на веб-сайте Народного фронта, обобщены данные социологических опросов населения Крыма начиная с 2000 г. Согласно этим опросам, население полуострова стабильно поддерживает реинтеграционные процессы на территории бывшего СССР (создание единого экономического пространства и т.д.), выражает недоверие украинским властям, выступает против расширения сотрудничества с НАТО. Идеологи русской организации призывают уважать результаты всенародного голосования в Крыму 20 января 1991 г., принявшего решение о восстановлении крымской автономии в составе СССР, референдума 17 марта 1991 г., высказавшегося за сохранение СССР[23] и других актов народного волеизъявления.

Следует заметить, и присущий советскому строю «юридический нигилизм», и «национально-освободительный энтузиазм» начала 1990-х годов оставили в вопросе о статусе Крыма и Севастополя массу правовых прорех, которые в настоящее время являются предметом оживленных дискуссий. Так, представители диаспоры указывают, что решение 1954 г. о передаче Крыма из состава России в состав Украины было принято с нарушением действовавшей на тот момент Конституции РСФСР, ибо изменение территории республики не входило в перечень компетенций ее Верховного Совета. При передаче Крыма «забыли», что Севастополь еще в 1948 г. был объявлен городом союзного подчинения, а значит, и решение о передаче на него не распространялось. Постановление 1954 г. было признано неправомочным по решению Верховного Совета РФ 1992 г., и поскольку этого акта никто не отменял, он остается юридически действующим. Эти и другие «прорехи» дают возможность рассматривать вопрос о статусе Крыма и Севастополя как серьезную правовую проблему.

Совершенно очевидно, что вопрос о русских, проживающих в современной Украине, может стать одним из ключевых для выстраивания внутриполитического курса украинских властей. При этом данный вопрос имеет нема-

23. Украинский референдум 1 декабря 1991 г. отвергается как проведенный с нарушением правовых норм. В частности, согласно действовавшему на тот момент Закону о выходе союзных республик из состава СССР, голосование по этому вопросу должно было проводиться отдельно в автономиях и на территориях компактного проживания национальных групп.

ловажное значение и для выстраивания внешнеполитического курса обеих сторон – и России, и Украины. Наиболее чувствительной к колебаниям российско-украинских отношений социальной группой является русское население Украины, интересы которого должны найти свое отражение в политике обеих стран.

В. Кардумян

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА АРМЯНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Кардумян Вреж – соискатель кафедры Международных отношений и внешней политики РФ МГИМО(У) МИД РФ.

Одним из специфических факторов в процессе становления и развития независимой Республики Армения (РА), по сравнению с другими новообразованными государствами на постсоветском пространстве, является обширная армянская диаспора, образовавшаяся в начале XX в. в результате геноцида в Османской империи и массовой депортации армян из Западной Армении в годы Первой мировой войны, армянская диаспора к концу 80-х годов была представлена многочисленными общинами в различных странах Европы, Америки и Ближнего Востока. Отчужденная на протяжении прошлых семи десятилетий от Советской Армении, уникальная армянская диаспора, численность которой намного превышает число жителей самой страны, с большой готовностью включилась в процесс разрешения множества проблем, вставших перед независимой Арменией[1]. После волны эмиграции 1990-х годов население Армении составляет немногим более 3 млн. человек, тогда как число проживающих за пределами республики армян доходит до 7 млн. (в том числе в США около 1 млн. армян, во Франции – 500 тыс., в Турции – 150 тыс. человек[2]).

Учитывая тесные взаимоотношения между Арменией и Россией и их стратегическое партнерство, важное значение для обеих стран приобретает армянская диаспора России, численно самая большая армянская диаспора в мире, насчитывающая около 2,5 млн. человек и оказывающая определенное влияние на армяно-российские отношения.

Распад СССР вызвал новую большую волну эмиграции армян в Россию. Причинами исхода из республики стали разрушительное Спитакское землетрясение в 1988 г., транспортная блокада Армении со стороны Азербайджана и Турции, неблагоприятные социальные условия, массовая безработица. Ос-

новная часть армянских эмигрантов нашла пристанище в Краснодаре, Ставрополе, Ростове, Москве, в промышленных центрах Урала и Сибири[3]. Огромное число армян выехали в Россию из Абхазии и Азербайджана, спасаясь от войны и этнических чисток. В этот период из Армении в Россию эмигрировали около 700 тыс. армян, меньше – в Европу и США[4]. В 1989 г. общее число армян в России составляло 532 тыс., а в 1994 г. – уже 1,8 млн.[5]. Так постепенно происходило формирование новой армянской диаспоры России, которая насчитывала в 2003 г. около 2,2 млн. человек.

Следует отметить, что нынешняя армянская диаспора России – понятие новое, потому что еще 16 лет назад армяне и россияне жили в одной стране, и армяне в любом уголке СССР не воспринимались как инонациональная диаспора, тогда для армян понятие диаспора (Спюрк) ассоциировалось с США, Францией, Аргентиной и другими зарубежными странами. Как заявил президент Армении Роберт Кочарян, в России у армянской диаспоры некоторых компонентов нет, она находится в стадии формирования[6]. Эта диаспора не имела опыта и традиций в организации общинной жизни и формировании национальных общественных институтов. В отличие от армян, обосновавшихся в разных российских городах во времена СССР, которые были адаптированы как в этнокультурном, так и в правовом смысле, новая диаспора, причиной образования которой в основном являлся экономический фактор, была крайне разрозненна. Можно констатировать, что с распадом Советского Союза началась новая история армян в России, у которых не было такой организованности, такого мощного финансового и политического потенциала, как, например, у армянской диаспоры США.

Основные причины медленного становления армянской диаспоры России следующие:

1. Армянская диаспора России достаточно неоднородна. Одной из ее особенностей является то, что не всех армян можно отнести к диаспоре, так как немалая их часть в этнокультурном смысле идентифицирует себя с Россией и русским народом. Большая часть армян, обосновавшихся в России в «доперестроечный» период, хорошо адаптирована в правовом и социально-экономическом отношениях. Они с некоторой опаской относятся к армянам, переехавшим в Россию в 90-е годы, испытывающим затруднения в трудоустройстве и сталкивающимся с другими социально-экономическими проблемами[7].

2. Несмотря на высокий экономический потенциал армян России, финансирование армянских диаспоральных объединений осуществляется ими редко, что качественно отличается от механизмов финансирования армянской диаспоры в США и Франции[8].

Правомерен вывод, что после распада СССР основа консолидации армян в России все более приобретает корпоративный характер, а деятельность ар-

мянской диаспоры направлена в основном на лоббирование собственных экономических интересов, самосохранение и укрепления своего статуса.

В отличие от армянской диаспоры России, армянская диаспора в зарубежных государствах, прежде всего в США, накопила солидный опыт по лоббированию политических и экономических интересов нового армянского государства. Создан ряд активно действующих организаций, в том числе международного уровня, оказывающих финансовую и гуманитарную помощь Армении. Среди таковых Всеармянский благотворительный союз (США), который только за 1988–1998 гг. оказал РА гуманитарную и медицинскую помощь на сумму более 30 млн. долл.; 21 млн. долл. был предоставлен армянскими общинами мира для осуществления поставок в Армению топлива в годы энергетического кризиса[9]. После распада СССР армянское лобби США смогло добиться для Армении самой большой по размерам гуманитарной помощи среди стран СНГ по правительственной линии: на конец 1990-х – начало 2000-х годов ее объем составлял 293 млн. долл.[10] Благотворительную помощь РА оказывает Армянская ассамблея Америки. Что же касается инвестиций и финансовой поддержки Армении, то здесь бесспорным лидером является американский магнат армянского происхождения Кирк Киркорян и возглавляемый им фонд «Линси»[11].

Таким образом, армянская диаспора США за время своего существования создала реальную систему определенных институтов, необходимых как для лоббирования политических и экономических интересов Армении, так и для влияния на ее внешнеполитическую линию. Своими инвестициями, лоббизмом, экономической помощью армянская диаспора в Америке стимулирует Армению на установление более тесных отношений с США.

К сожалению, на этом фоне невыразительно выглядит армянская диаспора России, пассивность которой изначально можно было объяснить уровнем экономического развития самой России.

Рассматривая влияние армянской диаспоры в России на политическую жизнь Армении, необходимо отметить, что здесь важна позиция самой Армении. Так, после провозглашения независимости Армении отношения, сложившиеся между страной и диаспорой, оказались весьма сложными. Армянские власти стремились получить от диаспоры финансовую помощь, но не подпускали ее к решению серьезных вопросов. Они не спешили решить вопрос о двойном гражданстве, мотивируя это тем, что при наличии двойного гражданства диаспора сможет играть более весомую роль в жизни страны и получит реальную возможность формировать внутриполитический и внешнеполитический климат в Армении.

Тем не менее 26 февраля 2007 г. Национальное собрание Армении одобрило во втором и окончательном чтении закон, дающий право на гражданство всем армянам, в надежде на то, что это укрепит связи с обширной диаспо-

рой за рубежом. Согласно этому закону, армянское гражданство смогут получить лица старше 18 лет, владеющие национальным языком и знающие конституцию страны. Армяне с двойным гражданством смогут голосовать на выборах и избираться в местные органы власти. В то же время закон предусматривает некоторые ограничения политических прав для лиц, имеющих двойное гражданство: они не могут баллотироваться в президенты, избираться депутатами парламента, быть членами Конституционного суда и т.д.[12] На первый взгляд может показаться, что закон создает правовую базу для влияния диаспоры на политическую жизнь Армении. Однако в законопроекте уточняется о том, что лица с двойным гражданством могут участвовать в избирательном процессе только на территории Армении. Это означает, что для участия в выборах, например, представители армянской диаспоры России, имеющие двойное гражданство, должны приехать в Армению, потратив 400–500 долл. на билет. Таким образом армянские власти, выступая за введение института двойного гражданства, стараются ограничить право лиц с двойным гражданством влиять на политическую жизнь страны. Законопроект о двойном гражданстве вообще достаточно противоречив: так, он позволяет лицам, проживающим за пределами Армении, являться членами армянских партий и финансировать их; между тем в законе о партиях говорится, что граждане других государств не могут состоять в армянских партиях[13].

Сегодня отдельные статьи этого законопроекта находятся на стадии уточнения. Впереди еще разработка механизмов реализации этого закона, после чего должны быть заключены двусторонние соглашения с теми странами, где проживают лица, желающие получить двойное гражданство. Несмотря на определенные трудности в реализации этого закона, он все же сможет стать хорошей основой для более тесного партнерства между Арменией и Россией, привести к увеличению объемов инвестиций в экономику Армении, развитию армяно-российских торгово-экономических взаимоотношений.

Что касается политической жизни Армении, необходимо отметить, что западное крыло диаспоры имеет больше возможностей для влияния на нее, нежели российское крыло. И это опять-таки обусловлено расколотостью армянских общин России.

Примирение интересов Армении и диаспоры – это, наверное, одна из самых сложных и важных текущих проблем, которые должны решать власти Армении. Как заявил президент Армении Роберт Кочарян, «Армения с диаспорой и без нее – это бойцы в двух различных весовых категориях»[14].

Определенные шаги по консолидации армян России были предприняты на пороге XXI в. В июне 2000 г. в Москве состоялся учредительный съезд представителей армянских общин Российской Федерации, который принял решение о создании общероссийской общественной организации Союза ар-

мян России (САР) и избрал своим первым президентом Ара Аршавировича Абраамяна[15]. С созданием САР наступила новая эпоха в жизни российской армянской общины, процесс укрепления межгосударственных российско-армянских отношений, установления связей армянской диаспоры с исторической родиной[16].

Создание САР стало важным шагом на пути консолидации российских армян. По словам министра иностранных дел Армении Вардана Осканяна, благодаря Союзу армян России, сегодня у армян за рубежом, в самой многочисленной и рассеянной в географическом смысле общине, есть орган, представляющий собой качественно новое явление по своим организационным и структурным особенностям, доказавший свою жизнеспособность и результативность[17]. Деятельность САР нацелена на обеспечение самоорганизации российских армян для сохранения национальной самобытности, культуры, языка, веры, оказания многоплановой помощи исторической родине, восстановления экономики страны, содействия упрочению российско-армянских межгосударственных отношений.

Результат деятельности САР на сегодняшний день – создание в Ереване Российско-армянского (Славянского) университета и Центра русского языка. После наводнения на юге России САР оказал материальную помощь в размере 12 млн. руб. Ставропольскому краю для восстановления населенных пунктов, пострадавших от стихийного бедствия[18].

Немаловажную роль в армянской диаспоре России играет также образовавшаяся недавно Ассоциация российско-армянского делового сотрудничества (АРАДЭС), основной задачей которой является углубление связей между деловыми кругами Армении и России, а также создание наиболее благоприятной атмосферы для развития экономических взаимоотношений между двумя странами. По словам первого вице-президента АРАДЭС Оганеса Оганяна, вся система взглядов и подходов АРАДЭС выстроена таким образом, что по существу гарантирует поступательное развитие и расширение делового взаимодействия между двумя странами, различными предпринимательскими структурами России и Армении[19].

По мнению президента Союза производителей Ставропольского края, члена правления Ассоциации российско-армянского делового сотрудничества Геннадия Восканяна, «создание такой структуры, как АРАДЭС, было крайне необходимо для более качественного и тесного взаимодействия российско-армянских отношений во многих областях, в частности, торгово-экономических, культурных отношений, науки, здравоохранения, туризма, спорта. До создания данной структуры существовал ряд политических и национально-культурных общественных структур, которые не могли в полном объеме и на должном уровне охватить все вышеперечисленные вопросы»[20].

Сегодня можно констатировать, что за все постсоветские годы армянская диаспора России, несмотря на определенные проблемы в процессе ее формирования и структурирования, была последовательным сторонником сближения Армении и России и во многом способствовала этому процессу. Эта тенденция отчетливо проявилась в начале XXI в., когда были созданы необходимые структуры, стимулирующие как процесс консолидации российских армян, так и развитие двусторонних армяно-российских отношений. На сегодняшний день армянская община России является самой многочисленной в мире. По своей организационной структуре она пока уступает армянской общине США, однако как армянской, так и российской сторонами принимаются определенные меры для достижения более высокого уровня консолидации армянских общин России.

Нынешнее руководство Армении предпринимает определенные шаги для консолидации Армении и Спюрка. Так, в 1999 г. в Ереване был созван первый представительный форум «Армения – Диаспора». Второй форум состоялся в 2001 г., когда праздновалось 1700-летие принятия христианства в Армении, а третий – в 2006 г. В октябре 2000 г. в Ереване прошел первый Всеармянский съезд женщин. Таким образом, и со стороны диаспоры, и со стороны Армении предпринимаются серьезные шаги к объединению усилий с целью разрешить первоочередные задачи, стоящие перед армянским народом.

Усиление роли армянской диаспоры в России на благо Армении и армяно-российских отношений требует решения целого ряда задач, из которых первоочередными являются следующие:

1. Преодоление раскола между различными строями российского армянства.

2. Создание механизмов финансово-экономической поддержки общественных организаций.

3. Актуализация лоббистского потенциала, как это проявляется в армянской общине США (самое большое достижение армян России за последние годы в сфере лоббирования – это то, что армянская диаспора России все-таки добилась признания российскими властями геноцида армян).

4. Создание соответствующей законодательной базы для нормальной работы армян диаспоры в Армении наравне с гражданами страны, что позволит привлечь финансовый капитал диаспоры в экономику страны и развивать взаимоотношения Армении со странами, гражданами которого являются инвесторы. В последние годы власти РА начали поощрять иностранные инвестиции в страну. Но необходимо создать приемлемые и стабильные условия инвестирования, которые способствовали бы снижению рисков, в частности, максимально либерализовать законодательство страны с учетом мирового опыта.

5. Дальнейшая активизация деятельности САР и АРАДЭС, их организационное, финансовое и управленческое содействие любому конструктивному и общеполезному бизнесу в России, юридическая и консультационная поддержка этого бизнеса.

Перед САР и АРАДЭС встала важная социальная задача – способствовать созданию новых рабочих мест в Армении и в России. Для этого необходимо периодически организовывать встречи бизнесменов, «круглые столы», проводить дебаты по вопросам развития бизнеса в обоих государствах. Сегодня с уверенностью можно заявить, что тот маленький опыт, который приобрел САР, можно рассматривать как минимодель отношений между Арменией и диаспорой. Учитывая это, САР должен расширить свои связи с другими армянскими диаспоральными объединениями мира и перенять накопленный ими солидный опыт консолидации и лоббирования армянских интересов. Как заявил Р. Кочарян, «объединение армян России вокруг созданного союза будет и впредь способствовать дальнейшему сохранению и укреплению многовековых, святых и прочных связей между Россией и Арменией»[21]. С ним был согласен М. Фрадков в ранге премьер-министра РФ: «Использовать армянскую диаспору России – 2,5 млн. человек – это колоссальный потенциал. Энергичные, умные, талантливые с предпринимательской жилкой люди. И россияне здесь смогли бы поучиться многому. Надо активизировать эту работу»[22].

Благодаря САР предприняты многие шаги для консолидации армян России. С помощью САР и Всемирного армянского конгресса, учредительный съезд которого состоялся в 2003 г. в Москве, в России сложился положительный образ армян и Армении, активизировались экономические связи между РА и субъектами РФ. Дальнейшая консолидация российской диаспоры превратит ее в важнейшую составную часть общемировой армянской диаспоры. Развитие современного мира ставит армянский народ перед задачей активизировать процесс национальной консолидации и наладить механизмы организационно-структурного взаимодействия всех составных частей мирового армянства. Особую роль здесь должна играть армянская диаспора России как самая многочисленная в мировой армянской диаспоре.

Литература

1. Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. Кавказский институт СМИ. – Ереван, 2004. – С. 31.

2. Мелконян Э. Политические партии диаспоры и процессы демократизации в Армении. Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. Ереван, 2005. – С. 103.

3. Крылов А. Армянская диаспора в современных международных отношениях // Аналитические записки. – Декабрь, 2003. – С. 89.

4. Ованесян Н. Армяно-российские и армяно-арабские отношения. – Ереван, 1992. – С. 5.

5. Poghosyan G., Migration precess in Armenia. – Yerevan, 2003. – P. 7–9.

6. Migration in CIS. International Organization for Migration (IOM). – Geneva, 1996. – P. 11–17.

7. Кочарян Р. Искать выгоду в сглаживании противоречий. М.Ж. // Международная жизнь. – 2003, № 2. – С. 33.

8. Полоскова Т., Скринник В. Русский мир: Мифы и реалии. – М., 2003. – С. 34.

9. Там же.

10. Там же.

11. Крылов А. Армянская диаспора в современных международных отношениях // Аналитические записки. – Дек., 2003. – С. 94.

12. Левина М. Интервью с Чрезвычайным и Полномочным послом РА в РФ Арменом Смбатяном (Арминфо.htpp:www.arminfo.am/politika_ru_issue.1.html).

13. Законопроект о двойном гражданстве (http://www.parliament.am/new.php?)

14. Премьер-министр и члены правительства Армении не должны иметь двойного гражданства (http://www.regnum.ru/new/786068.html).

15. Выступление президента Армении Роберта Кочаряна на первой конференции «Армения – Диаспора» (www.armenpress.am).

16. Союз армян России (САР). Армения и армяне Самарской губернии. – Самара, 2003. – С. 99.

17. Alen G. Amirkhanian. Study on the contribution of the Armenian Communities abroad to Armenia's social sector. Armenians poverty Assessment / Working Paper. – 2002, N 2. – P. 41.

18. Выступление министра иностранных дел Армении В. Осканяна на пресс-конференции «Дни Всемирного армянского конгресса и Союза армян России в Армении и Арцахе». – 2006. – 15–17 окт. (http://www.sarinfo.org./nov.058.html).

19. «Дни Всемирного армянского конгресса и Союза армян России в Армении и Арцахе» (2006.http://www.sarinfo.org./nov.057.html).

20. Оганян О. Российско-армянское сотрудничество в экономике становится серьезным полем для развития бизнеса // Теория и практика управления. – Ер., 2005. – С. 10.

21. Восканян Г. Объединение усилий откроет большие возможности // Теория и практика управления. – Ер., 2005. – С. 50.

22. Армения – Спюрк: Срочные проблемы / Союз армян России. 27–28 мая 2002. – Ереван; Москва, 2002. – С. 4–5.

23. Армяне всех стран объединяются в Москве // РИА Новости 25.12.04.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

В.А. Литвинов

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Литвинов Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского центра уровня жизни.

В середине XIX в. Карлом Марксом была выдвинута гипотеза, суть которой состояла в том, что среди европейских стран происходит процесс все более углубляющейся экономической дифференциации. Богатство концентрируется в руках у все меньшего числа людей, экономическое положение пролетариата становится все более тяжелым. Широкий слой обедневшего пролетариата в основании «пирамиды», узкий слой средних классов и крошечная группа магнатов на ее вершине. По марксистской теории, изменение высоты и профиля экономической стратификации может быть практически безграничным, однако оно носит лишь временный характер и *должно быть вытеснено уничтожением самой экономической стратификации* путем экспроприации экспроприаторов и установления социализма. Таким образом, от чрезвычайно заостренного профиля экономической стратификации *общество перейдет к ее «плоской» форме, в которой установлено экономическое равенство.*

Как известно, эти идеи К. Маркса нашли широкий отклик в России и для этого были весьма веские причины. По данным переписи 1897 г., в общей численности населения страны *крестьяне* составляли 77,12%. В начале XX в. при общем росте численности населения (155,3 млн. человек в 1910г.) эта доля изменилась весьма незначительно. Средний годовой заработок крестьянина к 1913 г. составлял порядка 120 руб. Несколько больший заработок имели сельскохозяйственные рабочие – примерно 150 руб. в год. Их численность составляла в 1913 г. 6,5 млн. человек. Средняя *годовая* заработная плата рабочих различных производств фабрично-заводской промышленности в

1913 г. по всем группам производств составляла 264 рубля, а самих рабочих было около 4 млн. человек[1].

В то же время существовала весьма узкая группа лиц – всего около 0,5% от общей численности населения страны с годовым доходом свыше 1 тыс. руб. На их долю приходилось около 20% всего личного потребления в национальном продукте России. Наглядное представление об этом дают данные табл. 1.

Таблица 1

ГРУППА «*ОБЕСПЕЧЕННЫХ*» ЛИЦ, ИМЕВШИХ В 1909±1910 ГГ. ГОДОВОЙ ДОХОД СВЫШЕ 1 ТЫС. РУБ.[2]

Доход	Общее число владельцев:		Общая сумма доходов:	
	тыс. человек	%	млн. руб.	%
1000–2000	396,5	56,9	553,5	20,9
2000–5000	216,1	31,0	662,8	25,0
5000–10000	52,0	7,5	357,4	13,6
10 000–20 000	19,9	2,9	273,5	10,4
20 000–50 000	8,7	1,2	259,7	9,8
свыше 50000	3,5	0,5	537,8	20,3
Всего	696,7	100	2644,7	100

Из таблицы видно, что из общего числа «*обеспеченных*» почти 90% составляли лица с годовым доходом до 5000 руб. (87,9%), и среди них 56,9% с доходом до 2000 руб. На группу лиц с доходом свыше 50 000 руб. численностью *в 100 раз* меньшую приходилось почти столько же доходов в общей их сумме сколько и на «первую» группу, соответственно 20,3% и 20,9%. Весьма характерно, что среди лиц, входящих в группу «богатейших», преобладали владельцы торгово-промышленных предприятий, владельцы капиталов и крупные помещики.

Фактически представленные данные наглядно подтверждают положение, что в России средний класс *с материальной точки зрения* как таковой не просматривался. Подавляющее большинство населения – более 90% – имели весьма невысокие доходы и вели скудную жизнь. И была буквально горстка «*господствующих*» лиц, распоряжавшаяся всеми богатствами страны.

Затем произошла революция и смена общественного строя в духе марксисткой теории с ее установкой на экономическое равенство. Нет смысла здесь много говорить, как обеспечивалось указанное равенство после свержения царизма. Достаточно привести господствовавший тогда принцип, гласивший: «Если бы у нас не хватило ресурсов, нам пришлось бы пойти по пу-

1. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. – С. 223, 311, 313.

2. Там же. – С. 222.

ти сокращения числа снабжаемых, а не норм снабжения»[3]. В последующем это положение трансформировалось в следующий знакомый тезис: «*Кто не работает, тот не ест*»[4]. На деле же такой принцип распределения означает не «каждому по труду», не «каждому по его потребностям», а «*каждому в соответствии с возможностями»,* что по сути означает *равно распределять скудость.*

В условиях «*зрелого и развитого*» социализма для дифференциации доходов были характерны низкий общий ее размер (к концу 1980-х годов фондовый коэффициент дифференциации был около трех раз) при одновременно весьма невысоком уровне благосостояния населения. По сути, речь шла о *плановой уравниловке* при весьма скудных возможностях жестко регламентируемого узостью производства предметов потребления общего фонда потребления (II подразделение общественного производства или группа «Б» в промышленности).

Между тем, согласно взглядам П. Сорокина на социальную стратификацию, ее основа и сущность состоят в неравномерном распределении социальных благ и лишений. «Если экономический статус членов общества не одинаков, если среди них имеются как богатые, так и бедные, то такое общество экономически стратифицировано (расслоено), независимо от того, является ли характер его организации коммунистическим или капиталистическим, названо ли оно в его конституции “обществом равных” или нет. Этикетки, вывески, слова не могут ни изменить, ни устранить реального факта экономического неравенства, которое выражается в различии доходов, экономических стандартов, в существовании богатых и бедных слоев населения»[5].

Не существовало и не существует ни одной устойчивой социальной группы, которая имела бы «плоский» профиль экономической стратификации, в которой все члены были бы равны друг другу. «Нестратифицированное общество, все члены которого действительно равны, есть миф, так никогда и не ставший реальностью в человеческой истории… И если некоторые

---

3. Струмилин С.Г. На плановом фронте (1920–1930 гг.).– М.: Госполитиздат, 1958. – С. 40.

4. Лозунг – «Кто не работает, тот не ест» в свою очередь трансформировался в лозунг: «От каждого по способностям, каждому по труду». На самом деле здесь имеет место прямое искажение классиков. К. Маркс писал – «каждый по способностям», равно как и В.И. Ленин говорил – «каждый по своим способностям». Когда же возникает утверждение «от каждого …», то это уже как бы означает некое изъятие, некое вынуждение в отличие от принципа добровольности. То есть появляется некая сила (третья), решающая все ли с человека «вытянули». Иначе говоря, не он сам определяет свои возможности (способности) отдавать, а это делает НЕКТО, решая способен человек еще что-то отдать, или уже все из него выжали.

5. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. – М.: Academia; LVS, 2005. XX. – С. 9.

формы стратификации разрушаются на какой-то миг, то они возникают вновь в прежнем или измененном виде и часто создаются руками самих же уравнителей»[6]. Как тут не вспомнить *наших* «вождей» в борьбе за всеобщее равенство. «Внутренняя организация различных социалистических и близких им групп, претендующих на "равенство", показывает, что, возможно, ни одна другая организация не создает такой необыкновенно развитой иерархии и такого "вождизма", какие существуют в сообществах уравнителей»[7].

Радикальное установление «плоского» профиля экономической стратификации возможно и иногда происходит. Но «оно сопровождается катастрофическим разрушением экономической жизни общества, обнищанием большей части населения, анархией и смертью. Тот, кто желает подобного "уплощения", должен быть готов к тому, что он столкнется с подобными сопутствующими явлениями. Либо "плоское" экономическое общество и тогда следует быть готовым к нищете, либо относительно процветающее общество, и в таком случае определенная степень неравенства неизбежна»[8].

Это относится и к неограниченному возрастанию профиля экономической стратификации. Существует некая *точка насыщения*, дальше которой общество не может зайти, не рискуя попасть в крупную катастрофу. «Когда такая точка пройдена, социальное здание обречено на разрушение, а его высшие экономические слои – на падение вниз… Как только общество приближается к своей точке перенапряжения, начинается революционная, уравнительная, социалистическая и коммунистическая "болезнь"… Таким представляется этот постоянно повторяющийся цикл истории»[9].

С началом экономических преобразований, направленных на развитие свободного функционирования рыночных отношений, в России пошло «бурное» расслоение общества через перелив (перераспределение) собственности, капитала и доходов к формированию отличных от прежних доходных групп населения. В результате Россия ускоренным темпом пришла к распределению доходов, характерному для большинства капиталистических стран[10]. В

---

6. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. – М.: Academia; LVS, 2005. XX. – С. 11, 14–15.

7. Там же. – С. 15.

8. Там же. – С. 51.

9. Там же. –С. 51–52.

10. Например, в США в 1987 г. доля первой квинтильной группы населения составляла 4,6%, а пятой – 43,7%. По прогнозам же Affluent Market institute из Атланты к 2005 г. богатейшая часть населения США (20%) контролировала уже 60% денежных доходов. «Если сравнить динамику коэффициента Джини по американским и российским семьям, то станет видно, что на тот путь социально-экономического расслоения, который прошло население США за 20 лет, население России преодолело за три года.» [Суринов А.Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. – М.: Финансы и статистика, 2000. – С. 260].

обществе существенно ускорилась поляризация людей в зависимости от уровня получаемого ими дохода[11]. Только надо иметь в виду, что в капиталистических странах этот процесс проходил постепенно, а в России резким рывком, социальные последствия которого еще только предстоит ощутить и осмыслить.

Практически во весь рост встала проблема той самой «*точки насыщения*», о которой говорил П. Сорокин. При этом существует точка зрения, что в «странах с рыночной экономикой, развивающихся на принципах демократии, *тенденция* такова, что рост общественного благосостояния охватывает все социальные слои, так как поднимается планка требований к удовлетворению потребления на уровне минимальных стандартов, которые гарантируются государством»[12]. Может создаться впечатление о некоем *устойчиво восходящем* развитии экономики и, соответственно, чуть ли не механически «неизбежно» достигаемом повышении на этой основе жизненного уровня людей.

Однако, по мнению П. Сорокина, необходимо помнить, что «история не дает достаточного основания говорить ни о тенденции по направлению к раю процветания, ни о тенденции к аду нищеты. История демонстрирует лишь бесцельные флуктуации… Гипотеза о наличии постоянной тенденции к увеличению среднего дохода (или к постоянному его уменьшению) неправдоподобна… гипотеза о малых и больших экономических циклах кажется… более соответствующей действительности»[13].

В самом деле, отмечал П. Сорокин, «когда нам говорят, что сегодня уровень жизни среднего парижанина почти столь же высок, как некогда у французского короля Карла IV, и когда мы видим резкий и невиданный взлет современной технологии производства, нам трудно допустить, что все это может натолкнуться на стену и развалиться… Цивилизации, существовавшие много тысячелетий тому назад, были в целом ряде отношений блестящими. И все же их блеск угас, их благополучие развеялось, а богатства исчезли. Конечно, это вовсе не значит, что если они были разрушены, то такая же судьба ожидает и нас. Но, с другой стороны, это не дает нам никаких оснований ду-

---

11. «Примерно у каждого пятого – есть (деньги. – В.Л.). Эти люди живут заметно лучше, чем раньше. Они покупают дорогие машины, строят коттеджи, о них пишет светская хроника. Остальные живут либо так же, либо хуже, чем раньше». [Что мы себе про это думаем? Беседа с профессором Юрием Левадой // Московская среда. – 2004. – № 47].

12. Сорокин П.А. Социальная защита населения. Вопросы теории, методологии и практики / Под ред. Бурлачкова В.К, Просвиркина Б.Л. – М.: Академия труда и социальных отношений, 1998. – С. 20.

13. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. – М.: Academia; LVS, 2005. XX. – С. 20, 24

мать, что современные европейские и американские страны должны быть неким исключением из правил»[14].

Таким образом, *современное российское общество находится всего лишь в некой точке своего циклического движения*, когда поддержание относительной стабильности, в том числе за счет корректировки, смягчения, «поправления» происходящих в сфере потребления процессов видится возможным средством избежать серьезных потрясений в настоящий момент времени и в ближайшем будущем. Однако построить общество «всеобщей гармонии» на основе заранее сконструированных контуров, видимо, вряд ли возможно.

В этих условиях вопросы смягчения социальной стратификации на основе *установления сбалансированного равновесия* между разнодоходными группами населения становятся центральными. «По моему глубокому убеждению, – заявил В.В. Путин, – Россия вступает в совершенно новый этап своего развития. Этап устойчивого роста экономики и решения на этой базе социальных задач, главная из которых заключается в том, чтобы *устранить дисбаланс* между теми людьми, которые у нас живут очень хорошо и получают огромные доходы, и теми нашими гражданами, которые живут пока еще очень бедно. Вот этот разрыв между доходами мы можем, должны и будем сокращать. Мы не сможем этого сделать, если не будем развивать нашу политическую систему, основанную на демократических принципах»[15].

Отсюда особое значение тех параметров и показателей, которые позволяют хотя бы приблизительно фиксировать состояние в области установления сбалансированного равновесия между разнодоходными группами населения.

В современных публикациях весьма «модно» рассуждать об «уравниловке», действовавшей в СССР. Говорится об имевших место деформациях в распределении доходов и заработной платы, подавлении, имеющей объективный характер дифференциации. В то же время все настойчивее звучат рассуждения о так называемой «чрезмерной» дифференциации населения в настоящее время.

К сожалению, Росстат (ранее Госкомстат России) акцентировал внимание, по сути, на *второстепенном вопросе* «прогиба кривой *Лоренца*» и изменения так называемого «коэффициента Джини», лишь *опосредовано* отражающего общую меру *дифференциации* населения по уровню доходов.

При характеристике дифференциации акцент был явно смещен на оценку «*равномерности*» распределения доходов при фактически полнейшем игнорировании *уровня* самих доходов. Следовательно, при вынесении оценок ус-

14. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. – М.: Academia; LVS, 2005. XX. – С. 24–25.

15. Известия, 26 октября 2006. – С. 3.

пешности или неуспешности развития, выполнение условия «*равномерности*» и соответствующего изменения коэффициента Джини стало основным критерием при характеристике дифференциации населения.

За всеми подобными рассуждениями, как правило, скрыто либо серьезное непонимание, либо попросту нежелание видеть очевидное, полнейшее пренебрежение, в частности, к характеристике собственно уровня того явления, о котором говорится. Речь не о 15-ти или 30-ти кратном значении показателя дифференциации. Речь о собственно «единичном» значении в указанном коэффициенте: «15 к 1» или «30 к 1». Без определения того что стоит за этой единицей вообще нельзя серьезно рассматривать обозначенную проблему. Забвение этого «золотого правила» по существу объединяет радетелей советской плановой системы с нынешними сторонниками «регулирования» рыночной экономики.

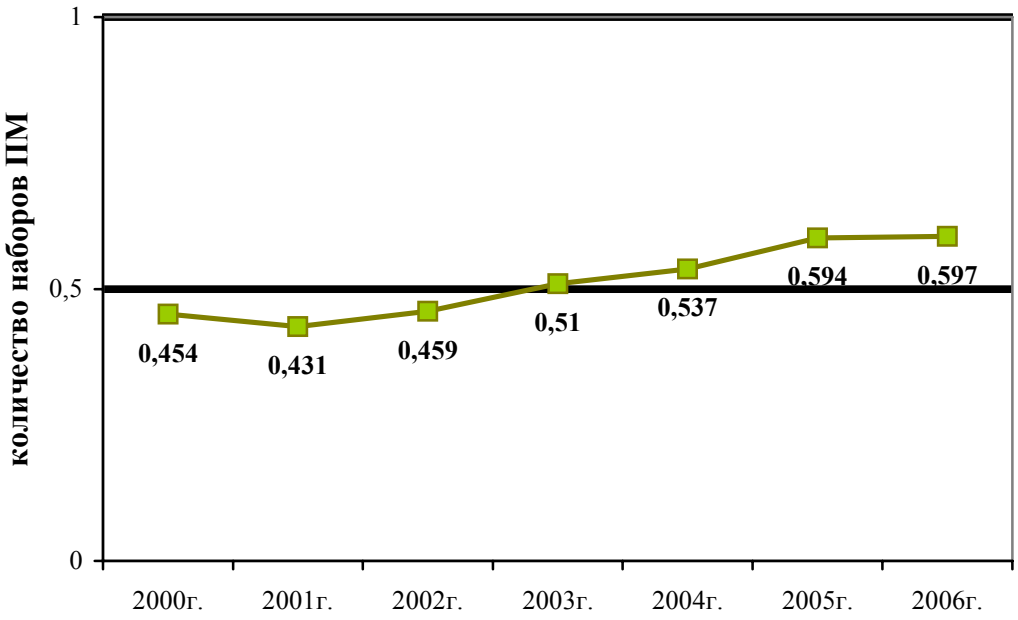
В подходах к решению проблемы дифференциации и выводах, которые из этого решения делались ранее и делаются в настоящее время, имеются существенные различия. Фактически надо признать их *разнонаправленный* характер. Если в советский период уровень единицы дифференциации постоянно повышался при одновременном снижении общего ее масштаба, то в условиях построения «нового капитализма» в России дифференциация резко выросла при практически неизменном, к сожалению, уровне ее единицы. Можно сказать, что из одной крайности кинулись в другую.

Как показывают расчеты, в период с 1995 по 2006 г. среднедушевой денежный *доход первой 10%-ной группы* населения с наименьшими доходами, (первый дециль) оставался крайне низким и по своему размеру фактически был на уровне *половины (0,5–0,6) величины прожиточного минимума* (ПМ) на душу населения. Его изменения в указанный период были весьма незначительны, а значит рассуждать в этих условиях о целесообразности ликвидации так называемого «*чрезмерного»* прогиба кривой Лоренца представляется совершенно неуместным, если не стремиться обратно в «*царство грубоуравнительной свободы*». Ведь даже простое произведение – 0,6 ПМ х 15 раз – равно всего лишь 9 ПМ для верхнего дециля, что составляет примерно 1000 – 1200 долл. Считать эту величину «*чрезмерной*» просто несерьезно. Наглядно сказанное подтверждает следующий график.

Таким образом, механически «*переносить*» низкий размер дифференциации «*как при социализме*» на иные условия жизнедеятельности нельзя.

Закономерный процесс стратификации населения в России протекает на фоне весьма невысокого уровня жизни у низкодоходных слоев населения, а продолжающаяся «*дискуссия*» о якобы «*чрезмерной*» дифференциации денежных доходов среди населения фактически уводит в сторону от решения насущных проблем и по-прежнему носит скорее декларативный, чем реально конструктивный характер. «*Под шумок*» этих разговоров при реальном со-

хранении на низком уровне доходов и покупательной способности (ПС) у наименее обеспеченных лиц продолжается *резкое возрастание абсолютной разницы в уровнях доходов и покупательной способности полярных дециль-ных групп населения,* которое может в дальнейшем привести к серьезным социальным конфликтам.

Уровень покупательной способности у 10%-ной группы населения с наименьшими доходами

С позиций повышения уровня жизни населения действительно важным является вовсе не снижение уровня коэффициента Джини, а решительное повышение уровня доходов населения и, прежде всего, у наименее обеспеченных его слоев, т.е. в данном случае, входящих в первый дециль. Если бы имело место повышение покупательной способности (ПС) доходов наименее обеспеченного населения хотя бы до уровня ПМ, то даже при повышающемся коэффициенте Джини это следовало бы признать естественным и нормальным. Иначе говоря, *вопрос об усилении дифференциации должен рассматриваться не сам по себе и не с позиций изменения индекса Джини, но исключительно с позиций решительного повышения уровня жизни населения страны и, прежде всего, его наименее обеспеченной части.*

Нельзя «огульно» призывать к сокращению дифференциации без повышения ее единичного значения, равно как необходимо ясно представлять, что рост указанного единичного значения просто так сам по себе невозможен, для этого надо повышать экономическую эффективность, чего трудно добиться без усиления дифференциации.

В нахождении приемлемого для современного этапа динамики страны решения указанного противоречия, как источника развития, и состоит главная задача. Особенно важно знать, что ждет хотя бы в ближайшем будущем, а для этого необходимо осуществление специальных *вариантных* расчетов.

Нужны иные подходы и ориентиры в оценке дифференциации, а вопрос о факторах, влияющих на изменение фондового коэффициента дифференциации, *не должен рассматриваться вне его связи с динамикой единичного значения в этом коэффициенте*, т.е. уровнем доходов и их покупательной способности наименее обеспеченных слоев населения.

Т. С. Лыткина

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ПОВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА И ЮГА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИК ДАГЕСТАН И КОМИ)

Лыткина Татьяна Степановна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ Уральского отделения РАН.

Проблема села относится сегодня к числу наиболее широко дебатируемых среди политиков и ученых-обществоведов в стране. Если первоначально социально-экономические аспекты сельской жизни рассматривались с точки зрения структурных преобразований, связанных с переходом страны к рынку, то в настоящее время акцент переносится в сторону культурных факторов. Однако работ, выполненных в этом направлении, пока недостаточно, как и предпринятых шагов в программе реформирования агропромышленного комплекса, учитывающих условия хозяйственной деятельности и исторически сложившийся характер социальной жизни. Между тем сельское население в различных регионах «болеет» по-разному (1) и, соответственно, нуждается в определении индивидуального «курса лечения». «Болевые точки» следует, на наш взгляд, искать в социокультурных основаниях повседневной жизни сельских жителей в современных условиях. Именно они определяют «секрет» успешной или безуспешной жизни сельских жителей.

Такая постановка вопроса подтверждается сравнительным исследованием современной сельской жизни в условиях Севера и Юга европейской части России на примере Республики Дагестан и Республики Коми.

Несмотря на сложную экономическую ситуацию на Северном Кавказе, существующий социальный порядок позволяет обустраивать жизнь на селе и, по меткому замечанию известного этнолога В. Тишкова, может служить примером для других сельских регионов России (7). Северная деревня в богатой природными ресурсами Республике Коми, напротив, представляет собой уд-

ручающую картину социальной жизни. Свидетельством служат не только заброшенные селения, развалившиеся дома, но и статистические показатели уровня жизни, рождаемости и смертности, а также алкоголизации населения. Если в первом случае социальная организация жизни селян вплетена в канву экономической жизни населения, то во втором – она «расползается», не образуя единой основы жизнеобеспечения.

Характерным для Дагестана (как и горных районов Северного Кавказа вообще) можно считать уклад повседневной жизни табасаранского народа. Социальные отношения селян и социальная организация села во многом определены условиями проживания: природой и климатом края, скудостью природных ресурсов, географией изолированных горных поселений, экономикой хозяйствования и, наконец, историей ее развития. Сложные условия проживания в горной местности, бесконечные междоусобные и освободительные войны формировали особый характер человека, особые отношения между людьми, особый социальный порядок, стратегии выживания, основанные на сплоченности (солидарности) народа в целом и отдельно взятой семьи, в частности.

Подобную взаимозависимость среды обитания, способов жизнеобеспечения и социальных отношений населения можно было наблюдать и в повседневной жизни северного народа Республики Коми в прошлом. Однако ускоренная модернизация и освоение Севера в советский период разрушили эту взаимосвязь. Новый социальный порядок выявил ряд противоречий между провозглашаемыми лозунгами, экономическими отношениями и формирующимися ценностями населения. Переход страны к рынку еще более усугубил ситуацию на селе. Существующая аномия обостряет социальные проблемы села и усложняет эффективное внедрение программ его возрождения.

Повседневная жизнь горцев и социальный порядок в дагестанском селе

Территория Дагестана составляет 50,3 тыс. км^2, по данным на 01.01.2003 г., на ней проживают 2,5 млн. человек (3, с. 18). Этнический состав территории весьма многообразен, включая более 30 национальностей. Славянская группа населения (русские, украинцы, белорусы) составляет сегодня всего 5%. Иначе говоря, несмотря на полиэтничность, многообразие относится прежде всего к народам «семьи» Северного Кавказа – 93%. Подобная демографическая ситуация говорит об известной этнокультурной замкнутости социального пространства, способствующей воспроизводству «законов» предков и традиционной повседневной жизни.

Впервые посетив Табасаранский район в 2006 г., я практически не обнаружила символов эпохи советского времени. Малочисленные находки скон-

центрированы в районном центре. Это обелиск советским воинам, памятник В.И. Ленину, административное здание с советским гербом, но все они «растворяются» в традиционной культуре повседневной жизни народа. В других селах их еще меньше.

Не было обнаружено и следов интенсивного развития советской экономики: огромных ферм, гаражей для сельскохозяйственной и другой техники, высотных жилых зданий многоквартирных домов, которые нередко в современный период в других уголках России находятся в бесхозном состоянии. Тем не менее говорить о том, что советский период не коснулся жизни сельского района, было бы неверно. На наш взгляд, он существенно смягчил нравы, традиции и обычаи горцев, не разрушив их социальной значимости. Источники социального воспроизводства, на наш взгляд, кроются в сохранении традиционной основы экономики района. Как и много веков назад, основой жизнеобеспечения оставалось домашнее хозяйство.

Экономический кризис 1990-х годов, приведший к банкротству сельского хозяйства, еще более усилил позиции домашней экономики. Практически каждая семья держит овец, крупный рогатый скот и птицу. На небольших приусадебных участках сажают зелень, морковь, огурцы и помидоры, кабачки. За пределами двора каждая семья имеет сенокосные угодья и земли для посадки картошки, кукурузы и т.д. Из всего выращенного в домашнем хозяйстве на продажу идут только картошка и грецкие орехи. На вырученные деньги в больших количествах мешками и ящиками покупается мука, рис, соль, макароны, сахар, масло. Это привычная стратегия выживания сельских жителей, основанная на рациональном ведении домашнего хозяйства.

Социальные отношения, основанные на семейных ценностях – взаимопомощи, гостеприимстве, уважении к старшим и т.д., – также имеют рациональный смысл. Они обеспечивают не только экономическое выживание, основанное на домашнем хозяйстве, но и способствуют обустройству быта. Именно поэтому помощь друг другу – обычная повседневная практика. Каждый дом, выстроенный в селе, – это совместные усилия односельчан. Местные жители сами проводят в села воду, строят дороги и мосты. Проживание в одиночку здесь невозможно.

Тесное социальное взаимодействие предполагает установление «правил игры» и поддержание сложившейся социальной организации жизни села. Здесь до сих пор коллективно решаются проблемы села, устанавливаются сроки посева и жатвы, сенокосной страды. Даже урожай грецких орехов, растущий вблизи села, распределяется поровну между всеми членами сельской общины. Каждое дерево имеет свой порядковый номер, и каждый год самый уважаемый на селе человек (старейший) подсчитывает количество урожая на деревьях и распределяет его между домохозяйствами, в зависимости от количества членов семьи.

Список традиционных хозяйственных и социальных практик можно продолжить и дальше, все они имеют рациональные основания и тесно взаимосвязаны, образуя каркас социальной организации и порядка в селе, понятный каждому его жителю.

Следует отметить, что нормы не только определяют поведение сельских жителей, они также обеспечивают возможность социальной самореализации. Человек, соблюдающий нормы, традиции народа, пользуется особым уважением и почетом у односельчан. Поддержание социального статуса требует неимоверных усилий и ограничения свободы.

Социальная самореализация становится главной движущей силой человеческого поведения. Так, на момент исследования (осень 2006 г.) здесь практически не было рабочих мест, за исключением работы в магазине, школе, в детском саду и в администрации села. Лишь десятая часть работоспособного населения имела работу. Их могло быть намного меньше, но клановая система искусственно создала дополнительные рабочие места[1]. Местные жители могли бы ограничиться этим. Однако практически из каждой семьи кто-то выезжает в город на заработки. Учителя в поисках дополнительного заработка умудряются выехать в город не только в период своих очередных отпусков, но даже во время недолгих школьных каникул.

Чем обоснована необходимость подобной экономической активности, ведь домашнее хозяйство покрывает ежедневные нужды? *«А как же? Все деньги уходят на шабаш, похороны, юбилеи…».* Перечисленные расходы рассчитаны на поддержание социального взаимодействия с односельчанами и составляют самую важную статью расходов в семьях. Они предоставляют возможность продемонстрировать свое расположение к юбиляру и его семье, щедрость и тем самым быть включенным в сельское сообщество. Важной движущей силой подобного поведения является потребность сохранить социальный статус, показать, что ты такой же, как все.

Таким образом, существующие традиции и обычаи, нормы поведения, в своей совокупности представляющие собой социальную организацию сельской жизни, определяют действия людей, предоставляют возможность самоутвердиться в глазах окружающих и наделяют повседневную жизнь смыслом.

Повседневная жизнь и социальная
организация села Республики Коми

1. Имеются в виду должностные ставки, работа по которым не ведется или выполняется двумя (и каждый получает по ½ ставки). Даже в этой ситуации существует длинный список очередников, претендующих на работу. Освобожденное место передается «по наследству» родственнику или близкому знакомому.

Территория Республики Коми в восемь раз больше территории Дагестана и составляет 416,8 тыс. км^2, в то время как численность населения в два раза меньше (1106,5 тыс. человек)[2]. Плотность населения низкая – 3,0 человека на 1 км^2, Республика Коми – многонациональная, многоязычная, населенная людьми с разными историческими традициями, особенностями быта, обычаями. Коренные жители – коми (коми-зыряне). Их сегодня примерно 26%, преимущественно проживают в сельской местности (6). Кроме них здесь живут также русские, украинцы, молдаване, немцы и др.

В далеком прошлом край Коми нередко называли «лесным царством», а людей, живущих здесь, «лесными людьми», «детьми лесов». Лес кормил, одевал, обувал, лечил, с ним было связано решение основных вопросов бытия. Знатоки края XIX в. М. Михайлов и А. Круглов отмечали: «Уставши косить или жать (работа эта всегда не по сердцу зырянину) он идет отдохнуть в лес, т.е. покружить себя с винтовкой верст 20 по трущобам и трясинам, где скачком, где ползком… и возвращается к прежней работе бодрый и свежий»; «его стихия – лесной океан, где легко затеряться, погибнуть, но где самая опасность таит в себе чарующую прелесть» (цит. по: 1, с. 6).

На щедрой природными богатствами территории были развиты охота и рыболовство, сбор ягод. грибов и т.д. Пушнина была основным товарным продуктом, а добываемое охотой мясо имело большое значение в традиционном рационе питания. Большая часть охотников тратила на промысел до шести месяцев.

Рациональность хозяйственного уклада жизни просматривается на примере некоторых моральных правил, направленных на сохранение промысловых популяций. Обязательным считалось добивать раненого зверя, запрещалась охота в выводковый период, на токах убивали только самцов, но не трогали глухарок, из улова брали только крупную и среднюю рыбу, мелкую отпускали обратно в воду, были введены регламентированные сроки начала сбора «даров леса» и т.д.

Среда обитания и практики жизнеобеспечения определяли социальные отношения в северной глубинке. Серьезным проступком считалось не только хищение чужой добычи, но и убийство зверя, уже раненого другим охотником или облаиваемого чужой собакой. В качестве мер наказания применялось изгнание из охотничьих угодий или «распятие»: виновному привязывали руки к концу палки, пропущенной через рукава верхней одежды, и отпускали на волю. Добраться до дому в таком виде через лес было весьма непросто. Кро-

2. В 1897 г. численность населения на данной территории составляла 170,6 тыс. человек, что практически в 8 раз меньше по сравнению с современным периодом. Увеличение населения произошло в основном за счет миграционных процессов в советский период (Статистический ежегодник. – Сыктывкар, 2006. – С. 27).

ме того, имя похитителя предавали гласности. Нередко этот метод общественного воздействия оказывался наиболее действенным: виновник не только навсегда забывал о чужой добыче, но зачастую спасаясь от позора, навсегда переселялся в другой населенный пункт (2).

В то же время любая промысловая избушка всегда была подготовлена к приему гостя в отсутствие его владельца – в ней можно было обнаружить запас продуктов, кухонную утварь, спички, дрова (1; 2). Еще до недавнего времени жители сел и деревень не закрывали на замки двери своих домов, а просто подпирали их палкой. Каждый проходящий знал, что хозяев нет дома, но он мог войти и найти приют в нем. В условиях сурового климата такая помощь была необходима, чтоб укрыться от дождя и снега, а также просто отдохнуть после долгого пути. Отказ в помощи нуждающемуся вызывал серьезное общественное осуждение.

В быту социальную сферу упорядочивали такие известные социальные институты, как крестничество и помощь женщине при рождении ребенка. Каждая женщина-коми по достижению определенного возраста должна была стать вежанью (крестной). Каждая женщина хотя бы раз в жизни должна была принять участие в появлении ребенка на свет. По представлениям коми, поведение повитухи, принявшей ребенка при родах, а также поведение крестных родителей отражаются на здоровье младенца (2). Поэтому их жизнь была под бдительным общественным контролем, но при этом они имели особый социальный статус и пользовались заслуженным уважением односельчан. Социальный контроль компенсировался более высоким социальным статусом, а обряды и традиции способствовали поддержанию осмысленно-значимых отношений в сельской жизни.

В результате сеть социальных институтов, с одной стороны, в целях выживания «скрепляла» коллективную жизнь в селе, с другой – обеспечивала возможность личностной (индивидуальной) самореализации, проявления индивидуальных качеств и защиту частных интересов. И в том, и в другом случае образцы действий были «прописаны» в сознании сельского жителя, их реализация обеспечивала признание среди односельчан.

Современная ситуация: Развал экономики и аномия

Переход к рыночной экономике разорвал социальные отношения, основанные на занятости в государственном секторе экономики. Более того, население, ориентированное на занятость в общественном производстве, теряет эту возможность. Это приводит к состоянию аномии, которое становится слишком продолжительным, что приводит к негативным социальным последствиям, препятствующим эффективному внедрению программ возрождения села.

Поездки по сельским районам Севера сегодня вызывают грусть. О деградации северного села наглядно свидетельствуют мужики в рваных фуфайках и штанах с опухшими помятыми лицами, невнятно пытающиеся занять рубль «на опохмелку»; уставшие от пьяных мужиков женщины.

Деревенский народ, который прежде характеризовался трудолюбием, практичностью и хозяйственностью, в период экономических реформ резко потерял свое «социальное» лицо, многие из них сегодня не желают работать даже на собственных приусадебных участках, распространилось воровство, участились случаи смертельных исходов в результате несчастных случаев и алкогольных отравлений, выросло число самоубийств.

Проблема деградации северной деревни не раз озвучивалась во время взятых нами интервью как экспертами (главами муниципальных округов, специалистами службы занятости и органов социальной защиты), так и самими жителями. «*Сегодня самая большая проблема – проблема развала, алкоголизации села, а также безработица на селе. Все сельские хотят работать по вахтам… у сельских как бы свой менталитет. Они как бы живут в закрытом пространстве, социум свой маленький в деревне… В деревнях уже поколениями – по два, по три поколения – живут безработными. 57% безработных – это село. Мы стараемся привлечь их к работе через предприятия. Руководство предприятий идет нам навстречу и начинают привлекать. А они… как только лето: сразу сенокос, лес, рыбалка и т.д., пьянство. У нас тут вся Россия работает, весь СНГ. Молдова, Украина, Белоруссия. Люди за 5000, а 1000 руб. для них это вообще бешеные деньги, и они работают, работают. А нашим это мало, лучше совсем не работать, чем работать за такие деньги, считают они»* (специалист службы занятости, г. Усинск).

Иначе говоря, патовая ситуация на селе в период 1990-х годов, вопреки логике, не способствовала массовой мобилизации усилий (ресурсов) населения. Среди населения преобладали ценности социалистических производственных отношений, таких как социальное иждивенчество, приверженность принципам уравнительности и т.д. Банкротство совхозов и лесхозов (леспромхозов) привело не только к сокращению рабочих мест, снижению реальной оплаты труда, но и к свертыванию личного подсобного хозяйства. За годы экономических реформ в хозяйствах населения резко сократилось количество свиней, овец, птицы. Поголовье крупного рогатого скота, коров, оленей вначале увеличилось, но затем вновь сократилось. Лишь показатели поголовья лошадей в личном подсобном хозяйстве постепенно растут, что связано, по всей видимости, с недостатком техники для поддержания домашней экономики. Доля фермерских хозяйств в регионе остается низкой.

Сохранение норм и ценностей советского прошлого препятствует самореализации личности. Любая деловая активность вне общественного произ-

водства вызывает общественное осуждение. Наиболее ярко это проявляется по отношению к предпринимателям. Сельская женщина в возрасте 49 лет (отметим, на момент начала экономических реформ ей было 33 года – возраст активных действий) заявила в интервью: «*Мы все на него работаем. Он на нас наживается. Разве это не так?»* Женщина более старшего возраста (68 лет) дополняет: «*Мы все работали при советской власти… А начался этот развал, технику расхватали. Совхозы развалили, технику расхватали. Кто имел доступ, тот и взял, а ты – простой человек, который всю жизнь горбатился, ни с чем остался. А теперь они королями ходят. Все в их руках. Они что – ее заработали?*».

Нередко осуждаются даже те, кто в летний период собирает ягоды, грибы и продает их на трассе. «*Крохоборы, им все денег мало. Я бы уж ни за что не пошла продавать*» (женщина, 55 лет). От общественного порицания подобной активности освобождаются лишь семьи, у которых есть малолетние дети – «*им нужно кормить детей»*. В результате даже те, кто хотел бы заработать на сборе даров природы, не решаются на это. «*Мне стыдно, что люди скажут. Я робкая. Я даже стесняюсь тех, кто там торгует постоянно, вроде как конкурентка. Они же говорят: "Я хожу на рынок". Трасса (дороги) у них как место работы – место продаж*» (женщина 39 лет).

В таких случаях приходится рассчитывать только на собственные силы, которые находятся далеко не у всех. И здесь картина неоднородная. Вот отрывок из интервью, взятого у старой женщины, не испытывающей неудовлетворенности собственной жизни сегодня: *«Люди разленились, они не хотят работать. Они не жили в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы… Мы как каторжные работали, хоть и были на свободе, и паспорта нам не давали. А сейчас жить хорошо. Живи – не хочу. Мне 76 лет, у меня два огорода, хоть и работать не могу. Ко мне молодые приходят покупать картошку. Они что, посадить не могут? Я им сама ведро картошки дам, пусть сажают. Нет, не хотят. Хоть бы не воровали, а то сейчас огурцы пошли, так ведь нет…»*.

Приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии коллективной самоорганизации социальной жизни при редкой индивидуальной ориентации на успех. В оценке такой ситуации нельзя не согласиться с мнением эксперта. «Наше сельское хозяйство в зоне рискованного земледелия, это столько денег государство дотирует и платит. Да, у нас оленеводство неплохо развивается..., у нас прекрасное стадо. Но я считаю, что программа возрождения села себя не оправдала, она только развратила людей. Они привыкли: дай, дай, дай. Факт тот, что раньше там (в сельских поселениях Усинска. – Авт.) вот такую капусту выращивали, какие там картофельные поля. Капусту у нас на ВДНХ возили, а сегодня…» (специалист Службы занятости г. Усинск).

Можно сделать вывод, что, в отличие от табасаранцев, живущих в Дагестане, сельские жители Республики Коми нуждаются в «прозрачной схеме» образцов действий, способов и приемов человеческой деятельности, упорядочении взаимоотношений между различными социальными группами и людьми. Восстановление и утверждение социальных норм не только позитивно влияют на эти отношения, они придают смысл жизни, предоставляют возможность самореализации.

Литература

1. В дебрях Севера. Сыктывкар. 1983.
2. Власов А.Н., Ильина И.В. и др. Энциклопедия уральских мифологий. Мифология Коми. – Москва; Сыктывкар. 1999. Т. 1.
3. Магомедов А.Р. Народы Дагестана. – Махачкала. 2003.
4. Нефедова Т.Г. Социально-экономическая и пространственная самоорганизация в сельской местности // Мир России. – 2003, № 3.
5. Сельское хозяйство в Республике Коми // Статистический сборник. – Сыктывкар. 2007.
6. Статистический ежегодник Республики Коми // Статистический сборник. – Сыктывкар. 2004.
7. Тишков В. Отрицание России // Отечественные записки. 2005, № 1.

Ю.М. Комаров

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДОРОВЬЕ»: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Комаров Юрий Михайлович – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Как нередко бывает на практике, из хороших намерений в силу многих причин не всегда вытекают столь же хорошие следствия, и проблем в результате становится не меньше, а, напротив, даже больше. Это относится и к национальному проекту «Здоровье», сама идея которого носит, безусловно, позитивный характер. К положительным сторонам проекта можно отнести следующие:

– привлечение внимания органов власти к вопросам здравоохранения;

– существенное увеличение расходов на нужды здравоохранения;

– высокий уровень курирования проекта;

– акцент на развитии первичной медико-санитарной помощи (ПМСП);

– повышение размеров оплаты труда медицинским работникам первичного звена здравоохранения;

– проведение массовой иммунизации, т.е. профилактики ряда инфекционных заболеваний;

– существенные сдвиги в оснащении медицинских учреждений средствами автотранспорта и медицинской техники;

– проведение медицинских осмотров отдельных категорий работающих граждан;

– проведение в течение 2006 г. 306 запланированных мероприятий.

Однако в процессе реализации проекта было допущено значительное число ошибок, что обусловлено крайней спешкой в подготовке его нормативных документов, отсутствием системного подхода в выборе главных направлений, неиспользованием методов проектного анализа, неопределенностью его конечных целей и задач, кулуарностью (без широкого обсуждения и привлечения экспертов) принятия решений по содержанию и выполнению

проекта. Некоторые проблемы в настоящее время уже решены благодаря высокому уровню курирования проекта, в их числе – материально-техническая поддержка и использование выделенных средств.

О ходе реализации проекта говорилось на прошедших 21 ноября 2006 г. парламентских слушаниях. Там наряду с позитивными результатами – повышение оплаты труда отдельным категориям медицинских работников, оснащение медицинских учреждений медицинской техникой и автотранспортом, иммунизация населения и проведение профосмотров, – были высвечены многочисленные недостатки, свидетельствующие о непродуманности многих решений. Так, имели место случаи оснащения оборудованием тех учреждений, которые его не заказывали, поставки некомплектного оборудования (например, рентгенологических аппаратов – РА без проявочных возможностей), поставки аппаратуры в детские учреждения с датчиками для взрослых, поставки на автомобили скорой помощи электрокардиографов, которые могут работать только в условиях стационаров, и т.д. Гарантийный срок эксплуатации автомобилей для скорой медицинской помощи был установлен крайне низкий, не было предусмотрено выделение запчастей, не запланированы ремонтная база, кадры водителей и т.д. Стоимость реанимобилей оказалась завышенной. В автомобилях не было предусмотрено сидение для транспортировки сидячих больных. Имелись и другие упущения, хотя все это, в принципе, устранимо.

Главные недостатки проекта заключаются в его содержании, которое определялось чиновниками без привлечения экспертов-специалистов.

1. В их числе можно назвать следующие: попытка раскола медицинского сообщества вследствие повышения зарплаты отдельным (муниципальным) категориям медицинских работников.

Повышение уровня оплаты труда врачам первичной медико-санитарной помощи – мера, вполне оправданная, однако в действительности она породила конфликты во врачебном сообществе, и только спустя некоторое время сообразили, что к этой же категории относятся и врачи скорой помощи и участковые терапевты, работающие на местах в учреждениях федерального подчинения. Не продумали сразу, как быть с другими врачами-специалистами, как рассчитывать отпускные деньги, исходя из новых окладов. Многие участковые педиатры, работающие на селе в труднейших условиях, до сих пор не получают доплаты из-за некорректного расчета Минздравсоцразвития необходимой численности обслуживаемых детей на участке.

Министерством не разработаны также и критерии качества работы врачей и маршруты движения пациентов, вследствие чего больных, например с пневмонией, можно встретить и в сельской участковой больнице, и в областной клинике.

Исходя из изложенного, необходимо:

– включить в перечень на аналогичную оплату труда участковых педиатров независимо от числа обслуживаемых детей;

– определить сроки и порядок повышения оплаты труда врачам-специалистам и другим категориям медработников;

– разработать научно обоснованные критерии для оплаты труда медперсонала и для оказания медицинской помощи.

2. Проект оказывает слабое влияние на здоровье населения, поэтому его вернее было обозначить как проект «Здравоохранение», поскольку по своему объему и средствам он относится в большей части именно к ведомственным задачам.

Так, повышение оплаты труда не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к здоровью населения, а создание новых центров высоких технологий в небольшой степени отразится на лечении менее 1% больных. Иначе говоря, в целом проект больше носит ведомственный характер, что, вероятно, само по себе и неплохо, так как насущным проблемам ведомства придан национальный характер.

3. Многие приоритеты недостаточно аргументированы и потому вызывают множество вопросов. Видимо, разработчики проекта исходили не из научно обоснованной методологии выбора приоритетов, а руководствовались совершенно другими соображениями.

Вопрос 1. Каким образом к приоритетам отнесен скрининг новорожденных на галактоземию и адреногенитальный синдром?

Ведь на 1 млн. новорожденных выявляется не более 170–200 таких случаев, что, конечно же, не может служить задачей для национального проекта. Гораздо эффективнее было бы направить эти средства на предупреждение железодефицитных анемий у беременных (а их более 60% и профилактика их проста), которые существенно влияют на здоровье новорожденных, или на оздоровление тех больных и слабых детей, которые были выявлены недавно в процессе массовой кампании по поголовному осмотру детей.

Вопрос 2. Какой смысл в дополнительной диспансеризации отдельных категорий работающих в возрасте 35–55 лет?

Диспансерное наблюдение является наиболее важным мероприятием профилактической направленности. Это не разовая кампания (как осмотры), а система периодических и целевых осмотров, скринингов и т.д., система оздоровления как декретированных контингентов (детей, школьников, ведущих профессиональных групп), так и страдающих целым рядом хронических болезней. Для дополнительной диспансеризации в рамках проекта отобраны работающие в возрасте 35–55 лет, видимо, потому, что треть всех случаев смерти (у мужчин – 46,2%, у женщин – 14%) приходится на трудоспособный возраст, а средний возраст умерших от внешних причин составляет 44–45 лет. Но отсюда следует совсем иной вывод: в этом возрастном интервале

нужно не «диспансеризировать» или «профилактировать», а активно лечить, оказывать своевременную и качественную медицинскую помощь, не допуская летальных исходов. А «диспансеризировать» целесообразно работающих до 35 лет с тем, чтобы у них в последующем трудоспособном возрасте не возникли заболевания, приводящие к инвалидности и смертности.

Вопрос 3. Насколько актуально и эффективно создание новых центров высоких технологий, которые будут предназначены для лечения отдельных пациентов и практически никак не повлияют на здоровье населения в целом?

Действительно, число пациентов, нуждающихся в высокотехнологической помощи, растет, но это обусловлено разрушением практически всей профилактической работы и системы раннего выявления заболеваний. Все это ведет к тому, что число тяжелых больных, пропущенных и запущенных случаев заболеваний возрастает. Соответственно, растет и потребность в сложном, длительном и дорогостоящем лечении. Поэтому с точки зрения эффективности, т.е. соотношения результатов (в виде показателей здоровья) и затрат ресурсов гораздо более целесообразно развивать массовую и оздоровительную профилактику и стараться выявлять болезни как можно раньше, когда их и легче, и дешевле лечить.

Оптимальной структурой здравоохранения была бы такая, при которой все 100% пациентов проходили через ПМСП; 20% всех пациентов направлялись бы на амбулаторную специализированную помощь; 15 – на стационарную помощь общего типа; 5 – на стационарную специализированную помощь; 0,01–0,05 – на высокотехнологическую дорогостоящую помощь; 10% – на реабилитацию и интегральный медицинский уход.

Вопрос 4. Если принято окончательное решение о центрах высоких технологий, то не лучше ли расширить возможности уже существующих центров?

Дело в том, что при создании новых центров значительные средства будут потрачены на строительство и базовое оснащение, т.е. не на сами высокие технологии – и в этом случае можно будет говорить о нецелевом использовании средств.

К тому же и кадров для новых центров в достаточном количестве нет, поскольку, например, на подготовку хорошего кардиохирурга может потребоваться около десяти лет. Поэтому было бы более целесообразным расширять возможности действующих авторитетных в своей области центров, нежели строить новые.

Вопрос 5. Насколько необходимо существенное усиление кардиологической службы?

Специалисты-кардиологи справедливо утверждают, что в структуре причин смерти на долю болезней системы кровообращения приходится больше всего – 56,6% случаев (от новообразований умирают 13,1%, от внешних при-

чин – 12,5%). Однако смерть от болезней системы кровообращения (БСК), в том числе от ишемической болезни сердца (ИБС) и цереброваскулярных болезней (ЦВБ) – это удел, главным образом, пожилого возраста, а в трудоспособном возрасте чаще всего (34,3%) умирают от внешних причин. Данные о среднем возрасте умерших от различных причин (см. табл.).

Таблица

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ УМЕРШИХ ОТ РАЗЛИЧНЫХ ПРИЧИН

	Мужчины	Женщины
Средний возраст всех умерших	58,9	72,4
Внешние причины	43,3	49,5
Инфекции	44,6	42,6
Болезни органов пищеварения	54,5	62,0
Болезни органов дыхания	59,0	64,8
Болезни мочеполовой системы	60,9	62,9
Новообразования	64,1	66,7
БСК, в том числе	66,7	77,1
– ИБС	66,7	77,3
– ЦВБ	70,6	78,1

Из данных таблицы следует, что если бы все люди в стране умирали только от болезней системы кровообращения, то средняя продолжительность жизни существенно возросла бы. Для многих вероятность умереть от этих болезней просто нереальна, так как они не доживают до среднего возраста умерших и умирают гораздо раньше от других причин. Если число умерших от травм, отравлений, инфекций или ряда других причин умножить на число недожитых лет хотя бы до величины средней продолжительности жизни, то окажется, что по каждой из упомянутых причин общество несет огромные потери. Поэтому приоритетными можно считать те причины смерти, которые приводят к наибольшим потерям, а затем нужно выделить из них предотвратимые случаи. Что касается сердечно-сосудистых болезней, то средствами профилактики нужно отодвинуть средний возраст умерших от них на более пожилой возраст, на 10–12 лет, как в развитых странах.

Вопрос 6. Почему органы и учреждения здравоохранения занимаются на местах практически только национальным проектом, хотя его средства составляют всего 12% от всех средств на здравоохранение?

Ответ простой: из-за плохой проработанности проекта, сложной и постоянно меняющейся документации и жестко контролируемой оперативной отчетности.

Вопрос 7. Правильно ли, что все усилия по борьбе с депопуляцией населения сводятся к стимулированию рождаемости, которая благодаря этим мерам будто бы растет?

Действительно, в 2006 г. число рождений выросло на 19 тыс. детей, т.е. на 1,3% и составило 1,4762 тыс. человек. Особенно увеличилось это число матерей в возрасте 22–25 лет. Этот рост полностью обусловлен тем, что в детородный возраст вступило поколение девочек, родившихся в 80-е годы, когда наблюдался незначительный подъем рождаемости. Соответственно на 0,3% выросла за год брачность и разводимость. Тем не менее средний возраст женщин, родивших ребенка, достаточно высок – 26,6 года. Безусловно, резервы в повышении рождаемости в стране имеются и они значительны. Так, почти 50% семей имеют лишь одного ребенка, а двоих детей – всего 16% семей. Только треть беременностей завершается родами. Почти половина всех абортов (49,7%) приходится на женщин в возрасте 20–29 лет; проблема бесплодия, характерная для 17,5% супружеских пар, во многом обусловлена тем, что первая беременность заканчивалась абортом, т.е. представляет собой вторичное бесплодие. Казалось бы, целесообразно стимулировать рождение вторых и третьих детей, тем более что они почти всегда здоровее первенцев, а также последующих детей. Однако стимулировать рост рождаемости сейчас нельзя, пока не решена проблема нездоровых новорожденных, т.е. речь должна идти в данный момент не о количестве, а о качестве рождений. Ведь по официальным данным, только треть новорожденных рождаются здоровыми, а результаты исследований показывают, что их число составляет не более 15–25%. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, здоровьем детей и подростков. Так, доля здоровых девочек за последние десять лет уменьшилась до 6,3%, а общая заболеваемость в возрасте 15–17 лет выросла на 32,2%, в том числе возросла частота отклонений в формировании репродуктивной системы. Анализ диссертационных работ за последнее десятилетие показывает, что нынешние подростки в своем большинстве не смогут воспроизвести здоровое поколение, а по данным Баранова А.А. (2006) 80% девочек и 40% мальчиков-подростков имеют болезни, которые могут помешать им иметь детей.

Во-вторых, почти 90% беременных женщин имеют какое-либо заболевание, а свыше 60% – железодефицитные анемии, которые легко могут быть предупреждены. Имеются и другие причины.

Если рождаемость будет расти, то существенно вырастет число больных детей, что ляжет тяжелым бременем на медицинские и социальные службы. Кроме того, вырастет и число детей из маргинальных семей, что приведет к росту беспризорности, сиротства и преступности. Одновременно значительно вырастет и демографическая нагрузка, т.е. соотношение между неработающими и работающими гражданами, что негативно скажется на экономическом потенциале страны. Поэтому наряду со стимулированием рождаемости, которому должно предшествовать решение проблемы нездоровых новорож-

денных, необходимо вести систематическую борьбу с бедностью, работу по улучшению здоровья детей и подростков.

В то же время процесс депопуляции только на 35% связан с низкой рождаемостью и на 65% – с высокой смертностью. Простые и понятные меры по стимулированию рождаемости являются популистскими, поскольку на процессе депопуляции они отражаются незначительно. Как считают специалисты, материнский капитал не спасет от демографического кризиса. Депопуляцию можно остановить преимущественно снижением смертности, главным образом ее преждевременных и предотвратимых случаев. Если бы сейчас умирало столько же людей, сколько в 80-е годы, то естественная убыль в стране сменилась бы приростом населения. Естественная убыль, т.е. превышение числа умерших над родившимися в 2006 г., составила 690 тыс. человек. Правда, в 2006 г. число умерших снизилось на 138,2 тыс. человек, больше всего от внешних причин – на 13,6%, что в основном было обусловлено резким снижением продажи крепкого алкоголя. По данным А. Немцова, с ним напрямую связано 20% всех летальных исходов от разных причин смерти.

Каждые сутки страна вследствие естественной убыли теряет 1646 человек. В США, напротив, число жителей возрастает ежесуточно в среднем на 3600 человек, к тому же туда каждые 27 секунд прибывает один мигрант.

В результате высокой смертности Россия оказалась отброшенной по средней продолжительности жизни на 50 лет назад, а в последние годы в 73 регионах снижение средней продолжительности жизни на 60% было обусловлено ростом смертности в самом продуктивном возрасте. Самые низкие коэффициенты смертности характерны для территорий, где преимущественно проживают коренные жители, а самые высокие – в Северо-Западных и Центральных областях России.

Главное в решении медико-демографических проблем – это кардинальное изменение отношения государства к человеку. Нужно осознать, наконец, что власть – для народа, коммунальное хозяйство – для жильцов, здравоохранение – для пациентов, транспорт – для пассажиров и т.д., а не наоборот, и действовать в этом направлении.

Должна развиваться и законодательная поддержка этих действий, когда права граждан являются основой всего. Можно также взять на вооружение приоритеты Евросоюза: здоровье, зарплаты, пенсии. И тогда станет возможным говорить о соответствии действительности ст. 7 Конституции РФ, где записано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

М.А. Магомедов

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Магомедов Махач Ахмедович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ДГПУ.

Ход истории Нового и Новейшего времени все больше и больше приводит к выводу, что одной из ключевых проблем современной социальной и политической жизни в глобальном масштабе становится проблема наций и национальных отношений. И это при явно заметном параллельном процессе усиления взаимосвязей наций, народов и интернационализации самой жизни. Следует оговориться заранее, что термин интернационализм надо понимать не в принятом у нас ранее классово-марксистском смысле, а в смысле глобализации вопросов политической, экономической и культурной жизни народов.

В то же время в силу целого ряда исторических, географических и этнополитических обстоятельств Россия оказалась одной из стран мира, где именно национальная проблема стала чуть ли не центральной среди проблем развития страны. Причем ключевые события истории России начала XX столетия оказали огромное влияние на развитие межнациональных отношений во многих регионах мира.

Как многонациональная страна, Россия стала определяться очень рано. Надо отметить, что еще на заре складывания древнерусской народности и древнерусского государства мы наблюдаем соседство численно превосходящего славянского этнического элемента с разнородными этносами меньшей численности, начиная с угро-финского и кончая тюркским, вовлечение которых в орбиту первых становилось естественным и как бы само собою разумеющимся. Оказавшись позднее в составе довольно пестрой в этническом плане Золотой Орды, Русь довольно скоро восприняла имперские амбиции и одухотворенные идеи Третьего Рима. А с XVI в., поменявшись при Иване

Грозном ролями с татарами и начав наступление на них и другие соседние народы, Русь начала усиленно закладывать основы будущей империи.

Надо отметить, что довольно рано в сфере интересов закладывающегося великорусского государства оказался и Северный Кавказ, отношения с которым в будущем сложились наиболее драматично, хотя и начались с добровольного присоединения к Московскому царству Кабарды в 1557 г. (а до этого и после еще известны визиты послов Шамхала с просьбами о приеме в подданство). Конечно, надо учесть, что многие подобные обращения в немалой степени были продиктованы сложной политической обстановкой в регионе и частой междоусобицей разнонациональных местных правителей. Они нередко обращались к Ивану IV с просьбой о подданстве, движимые исключительно своими корыстными интересами. В то же время в низовьях Терека начинает образовываться Гребенское и Терское казачество, которому тоже было суждено сыграть положительную, а порой и негативную роль в политике России на Кавказе. Как бы то ни было, основанный близ устья Терека в 1563 г. на бывшем Тюменском городище Терский городок стал не только военной крепостью, но и заметным центром меновой торговли с разноязычным горским населением. Однако и следующий большой поход русских в 1593–1594 гг. под руководством боярина Андрея Хворостинина тоже оказался неудачным, и удержаться в приморском Дагестане им опять не удалось. Хотя тремя годами раньше, в 1589 г., состоялась очередная присяга в Терском городище другого дагестанского правителя Аварского Нуцала о принятии русского подданства.

Вообще в этот период ситуация на Северном Кавказе и в Дагестане была довольно сложной и запутанной, здесь постоянно сталкивались иранские, турецкие и российские интересы, между которыми лавировали местные правители, оказываясь то на одной, то на другой стороне и присягая из конъюнктурных соображений той, союз с которой казался им наиболее выгодным.

С тяжелого поражения на Сулаке в 1604 г. начался для России трудный для нее XVII в., и в то же время постоянная ирано-турецкая агрессия не давала утихнуть интересу самих горцев к России. По подсчетам известного дагестанского историка Расула Магомедова, только из одной Кумыки в течение 28 лет с 1614 по 1642 г. в Москве побывало 15 посольств. Поскольку принятие русского подданства не было связано с вводом русских войск на территорию княжеств или посылкой на места чиновников высшей власти, к подданству местная сторона относилась довольно легко. А русская сторона довольствовалась клятвой князей на Коране и представлением ей аманатов из числа их родственников, которые на всем необходимом содержались в Терском городе; отзыв же аманатов означал отказ от подданства. В целом вся национальная политика в тот период и сводилась к этому.

XVIII век, начавшийся серьезными антииранскими выступлениями в Дагестане, в конечном итоге завершился еще более тесным проникновением России в дела горцев. Известный Каспийский поход Петра I привел к еще большему утверждению влияния России в прикаспийских областях и к усилению разносторонних связей с местным населением. В 1785 г. при Екатерине Великой впервые было учреждено Кавказское наместничество с центром в г. Екатериноград, в него входили Кизлярский, Моздокский, Ставропольский, Георгиевский и Александровский уезды. Именно в этот период была сделана попытка придать организованный религиозный характер борьбе горцев за независимость против России. Разные меры принимала Россия в борьбе с горцами, начиная от самых кровавых и кончая более или менее гуманными. Истории известен факт истребления полководцем Суворовым около полумиллиона ногайцев на правом берегу Кубани; на освобожденную от них территорию Екатерина II начала переселять бывших запорожских казаков. Но известен и рескрипт императора Павла I генералу Гудовичу, предписывавший «удерживать горцев в крепости и повиновении ласково, отвращая от них все, что служит к их притеснению или отягощению».

В истории запечатлена беспримерная эпопея борьбы горцев Кавказа за свою независимость в следующем, XIX в. Для значительной части горцев Северо-Западного Кавказа она кончилась прямым геноцидом и выселением в Турцию, а для остальных, в том числе для дагестанцев и чеченцев, прямым включением в состав России и созданием местной администрации, которая учитывала местные традиции и обычаи. Не была, например, тронута религия горцев, и, учитывая их устоявшуюся неприязнь к солдатчине, они были освобождены от службы в армии. Особой непосредственной дискриминационной политики в отношении местного населения царская администрация не допускала, но в условиях отсталости России и отсутствия специальной политики поддержки окраин сколько-нибудь заметный прогресс в его развитии тоже не наблюдался. В 1877 г., во время очередной русско-турецкой войны, была сделана еще одна попытка под тем же исламским флагом избавиться от российского господства, но теперь уже не было ни гения Шамиля, ни прежнего оружия. Попытка закончилась крахом и определенными репрессиями в отношении участников.

У чеченцев и ингушей по сравнению с дагестанцами нужно отметить одну чисто бытовую и психологическую особенность, наложившую впоследствии определенный отпечаток на ход некоторых исторических событий. Близость казачества с его традициями, не всегда симпатичными горцам, поддерживала у них неприязненное отношение к казакам; не изжита была и старая привычка беспокоить соседей. В советской историографии, в интересах максимального превознесения дружбы и братства между народами, все это либо замалчивалось, либо излагалось искаженно, но реальность существовала

и периодически давала о себе знать, особенно в критические моменты развития истории.

Нужно сказать, особенностями, связанными с многонациональностью края и негативными страницами прошлого, весьма умело и небесполезно как для своего дела, так и для самих местных народов воспользовались большевики. Имея многообещающую позитивную программу по национальному вопросу и реально интернационалистические помыслы, они сумели очень быстро и прочно завоевать симпатии подавляющего большинства горных народов. В развернувшейся на Северном Кавказе послеоктябрьской Гражданской войне большевики в их лице получили реальную поддержку, особенно ярко выразившуюся в мощном антиденикинском восстании в Дагестане и Чечне. Конечно, резко выраженный антирелигиозный характер большевистских действий вызывал сопротивление, в том числе и вооруженное, но на целый исторический этап развитие Северного Кавказа в русле социалистической теории и практики уже было обеспечено.

Пришедшая к власти в стране большевистская партия в своей национальной политике, помыслах и практических действиях, каково бы ни было стремление сегодняшних идеологов изобразить все это в крайне негативном свете, была искренна и решительно настроена на достижение реального равенства наций и народностей. Даже с учетом явного краха коммунизма выглядят неправомерными давние выводы зарубежных критиков советской системы, что большевики лишь «стремились удержать бывшие колониальные владения с целью сохранения и расширения русского доминирования в северной зоне евразийских земель». Да и участие горцев в революции искажено. Например, американской историк Р. Макдоуэлл утверждал, что мотивы этого участия «были скорее обыденными, чем политическими, инстинктивными, чем обоснованными». По его мнению, «гражданская война здесь по существу была бессознательно возобновленной древней народной войной, забытой было под давлением московского господства в Южной России и на Кавказе в течение трех веков с XVI–XIX в.»[1].

По существу здесь воспроизводится идея старой великодержавно-шовинистической историографии о «разбойничьей воинственности горцев», которая сдерживалась русской властью и якобы прорвалась наружу в «суматохе революции». Проглядывается явная попытка представить участие горцев в революции результатом своеобразного соглашения большевиков с дикими воинственными племенами, искавшими возможность сразиться с неверными.

Однако надо признать, что ходом развития истории России народы Северного Кавказа были подготовлены к активному вовлечению в общероссий-

1. McDowell R.H. Russian Revolution and Civil War in the Caucasus // The Review. – 1968, N 27. – P. 157–159.

ский революционный взрыв. Ленин вполне правомерно подчеркивал болезненность для северокавказцев переселенческой политики и царизма, целью которой была русификация окраины. В статье «Переселенческий вопрос» он приводил следующие слова наместника Кавказа об итогах этой политики: «Проводившееся до последнего времени отношение к кавказскому населению в его земельных делах далее терпимо быть не может и уже потому оно, несомненно, играет довольно важную роль в революционном настроении сельского населения»[2]. Да и других оснований было немало. Справедлив вывод о том, что «все повинности горских крестьян, состоявшие из так называемых казенных земских и мирских сборов, носили сугубо колониальный характер»[3]. Давно и не без основания подчеркивалось, что «на территории бывшей Российской империи трудно было найти другой район, представлявший такой яркий образчик длительного господства «военно-феодального империализма» самодержавной России, как бывшая Терская область»[4].

Работая над привлечением городского населения в революцию, большевики не были ни экзальтированными романтиками, ни ловкими обманщиками. Надо признать, что такие крутые перемены, которые произошли в России, не возникают без наличия глубоких объективных оснований. Северный Кавказ тоже как основная часть Российской империи не мог не быть втянутым в экономическое и политическое развитие государства в целом. Ленин правильно подчеркивал, что «русский капитализм втягивал Кавказ в мировые товарные обращения, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости, создавал себе рынок для фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряжал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»[5].

Социальная структура населения Северного Кавказа, хотя и в меньшей степени, чем в западных и центральных районах России, стала претерпевать существенные изменения. Горные районы Северного Кавказа давали большое количество отходников, пополнявших рабочий класс края. Только Дагестан, например, в 1905 г. дал более 80 тыс. отходников, часть которых надолго оставалась на нефтяных промыслах, железной дороге и т.д. В силу земельного

2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 21. – С. 332.

3. Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный, 1972. – С. 37.

4. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. – Ростов н/Д, 1930. – Т. 2. – С. 5.

5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 3. – С. 594–595.

голода 80% населения горной Чечено-Ингушетии оказалось «избыточным», оно вынуждено было искать работу на стороне. В период уборки урожая многие горцы отправлялись по губерниям и областям Кавказа, а также во внутренние губернии России на заработки. Возвращались домой к концу весны следующего года не все. Некоторые оставались в городах. Значительное количество отходников–дагестанцев, осетин, чеченцев уходили на нефтепромыслы Баку, Грозного, на предприятия Тифлиса, Харькова, Владикавказа, Батума, Ростова-на-Дону, Москвы, Петербурга и других городов.

Исключительно тяжелым было положение крестьянства в Чечне и Ингушетии. В 90-х годах XIX в. 4% хозяйств чеченцев и ингушей не имели крупного рогатого скота, более чем 50% – мелкого, а 60% хозяйств были безлошадными. Хуже всего то, что чеченцы и ингуши вынуждены были ежегодно арендовать сотни тысяч десятин земли у казаков, платя за нее баснословные деньги. Так, в 1903 г. равнинной Чечено-Ингушетии только верхушка казачества сдала в аренду 357 369 десятин земли и получила за нее 346 595 руб. А крестьяне Нагорной Чечено-Ингушетии накануне революции платили ежегодно около 444 тыс. руб. арендной платы[6].

Таким образом, для участия в «русской» революции у горцев Северного Кавказа были все основания, и они естественным образом вовлекались в нее, внеся свой вклад в ее победу.

Национальная политика оказавшихся у власти большевиков, включая планы национально-государственного строительства, развития национальной экономики и культуры, была достаточно искренней, направленной на ликвидацию фактического неравенства народов. За годы, вошедшие в историю как годы социалистического строительства, действительно были достигнуты грандиозные позитивные результаты в экономике, культуре, подготовке национальных кадров во всех автономных образованиях края. Нужно умышленно закрывать глаза на реальные факты, чтобы не видеть все это. Однако есть один очень серьезный фактор, без учета которого совершенно невозможно понять те коренные изменения, которые произошли в развитии бывшего СССР, включая его развал и последующие отношения между его бывшими народами.

Как известно из истории, Великороссия в течение веков затратила очень много усилий и пролила потоки крови и русской, и других народов (сошлемся еще раз на одну лишь долгую эпопею Кавказской войны) для того, чтобы создать столь могучую империю и сплотить в одно целое ее многочисленные национальности. Послеоктябрьская национальная политика большевиков включала в себя и элементы покаяния Великороссии за прошлое, и искреннее

6. Очерки истории Чечено-Ингушетии с древнейших времен и до наших дней в 2-х томах. – Грозный, 1967. – С. 164.

желание создать нечто невиданное в истории, представляющее собой полное отрицание прошлого, включая эксплуатацию человека человеком, а также угнетение одних народов другими. Все те нарушения естественных прав людей, многочисленные жертвы в виде естественных «щепок» при невиданной исторической «рубке леса», все, что сегодня дружно осуждается, – не результат продуманной политики группы маньяков, террористов и сумасшедших, а последствия добросовестного заблуждения целого поколения революционеров. Опыт большевиков в очередной раз говорит о том, что жизнь, реальная действительность, очень многогранна и не укладывается в самые смелые, не до конца продуманные предположения и проекты. Во всяком случае теперь мы знаем, что нужны время и проверка практикой, чтобы увидеть возможное конечное несовпадение реальности с проектами.

Главной личностью, с которой ассоциировались все достижения межвоенных лет, по вполне понятным причинам стал И. Сталин. Да и он сам, связывая и Октябрьскую революцию, и все последующее развитие в первую очередь с русской нацией, незаметно для себя стал законченным великорусским шовинистом. Об этом довольно красноречиво говорит его обращение на торжественном военном параде в начале Великой Отечественной войны исключительно к героическим традициям одной великорусской нации. Хотя при мобилизации в армию начисто отсутствовал национальный принцип и защиту общей Родины вторгшихся врагов каждый гражданин СССР считал своим священным долгом, кроме русского. Понять это, конечно, можно. Умный проницательный вождь отлично понимал роль и значение прежде всего русского народа и российского государства. Примечателен и показателен его тост за русский народ на приеме в честь командующих войсками Красной Армии 25 мая 1945 г. «…Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

В ходе войны, отмечая, что армия покидала земли Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, Сталин право на упрек за это признавал исключительно за русским народом и благодарил только его. Это говорит о том, что многонациональный характер страны для его (следовательно, и для его окружения) отступил на второй план, а на передний выдвинулась идея Российской империи. Не случайно с 1943 г. были восстановлены традиционные звания и погоны старой армии. Именно с победы в Отечественной войне началось безудержное восхваление всего русского, вплоть до пересмотра самой истории. Это были весьма очевидные симптомы наметившегося курса на ревизию национальной политики в сторону русификации страны. И самое страшное то, что именно этим были продиктованы несовместимые со старой коммунистической национальной политикой акты, оставившие неизгладимый негативный след в памяти людей. Речь идет о поголовном насильственном высе-

лении с их родины крымских татар, чеченцев, ингушей, балкар, карачаевцев и калмыков. К сожалению, Сталин просто решил, что под шумок победоносно завершающейся войны можно уже не церемониться и теми же военными методами решить и национальные проблемы. Тут прямо напрашивается мысль об исторической мести этим народам за определенные неудобства, причиненные ими именно русским. И главный парадокс здесь заключается в том, что махровым великорусским шовинистом выступил грузин Сталин.

Версии о поведении выселенных народов во время войны имели под собой не больше оснований, чем если бы они были обращены против других народов, включая русский. Коллаборационисты были всегда и везде – но не было народов-коллаборационистов. Подчеркнем еще раз: мобилизация в действующую армию протекала без учета национальности, и в войне участвовали все. Кроме того, например, по данным исследователей, 38% крымских партизан в период войны составляли татары. Хорошо известно, что рекорд по количеству уничтоженных врагов в войне, а именно 921 человек, принадлежал чеченцу Ханпаше Нурадилову, что не помешало его матери и сестрам испытать все лишения депортации. Кстати, выселение месхетинских турок из Грузии в тот же период имело тот же мотив – они были там неудобны для грузин, а потому выселены под шумок.

Наиболее наглядным примером пересмотра истории Северного Кавказа в составе России стал крутой поворот в трактовке движения Шамиля, которого раньше рассматривали как героя борьбы против царизма, а теперь сделали чисто отрицательной фигурой, боровшейся против прогресса. Писать положительно о нем стало прямым криминалом.

Хрущёвская оттепель привела к вынужденному и не до конца завершенному пересмотру этого акта. Было принято решение о возвращении народов Северного Кавказа на родину: относительно же крымских татар такого решения не было. Зато Хрущёв щедрой рукой отдал Крым Украине, даже не подумав о самом народе – хозяине Крыма.

Еще один акт, имевший отношение к национальной политике того же времени – формальное расширение прав союзных республик. Это было вызвано тем, что партия взяла курс на расширение компетенции республиканских органов в управлении промышленностью, устранение излишнего централизма, повышение роли и ответственности союзных республик в государственном управлении. В 1954–1955 гг. в ведение республиканских органов было передано из союзного подчинения свыше 11 тыс. промышленных предприятий. Следует подчеркнуть и ряд конституционных постановлений, заключающихся в утверждении новых государственных гербов и знамен, государственных гимнов союзных республик.

На следующем этапе в условиях вступления СССР в период так называемого развитого социалистического общества партия определенным образом

изменила содержание и характер национально-государственного строительства. В резолюции XXIV съезда КПСС был сделан далеко идущий вывод о том, «что в процессе социалистического строительства сложилась новая историческая общность людей – советский народ». Одной из важнейших объективных основ, обусловливающих формирование исторических общностей многонационального типа, советские теоретики считали некую (понятно, не существующую) всемирно-историческую тенденцию к ломке этнических, а затем и национальных перегородок, ведущую к процессу естественной ассимиляции наций и народностей.

Исключительно важным в сближении наций и складывании советского народа как новой исторической общности объявлялось развитие у народов СССР двуязычия и постепенное превращение русского зыка в язык межнационального общения. Тем самым принижалась роль многоязычия, а оно было особенно характерно именно для народов Кавказа.

Важнейшим проявлением сближения наций и одновременно важнейшим условием осуществления этого сближения являлась объявленная дружба народов. В постановлении ЦУ КПСС к 50-летию образования СССР говорилось: «Всемирная история еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народностей столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, такого духовного родства, доверия и взаимной заботы, какие постоянно проявляются в нашем братском союзе».

Однако 1991 год, к большому сожалению, коренным образом опроверг такую идиллическую картину. Парадоксальным образом конец великой империи предрешило руководство тех же самых славянских народов, которые стояли у истоков Руси. Остальные республики оказались просто поставленными перед совершившимся фактом. Столь усиленно восхваляемая дружба народов оказалась, увы, мифической, а казавшаяся весьма прочной привычка к жизни в едином государстве – крайне зыбкой.

Следует подчеркнуть еще один факт: в истории империи наиболее обильно лилась кровь именно на Северном Кавказе. О событиях в Чечне написано немало, в том числе и автором этих строк[7]. Вопрос стоит шире: почему так связаны кровопролитные конфликты и Северо-Кавказский регион?

Жизнь показала, что национальные взаимоотношения – очень тонкая сфера. Не надо забывать, что в этой сфере даже самые искренние и благие пожелания могут дать абсолютно неожиданные негативные плоды. Например, сегодня весь мир не без тревоги наблюдает за ситуацией в Грузии, за развитием грузино-абхазских и грузино-осетинских отношений. Многие, не до конца понимающие ситуацию представители Запада связывают происхо-

7. См.: Магомедов М.А. О некоторых аспектах чеченской войны в России // Россия и современный мир. – М., 1997. – № 1. – С. 136–157.

дящее с мнимыми происками России. Однако надо понять, что происходящее является плодом не сегодняшней, а прошлой, причем самой благой по намерениям, политики коммунистической партии. Она искренне делала все для развития и грузинского, и абхазского, и осетинского народов. Эти народы веками жили рядом, и каждый из них ел свой хлеб на свой земле, сегодняшних политических амбиций, наводящих тень на их взаимоотношения, не было. Но вот в условиях советской власти у грузин как у государственной нации появился аппетит на ассимиляцию своих малых народов, у тех – страх на свое собственное национальное будущее.

Поэтому нужно осознать, что многое, происходящее в пределах бывшего СССР, является наследием нашего недавнего прошлого. И главное, Россия, стоящая у истоков всего, несет и будет нести ответственность за это. Прежде всего за развитие этнонациональных отношений в собственных пределах. Нет ничего опаснее самотека в данной сфере. Сегодня на многочисленных «круглых столах» стал интенсивно муссироваться так называемый «русский вопрос». Доказывая актуальность этой проблематики, многие авторы подчеркивают, что «впервые за всю историю русские чувствуют себя слабыми, переживая смысловой, ценностный, социокультурный кризис»[8].

Что ж, история русского народа, русских, их национальных побед, национальных героев, национальной культуры, а главное огромная роль в жизни страны и мира – никогда и никем не оспаривалась. Тревога, которая стала охватывать сегодня многих, есть признак начинающих проявляться отрицательных тенденций. СССР развалился не из-за недооценки и недопонимания роли и веса русской нации со стороны нерусских россиян, причины были куда глубже. Объективный, без предвзятости анализ всего происшедшего и новая, без эйфории, продуманная национальная политика помогут сохранить то общее, что осталось от советских времен и способствовать складыванию между народами России новых, более прочных и тесных взаимоотношений.

8. Литературная газета. – № 22–23, 30 мая – 5 июня 2007 г.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Д. Хайнциг

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ 1945–1946 ГГ., ПЕРЕЖИТЫЕ В ОДНОМ ИЗ ГОРОДКОВ САКСОНИИ

От редакции

Читатели нашего журнала знают Дитера Хайнцига по сравнительному исследованию, в котором он сопоставлял по разным параметрам деятельность системы ГУЛАГ в СССР и соответствующей системы лагерей Лаогай в Китае («*Россия и современный мир, 2006, № 4). Известный китаевед, автор фундаментального труда «Советский Союз и коммунистический Китай, 1945–1950», переведенного на несколько языков, д-р Хайнциг длительное время занимал пост заместителя директора Федерального института восточноевропейских и международных научных исследований в Кёльне. После ухода на пенсию он посвятил себя изучению истории родного селения, расположенного в живописных Рудных горах в земле Саксония. Результатом стала страничка прошлого одного из тысяч подобных местечек Германии, возвращающая читателей в первые годы после окончания Второй мировой войны, когда под контролем стран победителей (в данном случае Советского Союза) в стране налаживалась мирная жизнь.*

Буркхардсдорф – местечко в саксонских Рудных горах, в 12 километрах от Хемница. Оно упомянуто в грамотах в 1331 г. Протянулось селение на три километра в живописной долине реки Цвёниц: к окончанию войны в деревне проживало 5600 человек, в большинстве своем рабочие местной чулочной фабрики или самостоятельные крестьяне. Автор данного очерка родился в Буркхардсдорфе в 1932 г. и прожил там до 1950 г.

В начале 1945 г. все жители Буркхардсдорфа явственно ощутили приближение войны. В ходе бомбовых налетов английской и американской авиаций, продолжавшихся с 14 февраля по 3 марта, были разрушены церковь, старая школа и несколько других зданий. Восемь человек погибли. Деревня погрузилась в состояние страха и ожидания новых бед.

Мужественный поступок

В конце марта жители городка наблюдали следующую картину: надсмотрщицы подгоняли палками колонну полуголодных, одетых в рвань арестанток, движущуюся к центру деревни. Здесь была устроена кратковременная остановка. Несколько женщин рванулись к мусорным бакам, стоящим у домов, вытаскивали из них картофельные очистки и тут же запихивали в рот. Из барака, где разместилась колонна, раздавались крики: «Воды, воды!». Затем колонна двинулась дальше. Тех, кто не мог уже ходить или был мертв, побросали в повозки.

Во время остановки удалось бежать четырем бельгийским еврейкам. Они проскользнули в дверь гостиницы «Гастхоф цур Зонне» и через черный ход проникли на земельный участок, принадлежащий столяру Карлу Пильцу. Пильц, которому в то время было 67 лет, его жена Эмма и их дочь Эльза укрыли беглянок в мастерской, где они спрятались за прислоненными к стенке досками. Там они и остались. Снабжать их продуктами было трудно. В конце войны Эльзу Пильц вызвали в ратушу, по-видимому, по доносу. Когда она со страхом ожидала, чем все это закончится, кто-то ей сказал, что она спокойно может идти домой, поскольку общинного управления уже не существует – война близилась к концу. Если бы не это, семье Пильц пришлось бы нелегко. Между тем еврейки покинули свое укрытие и в одежде, которой их снабдили спасители, отправились в сторону Бельгии. Семья Пильцев вовсе не собиралась свой мужественный поступок превращать в громкое событие, они рассказали о случившемся только своим родственникам.

В марте через городок прошли еще две колонны заключенных. В первом случае речь шла о нескольких сотнях изможденных от голода людей, которых 15 марта вывели на дорогу, ведущую к соседней деревне Адорф. В конце колонны двигалась повозка, в которой лежали заключенные, уже не способные идти. Это были евреи, по всей видимости из концлагерей Освенцим и Бунцлау, которых направляли в Бухенвальд. Во время остановки в селении умерло девять заключенных, их похоронили на местном кладбище: памятный камень на этом кладбище напоминает о них и о двух советских военнопленных (или восточных рабочих), которых нашли расстрелянными в лесу.

Признаки окончательного крушения гитлеровской Германии стали особенно ощутимыми в начале мая, когда через деревню прошли солдаты – в одиночку или группами. В то время появились ироничные поговорки, например: «Вперед, комрады, враг за нами!». Или: «Вперед, комрады! Нам пора отступать!». Многие из тех, кто проходил через деревню, бросали на ходу свое оружие вместе с патронами – к большой радости нас, подростков. Мы подбирали это оружие и отправлялись в лес, чтобы пострелять. Куда опасней была игра с невзорвавшимися зажигательными бомбами, которые сбрасывала

английская и американская авиация. Мы старались их подорвать. При попытке подрыва бочки с химикатами, подобранной на сгоревшей фабрике по производству лака, погиб 13-летний подросток.

Последние судороги перед крушением

В последние недели перед окончанием войны можно было наблюдать бессмысленные приготовления к «борьбе до последнего». Из членов гитлерюгенда и пожилых людей был образован так называемый «Народный штурм» – «фольксштурм». Их снабдили ружьями и пистолетами и обучили обращению с фаустпатронами. Отряд «Народного штурма», во главе которого стоял местный фабрикант и штурмфюрер СА Кемпфе, сооружал из стволов деревьев танковые заграждения.

В гараж рядом с фабрикой Кемпфе складывали фаустпатроны. Примерно 200 человек протестовали против этой акции, поскольку хотели, чтобы деревня оказалась вне военных действий. В различных местах, в окопах, в зданиях заняли боевые позиции небольшие группы вермахта. Мы, подростки, меняли у солдат патроны на сигареты. Так называемое оперативное командование СС расположилось в одной из гостиниц и оттуда на военных легковушках, снабженных фаустпатронами, предпринимало вылазки против американских танков. В середине апреля эти танки доезжали до некоторых поселений, расположенных западнее Хемница, почти вплотную к городу.

В последние дни войны двум местным коммунистам удалось уговорить солдат одной из частей вермахта не взрывать мост на городском вокзале, хотя к этому уже все было подготовлено. Коммунисты снабдили солдат гражданской одеждой и помогли им скрыться. Когда жители домов принялись вывешивать из окон белые флаги, сделанные из простынь, или водружать их на крышах домов, эсесовцы, сопровождаемые руководителем местной группы (ортсгруппенляйтером) Национал-социалистической рабочей партии Германии – НСДАП Арвайлером и штурмфюрером Кемпфе, стали разъезжать по деревне и стрелять по домам, где такие флаги были развешены. При этом была ранена женщина. Арвайлер приказал жителям селения собраться в здании кино и произнес там речь с призывом держаться до последнего, угрожая, что после «окончательной победы» «железной метлой» пройдется по тем, кто вывешивал белые флаги. 7 или 8 мая было проведено последнее мероприятие фольксштурма.

Переход власти к коммунистам

7 или 8 мая некто Майнельт, по должности районный зубной врач и окружной медицинский советник, проживающий в Буркхардсдорфе, возглавив

группу людей, взял в свои руки власть в городке. Он пригласил к себе на квартиру четырех коммунистов, дал им оружие и вместе с ними двинулся к ратуше. Там они разоружили находящегося на службе полицейского и направились к бургомистру Гюнтеру, который встретил их словами: «Господа, я уже ждал вас» и без всякого сопротивления передал свой пост. По окончании войны три коммуниста образовали «Комитет действий», позднее переименованный в «Антифашистский комитет действий». Он и образовал управленческую верхушку Буркхардсдорфа. Первоначально в комитет входили только коммунисты, позднее к ним был подключен и член Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Во всех принципиальных вопросах комитет действовал по указаниям советской оккупационной власти. Временно ответственным за исполнение был бургомистр Лёффлер, который был назначен советским комендантом позже и в таком качестве пребывал до конца сентября, а в дальнейшем уже действовал как официальное должностное лицо. В мае 1946 г. ему пришлось – главным образом из-за проблем с алкоголем – подать в отставку. Новым бургомистром в начале июня стал коммунист Рихтер.

В день перехода власти четыре коммуниста намеревались застать ортсгруппенляйтера Арвайлера в его квартире, чтобы арестовать его. Но Майнельт отговорил их от этого, сказав, что Арвайлер по телефону обещал появиться на намеченном жителями городка собрании. На этом собрании, состоявшемся 12 мая в заполненном людьми кинозале, Майнельт представил Лёффлера как назначенного бургомистра; его предшественник Гюнтер чисто формально исполнял свою должность до 30 сентября. Но поскольку Арвайлер на собрании не появился, группа коммунистов около десяти часов вечера направилась к его дому, и тут выяснилось, что Арвайлер и его жена вместе с руководителем гитлерюгенда скрылись часом раньше на велосипедах в направлении Крефельда – города, где когда-то он родился.

Криминальный случай в Рудных горах

Майнельт, центральная фигура при переходе власти, был личностью весьма своеобразной. Свое членство в Социал-демократической партии Германии он прекратил в 1930 г., чтобы избежать ежемесячных десятипроцентных отчислений от зарплаты для поддержки рабочих. По решению СДПГ это было обязательным для ее членов, занимающих какую-либо партийную должность. После 1933 г. он пытался безуспешно вступить в НСДАП. Позднее коммунисты утверждали, что Майнельт помог Арвайлеру бежать, поскольку тот знал о его стремлении вступить в НСДАП. Если бы Арвайлер проболтался об этом, план Майнельта использовать смену власти как шанс для быстрой карьеры провалился бы.

В конце войны он выдавал себя за убежденного антифашиста, вступил в Коммунистическую партию Германии (КПГ), постарался войти в доверие к советским властям и вместе с советскими солдатами проводил в нашем городке конфискации. Благодаря хорошим отношениям с советскими и немецкими службами он сумел за короткий срок обеспечить себе место руководителя службы здравоохранения в округе Хемниц, занять пост главного медицинского советника и даже стать заместителем начальника Окружного управления.

Но это стремительное восхождение к служебным высотам продолжалось недолго. Майнельт был подвергнут критике за служебные упущения, а конце 1945 г. поссорился с начальником Окружного совета, его исключили из КПГ, и затем ему пришлось уйти со своего поста. После всего этого он обвинил начальника Окружного совета в том, что тот присваивает государственную собственность, и пригрозил, что подключит к этому делу советскую военную администрацию. Тем временем стали множиться слухи, что Майнельт обогащался, пользуясь служебным положением. 27 февраля 1946 г. окружная криминальная полиция вместе с деревенским полицейским обыскали его квартиру и конфисковали, помимо прочего, предметы текстиля и серебряные изделия. Последние якобы попали к Майнельту из чемоданов жителей Дрездена, которые, спасаясь от бомбежек, переселились в курортное место Обервизенталь (Верхние Рудные горы).

Во время обыска Майнельт улучил удобный момент и отравился морфием в туалете. Он умер на следующий день. При последующих обысках 20 марта в квартире Майнельта обнаружили столовые приборы из серебра и другие серебряные вещи, которые большей частью принадлежали нацистскому министерству пропаганды, чей перевалочный лагерь был устроен в Буркхардсдорфе.

Американцы и русские в деревне

В один прекрасный день, кажется, 8 мая 1945 г., американский патруль на двух джипах подъехал к ратуше, приказал населению сдать все оружие, радиоприемники, фотоаппараты и бинокли, раздал детям шоколад и мясные консервы, забрал более или менее ценное оружие и фотоаппараты и укатил прочь.

Вслед за этим, между 9 и 12 мая, появились первые советские солдаты. Они забрали фотоаппараты, радиоприемники и бинокли и погрузили их вместе с оружием в грузовики. Дело дошло до обысков в домах и грабежей. Помимо прочего, были конфискованы лошади с седлами и уздечками, свиньи, автомашины, бензин, текстильные товары и зерно. По крайней мере четыре женщины и 15-летняя девочка были изнасилованы. Некоторые женщины вступали в сексуальный контакт с советскими военными в обмен на продук-

ты питания. Когда бывшие остарбайтеры из соседнего селения ворвались в Буркхардсдорф и принялись грабить, двоих из них расстреляли вспомогательные полицейские, назначенные новыми властями и носившие на рукаве красную повязку.

Мы, дети, страшно веселились, видя, как советские солдаты пытаются на рыночной площади кататься на велосипедах и при этом падают. Один из них, молодой русский по имени Николай, – его уже хорошо знали – носился в подвыпившем состоянии на реквизированном мотоцикле с бешеной скоростью по улицам до тех пор, пока однажды не врезался прямо в стенку гостиницы «Зонне». При этом сам он, на удивление, отделался всего лишь легким ранением. Комендант приказал выставить на площади рядом с комендатурой спортивные снаряды из гимнастического зала. На нем солдаты пытались делать упражнения. Но поскольку снаряды подвергались воздействию погодных условий, скоро они пришли в негодность.

На первых порах Буркхардсдорф находился в ведении коменданта из соседнего селения, от которого и поступали указания местному управлению. Через несколько недель наше местечко получило собственного коменданта, старшего лейтенанта Яшенко. Комендатура – одна из 130-ти по всей Саксонии, – разместилась в пекарне, расположенной в центре деревни. В ее ведении кроме Буркхардсдорфа находились общины еще пяти деревень. В свою очередь, она подчинялась районной комендатуре в Лимбахе (под Хемницем).

Большой портрет Сталина, вывешенный на фронтоне комендатуры, по ночам освещался. Еду для комендатуры готовили в гостинице напротив, там же отмечались всякие праздники. Яшенко со своим адъютантом Виктором сначала разместились в квартире зубного врача Майнельта. Позже они жили в виллах местных фабрикантов. Комендатура приказала за счет общины соорудить две «почетные» арки. Одна из них возвышалась над главной улицей рядом с комендатурой. На ней были помещены портреты Маркса, Ленина, Сталина и лозунг «Да здравствует 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» В арку были вделаны громкоговорители, из которых целыми днями раздавалась советская музыка. От имени местного управления постоянный контакт с комендантом имел бургомистр Лёффлер, который при встречах с ним зачастую напивался. Расходы общин на услуги комендатуры в 1945 г. составили 2121 марку. Комендатура просуществовала, по всей видимости, до осени 1946 г. Советская Армия оставила здание комендатуры и здание гостиницы почти полностью разрушенными.

Новое начало: партии и местное управление

В июле и августе были воссозданы местные группы КПГ и СДПГ. До этого они должны были получить разрешение от советской военной админи-

страции. В 1945 г. советский комендант и его переводчик приняли участие в рождественском празднестве СДПГ. 20 декабря 1945 г. была учреждена местная группа Христианско-демократического Союза (ХДС). Помимо этого была образована местная группа Либерально-демократической партии (ЛДП). Четыре партии принимали участие в «антифашистско-демократическом блоке», который был создан 14 июня 1945 г. в советской зоне по указанию советской военной администрации в Германии (СВАГ) и в котором главное слово принадлежало КПГ.

Заместителем коммунистического бургомистра стал энергичный представитель СДПГ. За финансы отвечал коммунист. Заниматься бюджетными делами предоставили беспартийному. Для решения транспортных вопросов отвечающий за это коммунист создал рабочую команду из бывших членов НСДАП. Они валили деревья в лесу, которые шли на переработку для газогенераторов общинных грузовиков и на дрова. Представитель СДПГ, который с 1920 г. по 1933 г. занимал высокие должности в профсоюзах, а во времена нацистов в марте 1933 г. провел год в тюрьме по политическим мотивам, намеревался возродить в деревне профсоюзную работу. Но коммунисты не согласились и поставили на это место своего. Еще один член СДПГ занимался вопросами здравоохранения, особенно проблемой перевозки больных. Сразу же по окончании войны в городке была создана вспомогательная полиция, которой командовала советская комендатура – на месте и в округе. Назначенный начальником полиции коммунист возглавил в марте 1946 г. Комитет по снабжению. Этот комитет занимался в первую очередь поддержкой тех, кто нуждался в жилье. Достаточно энергично восстанавливали разрушенные во время бомбежек здания, включая здание старой школы. При этом сравняли с землей оба военных памятника, посвященные падшим в войнах 1870–1871 и 1914–1918 гг.

Было решено подключить к деятельности общинного управления трех бывших членов НСДАП, не особо отягощенных политической деятельностью. К ним относился и бывший бургомистр Гюнтер, занимавший должность начальника загса с октября 1945 г. по крайней мере до февраля 1947 г., поскольку других годных для этой должности к этому времени не оказалось. Гюнтер был бургомистром с 1913 г. и пользовался большим авторитетом из-за своей корректной и бережливой политики. Когда к власти пришли национал-социалисты, он из-за близости к СДПГ был отправлен на три месяца в принудительный отпуск. Но после проведения расследования ему было позволено снова занять пост бургомистра.

Тяжелые послевоенные годы

У вновь созданного управления дел было по горло. В слишком большой нужде оказалось население. Сумма налогов сильно сократилась, а потреб-

ность в оказании всякого рода помощи и поддержки значительно возросла. Была восстановлена система здравоохранения. В селении оказалось много эвакуированных из больших городов – жертв бомбежек, а также беженцев из бывших немецких восточных территорий. На июль 1945 г. каждому жителю были выданы следующие продукты: 425 г мяса, 245 г жира, 6000 г хлеба, 250 г сахара и 250 г содержащих крахмал продуктов (мука, манка, лапша, горох). В декабре этого же года неработающим выдавалась так называемая «голодная» карта. Она предусматривала выдачу в месяц 6400 г хлеба, 9300 г картофеля, 310 г мучных изделий, 465 г сахара, 930 г мармелада, но в ней не были предусмотрены ни мясо, ни жир. В этом же месяце рабочие получили 10 850 г хлеба, 9300 г картофеля, 620 г мучных изделий, круп, 620 г сахара, 930 г мармелада, 775 г мяса и 310 г жира.

Жить только на такой паек было невозможно. Многие голодали. Кое-кто добывал дополнительные продукты у местных крестьян или в соседних общинах. «Особые отношения» были тогда чрезвычайно важны, точно также как обмен товарами. Многие уезжали «мешочничать» в зажиточные местности Саксонии, в Тюрингию, Саксонию-Ангальт и даже, пересекая зональную границу, – в Нижнюю Саксонию. Такие рейсы мешочников сопровождались печальными событиями. Поезда, которые шли нерегулярно, были забиты до отказа, так что люди пытались залезть в вагон через окна, висели на подножках или пробирались на крыши, лишь бы доехать. Мешочники пребывали в постоянном страхе, что их товары на обмен или вымененные продукты отберет полиция либо советские патрули – ведь мешочничество рассматривалось как нелегальная деятельность. Наиболее типичными товарами для обмена были чулочные изделия, изготовленные из местного сырья. Их меняли на картофель, муку и сахар. Лес рядом с деревней фактически весь вырубили, чтобы высвободить землю для посадки картофеля. Процветал черный рынок. Большим спросом пользовались английские и американские сигареты и камни для зажигалок, то и другое по 5 марок за штуку.

Управление общины также принимало участие в мешочничестве, посылая грузовики с чулочными изделиями и возвращаясь с набитыми до краев кузова продуктами питания. Эти товары либо распределялись, либо продавались. Особая нужда была в топливе, и это самым губительным образом сказалось в холодную зиму 1945–1946 гг. Кто был в состоянии, отправлялся в лес с ручной пилой, чтобы отпиливать сучья, а то и валить целые деревья, – в этом случае страшно боялись, что застанет полиция. Лесничество распределяло по договоренности отдельные участки уже срубленного леса, где с большим трудом и в большинстве случаев примитивными орудиями выкапывали корни.

Но, несмотря на все эти трудности со снабжением, просыпалась радость новой жизни, особенно у молодых людей. В лето 1945 г. начались воскрес-

ные танцы в гостинице «Зонне». Сначала играл местный самодеятельный оркестр из пяти человек: два аккордеона, рояль и скрипка, ударник. Позднее стали выступать большие профессиональные оркестры. Зал бывал набит до отказа, так что многим приходилось стоять на паркете танцзала. С вдохновением, тесно прижавшись друг к другу, танцевали под слезливо-сентиментальную мелодию вроде «Рожденный в мечтах остров – это Гаваи», или пускались в дикий пляс под американскую свинговую музыку типа «In the Mood». Пол в зале настолько расшатывался, что его приходилось дополнительно укреплять деревянными заплатками. При этом было одно «но». По распоряжению оккупационных властей, комендантский час наступал в 22 час. Поэтому танцы начинались в 16 час. Зачастую они заканчивались драками, в большинстве случаев между жителями Буркхардсдорфа и «чужаками» – жителями окружных деревень.

Трагическая глава

Трагической главой в первый же послевоенный период стал арест 18 жителей Буркхардсдорфа и заключение их в один из десяти специальных лагерей, устроенных НКВД по образцу ГУЛАГа. Восемь из них в лагере погибли из-за нечеловеческих условий, прежде всего из-за полуголодного существования, а также из-за болезней – туберкулеза, брюшного и сыпного тифа, дифтерии и дизентерии. Тех, кому удалось выжить в промежутке между 1948 и 1950 гг., выпустили, многие из них были тяжело больны. Перед тем, как их освободили, заставили подписать бумагу, обязывающую их молчать о пережитом. Заключенным не выдали ни судебного документа, по которому они оказались в лагере, ни приговора. Им был запрещен всякого рода контакт с внешним миром. Если заключенный умирал, родственникам об этом не сообщали, – в большинстве случаев вплоть до конца существования ГДР. Если заключенному удавалось передать тайно на волю записку о себе или кто-то выходил из заключения и передавал о сокамернике какие-то сведения членам его семьи, только в таком случае семья узнавала, что член этой семьи еще жив, в каком лагере находится или что он умер. В советской зоне, а затем в ГДР тема содержания перемещенных лиц в концлагерях была запретной.

По сложившейся практике, Советы, вступая в тот или иной населенный пункт, требовали от местных коммунистов, чтобы они составляли список «нацистских активистов», т.е. членов НСДАП, чиновников, «прочих вражеских элементов» и всех лиц, которые могли показаться оккупационным властям подозрительными. Большинство из тех, кто попадал в такие списки, были попутчиками или простыми членами партии, обыкновенными членами низовых организаций НСДАП, обычными чиновниками с весьма скромными функциями, подростками, которых подозревали в участии в партизанской

организации «Вервольф», фабрикантами. Известны случаи, когда советская сторона заранее определяла число тех, которые должны быть указаны в этих списках. По таким спискам производились аресты. Бывало и такое, что органы управления, руководимые коммунистами, сразу после прихода к власти по собственной инициативе арестовывали людей, которых передавали НКВД. В общей сложности в советской зоне было депортировано 150 тыс. человек, из них порядка трети умерло в лагерях.

В нашем селении первые аресты были произведены с 9 по 12 мая. Местная полиция арестовала на дому фабриканта Кемпфе и вместе с другими заперла его в подвале ратуши. Оттуда их переправили на грузовиках в Хемниц или Пирну, и там их допросили советские офицеры. Некоторых через какое-то время выпускали, а затем снова арестовывали. Арест и отправка в лагеря продолжались до 1946 г. Депортированные, насколько это можно установить, находились в специальных лагерях НКВД под номерами 1, 2, 4, 6, т.е. расположенных в Мюльберге на Эльбе, в Бухенвальде (в бывшем нацистском лагере). Баутцене («Желтая беда») и Ямнице (Шпреевальд). Выживших отпустили в период между 1948 и 1950 гг.

Одного из арестованных в Баутцене пытали, заставив всю ночь стоять в одиночной камере, в которой ледяная вода доходила ему до горла. Из Баутцена его переслали в Иркутск, где ему пришлось до 1950 г. проработать в тяжелейших условиях на шахте и в песчаном карьере. Из документов, составленных на него в НКВД, стало ясно, кто из жителей Буркхардсдорфа донес на него. Особо трагически сложилась судьба одного 16-летнего юноши. Сельскохозяйственный рабочий из Бессарабии, работавший у местного крестьянина, донес на него, что он якобы хранит нацистскую литературу. Его отправили в Баутцен, а оттуда в Иркутск, где он умер в лазарете. Его мать так и не смогла смириться со смертью ее единственного сына. Она впала в тяжелое душевное расстройство и до конца жизни никогда не выходила из дома.

Демонтаж предприятий, реквизиция и новые производства

В период с лета 1945 г. до лета 1946 г. советские оккупационные власти в качестве репараций демонтировали свыше 4500 предприятий, т.е. примерно треть промышленных производственных мощностей оккупационной зоны. Поскольку советские уполномоченные по монтажу чрезмерно торопили немецких рабочих, демонтаж, как правило, осуществлялся небрежно. Машины и оборудование часто оказывались поврежденными. Нередко они месяцами стояли на открытом воздухе перед транспортировкой.

Наша местность отделалась сравнительно легко в ходе кампании демонтажа. Большая чулочная фабрика была демонтирована на 65–70%. Под демонтаж подпало оборудование для производства мотоциклов фирмы Auto

Union, которую во время войны переместили сюда из Хемница. Ящики были направлены в Одессу. Из другой чулочной фабрики зимой вывезли на санных полозьях с помощью лошадей большой станок к железнодорожной станции в соседней деревне. Позднее станок возвратили на место, но при переездах он был сильно поврежден, и его так и не удалось запустить снова. Заместитель бургомистра и председатель организации СДПГ, который работал на этой фабрике мастером по оборудованию, по-видимому, препятствовал полному демонтажу своей фирмы. Местных мастеров-механиков советская военная комендатура заставила уже в СССР восстанавливать демонтированные машины. На основе проведенного в Саксонии 30 июня 1946 г. «Народного референдума о передаче предприятий военных и нацистских преступников в собственность народа» и приказов советской военной администрации в Буркхардсдорфе были национализированы только фирмы чулочного фабриканта и штурмфюрера СА Кемпфе. Национализация двух других чулочных фабрик произошла лишь в 1950 г. и в 1952 г. В 1945 г. без всяких объяснений были конфискованы склады для товаров двух торговцев обувью. Прикрыли их торговые предприятия и лишили лицензии на право быть обувщиками. Один из них за экономические правонарушения был приговорен к двум годам тюрьмы.

Примерно в это время возникли новые производства. Один предприниматель весной 1946 г. наладил в подвале производство жидкостей для чистки металла. Продукцию хватали, как говорится, с руками, так что уже в августе он создал фирму, которая начала в одном из помещений демонтированной чулочной фабрики производить фармацевтическую продукцию и средства косметики, а позднее также краски, средства для ухода за обувью и фольгу.

Объединение КПГ и СДПГ и первые коммунальные выборы

После войны Советский Союз был заинтересован в том, чтобы продолжить сотрудничество с западными союзниками для обеспечения, по возможности, более высоких репараций и для легитимации новых территориальных приобретений на своих западных границах. По этой причине он пытался придать своей оккупационной политике демократический и либеральный оттенок и давал указание немецким коммунистам проводить в Берлине и в советской зоне достаточно гибкую политику по отношению к другим партнерам, хотя и под девизом, провозглашенным Вальтером Ульбрихтом: «Все должно выглядеть демократично, но все должно управляться нами». Сначала об объединении КПГ и СДПГ не было и речи. В ноябре 1945 г. руководство СДПГ еще более настойчиво настаивало на своей самостоятельности и подчеркивало, что займет срединную позицию между КПГ и буржуазными партиями, а также между СССР и западными державами. В это время СДПГ численно и

по влиянию росла быстрее, чем КПГ. И это вызвало у коммунистов беспокойство, что на запланированных в советской зоне на 1946 год выборах они уступят первенство. Они помнили, что 6 ноября 1932 г. на последних выборах в рейхстаг перед переходом власти к национал-социалистам СДПГ получила 18,3% голосов, а КПГ – 12,3%. При этом учитывалось, что в ноябре 1945 г. потерпели поражение на выборах венгерские коммунисты и что оказался катастрофическим исход выборов в Австрии (СПА – 76 мандатов, КПА – 4).

По договоренности с Советской военной администрацией (СВАГ), руководство КПГ пыталось предотвратить возможную тенденцию к утрате влияния. В ноябре оно начало кампанию по «свободному соединению» КПГ и СДПГ, чтобы таким образом исключить СДПГ как самостоятельную политическую силу – осуществляя стратегическую цель, к реализации которой коммунисты приступили в 1945 г., еще находясь в московской эмиграции. Поддерживаемые СВАГ, они использовали тактику кнута и пряника. Применяя методы давления и запугивания вплоть до арестов, они вместе с тем прибегали к формальным уступкам и обещаниям. Таким, например, как возможность паритетного состава на всех уровнях в новой объединенной партии. В большинстве организаций СДПГ в землях, округах, общинах наблюдалось заметное противодействие этому. Но в целом, особенно в центральном руководстве СДПГ, тактика КПГ была воспринята положительно, и 21–22 апреля 1946 г. в Берлине состоялся учредительный съезд Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

В объединительной конференции в Хемнице принимали участие несколько жителей Буркхардсдорфа. В нашей местности процесс объединения проходил, по-видимому, сравнительно гладко, хотя у нескольких членов СДПГ возникали сомнения. Собрание, посвященное объединению, состоялось в апреле, и на нем присутствовало много людей. В качестве равноправных председателей вновь созданной партии были выбраны член КПГ и член СДПГ. Обещание КПГ сохранять паритет между социал-демократами и коммунистами в СЕПГ было нарушено в октябре 1948 г., и с того момента начал действовать другой принцип – семь к двум (семь коммунистов и два социал-демократа).

В результате образования СЕПГ СДПГ как опасный конкурент КПГ на предстоящих выборах была исключена. На последних коммунальных выборах в Буркхардсдорфе 13 ноября 1932 г. перед приходом к власти нацистов победили социал-демократы (877 голосов), опередив коммунистов (726 голосов). Есть основания предполагать, что и на первых выборах 1 сентября 1946 г. СДПГ могла бы выступить как наиболее влиятельная политическая сила. Победила возглавляемая коммунистами СЕПГ (1706 голосов), опередив Христианско-демократический союз (1068 голосов) и Либерально-демокра-

тическую партию (448 голосов.) Таким образом, наш городок вместе с остальной советской зоной почти без перерыва перешел от национал-социалистической к коммунистической однопартийной диктатуре. Правящей партией стала СЕПГ. Другие так называемые «партии, входящие в блок», были вынуждены признать ее ведущую роль.

Буркхардсдорф полвека спустя

В последующие десятилетия жизнь в городке несла на себе печать перемен, которыми было затронуто все общество – сначала в ГДР, а после 1990 г. в объединенной Германии.

В послевоенные годы постепенно приходило в упадок традиционное чулочное производство. На его место становилось новое производство, которое давало больше всего рабочих мест для жителей селения. Речь идет о химической фабрике, возникшей как частное предприятие, которое с 1958 г. стало полугосударственным. В 60-е годы это было крупнейшее полугосударственное предприятие в ГДР. После того, как в 1965 г. фирма перестроилась на производство пенопласта, она стала обеспечивать наибольшее количество рабочих мест в округе. Однако в 1990 г., когда фирма была реприватизирована, она оказалась неготовой к конкуренции на мировом рынке и в результате уже в 2001 г. была вынуждена заявить о своем банкротстве. В последние десятилетия в городке возникло несколько новых промысловых и ремесленных предприятий. Многие жители Буркхардсдорфа работают на предприятиях в Хемнице. Число безработных составляет примерно 11% от трудоспособных, и это чуть больше, чем средняя квота безработных по стране.

В самом городке заметны перемены. Во времена ГДР в Буркхардсдорфе в цивилизационном плане наблюдалось запустение. Поскольку государство ограничивало цены на сдачу жилья, у владельцев домов не было средств, чтобы поддерживать эти дома в надлежащем состоянии, и их внешний вид приходил в упадок. Состояние дорог было катастрофическим. Укрепленные берега реки постепенно разрушались. Лишь после прекращения существования ГДР фасады домов были обновлены, дороги отремонтированы, была модернизирована система канализации, мосты и берега реки также привели в порядок. Возник новый поселок, в нем выстроены одноквартирные и многоквартирные дома. Сооружен большой павильон для проведения торжеств, два музея. Сегодня Буркхардсдорф снова стал привлекателен для туристов.

В результате слияния с тремя соседними общинами в 1999 г. число жителей городка значительно возросло. Сегодня в Буркхардсдорфе проживает 6775 человек. На последних коммунальных выборах 18 мест в Совет общины были распределены путем голосования следующим образом: 7 христианских демократов, 6 беспартийных, 2 представителя Республиканской (правоэкс-

тремистской) партии, 2 представителя Партии демократического социализма (посткоммунистической, избравшей себе между тем новое название «Левая»), один представитель СДПГ.

Так живет саксонское местечко Буркхардсдорф, по-своему отражая то, что происходит во всей стране.

Перевод с немецкого
Б.С. Орлова

А.Л. Кузьминых

ЛАГЕРЬ № 150

Кузьминых Александр Леонидович – кандидат исторических наук, преподаватель Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России.

В марте 1943 г. на основании приказа НКВД № 00933 под г. Грязовцем Вологодской области был создан лагерь № 150 для содержания пленных офицеров гитлеровской армии[1]. Всего в СССР на тот период, помимо Грязовецкого лагеря № 150, насчитывалось 3 лагеря подобного профиля: Оранский № 74, Елабужский № 97 и Суздальский № 160.

14 октября 1943 г. в лагерь поступила первая группа пленных офицеров в составе 13 человек (10 немцев и 3 австрийца). В декабре 1943 г. в лагере содержались уже 425 пленных, в том числе 228 немцев, 113 румын, 36 испанцев, 26 австрийцев, 11 финнов, 4 венгра, 5 русин, 1 итальянец и 1 чех. По партийной принадлежности они распределялись следующим образом: членов фашистских партий – 109, представителей различных буржуазных партий – 20, членов компартий – 6, беспартийных – 290[2].

До июля 1944 г. лагерь принимал мелкие партии офицеров, с июля 1944 г. – крупные этапы непосредственно с фронтов. Так, 11 июля 1944 г. в лагерь прибыли 604 человека из Можайска, 18 июля – 1112 человек из Белоруссии, 6 августа – 488 человек из Севастополя, 25 августа – 510 человек из Киева. Всего на 1 октября 1944 г. в лагере содержались 3406 военнопленных[3].

1. Архив УВД по Вологодской области (далее — Архив УВД ВО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 136. Л. 17.

2. Россйский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 10.

3. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25. Л. 67; Д. 220. Л. 82.

На начало 1945 г. численность контингента составляла 3791 человек, на начало 1946 г. – 3859, на начало 1947 – 3399, на начало 1948 г. – 2626 человек[4].

Из числа пленных было сформировано несколько строительных бригад, в которые набирались каменщики, кровельщики, плотники, столяры, штукатуры, маляры, стекольщики. В 1944 г. на строительстве лагерного городка работали 900 человек – почти половина контингента лагеря[5]. Силами военнопленных были построены столовая, пекарня, насосная станция, водопровод, кухня, прачечная, лазарет на 115 коек[6].

Согласно директивам НКВД, норма жилой площади на одного военнопленного должна была составлять не менее 2 м^2. Проверка состояния лагерного жилфонда осенью 1944 г. показала, что на человека приходится всего 1,3 м^2 жилплощади. К примеру, в корпусе № 12, рассчитанном на 800 человек, были размещены 1866 военнопленных, в карантинном бараке вместо 300 человек – 537. Из-за чрезмерной перенаселенности бараков военнопленные были вынуждены спать по очереди[7]. Скученность контингента порождала грязь, антисанитарию, массовую вшивость и инфекционные заболевания. Только решив проблему обеспечения военнопленных жильем, можно было решить все остальные вопросы организации лагерного быта.

В 1945 г. в лагере создается «строительное бюро», которое возглавили опытные инженеры-практики – лейтенанты Альфред Берке, Иоганн Рупель и Гельмут Вальш[8]. Благодаря планомерной застройке лагерной территории в 1946 г. норму жилплощади удалось довести до 1,8 м^2 на человека, в 1947 г. – 2 м^2. Внутри зоны была проведена очистка территории, сооружены деревянные мостки, насыпаны дерновые дорожки. Вокруг бараков были разбиты цветники, построены беседки, оградки, проведено озеленение. Все это позволило «окультурить» территорию лагеря, что, безусловно, благоприятно влияло на моральное состояние военнопленных. В лучшую сторону изменилась и обстановка внутри бараков. У всех зданий были оборудованы входные тамбуры или летние остекленные террасы. Сплошные нары из «кругляка» были заменены дощатыми нарами вагонного типа. В бараках появились столы, стулья, шкафы, диваны, изготовленные руками военнопленных. Значительно повысили уровень комфорта: утепленные уборные, бачки с кипяченой водой и хозяйственные шкафчики с починочным материалом (иголками, нитками, ножницами, молотками, гвоздями).

4. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 142. Л. 4–5.
5. Там же. Оп. 35а. Д. 25. Л. 13.
6. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 209.
7. Там же. Д. 111. Л. 23–25.
8. Там же. Д. 69. Л. 22.

Ввиду специфики лагеря № 150 особое внимание уделялось организации охраны контингента. Необходимость внешней охраны лагеря обусловливалась высокой активностью немецких и финских спецслужб в северных регионах СССР. Достаточно сказать, что за годы войны на территории Вологодской области были обезврежены 32 группы вражеских парашютистов общей численностью 144 человека[9]. Хорошо вооруженные и подготовленные диверсанты представляли значительную опасность для тыловых объектов. Помимо совершения диверсионных актов и распространения провокационных слухов в их обязанности входил сбор сведений о расположении и охране лагерей военнопленных, а также организация повстанческой работы среди лагерного контингента[10].

Штат отделения режима и охраны лагеря № 150 насчитывал 38 человек, в том числе шесть офицеров. Территория лагеря представляла из себя правильный четырехугольник размером 160 на 460 м, огороженный двойным забором из колючей проволоки. Через каждые 60 м по периметру зоны были установлены вышки с прожекторами.

С целью предотвращения побегов два раза в месяц проводился обыск бараков и досмотр личных вещей военнопленных. Изъятию подлежали ножи, топоры и другие предметы, которые могли служить средством организации побега. Тем не менее не все побеги удавалось предотвратить. Так, в 1943 г. из лагеря бежали два румына и два немца, которые сразу же были задержаны. В 1944 г. в бега пустился немец Рудольф Лемке, который сумел пробраться в соседний Первомайский район Ярославской области, где совершил ряд нападений на местных жителей и, в конце концов, был убит при задержании бойцом истребительного батальона. В 1946 г. обрести свободу путем побега пытались два немецких офицера, один из которых был убит при задержании, а второй доставлен в лагерь[11].

В августе 1947 г. из лагеря совершили групповой побег 11 интернированных поляков, из которых удалось задержать только восемь человек. После этого барак, где размещались поляки, был окружен забором из колючей проволоки, а у его входа поставлена отдельная наблюдательная вышка. Отныне вывод поляков в общую зону допускался только в сопровождении специального конвоя.

Отношения между администрацией лагеря и военнопленными строились на основе армейской дисциплины. Инструкции НКВД требовали от военно-

9. По обе стороны фронта. Очерки о вологодских чекистах. – Вологда, 2002. – С. 9.

10. Армейские чекисты: Воспоминания военных контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов / Сост. А.А. Богданова, И.Я. Леонов. – Л.: Лениздат, 1985. С. 92; Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 193. Л. 91.

11. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 109. Л. 17.

пленных опрятности, подтянутости, выправки, отдачи чести офицерскому составу[12]. Из числа военнопленных формировался управленческий персонал в лице старших бараков и старшего зоны (коменданта), который отчитывался перед лагерной администрацией. Первоначально на должность лагерного коменданта назначали одного из военнопленных офицеров, впоследствии этот пост стали занимать представители антифашистского актива. В каждом бараке на зимнее время назначались истопники. Приказ НКВД № 001263 от 19 октября 1944 г. разрешал за счет военнопленных укомплектовывать должности сапожника, портного, повозочного, конюха, грузчика, хлебопека, повара, кладовщика, электромонтера, машиниста, автослесаря[13].

Как правило, пленные расселялись в бараках по национальной принадлежности. Широкое бытование получила такая форма объединений, как землячества. Так, в Грязовецком лагере среди немцев в 1948 г. существовало 23 землячества, объединявшие 940 военнопленных[14].

В 1945 г. в лагере с санкции начальства был создан «немецкий штаб» – орган самоуправления военнопленных, на который возлагались функции учета, снабжения, антифашистской и культурно-массовой работы. Немецкой администрацией издавались собственные приказы по лагерю, которые утверждались начальником Управления лагеря полковником Г.И. Сырмой и объявлялись на утренних разводах или вечерних поверках.

В случае грубого обращения или притеснений со стороны лагерного персонала военнопленные имели право подавать жалобы. В соответствии с 76-й статьей Дисциплинарного устава Красной Армии они доводились до сведения руководства либо через дежурного офицера, либо через специальные ящики, установленные на территории зоны[15]. Для личных обращений к начальнику лагеря один из бараков был оборудован под приемную. График приема выглядел следующим образом: с 10 до 11 часов для решения вопросов и консультаций могли обращаться представители антифашистского актива, с 11 до 12 и с 19 до 20 часов – остальные военнопленные[16].

Контингент лагеря № 150 в основном состоял из штабных офицеров, поэтому вплоть до 1946 г. принудительно к выполнению каких-либо работ, за исключением самообслуживания, не привлекался. Тем не менее некоторые немецкие офицеры трудились по собственному желанию. Так, в 1944 г. 200 человек на добровольных началах работали на льнозаводе вблизи Грязовца. В результате оказанной помощи льнозавод был восстановлен и к нача-

12. Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 461. Л. 190–190 об.
13. Там же. Д. 452. Л. 105.
14. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.
15. Там же. Д. 95. Л. 87.
16. Там же. Д. 97. Л. 54.

лу 1945 г. пущен на полную мощность. Руками пленных в Грязовце был восстановлен кирпичный завод, начато строительство черепичного завода[17].

Осенью 1945 г. районные организации обратились к командованию лагеря с просьбой о выделении рабочей силы на период уборочной кампании. Руководство командировало 1500 пленных офицеров для работы в 32-х близлежащих колхозах и совхозах, благодаря чему Грязовецкий район своевременно справился с уборкой урожая, несмотря на неблагоприятную погоду. В то же время лагерем был получен доход в сумме 148 385 руб.[18].

В договорах на выделение рабочей силы предусматривалось, что колхозы в обязательном порядке оплачивают работу деньгами или продуктами. Например, колхоз имени И.В. Сталина Лещевского сельсовета Харовского района выдавал военнопленным по 500 г зерна за 1 трудодень[19]. Несвоевременная оплата труда грозила саботажем со стороны подневольных рабочих. Так, 27 сентября 1944 г. группа немецких офицеров ушла с работы по сбору картофеля, мотивируя это тем, что их не кормят дополнительно[20].

В апреле 1946 г. вышло распоряжение ГУПВИ МВД СССР № 8/40 об обязательном привлечении к работам младшего офицерского состава. В связи с этим в лагере создается производственное отделение[21] для руководства работой военнопленных, заключаются трудовые договоры с предприятиями и организациями Грязовецкого района.

Вскоре лагерю «сверху» был спущен производственно-финансовый план на общую сумму 4 148 000 руб. Судя по отчетной документации производственного отделения, численность рабочей силы колебалась от 2 до 3 тыс. человек. В основном военнопленные использовались на строительстве шоссейной дороги Вологда–Ярославль, значительный участок которой проходил по территории Грязовецкого района. Суточный заработок военнопленных составлял в среднем 8 руб. 20 коп. при норме 8 руб. 36 коп. В итоге, финансовый план за 1946 г. оказался выполнен лишь на 88,4%[22].

Обратной стороной интенсивного трудового использования контингента стало ухудшение его физического состояния. Чтобы сохранить рабочую силу и увеличить рентабельность лагеря пришлось делать ставку на развитие мастерских по производству товаров широкого потребления. К 1947 г. в лагере работали сапожно-обувная, портняжная, столярно-бондарная, деревообделочная, гончарная и скорняжная мастерские, слесарно-кузнечный цех. В по-

17. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 142. Л. 10.

18. Там же. Оп. 35а. Д. 25. Л. 25.

19. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 36–37.

20. Там же. Д. 111. Л. 18.

21. До этого трудовым использованием военнопленных занималось финансовое отделение.

22. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 об.

следнем изготовлялись автозапчасти, ведра, тазы, тяпки, стамески, молотки и другие железно-скобяные изделия. Деревообделочная мастерская выпускала предметы хозяйственного обихода: кадки, шайки, миски, топорища, полозья для саней и т.д.[23]

Результаты производственной деятельности военнопленных неоднократно являлись предметом выставок и экспозиций. Так, 22 января 1947 г. в лагере прошла выставка под лозунгом «Три года борьбы за свободную демократическую Германию», на которой были представлены лучшие образцы продукции, изготовленной руками военнопленных[24].

Для обмена опытом проводились производственные конференции, на которых выступали лучшие рабочие. В 1946–1947 гг. в лагере состоялось 14 конференций, 64 беседы и 38 лекций по вопросам трудовой деятельности. Военнопленные, отличившиеся на «трудовом фронте», поощрялись. Приказами начальника Грязовецкого лагеря была объявлена благодарность «за хорошую работу» 1211 военнопленным, 128 из них получили денежную премию и возможность отправить домой дополнительную почтовую карточку[25].

Кроме того, чтобы добиться от обитателей лагерных бараков заинтересованности в выполнении производственных норм, полковник Г.И. Сырма приказал учредить Доску трудовых показателей, на которой следовало отмечать как самых лучших, так и самых нерадивых рабочих. От бригадиров требовалось «знать своих рабочих не только по фамилии, но и в лицо» и ежемесячно сдавать в политчасть лагеря на каждого пленного исчерпывающую характеристику[26].

Так или иначе достичь рентабельности лагерю не удалось. В целом, заработанная военнопленными за 1946–1948 г. сумма (6 млн. 246 тыс. руб.) лишь на 16% покрывала совокупные расходы на содержание лагеря[27].

Важной задачей, стоявшей перед командованием лагеря, было сохранение физического состояния военнопленных и сведение к минимуму числа летальных исходов. В приказе по Управлению лагеря № 150 от 14 января 1947 г. подчеркивалось: «Хорошо поставленное санитарное обслуживание пленных есть залог предотвращения инфекционных заболеваний и сохранения здоровья, а отсюда успех в нашей общей работе по перевоспитанию наших врагов в демократическом духе»[28].

При лазарете имелась амбулатория с терапевтическим, хирургическим, зубоврачебным и процедурным кабинетами. В 1943 г. амбулатория приняла

23. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 100. Л. 11.
24. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 28.
25. Там же. Л. 33.
26. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 85.
27. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 142. Л. 34.
28. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 107. Л. 9.

4104 больных, в 1944 – 35 495, в 1945 – 69 860, в 1946 – 54 674, 1947 – 37 329. Начиная с 1945 г. не было зафиксировано массовых вспышек эпидемических заболеваний. В 1943 г. в лагере был отмечен один случай заболевания сыпным тифом, в 1944 г. – 89 случаев дизентерии, 3 случая брюшного тифа, 3 случая паратифа, в 1945 г. – 2 случая сыпного тифа, в 1946 г. – 3 случая брюшного тифа[29].

Успешное проведение лечебного процесса находилось в прямой зависимости от состояния медицинского снабжения. В отчете о движении медимущества за первый квартал 1946 г. указывалось наличие 208 видов лекарственных и витаминных препаратов. Среди них были дефицитные и дорогостоящие адреналин, пенициллин, хлороформ, новокаин, панкреатин, гематоген и др. Стоматологический кабинет имел зубоврачебное кресло и две бормашины[30].

При содействии областного Управления НКВД удалось решить кадровую проблему. С января 1944 г. стали привлекаться врачи из числа военнопленных. В 1947 г. в лагере трудились 72 военнопленных врача, в том числе 47 терапевтов, 13 стоматологов, 5 хирургов, 2 дерматолога, а также отоларинголог, невропатолог и фармацевт[31]. Под контролем русских врачей они делали обходы в лазарете, вели истории болезни, осуществляли приемы в амбулатории. За работу пленным врачам выплачивалось денежное довольствие.

Большая работа проводилась по повышению квалификации медперсонала, для чего организовывались мероприятия по обмену опытом. Так, в ноябре 1947 г. в лагере состоялась медицинская конференция военнопленных врачей с участием их коллег из Сокольского лагеря № 193. Месяц спустя в лагере было создано медицинское научное общество, осуществлявшее свою деятельность под руководством начальника санитарного отделения лагеря. Каждый месяц обществом проводился семинар, на котором обсуждались актуальные медицинские проблемы[32].

Благодаря хорошей организации медицинского обслуживания смертность в лагере, по сравнению с другими лагерями ГУПВИ, была незначительной, но динамика смертей необъяснимо зигзагообразной. Так, в 1943 г. умер один военнопленный, в 1944 – 66, в 1945 – 26, в 1946 – ни одного, в 1947 г. – 10[33]. Основными причинами смертности являлись дистрофия, дизентерия, дифтерия, пневмония, туберкулез, брюшной тиф[34]. Помимо боевых ранений и болезней повлечь за собой летальный исход могли производствен-

29. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 15а. Д. 142. Л. 9.
30. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–16.
31. Там же. Д. 17. Л. 44; Д. 44. Л. 178.
32. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 69.
33. Там же. Оп. 15а. Д. 142. Л. 8.
34. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 111. Л. 6–7.

ные травмы, несчастные случаи, попытки побега. Так, бывший капитан вермахта Карл Тим был убит при побеге, старший лейтенант Вернер Феров погиб от удара упавшим деревом на лесозаготовках[35]. Среди причин летальных исходов встречаются карбункул шеи, заворот кишок, старческий маразм и т.д.

В 1943 г. лагерь отправлял умерших военнопленных на городское кладбище Грязовца[36]. В 1944 г. при лагере было открыто собственное кладбище, на котором за годы существования лагеря были погребены 127 военнопленных, в том числе 119 немцев, 4 австрийца, 2 венгра и 2 румына. Данное кладбище существовало до 1975 г., после чего оно было снято с учета органов МВД. Причиной снятия с учета стало несанкционированное захоронение на территории кладбища советских граждан[37].

В плену солдатам и офицерам вермахта приходилось расставаться с прежними гастрономическими пристрастиями. Высококалорийный шоколад и копченая грудинка сменились «капустным супом» и «жидкой пшенкой». Вдобавок ко всему, на довольствие военнопленных органы снабжения выделяли продукты далеко не самого лучшего качества: овощи заменялись кормовой репой, крупы – отрубями, мясо – хвостами и копытами[38]. Нередко три раза в день выдавался только овсяный суп, в результате чего почти у каждого военнопленного был хронический понос. В июне 1944 г. в терапевтическое отделение лазарета с кишечными расстройствами поступили 466 человек, в июле – 1111, в августе – 4665 человек[39]. Подобная организация питания порождала недовольство среди лагерного контингента. Так, во время завтрака перед выходом на работу военнопленный Пулкинен полученную порцию демонстративно вылил под нары, после чего заявил: «Я не буду есть такой завтрак. У нас в Финляндии такую пищу даже скот не кушает»[40].

Впрочем, многие пленные были рады и такой скудной еде. На недовольство товарищей качеством питания другой пленный финн по фамилии Микинен среагировал так: «Вы пришли убивать и грабить. Неужели вы думаете, что вам дадут мед, мармелад и другие сладости. Будьте довольны, что вас не расстреляли, а ухаживают за вами, как полагается»[41].

---

35. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 78. Л. 1, 7.

36. Там же. Д. 76. Л. 29; Д. 77. Л. 12.

37. Архив УВД ВО. Ф. 10. Дело переписки с заинтересованными организациями и ведомствами по вопросам розыска мест захоронений военнопленных и интернированных. Л. 9.

38. Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 194.

39. Там же. Д. 111. Л. 6 об.

40. Там же. Д. 27. Л. 163.

41. Там же. Л. 182.

Организовать бесперебойное и качественное питание многотысячной массы военнопленных оказалось чрезвычайно сложно. Только для приготовления чая требовалось 600 литров кипятка. Механических картофелечисток, овощерезок, посудомоечных машин не имелось, поэтому нарезать овощи и мыть посуду приходилось руками. Для всех довольствующихся по основной норме пища готовилась в общих котлах, для дистрофиков и лазаретных больных – в отдельной посуде. Масло, сахар и хлеб выдавались военнопленным на руки, жиры закладывались в котел при приготовлении пищи. Увеличение нормы (для перевыполнивших производственное задание) или уменьшение (для находившихся на гауптвахте) проводилось в момент раздачи пищи. Перед раздачей пищи в обязательном порядке снималась проба, после чего в контрольной тетради делалась соответствующая запись. Контрольную порцию надлежало хранить в специальном шкафу в течение суток, так как в случае отравления пленных ей надлежало быть объектом химико-бактериологического анализа.

Если до 1945 г. в столовой и пекарне работали сотрудники лагеря, то позднее весь обслуживающий персонал комплектовался за счет военнопленных. Ввиду бедности основного рациона, большое внимание уделялось дополнительному питанию контингента. Так, на основании циркуляра НКВД № 18 от 18 января 1944 г. Грязовецкому лагерю № 150 ежедневно выделялось 160 дополнительных пайков[42]. В соответствии с директивой НКВД № 170 от 20 мая 1944 г. все больные и ослабленные военнопленные получали дополнительное питание, в которое входили следующие продукты: масло коровье – 20 г, рис – 30 г, мясо – 30 г, рыба – 40 г, сахар – 20 г, сгущенное молоко – 20 г, витамин «С» – 3 человекодозы. В Грязовецком лагере такое питание получали 300 человек[43].

Для улучшения снабжения контингента при лагере было организовано подсобное хозяйство. В целом за 1943–1948 г. подсобным хозяйством на снабжение лагеря было сдано 9196 центнеров картофеля, 8228 центнеров овощей, 162 центнера зернопродуктов, 403 центнера зернофуража, 57 200 литров молока, 85 центнеров мяса. Помимо этого на питание пленных периодически выделялись птица, яйца, мед, рыба[44].

Если ситуацию со снабжением военнопленных продовольствием удалось существенно улучшить, то обеспечить контингент годной к носке одеждой и обувью, особенно зимней, долгое время не представлялось возможным. В спецсообщении оперативного отдела лагеря № 150 от 11 сентября 1944 г. указывалось: «Безобразнее всего обстоит дело с обувью, одеждой и постель-

42. Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 461. Л. 33–33 об.

43. Там же. Л. 177–178.

44. Рассчитано по данным: Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

ной принадлежностью. Более 2 тыс. военнопленных ходят в обуви, пришедшей в полную негодность, большинство из них ходят совершенно босые. Ремонт обуви поставлен плохо… Теплые вещи отобраны у военнопленных, не рассортированы. От шинелей военнопленных отпороты подкладки, из коих пошито для личного состава обмундирование… До 2 тыс. военнопленных совершенно не имеют постельной принадлежности, поэтому вынуждены спать не раздеваясь, на голых нарах или прямо на полу»[45].

Для обеспечения военнопленных одеждой и обувью, а также ремонта вещевого имущества в 1943 г. создаются портновская и сапожная мастерские. В 1947 г. в сапожной мастерской трудились 62 человека, в портновской – 45 человек. За 1946 г. рабочие портновской мастерской сшили и отремонтировали 16 285 рубах, 15 845 кальсон, 8150 брюк, 2850 полушубков, 890 телогреек, 482 шинели, 1700 френчей, 1120 наволочек, 500 простыней, 1885 портянок, 4250 рукавиц[46].

В 1945 г. в лагере появилась мастерская по производству обуви, которая за 1946 год изготовила 19 450 пар веревочных чунь и сандалий на деревянной подошве. Из них 7 тыс. пар были обращены на нужды лагеря, а остальные отправлены в другие лагеря и спецгоспитали Вологодской области. По предложению немца Зиллера Тайса, сконструировавшего ткацкий станок, в лагере было организовано производство плетеных стелек. Таким образом, контингент удалось полностью обеспечить обмундированием, обувью и постельными принадлежностями.

В плену велась борьба не только за жизнь, но за духовное возрождение обезоруженных неприятельских солдат. Изменить мировоззрение пленных, сделать их сознательными сторонниками социалистических преобразований в своих странах была призвана политико-массовая работа, которая начинает проводиться с осени 1943 г. В это время в лагере оформилась первая группа антифашистов в количестве 23 человек. Впрочем, большинство немцев еще верили в победу Германии и находились под влиянием национал-социалистической идеологии.

Командированный в марте 1945 г. в лагерь № 150 сотрудник областного УНКВД майор Е.М. Степанов в своей докладной отмечал: «Антифашистская и воспитательная работа среди военнопленных очень низка. Все беседы, лекции проводятся самими военнопленными, иногда без всякого контроля со стороны политработников, в связи с чем создается почва под видом этих лекций проводить явно фашистскую работу»[47]. Так, бывшие майоры вермахта Симон и Фриче, будучи старшими по баракам, дискредитировали и унижали

45. Рассчитано по данным: Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 111. Л. 5.

46. Там же. Д. 13. Л. 205 об.

47. Там же. Д. 32. Л. 79–80.

военнопленных антифашистов. В частности, Симон выделил им место для сна на полу. Майор Фриче вообще запретил посещать свой барак членам антифашистского актива[48].

Позднее в лагере была разоблачена фашистская группа, идейными вдохновителями которой были майор Хартманн, полковники Аккерман и Хаушильд. Последние пытались срывать проводимые в лагере антифашистские мероприятия, критиковали руководство лагеря, распространяли провокационные слухи, составляли списки «предателей», которых следовало казнить после возвращения на родину[49]. В частности, полковник Хаушильд заявил: «Кто снял знак партии НСДАП ввиду того, что он антифашист, тот не человек, а тряпка, и таких здесь много»[50].

Лагерное начальство резко реагировало на подобное поведение. «Среди военнопленных есть еще некоторые лица, которые не избавились от националистического угара, – говорилось в одном из приказов начальника Управления Грязовецкого лагеря № 150. – Эти шкурники, эгоисты, нажившие чины, звания и ордена на кровопролитиях германского народа, проявившие себя изуверами, вешателями и просто бандитами у себя на родине… прибегают к старому испытанному методу – методу насилия, преследований, оскорблений человека»[51]. Лица, заподозренные в проведении фашистской работы, изолировались от остальной массы военнопленных и направлялись на гауптвахту.

Более эффективным способом противодействия фашистской идеологии являлось проведение среди пленных разъяснительной работы. Первым подобным мероприятием стала публичная дискуссия на тему «Доказательства тому, что грабительскую войну начала и ведет гитлеровская Германия». И хотя выступили всего девять человек – это было первое открытое и убедительное выступление антифашистов.

Постепенно круг участников антифашистского движения расширяется. В январе 1944 г. в лагере оформилась ячейка Союза немецких офицеров (СНО) – антифашистской организации военнопленных, созданной в Советском Союзе в сентябре 1943 г. В результате успешной вербовки в течение 1944 г. о своем присоединении к СНО заявила треть всего офицерского состава лагеря (896 человек).

Успешное наступление Красной Армии, освобождение территории СССР от оккупантов и открытие Второго фронта в Европе заметно отразились на поведении военнопленных. Среди них повысилась производительность труда, увеличилось число сочувствующих программе СНО. Так, в апреле 1945 г.

48. Рассчитано по данным: Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 220. Л. 74 об.
49. Там же. Д. 350. Л. 333–334.
50. Там же. Д. 351. Л. 221.
51. Там же. Д. 13. Л. 88–88 об.

из 3716 военнопленных 2346 являлись членами антифашистских организаций (63%)[52]. Рост членов СНО в лагере за март и апрель 1945 г. составил 426 человек[53].

9 мая 1945 г. в лагере состоялось общее собрание военнопленных, на котором начальник лагеря полковник Г.И. Сырма выступил с докладом «О значении Дня Победы для всего мира и будущего Германии». Известие об окончании войны было воспринято пленными с радостью и ликованием.

Основными целями политработы среди контингента в послевоенные годы являлись, во-первых, окончательное искоренение нацистской идеологии; во-вторых, разъяснение основных положений марксистско-ленинского учения; в-третьих, демонстрация миролюбивого характера внешней политики Советского Союза; в-четвертых, формирование добросовестного отношения пленных к труду и стимулирование трудового соревнования.

В ходе политической работы с пленными использовались материалы Нюрнбергского процесса. Бывшим офицерам вермахта был прочитан цикл лекций и докладов о массовых злодеяниях гитлеровцев на оккупированных территориях. Следует отметить, что большинство немцев заявляли, что они впервые слышат о гигантских масштабах преступлений против мира и человечности и нацистских планах уничтожения «неполноценных рас». Лишь немногие из них признавались в своем участии в карательных акциях и прочих военных преступлениях. По мнению лагерных политработников, «большая часть военнопленных не хотела раскрывать этих страшных тайн, ибо слишком многие немцы были замешаны в этих черных делах»[54].

К 1947 г. окончательно складывается система мероприятий по подготовке антифашистов. В ее основу легли политкружки, в рамках которых обсуждались актуальные вопросы мировой политики и экономики, в том числе судьба послевоенной Германии, проблема репараций и послевоенных границ в Европе. На 1 марта 1947 г. в лагере действовало 110 политкружков, которые охватывали 2820 пленных. Кроме того, три кружка работали по специальной программе Политотдела ГУПВИ МВД СССР. Их члены (80 человек) углубленно изучали марксистскую политэкономию, учение о пролетарском государстве, программу Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

В феврале 1948 г. в лагере открылись месячные антифашистские курсы, выпустившие всего 58 человек. 15 марта 1948 г по инициативе политаппарата лагеря для преподавателей из числа пленных была проведена конференция, на которой обсуждались вопросы строительства новой школы в Германии[55].

---

52. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 87.
53. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 33. Л. 181.
54. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 62.
55. Там же. Оп. 35а. Д. 25. Л. 123.

Отдельным направлением антифашистской работы в послевоенные годы становится работа среди пленных молодых возрастов. Для пленных данной возрастной группы был подготовлен специальный лекционный курс, включавший в себя темы следующего содержания: «Молодежь мира в борьбе за мир», «О международном движении демократической молодежи», «Молодежь и трудовое соревнование». В 1947 г. в лагере был сформирован молодежный актив в составе 20 человек и начато издание газеты «Молодое поколение». В этом же году молодые военнопленные лагеря № 150 подготовили воззвания «К молодежи Советского Союза», «К Всемирной федерации демократической молодежи», «К свободной немецкой молодежи», в которых призывали своих ровесников объединять усилия в борьбе за мир.

Активное участие в работе с пленными принимала комсомольская организация Грязовецкого района. 18 декабря 1947 года в лагере состоялась молодежная конференция, на которой присутствовали секретарь Грязовецкого районного комитета ВЛКСМ Трапезников, рядовые комсомольцы – врач Демидова, агроном Тимофеева, учитель Войтенко[56].

Немаловажное значение в работе с бывшими офицерами вермахта придавалось организации лагерной самодеятельности. В конце 1943 г. в лагерном клубе впервые выступил музыкант Фриц Пот, исполнивший сольные номера на скрипке. В начале 1944 г. создаются хор военнопленных и театральная труппа, в 1947 г. – симфонический оркестр в составе 45 музыкантов и джаз-оркестр, которые осваивают обширный репертуар классической и популярной музыки[57].

О своем лагерном периоде творчества известный композитор Ганс Карсте как-то сказал: «Если бы кто-нибудь мне раньше сказал, что за колючей проволокой можно заниматься творческой работой, то я бы над ним, по крайней мере, недоверчиво посмеялся. Для нас, творческих людей здесь, в плену, есть только одна цель, которая редко встречается в обыкновенной жизни: поддержать и укрепить дух наших товарищей»[58]. Находясь в плену, Г. Карсте написал увертюру «Жизненная радость», «Концертную сюиту», сочинил музыку к комедии «Непослушные мальчуганы», автором которой был военнопленный Альфред Игнор.

В 1945 г. в лагере был оборудован летний клуб, где отныне регулярно проходили концерты для военнопленных и сотрудников. При составлении

56. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 105.

57. В репертуаре симфонического оркестра насчитывалось свыше 100 шедевров классической музыки, в том числе произведения И.С. Баха, Л.В. Бетховена, Ф.Ф. Шопена, В.А. Моцарта, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, М.И. Глинки, И.О. Дунаевского, С.С. Прокофьева, М.И. Блантера. См.: РГВА. Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 142. Л. 29; Оп. 35а. Д. 25. Л. 134.

58. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 133–134.

концертных программ особое внимание обращалось на разносторонность репертуара. Так, в ноябре 1946 г. состоялся музыкальный вечер «Голоса народов». В программу входили русские и украинские песни, румынские и венгерские мелодии, австрийская и немецкая народная музыка[59].

Помимо музыкального творчества в лагере увлекались литературой и драматургией. Военнопленные Вернер Шмидт и Фриц Кун написали рассказы «Мост» и «Конрад и Маргарита», бывший майор Ферстер тайно работал над криминальным романом. Театральная труппа с успехом поставила «Русский вопрос» К.М. Симонова, «Медведя» А.П. Чехова, «Разбитый кувшин» Г. Клейста, повесть Н.В. Гоголя «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»[60]. По просьбе руководства лагеря Вологодский областной драматический театр безвозмездно предоставил лагерной труппе необходимые для постановок костюмы[61].

Как это ни парадоксально, но в советском плену у бывших офицеров вермахта находились время и силы для занятий спортом. В июле 1946 г. вблизи лагеря была оборудована спортивная площадка, где каждое воскресенье проводились соревнования по футболу, гандболу, легкой атлетике, устраивались состязания по боксу и плаванию. В лагерном клубе пленные играли в шахматы, шашки, лото, домино. Неоднократно проводились шахматные турниры. По подсчетам политработников, в лагере имелось 10 футбольных команд (135 участников), 4 гандбольные команды (100 участников), боксерская команда (20 участников), 10 команд для игры в кегельбан (400 участников), 12 шахматных команд (326 участников)[62].

Заметным событием в культурной жизни лагеря являлись выставки творчества военнопленных. Так, 23–24 мая 1948 г. в лагере состоялась художественная выставка, на которой было представлено более 80 различных работ: картины (акварель, масло), рисунки (перо, карандаш), плакаты, афиши, лозунги, гравюры на дереве, пластика, художественный переплет и т.д. По задумке политработников выставка должна была показать, что военнопленные в Советском Союзе имеют широкие возможности для творчества и принимают активное участие в развитии современного искусства. Многие из произведений несли на себе печать «социалистического реализма» и касались, в первую очередь, политической и производственной жизни лагеря. К числу таковых относились картины «Дискуссия», «Первая почтовая карточка», серия рисунков «Лесорубы». О степени интереса военнопленных к творчеству сво-

59. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 136.
60. Там же. Л. 140 – 141.
61. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 37. Л. 181 об.
62. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 15а. Д. 142. Л. 30.

их товарищей говорит тот факт, что в течение двух дней выставку посетили 2800 человек[63].

Большое идеологическое значение придавалось проведению «неделей» и «дней советской культуры». Одно из таких мероприятий прошло в лагере в ноябре 1947 г. Военнопленным был прочитан цикл лекций и докладов на темы: «Индустриальная мощь СССР», «О сущности советской науки», «Русский человек в русских пословицах», «Вологда и мир», «Экономические основы культуры в СССР», «Натурализм и реализм в русской и советской литературе». Вниманию пленных также была представлена выставка «16 советских республик» с краткой исторической справкой о развитии каждой из них за годы советской власти. Русской и, в особенности, советской культуре было посвящено содержание стенгазет. Так, стенгазета «Наблюдатель» содержала обзор внутренней политики Советского государства, стенгазета «Строительство» освещала культурную революцию в СССР, стенгазета «Наука» была посвящена развитию советской научно-технической мысли, а стенгазета «Эхо спорта» – достижениям советских спортсменов[64].

В целом, лагерная самодеятельность поддерживала моральный дух военнопленных, помогала им переживать тяготы плена. Немец Гюнтер Шульц отмечал: «Необычайно трудная работа на дорожном строительстве позволила нам особенно сильно почувствовать ценность культурных представлений в нашем лагере. Политические доклады, современные театральные пьесы и читки всякого рода литературы отвлекали от повседневного быта, стимулировали творчество и составляли основу для расширения и углубления наших знаний, приблизили нас к культурной жизни в Советском Союзе. Незабытыми останутся воскресные концерты нашего оркестра, которые дарили нам радость и отдых и являлись источником новых сил для выполнения трудовых задач следующей недели»[65].

Летом 1945 г. обитателям лагерных бараков была предоставлена возможность посылать родным и близким почтовые открытки Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Зимой 1945–1946 г. пленные отправили на родину 7856 почтовых карточек, в том числе в Германию – 7644, Австрию – 174, Венгрию – 37, Румынию – 1[66]. Значительными льготами при переписке пользовались передовики производства, а также представители анти-

63. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 128.

64. Там же. Л. 139.

65. Там же. Л. 142 – 143.

66. Рассчитано по данным: Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 113. Л. 10, 17, 35. Во избежание распространения сведений, наносивших ущерб репутации СССР, осуществлялся цензорский просмотр входящей и исходящей корреспонденции. В 1947 г. политконтролерами лагеря № 150 было проверено 131 336 почтовых карточек, из которых было конфисковано 1070 экземпляров. См.: Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52. Л. 37.

фашистского актива. Так, в качестве поощрения «стахановцам» из числа пленных в апреле–мае 1946 г. было выделено 600 почтовых карточек[67].

В 1947 г. военнопленные получили возможность отправлять и получать почтовые переводы, а еще через год принимать посылки от родственников[68]. Так, в марте–апреле 1948 г. в адрес военнопленных поступило 35 посылок из-за границы. В основном они состояли из продуктов питания и предметов одежды. Посылки вскрывались специально выделенным оперативным работником в присутствии получателя. Как отмечается в лагерной документации, претензий на порядок вручения и содержимое посылок со стороны военнопленных не поступило[69].

Проводимая среди военнопленных политико-массовая работа и относительно нормальные условия содержания во многом способствовали формированию положительного «имиджа» лагеря не только среди военнопленных, но и их родственников за границей. Об этом свидетельствуют материалы западногерманской периодической печати, а также выдержки из писем военнопленных и их родных. Например, в газете «Неделя», издаваемой в Ганновере (английская зона оккупации), о лагере № 150 говорилось: «Это привилегированный лагерь. За колючей проволокой там проводятся доклады, лекции, имеются кружки по самообразованию, кружки для политических дискуссий, артистические коллективы»[70]. Жена военнопленного Пауля Штрауха из советской зоны оккупации писала: «Мне подробно известно, как ты и твои товарищи там живут. Хотя тебе и не позволяют много писать, но все-таки я уже все знаю. Сейчас я больше не беспокоюсь о тебе. Знаю, что ты живешь в хорошем лагере в России»[71]. Немцу Теодору Бейеру из американской зоны оккупации пришло письмо от родственников, в котором говорилось: «В газете мы читали большую статью о лагере № 150, написанную бывшим военнопленным. Это образцовый лагерь, в котором имеются хорошие условия»[72].

Политическая работа с военнопленными тесно увязывалась с проведением оперативно-следственных мероприятий, направленных на выявление участников зверств и злодеяний на временно оккупированной советской территории, изучение настроений лагерного контингента, вербовку лагерной и закордонной агентуры. Особое внимание сотрудники оперативного отдела уделяли формированию секретного аппарата. Для характеристики его состава приведем данные по состоянию на начало 1948 г. В числе 48 агентов, состоявших на учете, было 4 полковника, 1 – подполковник, 6 – майоров, 7 – капи-

67. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41; Д. 113. Л. 50–52.
68. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 524. Л. 7–7об.
69. Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 293. Л. 72, 98.
70. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 97.
71. Там же. Оп. 15а. Д. 142. Л. 26.
72. Там же. Д. 142. Л. 26.

танов, 10 – старших лейтенантов, 11 – лейтенантов, 2 – младших лейтенанта, 1 – рядовой. Возраст до 35 лет имели 16 агентов, от 35 до 50 лет – 22, свыше 50 лет – 4[73]. Таким образом, основная масса агентов была сформирована из представителей младшего офицерского состава, среднего возраста, длительное время находившихся в плену.

Другим направлением оперативной работы было выявление квалифицированных научных специалистов, знания которых могли быть полезны для советского военно-промышленного комплекса. В результате оперативных мероприятий удалось выявить 9 немецких ученых, в том числе доктора физики А.В. Баирнбаума, геолога А.К. Менкле, инженера-строителя Г.Л. Гоффмана, химика-фармацевта К.Ф. Баунаха и др.[74]

В январе – октябре 1944 г. от военнопленных было получено 49 документов с информацией военно-стратегического характера, в том числе по авиазаводам – 4, танкозаводам – 1, моторостроительным заводам – 1, металлургическим заводам – 2, новым видам вооружения – 2, крупным складам – 2, дислокации и характеристике германских аэродромов – 12, укрепленным районам – 9, органам разведки и контрразведки – 3, авиаполкам – 1, армиям противника – 6, по военному призыву в Германии – 1, по генералитету германской армии – 5[75].

В 1944 г. в лагере № 150 был разоблачен ряд офицеров германских разведывательных органов[76]. Разработка сотрудников немецких спецслужб позволяла выявлять законспирированную немецкую агентурную сеть на советской территории. Так, в ходе следствия капитан Г.Г. Бессель назвал фамилии трех советских граждан, работавших гласными сотрудниками СД в Могилеве и Орше. Данные сведения были направлены территориальным органам госбезопасности БССР. 6 июля 1945 г. Оршанский горотдел НКГБ сообщил, что показания Г.Г. Бесселя подтвердились и арестованы двое граждан, подозреваемых в работе на германскую разведку[77].

В соответствии с директивой НКВД № 84 от 8 мая 1945 г. перед оперуполномоченными ставилась задача по выявлению участников зверств и злодеяний, совершенных противником на территории СССР[78]. На основании ориентировки Оперативного управления ГУПВИ в лагере удалось разоблачить трех бывших офицеров 707-й охранной дивизии, проводившей карательные акции на территории Белоруссии. Позднее в лагере был выявлен лейтенант В.В. Гердт – бывший ротный командир в одном из полков 95-й пе-

73. Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 52. Л. 3–4.
74. Там же. Д. 42. Л. 75.
75. Там же. Д. 220. Л. 87.
76. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 54. Л. 21.
77. Там же. Д. 55. Л. 5; Д. 56. Л. 9.
78. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 472. Л. 23–23 об.

хотной дивизии вермахта, известной своим участием в карательной операции «Весенний праздник», проводившейся весной 1944 г. в районе Витебска – Полоцка (БССР). На допросе подозреваемый показал, что по его личному распоряжению на участке между г. Лепель и г. Ушачи было задержано около 300 советских граждан, из которых 100 человек были повешены и 200 человек расстреляны. В г. Ушачи был организован сборный пункт, куда сгонялось население окрестных деревень, которое также подверглось массовому уничтожению[79].

В мае 1948 г. начался процесс возвращения военнопленных на родину. В первую партию репатриантов попали 249 человек, в том числе 135 – штабных офицеров, 94 – младших офицера и 20 – рядовых. Большинство из них являлись антифашистами, активистами или лучшими производственниками. По случаю начала репатриации состоялся митинг. Выступивший от лица военнопленных немец Отто Зайдель поблагодарил командование лагеря за заботу о своих подопечных и пообещал продолжить после возвращения на родину борьбу за единство и демократизацию Германии.

Среди репатриантов было проведено анонимное анкетирование, которое показало следующие результаты. На вопрос «Как Вы относитесь к Советскому Союзу в результате пребывания в плену?» положительно ответили 179 человек, отрицательно – 8, воздержались – 36. На вопрос «Каково Ваше мнение о содержании в лагере и об отношении к военнопленным?» положительно ответили 185 военнопленных, отрицательно – 8, воздержались – 30. Наконец, на вопрос «Каково Ваше отношение к политической и культурно-просветительной работе, проводившейся в лагере?» положительно ответили 195 пленных, отрицательно – ни одного, воздержались – 28[80]. Таким образом, можно говорить о том, что большинство военнопленных уехали на родину с положительным мнением о пребывании в Советском Союзе.

Покидая лагерь, военнопленные заверяли советское руководство в том, что на родине они останутся верными сторонниками дружбы с Советским Союзом. В принятом накануне отправки домой «Обращении к Правительству СССР» пленные писали: «В качестве антифашистов нас сегодня отправляют на родину. Мы благодарим правительство СССР за обращение, которым мы пользовались, будучи военнопленными. Особенную благодарность выражаем советскому лагерному управлению во главе с полковником Сырмой и его заместителем по политической части старшим лейтенантом Бланком, которые своей гуманностью и политическим пониманием способствовали тому, что теперь нас как убежденных антифашистов отправляют на родину»[81].

---

79. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 18; Ф. 10. Оп. 1. Д. 45. Л. 6.

80. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 25. Л. 31.

81. Там же. Оп. 15а. Д. 142. Л. 31.

Ю.В. Бельчич

АКАДЕМИК А.И. АНЧИШКИН

Бельчич Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива экономики.

С именем академика АН СССР Александра Ивановича Анчишкина связана разработка теории роста социалистической плановой экономики, народно-хозяйственного прогнозирования и комплексных проблем научно-технического прогресса, создание школы макроэкономического анализа и прогнозирования социально-экономического развития в СССР.

Он родился в Москве 11 августа 1933 г. Его отец – Иван Александрович Анчишкин (1901–1974) был ученым-экономистом и человеком интересной судьбы. Он родился в Донбассе в семье потомственных рабочих-каменщиков, с пятнадцати лет юноша оказался вовлеченным в политическую жизнь, вступил в РСДРП(б) в ноябре 1917 г. В 1918–1921 гг. участвовал в подпольной работе на оккупированной немцами Украине, воевал в регулярных частях Красной Армии против белогвардейских войск. После окончания Гражданской войны учился в Коммунистическом университете им. Свердлова, работал на партийной работе на Урале и в Ленинграде закончил институт Красной профессуры (1932). Защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Советская экономика СССР в период восстановления народного хозяйства» (1938). Был участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., имел боевые награды. Его научная деятельность почти целиком связана с Институтом экономики АН СССР, где он работал начиная с 1937 г. свыше 30 лет, за исключением 7-летнего периода заведования кафедрой политэкономии.

Отец и сын Анчишкины были очень близки, поэтому интерес Александра к экономической науке и выбор дальнейшего пути после окончания школы вполне объяснимы.

В 1951 г. он становится студентом экономического факультета Московского государственного университета, где в то время учились и Э.Н. Кры-

латых, Н.Я. Петраков, Г.Х. Попов, С.С. Шаталин, Ю.С. Ширяев, Н.П. Шмелёв и другие, которые стали лидерами в преобразованиях экономики страны в «перестроечные» 1980-е годы.

В 1956 г., получив специальность преподавателя политической экономии и диплом с отличием, выпускник МГУ А. Анчишкин сделал выбор в пользу практической работы, и в этом же году стал младшим научным сотрудником Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР (НИЭИ). Это был один из наиболее сильных экономических институтов страны, так как его директор, академик А.Н. Ефимов сумел собрать коллектив единомышленников из уже известных ученых-профессоров: А.Б. Альтера, Л.Я. Бери, В.И. Каца, В.П. Красовского и способных молодых экономистов, создав для них благоприятные условия работы. В их числе оказались А.И. Анчишкин, Э.Б. Ершов, В.Н. Кириченко, Н.Я. Петраков, С.С. Шаталин, Ю.М. Швырков, Ю.В. Яременко.

Быстрое развитие нового экономико-математического направления в науке и счетно-вычислительной технике в конце 1950-х годов поставило перед отечественными учеными задачу создания творческого союза экономики и математики для применения математических методов в экономических исследованиях и планирования в различных сферах народного хозяйства. Особая роль отводилась молодым специалистам, получившим современное образование, владеющих новой вычислительной техникой[1]. Однако на экономических факультетах вузов страны в ту пору математику практически не изучали. Летом 1959 г. руководство экономического факультета ЛГУ организовало для своих выпускников обучение математике и применению математических методов в экономике. На этот, ставший знаменитым «6-й курс» под руководством Л.В. Канторовича[2] пригласили и сотрудников научно-исследовательских институтов страны. От НИЭИ в Ленинград поехали А.И. Анчишкин, А.А. Смертин, С.С. Шаталин и Ю.М. Швырков. Учеба в ЛГУ была крайне напряженной. Много лет спустя академик С.С. Шаталин признает: «Мы бы вряд ли оказались более или менее приличными экономистами, если бы не прошли школу Л.В. Канторовича, В.С. Немчинова, Е.В. Новожилова, А.Л. Вайнштейна и других крупнейших ученых, в том числе и западных»[3].

По завершении учебы А.И. Анчишкин вернулся в свой НИЭИ и вскоре в составе делегации советских плановых работников, возглавляемой директо-

1. Академики-экономисты России / Ин-т экономики РАН. – Изд. 2-е доп. – М., 1999. – С. 160.

2. Л.В. Канторович (1912–1986) – экономист-математик, лауреат Нобелевской премии за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов (1975).

3. Шаталин С.С. Академик А.И. Анчишкин: Воспоминания соратника и друга / Вопросы экономики. – № 1. – 1989. – С. 27.

ром НИЭИ академиком А.Н. Ефимовым, был командирован на Кубу для обучения там специалистов современным методам планирования. В работе приходилось учитывать особые, пригодные только для Кубы подходы к планированию социальных и экономических процессов. Результаты этой поездки совместно с А.Н. Ефимовым Александр Иванович изложил в работе «Куба планирует национальную экономику» (1963).

По возвращении из заграничной командировки он проработал в НИЭИ около 15 лет, защитив кандидатскую диссертацию и став заведующим одного из ведущих секторов института «Методика народно-хозяйственных прогнозов и сводных расчетов». Здесь же в полной мере проявился и его научный потенциал, реализацией которого стали два крупных научных труда – написанная в соавторстве с Ю.В. Яременко книга «Темпы и пропорции экономического развития» (1967) и коллективная монография под его руководством «Научные основы экономического прогноза» (1971).

В начале 1970-х годов для многих экономистов стала очевидной громадная структурная несбалансированность советской экономики, связанная с непосильной для страны «гонкой вооружений», растущая хозяйственная неэффективность, инерционность, негибкость планирования. Критическая ситуация складывалась и в отношениях между экономической наукой и практикой. Время «экономического романтизма и надежд» сменилось годами застоя. По мнению А.И. Анчишкина, требовалось радикальное изменение стиля народно-хозяйственного планирования, допустимость различных плановых альтернатив. Однако заниматься проблемами прогнозирования темпов и пропорций развития экономики, продвигать на практике идею альтернативного планирования в госплановском институте ему не представлялось в полной мере возможным. Поэтому А.И. Анчишкин, а за ним и большая часть его коллектива в 1971 г. перешли в центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) АН СССР. Здесь он создал и возглавил отдел народно-хозяйственного прогнозирования, работал над проблемами прогнозирования научно-технического и социально-экономического развития СССР. В декабре 1972 г. состоялась защита его докторской диссертации «Темпы и факторы роста социалистической экономики (методы анализа и прогноза)», по итогам которой была написана фундаментальная монография «Прогнозирование роста социалистической экономики». Ее главное содержание составила цельная картина экономико-математического моделирования народно-хозяйственной динамики, построенная на конкретном, впервые обобщенном материале развития экономики СССР за 20 лет (1950–1970)[4].

4. Академики-экономисты России / Ин-т экономики РАН. – Изд. 2-е доп. – М., 1999. – С. 319.

Научные работы крупных отечественных экономистов А.И. Анчишкина, Н.П. Федоренко, С.С. Шаталина и других в области народно-хозяйственного прогнозирования подвели к необходимости коренного изменения практики планирования народного хозяйства и, в первую очередь, его долгосрочных аспектов.

В 1972 г. было принято решение о разработке комплексной программы научно-технического прогресса (КО НТП) и его социально-экономических последствий на 1976–1990 гг. в СССР. Отметим, что разработка этой программы не имела аналогов ни в мировой, ни в советской практике, так как объединяла прогнозно-плановую работу нескольких сотен исследовательских организаций Академии наук, ГКНТ, различных министерств и ведомств Союза ССР и всех союзных республик, т.е. была результатом усилий тысяч ученых страны. Для координации этой деятельности был создан Научный совет по вопросам научно-технического и социально-экономического прогнозирования АН СССР, которым в течение 15 лет (1972–1987) фактически руководил А.И. Анчишкин.

Работа над программой требовала создания в системе Академии наук самостоятельного института, занимающегося разработкой средне- и долгосрочных проблем научно-технического и социально-экономического развития страны. Но такой институт был создан только с приходом перестройки.

Анчишкин же, по предложению председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова, в 1981 г. переходит на работу в Госплан – как выяснилось, лишь для того, чтобы через год снова уйти (оставшись, правда, членом коллегии Госплана и руководителем работы по комплексной программе). Причинами ухода стали колоссальная нагрузка, бюрократический прессинг, особенно в возможности формирования своего отдела и, как следствие, – инфаркт.

Александр Иванович возвращается в академическую вузовскую науку, с которой, кстати, никогда не порывал связи (преподавая в МГУ по совместительству). Теперь в должности профессора он работал на кафедре планирования и организации народного хозяйства экономического факультета МГУ, читал лекции плановикам и кибернетикам.

Когда же в 1986 г. с приходом к власти М.С. Горбачёва на базе отдела народно-хозяйственного прогнозирования ЦЭМИ был создан Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса (ИЭП НТП)[5] АН СССР, академик Анчишкин был назначен его директором. Здесь сложился мощный научный коллектив высококвалифицированных специалистов, многие из которых в годы перестройки и реформ стали советниками президента, руководителями правительства, министрами и вице-министрами (Шаталин,

5. С 1991 г. – Институт народно-хозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН.

Гайдар, Нечаев, Сабуров, Шохин, Лопухин, Салтыков, Фонотов, Вавилов, Вьюгин и др.)

Несмотря на огромную занятость служебной работой, А.И. Анчишкин не прекращал своих научных исследований. Помимо вклада, внесенного им в теорию и практику народно-хозяйственного прогнозирования, другой его крупнейшей научной заслугой было системное рассмотрение взаимосвязи науки, техники, экономики в его последней фундаментальной монографии «Наука-техника-экономика» (1986, 1989 гг. – 2-е посмертное издание).

Кроме названных научных работ им были опубликованы: «Экономические условия роста благосостояния советского народа» (1977), «Научно-технический прогресс и интенсификация производства» (1981), «Методы народно-хозяйственного прогнозирования» (1985, в соавторстве), а также разделы в ряде коллективных монографий, в том числе и переведенных на многие языки мира.

Как крупного специалиста в области плановой экономики его привлекали к подготовке документов, аналитических материалов для политического руководства страны. Он был одним из ведущих авторов специального постановления Пленума ЦК КПСС в июне 1987 г. «Основные положения коренной перестройки управления экономикой».

24 июня 1987 г. он получил приглашение на пленум, который открывался на следующий день, но вечером того же дня скоропостижно скончался от второго инфаркта.

Академик Анчишкин ушел из жизни, оставив заметный след в истории отечественной и мировой науки. Автор более 80 крупных научных работ, профессор и член-корреспондент АН СССР (1976), действительный член АН СССР (1984), он был похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы. В 1989 г. ему посмертно была присуждена Государственная премия СССР за разработку теории прогнозирования роста социалистической экономики и научно-технического прогресса.

Мемориальная доска на стене у кафедры макроэкономического регулирования и планирования экономического факультета МГУ напоминает, что здесь с 1965–1987 гг. работал выдающийся ученый, академик АН СССР Анчишкин Александр Иванович.

В 2003 г. коллектив этой кафедры передал личный архив ученого, включающий документы за 1938–2003 гг., на постоянное хранение в Российский государственный архив экономики (РГАЭ). После научно-технической обработки фонду присвоен номер 1026, содержащий в основном документы творческой, служебной, научно-педагогической деятельности[6].

6. Российский государственный архив экономики. Ф. 1026. Оп. 1. 121 ед. хр.

Среди документов творческой деятельности находятся неопубликованные и неполные научные работы за 1963–1987 гг. В их числе – главы работ в коллективных монографиях, статьи о развитии советской экономики, планировании как центральной функции управления научно-технической, структурной и инвестиционной политики. Особое место занимают рукописи монографий и их варианты: «Прогнозирование роста социалистической экономики» (1973–1981), «Наука–техника–экономика» (1984–1986), «Социалистическое расширенное производство: Теория и методология анализа» с редакторской правкой С.С. Шаталина (1991); «Прогнозирование экономического роста (1991).

Ценность многих документов в 1968–1987 гг. в том, что в большинстве своем они направлялись в директивные инстанции и предназначались для служебного пользования и не публиковались в открытой печати, т.е. не подвергались цензуре (лишь отдельные фрагменты из них вошли в печатные труды Александра Ивановича). Здесь мы видим доклады о долгосрочном и среднесрочном комплексном прогнозировании развития экономики страны на 1976–1980 гг., о концепции десятого пятилетнего плана и его основных задачах по повышению уровня жизни населения страны, проблемах демографии, трудовых ресурсов и занятости населения в перспективе на 1981–2000 гг., проекте энергетической и продовольственной программ СССР. В документах служебной деятельности отражена работа над КП НТП СССР. Сохранились его замечания к проекту постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О повышении роли ГКНТ СССР в управлении НТП в стране» и «Об организации сквозного планирования научно-технического прогресса» (1986–1987), а также замечания и предложения по вопросам улучшения планирования народного хозяйства и экономического стимулирования производства, развития конкретных путей и методов, обеспечивающих стабилизацию экономики.

Что касается педагогической работы ученого, в фонде имеются методические пособия, курсы лекций по истории народного хозяйства СССР, методологическим и организационным основам его планирования, актуальным проблемам материального производства и финансирования, природным ресурсам страны, перспективам развития советской экономики, разработанные для студентов как экономического факультета МГУ, так и других государственных университетов (1967–1986). Имеются также звукозаписи лекций, прочитанных А.И. Анчишкиным для студентов МГУ в 1977–1981 гг.

А.И. Анчишкин принимал активное участие в организации и работе многих международных научных конференций, симпозиумов, совещаний. Сохранившиеся документы дают представление об участии ученого в работе VII советско-японского симпозиума ученых-экономистов ОЭ АН СССР по проблемам НТП и их связи с современным планированием и экономико-

математическим моделированием (1973), V международном конгрессе экономистов по вопросам взаимосвязи факторов производства и темпов экономического роста (1977), заседании советско-венгерской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук (1985). Сохранились тезисы его выступлений в Академии общественных наук, Доме ученых, в Институте стали и сплавов по вопросам ускорения НТП, долгосрочного социально-экономического прогнозирования, перестройки системы планирования и усиления действия хозяйственного механизма (1977–1987).

Подчеркнем в заключение, что, по мнению специалистов, разработанные ученым в 1980-е годы предложения о трансформации социально-экономической системы Советского Союза основывались на достижениях мировой экономической науки, учитывали реалии того времени, были ориентированы на поступательные, эволюционные по форме и времени проведения, глубинные по своей сути преобразования. По мнению специалистов, работы А.И. Анчишкина в значительной степени являются источниками теории информационной экономики как отдельной составной части экономической науки[7].

7. См.: Шаталин С.С. Академик А.И. Анчишкин: Воспоминания соратника и друга / Вопросы экономики. – № 1. – 1989. – С. 13–14, 26; Майминас Е.З. Академик Александр Иванович Анчишкин (1933–1987) // Академики-экономисты России / Ин-т экономики РАН. – Изд. 2-е доп. – М., 1999. – С. 328.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

И.Е. Прозоров

СБОРНИК «БЕРЕГА» ± ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ О РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

Прозоров Иван Евгеньевич – сотрудник информационно-культурного центра «Русская эмиграция».

Информационно-аналитический сборник «Берега»[1] издается Санкт-Петербургским информационно-культурным центром (ИКЦ) «Русская эмиграция»[2] с 2002 г. Основная задача сборника – рассказать об источниковой базе эмигрантоведения и многообразии проблематики работ, посвященных русскому зарубежью.

Значительное место в «Берегах» занимают информационные материалы самых разных жанров. Им отведены постоянные рубрики: «Обзоры», «Рецензии», «Библиография», «Электронные ресурсы», «Хроника». Часть материалов размещается в разделе «Personalia». Пока еще немногочисленные публикации, отражающие восприятие событий в СССР и России за рубежом, образуют рубрики «Rossica».

В сборнике печатаются проблемные статьи, биографические исследования, содержащие обширный библиографический и справочный материал. Регулярно на страницах «Берегов» публикуются архивные документы. Для рубрик «Статьи и публикации» и «Personalia» редакция стремится отбирать материалы, которые стимулируют дальнейшие изыскания в различных на-

---

1. Берега: инф.-аналит. сб. о рус. зарубежье / Отв. ред. О.Н. Ильина. – СПб., 2002. – Вып. 1. 60 с.: ил.; 2003. – Вып. 2. – 52 с.: ил.; 204. – Вып. 3. – 54 с.: ил.; 2005. – Вып. 4. – 86 с.: ил.; Вып. 5. – 72 с.: ил.; 2006. – Вып. 6. – 72 с.: ил.; 2007. – Вып. 7. – 106 с.: ил.; Вып. 8. – 89 с.: ил.

2. О деятельности центра см.: Бельчич Ю.В. Информационно-культурный центр «Русская эмиграция» // Россия и современный мир. – 2006. – № 2. – С. 188–191; о сборнике «Берега» см.: Ильина О.Н., Сабенникова И.В. Российская эмиграция в информационно-аналитическом сборнике «Берега» // Мир библиографии. – 2006. – № 2. – С. 90–92.

правлениях. В ряде статей затрагиваются методические вопросы использования источников в научном поиске[3], авторы делятся историей своих открытий.

Первый пробный выпуск «Берегов»[4], получивший обстоятельную рецензию, послужил своеобразным подтверждением правильности выбранной редакцией стратегии. Пожелания рецензента обеспечить доступ читателям к материалам сборника в режиме on-line сегодня отчасти реализованы. В Интернете доступные публикации первого и второго выпусков, ставших библиографической редкостью[5].

Проблематика сборника определяет основной его авторский состав, это – сотрудники библиотек[6], архивов, музеев, высших учебных заведений. Восемь выпусков «Берегов» содержат 143 публикации 95 авторов из Санкт-Петербурга, Москвы, Владивостока, Красноярска, Омска, Ростова-на-Дону, Уфы, Хабаровска; из Варшавы, Вашингтона, Иерусалима, Неаполя, Нового Сада, Парижа, Потсдама, Праги, Софии и других городов. Интересно отметить, что от выпуска к выпуску расширяется география авторского коллектива. И хотя сборник издается в Санкт-Петербурге, петербургские исследователи составляют менее половины его авторского состава (45 авторов). «Берега», таким образом, служат объединению территориально разобщенного профессионального сообщества.

Характерное для «Берегов» стремление к серьезному анализу было реализовано уже в первом выпуске. Так, в статье И.В. Сахарова «Летописец жизни Российского Зарубежья», посвященный выходу первого тома «Дневников» П.Е. Ковалевского, особое внимание было уделено качеству научно-справочного аппарата издания, был внесен ряд важных уточнений. В обстоятельном обзоре И.Л. Плотовской проанализирована деятельность Научно-исследовательского центра «Русское еврейство в Зарубежье» (Израиль), рассмотрены издания Центра. Отмечается распространенность материалов Н.К. Рериха и его семьи по архивным фондам учреждений США, что свидетельствует о масштабах деятельности Рерихов. Обзор, сделанный В.Л. Мельниковым, способствует изучению интеллектуальной жизни эмиграции. В первом выпуске было положено начало публикации архивных документов:

---

3. Отметим, в частности, статью Н.В. Бекжановой «Источниковая база поиска сведений о деятелях российского зарубежья первой волны» (Вып. 6).

4. Р.Я. [Янгиров Р.М.] Берега [Вып. 1] // Новое лит. обозрение. – 2003. – № 3(61). – С. 417–418.

5. Берега [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusemigration.ru/beregа/index_2.html

6. Участие в «Берегах» приняли сотрудники Рос. нац. (РНБ) и Рос. гос. (РГБ) библиотек, Библиотеки академии наук, Библиотеки иностранной литературы (ИГБИЛ им. М.И. Рудомино), Библиотеки-фонда «Русское зарубежье», Славянской библиотеки (Национальная библиотека Чехии) и др.

П.Л. Вахтина представила текст отчета американского социолога Р.Ф. Келли об эмигрантских политических организациях (1953).

Архивное наследие русского зарубежья в России и за границей стало основной темой второго выпуска «Берегов». В нем представлены обзоры парижских материалов (Т. Гладкова, Л. Мнухин), фондов Бахметьевского архива, содержащих сведения о его издательской деятельности (П.Н. Базанов), документов Музея русской культуры в Сан-Франциско в фотокопиях ГАРФ (К.Б. Ульяницкий) и другие материалы.

В третьем выпуске «Берега» обратились к реалиям жизни эмигрантов и проблемам их адаптации. Этому посвящены статьи В.М. Селунской (о русских в Финляндии) и З.С. Бочаровой (правовые аспекты). Вопросы библиографического обеспечения эмигрантоведения затронуты в принципиальной рецензии Е.К. Соколинского на указатель «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках» (М., 2003. – Т. 1) и в статье «О библиографировании архивных публикаций по русскому зарубежью» (Н.В. Бекжанова и др.) В статье освещается современное положение дел с публикацией архивных материалов. Архивная тема представлена также обзором материалов по казачеству в Государственном архиве Ростовской области и статей В.А. Петрицкого о значении частных библиофильских собраний в изучении феномена эмиграции. Источниковый потенциал личных библиотек рассматривается и в последующих публикациях сборника: в статье М.Н. Быстровой о книгах из собрания А.С. Ященко (вып. 5), в обобщающей работе О.Н. Ильиной «О личных библиотеках русского зарубежья и некоторых аспектах их изучения», в рассказе А. Лемменса и С.-А. Стоммельса (Нидерланды) о собственной коллекции русской книги (вып. 8).

В четвертом выпуске сборника отражена жизнь русского рассеяния практически во всех уголках мира. Представлены материалы о судьбах петербуржцев в сербском городе Новый Сад (А.Б. Арсеньев), о русских в Марокко (игумен Ростислав – Колупаев В.Е.), о парижском Обществе друзей русского искусства и литературы (Л.А. Мнухин), об истории русской эмиграции в США (историографический обзор А.А. Хисамутдинова), о бытовании русской книги в Израиле и Китае (обзор Е.К. Соколинского).

Пятый выпуск «Берегов» приурочен к 200-летию отдела рукописей РНБ. Здесь представлен обзор новых поступлений эмигрантских материалов, охарактеризованы фонды, связанные с личностью поэтессы Е.Ю. Кузьминой-Караваевой и филолога Е.Г. Эткинда. В выпуске дается также обзор документов архива Российского института истории искусства (Санкт-Петербург). Особый интерес представляют публикации писем Р.О. Якобсона и К.Ф. Тарановского к Б.Я. Бухштабу (1960–1980-х годов); В.Н. Тукалевского, И.В. Шкловского и В.М. Зензинова к А.В. Игельстрому (1920-х годов). В этот

выпуск включена рецензия на библиографическую работу О.А. Коростелева о книжном деле эмиграции, содержащая солидные дополнения (89 позиций).

Основная проблематика шестого выпуска – биографические исследования. В нем рассматриваются методические и источниковедческие вопросы, публикуются материалы о малоизученных деятелях эмиграции: востоковедах А.П. Хионине, Ф.Ф. Даниленко, Л.А. Богословском, П.С. Тищенко, историке и еврейском деятеле С.М. Гинзбурге и др. Рецензия сотрудника Славянской библиотеки (Прага) М. Магидовой на переписку А.Л. Бема со В.И. Срезневским (Брно, 2005) перерастает, по существу, в проблемную статью о переписке как биографическом источнике, отражающем особенности комментирования писем.

Из материалов седьмого выпуска необходимо отметить насыщенную фактическим материалом статью о парижском Доме книги. Она основана на устных свидетельствах, интервью очевидцев событий. Представляет также интерес и статья А.Л. Гуревича как пример использования источников при изучении малоизвестной персоны. Автор на примере личности рядового священника И. Голоколосова показывает важность изучения жизни «маленького человека».

Редакция «Берегов» впервые начала регулярно помещать списки диссертационных исследований по тематике русского зарубежья. Этой работе коллектив «Берегов» уделяет особое внимание, считая важным оперативно сообщать специалистам актуальную информацию, сконцентрированную в диссертациях. На их основе для седьмого выпуска была подготовлена статья Е.В. Панковой. Проведенный ею библиометрический анализ позволил охарактеризовать развитие эмигрантоведения в начале XXI в. (2001–2004). Так, наибольшее число исследований посвящено изучению наследия и жизни конкретных людей. Заметна тенденция включать в круг исследуемых персон новые имена при сохранении преобладающего интереса к достаточно ограниченному числу представителей русского зарубежья.

Восьмой выпуск сборника посвящен коллекциям русского зарубежья. Он содержит как обзорные материалы (статья Л.П. Муромцевой о музейных коллекциях Франции), так и статьи об отдельных частных собраниях (А.В. Копршивовой-Вуколовой и др.), а также списки литературы по тематике выпуска. Возможности современного антикварного рынка при собирании коллекции по русскому зарубежью показаны в статье Е.В. Кириллиной на примере наследия И.Е. Репина.

Помещая в «Берегах» исследования персонального характера, редакция стремилась знакомить читателей с неизвестными или малоизученными именами. К числу таких можно отнести библиотекаря и историка А.В. Бабина (вып. 1), актрису М.А. Ведринскую (вып. 2), библиотекаря С.О. Якобсона, младшего брата известного филолога (вып. 3), организатора строительства православных церквей в Германии протоирея А.П. Мальцева, писателя-сибиряка Г.Д. Гребенщикова (вып. 4), политического деятеля и библиотекаря

А.В. Игельстрома, оперного певца А.М. Давыдова (вып. 5), писателя и казачьего деятеля Д.Е. Скобцева, поэта и коллекционера графа С.П. Зубова (вып. 6), дочь писателя В.В. Крестовского Ольгу Юркевич (вып. 7) и др. Многие материалы стали первой серьезной попыткой осветить жизнь персонажа и уточнить спорные факты его биографии. В ряде случаев статьи сопровождались тщательно составленными списками литературы и источников (материалы об А.П. Мальцеве, Г.Д. Гребенщикове и др.).

Для «Берегов» традиционным является интерес к электронным ресурсам. Наиболее значительной публикацией можно назвать аннотированную подборку «Русское зарубежье в Интернете» Е.Е. Симановской (вып. 6). Автор предприняла попытку отразить практически все разнообразие электронных источников. Интересной представляется предложенная автором типология ресурсов.

К настоящему времени сборник «Берега» приобрел достаточную известность, на него ссылаются, он сам становится объектом исследования[7], отдельные его выпуски представлены в интернет-магазинах[8]. Распространяется сборник путем рассылки авторских экземпляров, бесплатной рассылки в два десятка книгохранилищ[9] Санкт-Петербруга, Москвы и других городов[10]. Его можно приобрести на конференциях, непосредственно в ИКЦ «Русская эмиграция» и частично в открытой продаже.

Успех «Берегов» состоялся в основном благодаря идеям, энергии и организаторским талантам руководителя ИКЦ «Русская эмиграция» М.Д. Чернышевой и ответственного редактора О.Н. Ильиной. Необходимо отметить также внимательное отношение сотрудников «Сударыни» – известного петербургского издательства гуманитарной литературы. Поддержка спонсоров, особенно постоянного спонсора ИКЦ «Русская эмиграция» С.В. Панфиловой, сделала издание «Берегов» возможным и стабильным.

---

7. Так, в Москве 28 января 2006 г. на секции «Архивы Русской Православной церкви и церковное архивоведение» XVI Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета был представлен доклад «Вопросы церковной истории Русского Зарубежья и ее источниковой базы в информационно-аналитическом ежегоднике “Берега”» (В.И. Меньковский, С.А. Габрусевич; Белорус. гос. ун-т, Минск).

8. Интересно отметить точность определения специфики «Берегов» московским магазином «Русское зарубежье»: Реклама сборника представлена в рубрике «Справочная литература, энциклопедии» (см.: Книжный магазин «Русское Зарубежье» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kmrz.ru/index.sema?a=cat&sa=names&group_id=99919

9. В Петербурге: РНБ, БАН, Библиотека Пушкин. Дома, Библиотека кн. Голицына и др.; в Москве: РГБ, Рос. кн. палата, ИНИОН, Гос. историческая б-ка, ВГБИЛ, Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» и др.

10. В том числе в Славянскую библиотеку (Прага) и Библиотеку Гавайского университета.

Е.Ю. Гуськова

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО
БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА
ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Гуськова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению современного югославского кризиса.

С начала 1990-х годов Балканы продолжают оставаться в центре внимания мировой общественности. В научных кругах балканский кризис и пути его урегулирования рассматриваются в общеевропейском и глобальном ракурсах. В России Центр по изучению современного балканского кризиса был создан 20 июня 1995 г. в Институте славяноведения РАН на базе Группы по изучению современного югославского кризиса.

Центр, в штате которого работают три сотрудника, является самостоятельным научным подразделением Инслава. Главным направлением его работы стало изучение причин, содержания и последствий кризиса на территории бывшей СФРЮ в 90-е годы XX в., социально-политических процессов на Балканах в новых балканских государствах, сравнительный анализ процессов в многонациональных и многоконфессиональных государствах со схожими судьбами. В Центре внимательно исследуют проблемы посткризисного пространства, возникающие конфликтные очаги, роль внешнего фактора в урегулировании кризисных моментов, методику переговорного процесса. Поэтому важной задачей Центра является сбор и публикация документов, помогающих анализу и осмыслению распада многонационального государства, обобщение результатов исследования в монографиях и статьях. За период 2001–2007 гг. сотрудниками Центра опубликовано 60 научных работ общим объемом 120 а.л., около 70 статей, интервью в различных средствах массовой информации.

В Центре собрана уникальная библиотека, архивные материалы миротворческих организаций, а также создана компьютерная база данных по проблемам современного кризиса на территории бывшей Югославии.

В самом начале кризиса сбор первых документов вылился в появление двух сборников документов «Югославия в огне: Документы, факты, комментарии. 1990–1992» (1992); «Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии. 1990–1993» (1993, книга переведена на болгарский и сербский языки). Сборники увидели свет при поддержке Фонда «Славянская летопись» и Института научной информации по общественным наукам РАН.

Во второй половине 90-х годов возникла идея проследить путь самостоятельного развития бывших республик Югославии. Так, в 1997 г. был опубликован сборник документов «Македония – путь к самостоятельности». В него вошли документы, характеризирующие политическое и экономическое становление македонского государства, его внешнеполитическое развитие, борьбу за международное признание. В сотрудничестве с Министерством науки, образования и спорта Республики Словении и Институтом новейшей истории (Любляна) был опубликован сборник документов «Словения. Путь к самостоятельности. Документы» – М., 2001. Сборник интересен тем, что большое внимание уделяет борьбе республики за отделение в последние годы существования Югославии. Важной публикацией стал трехтомный сборник документов «Международные организации и кризис на Балканах» (2000–2001). Большая часть материалов представляет собой официальные документы ООН (резолюции Совета Безопасности, письма и заявления Генерального секретаря). Значительный интерес представляют планы мирного урегулирования на территории бывшей Югославии, которые впервые представлены и обобщены в одном томе.

Результатом обобщения собранных документов стала монография «История югославского кризиса (1990–2000)» (2001). Монография переведена на сербский язык: J. Guskova. Istorija jugoslavenske krize 1990–2000. T. 1–2. Beograd: IGAM, 2003. Эта работа на сегодняшний день является единственным обобщающим трудом по истории югославского кризиса, выполненным на основе глубокого исторического анализа с привлечением огромного количества документов, свидетельств современников и участников событий и личных наблюдений.

В 2002 г. в Центре начала разрабатываться новая тема – роль албанского фактора в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. В российской историографии история межнациональных противоречий в Косове и Метохии, Македонии и Черногории не была предметом научного исследования, основанного на широкой документальной базе. Актуальность проблемы заключается в исследовании закономерностей, которые выявляются при существовании и распаде многонациональных государств, при возникновении

межнациональных противоречий, которые перерастают в конфликт. Для России с ее многонациональным составом населения, перманентными кризисами и межнациональными напряжениями изучение этих процессов необходимо. Проводились сбор, систематизация и подготовка к публикации большого количества как опубликованных, так и новых, архивных, документов. Так появился проект, поддержанный РГНФ, – трехтомное издание документов «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии в 3-х т.». Проект исследует историю возникновения и развития межнационального конфликта на территории бывшей Югославии – в Косове и Метохии, Македонии и Черногории с конца XIX в. до середины первого десятилетия XXI в. Первые два тома уже доступны читателю. В первый том вошли документы с 1878 по 1997 г. Они касаются как истории сербско-албанских, черногорско-албанских и македонско-албанских отношений, так и их современного состояния. Часть документов отражает историю сербского и албанского населения Косова и Метохии, албанского населения в Македонии и Черногории. Ряд документов ранее был опубликован в Югославии и других странах, и сейчас впервые переведен на русский язык. В сборник также вошли неопубликованные документы из фондов Архива внешней политики Российской империи Историко-дипломатического департамента МИД России. Том открывается Программой Призренской лиги, албанской организации, созданной в 1878 г. и поставившей себе цель «с оружием в руках бороться за защиту всей территории», заселенной албанцами. Последующие документы отражают состояние и трансформацию так называемого албанского вопроса в конце XIX – начале XX в., после создания Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, в годы Второй мировой войны, в период существования СФРЮ. Ряд документов отражает состояние сербско-албанских отношений в период распада федеративного государства и югославского кризиса.

Во второй том вошли документы, освещающие содержание конфликта на территории Косова и Метохии в 1998–1999 гг. Они отражают как развитие конфликта между албанскими сепаратистами и правительством Югославии, так и деятельность международных организаций по разрешению конфликта, включая применение блоком НАТО силы с целью заставить правительство страны принять условия урегулирования. В сборнике 144 документа, среди которых главное место принадлежит материалам международных организаций, занимавшихся разрешением межнационального столкновения на территории СРЮ: Контактной группы, Совета Безопасности ООН, Международной кризисной группы, ЕС, ОБСЕ, Группы 8, Исламской группы, НАТО, Международного трибунала по бывшей Югославии. Представлена также позиция руководства Югославии в лице Президента страны, правительства, министра иностранных дел, министра обороны. Публикуются статистические данные о деятельности Освободительной Армии Косова в период 1998–1999 гг., о задер-

жанных и убитых гражданских лицах на территории КиМ. Позиции других стран по кризису на территории Югославии в указанный период представлены письмами и заявлениями, распространяемыми в Совете Безопасности, а России – документами Думы и Федерального Собрания. Значительное место в сборнике занимают документы переговорного процесса в Рамбуйе и мирных договоренностей после окончания бомбардировок НАТО территории Югославии. Несомненный интерес представляют Распоряжения, изданные Специальным представителем Генерального секретаря ООН с июня по декабрь 1999 г., в так называемый послевоенный период развития автономного края, и определяющие основные тенденции развития Косова и Метохии в последующие годы.

Третий том документов находится в издательстве. В него вошли более 100 документов, которые охватывают шесть лет истории югославянских государств – с 2000 по 2005 г. включительно. Выделение документов именно этих лет в отдельный том вызвано тем, что в это время наступает новый этап в развитии кризиса, связанный с его расширением на территорию Македонии и юг Сербии, а также с углублением конфликта в Косове и Метохии. Этот период характеризуется также присутствием на территории Косова и Метохии международных миротворческих сил, главную роль в которых составляли войска НАТО. Документы были призваны показать характер миротворческой деятельности международных сил на территории края, внутреннее развитие Косова и Метохии после 1999 г., развитие кризиса на территории Македонии в 2001 г., вызванного восстанием албанцев, требовавших расширения своих прав и предоставления автономии, а также деятельность албанцев, направленную на полное достижение независимости.

Публикацией новых видов документов стал сборник «Наши миротворцы на Балканах» (2007). Книга содержит воспоминания, мемуары и дневниковые записи российских миротворцев, принимавших участие в урегулировании конфликта на территории бывшей Югославии в период с 1992 по 2004 г. Это первый в нашей стране сборник свидетельств россиян (и жителей ближнего зарубежья) – непосредственных участников миротворческой миссии на Балканах, тех, кто в трудных условиях военного противостояния осуществлял или продолжает осуществлять свою нелегкую службу в одной из самых горячих точек мира. Среди авторов – военный наблюдатель, полицейские, начальник штаба сектора «Сараево», сотрудники гуманитарных организаций, журналист, ученый. Они писали о Боснии, Хорватии, Косове и Метохии, о Гаагском трибунале. Презентация книги прошла в Москве, в Информационном центре ООН. Книга переведена в Сербии, в Нови-Саде под названием «Русские миротворцы на Балканах».

Кроме научной и издательской деятельности Центр ведет большую просветительскую работу: сотрудники проводят консультации, экспертные оцен-

ки, выступают в средствах массовой информации с научным анализом и комментариями о современных событиях на Балканах, организуют «круглые столы» и научные конференции, а также принимают участие в работе научных симпозиумов в стране и за рубежом. Только в 2001–2007 гг. сотрудники Центра приняли участие в 14 всероссийских и 32 международных конференциях, выступая на них с докладами и сообщениями, а также более чем в 150 мероприятиях – выступления на презентациях книг, чтение лекций (Сербия, Босния и Герцеговина, Македония, Россия), участие в радио- и телепередачах по проблемам современных событий на Балканах, комментарии в СМИ и т.д.

В Центре ведется большая научно-учебная работа. Центр участвует в совместных с академиями наук балканских стран проектах: по проблемам государственного строительства и межнациональных отношений в Македонии, становления государственности Республики Хорватии (1990–2005), общественно-политического развития Черногории в современных условиях и др. Сотрудники Центра планируют также продолжить работу по исследованию приоритетных для Центра проблем – об урегулировании кризиса и переговорном процессе в Югославии в 1999 г., о нарушении прав человека на постюгославском пространстве, о деятельности Гаагского трибунала и пр.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Бертух-Самуэлс А.,
Рамлоган П.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЕВРО МИРОВОЙ ВАЛЮТОЙ?

Bertuch-Samuels A., Ramlogan P. L´euro, monnaie mondiale? // Problиmes écon. – P., 2007. – N 2926. – P. 41-45.

В статье сотрудников МВФ отмечается, что после восьми лет введения евро эта валюта быстро и прочно утвердилась как вторая по значению в мире международная валюта. В настоящее время евро по своей роли намного превосходит не только европейские валюты, которые он заменил, но и фунт стерлингов и японскую иену. Это произошло, несмотря на то, что Европейский центральный банк (ЕБЦ) не пытается активно расширять применение евро за границей.

Валюта является международной, если резиденты используют ее как внутри страны эмиссии, так и за ее пределами. В отношении евро это означает использование его за пределами зоны евро. Эмитирующая международную валюту страна или группа стран получает определенные политические и экономические выгоды, связанные с ростом международного престижа и глобального влияния. Экономические выгоды проявляются в более низких трансакционных издержках и процентных ставках и более высокой доходности финансовых учреждений. Эти выгоды обусловлены возрастанием экономической активности и эффективности внутренних рынков капитала; большей возможностью финансирования дефицита платежного баланса по текущим операциям собственной валютой, что устраняет необходимость наращивания резервов в иностранной валюте. Однако превращение валюты в международную создает риски и повышает ответственность, так как страна-эмитент становится более уязвимой перед лицом колебаний обменных курсов валют, подрывающих финансовую и макроэкономическую стабильность и ограничивающих выбор возможных мер монетарной политики.

Наибольшего прогресса евро добился в области международных финансов и наименьшего – в области международных торговых операций. С географической точки зрения евро играет роль международной валюты в основном в странах, которые имеют региональные и политические связи с зоной евро, включая новые страны – члены ЕС и страны зоны франка. Эти страны составляют около одной трети стран, которые привязывают курс своей национальной валюты к евро или доллару. Остальные две трети привязывают курс своей валюты к доллару. На конец сентября 2006 г. в долларах выражалось 2/3 мировых валютных резервов, на долю евро приходилось 25%,

а на долю иен и фунтов стерлингов – 7% (с. 42). В валютных резервах развивающихся стран доля евро выше, чем у промышленно развитых стран.

В частной сфере евро обогнал доллар по объему выпуска международных облигаций: на конец сентября 2006 г. на выпуски в евро приходилась почти половина всего мирового объема международных облигаций. На конец 2005 г. в странах Центральной Европы и Балтии в среднем 83% международных облигаций было выражено в евро, в то время как в странах Азии и Латинской Америки выпуски в евро оставались небольшими.

В международной банковской сфере на конец июня 2006 г. в евро было выражено 39% всех займов и 28% – всех депозитов, тогда как в долларах соответственно 41 и 48% (с. 42). На валютных рынках евро является второй по объему операций валютой после доллара, а наиболее часто встречающейся валютной парой является евро-доллар.

Гораздо меньше используется евро в расчетах по международной торговле, за исключением расчетов стран зоны евро с их торговыми партнерами. Частично это связано с тем, что расчеты в торговле сырьевыми товарами традиционно осуществляются в долларах. Многие страны Восточной и Юго-Восточной Европы намерены присоединиться к ЕС, что побуждает их использовать евро. Вместе с тем это усиливает их уязвимость перед лицом колебаний в настроениях инвесторов и изменений на международных финансовых рынках.

Роль евро как международной валюты во многом определяется действием следующих четырех факторов.

1. Размеры и уровень открытости экономики. Чем крупнее и динамичнее экономика, тем потенциально больше ее влияние на мировую экономику. Зона евро, имея большую численность населения, чем США, и почти такую же экономику, в состоянии обеспечить евро важную международную роль.

Однако темпы экономического роста стран зоны евро отстают от темпов роста мировой экономики, составив в 2003–2005 гг. в среднем всего 1,4% против 5,7% в остальных странах мира (с. 43). Более высокие темпы роста могут повысить привлекательность стран зоны евро для инвесторов, а также доверие к их экономике и евро, что приводит к увеличению притока долгосрочного капитала. Важную роль также играет политика ускорения экономического роста на основе проведения структурных реформ, направленных на повышение производительности и уровня занятости.

2. Стабильность цен и обменного курса. Чем выше стабильность цен и обменного курса в стране-эмитенте, тем ниже затраты и риски на финансовых рынках и выше доверие к валюте. ЕЦБ наделен большими полномочиями и обладает независимостью в поддержании стабильности цен. Инфляция и инфляционные ожидания в зоне евро являются низкими и стабильными, а волатильность обменного курса также невысока.

3. Развитие и интеграция финансового рынка: он обеспечивает достаточную ликвидность, уменьшает трансакционные издержки, снижает неопределенность, риски и стоимость хеджирования, приводит к понижению процентных ставок. Он также способствует повышению производительности и темпов экономического роста и укреплению доверия к евро. Финансовые системы стран зоны евро традиционно основывались на банках, и их финансовые рынки были менее развитыми и интегрированными, чем в США. Однако в последние два десятилетия интеграция европейских финансовых систем ускорилась, особенно с принятием в марте 2000 г. Плана действий в области финансовых услуг, который предполагает устранение законодательных и рыночных барьеров при оказании трансграничных финансовых услуг. Растущая интеграция финансовых рынков в рамках ЕС проявляется в значительном увеличении рынка корпоративных и государственных облигаций, в возросшей интеграции фондовых рынков, в уменьшении разрыва в уровнях процентных ставок в странах зоны евро, в формировании общей рыночной инфраструктуры, расширении многообразия финансовых инструментов.

Однако европейские финансовые рынки еще не полностью интегрированы. Рынки долговых ценных бумаг и розничных финансовых услуг остаются слабо концентрированными, рынок коммерческих ценных бумаг слабо развит, правила деятельности национальных фондовых бирж недостаточно гармонизированы. Правовые системы, регулирующие выпуск ценных бумаг, не стандартизованы, что затрудняет обмен между ценными бумагами разных стран. Системы клиринга и расчетов по ценным бумагам также различаются между странами. В результате различаются правила учета и другие требования к ведению операций, что обусловливает высокие издержки по международным сделкам. Различия в налоговых системах и в правилах защиты потребителей сдерживают развитие международных инвестиций. Кроме того, в зоне евро отсутствует единая система банковского надзора, что препятствует оптимизации деятельности международных банков.

4. Привычки и инерция. Экономия на масштабах, снижение трансакционных издержек и удобства, связанные с наличием более широкого спектра финансовых инструментов, служат сильным стимулом для экономических агентов продолжать пользоваться существующей валютой. После Второй мировой войны доминирующей международной валютой стал доллар. Так что, подчеркивают авторы, пройдет еще немало времени, прежде чем евро станет действительно жизнеспособной альтернативой доллару.

Чтобы евро стал действительно мировой валютой, он должен расширить границы своего применения в международных операциях, выйдя за пределы региона, непосредственно прилегающего к зоне евро. В долгосрочном плане способность евро решить эту задачу будет во многом зависеть от преодоления структурных и других трудностей, стоящих

на пути экономического роста и интеграции финансовых рынков. Важную роль также должна играть способность ЕС выступать единым фронтом на международной арене, в том числе по международным финансовым вопросам.

Позитивным фактором для евро является более чем двукратное увеличение за период с 1999 по 2006 г. объема чистых активов, принадлежащих нерезидентам. Особенно быстро они росли в 2002–2004 гг., когда чистый приток капиталов в зону евро рос быстрее, чем в США. В этом частично отражаются изменения обменного курса евро по отношению к доллару в 2002–2006 гг., а также повышение конкурентоспособности зоны евро в области привлечения инвестиций.

На будущей роли евро как международной валюты могут сказаться еще два фактора. Во-первых, то, насколько сильной и быстрой будет корректировка глобальных дисбалансов и в первую очередь между глобальными сбережениями, инвестициями и потреблением. Сценарий постепенной корректировки отчасти зависит от желания иностранцев продолжать приобретать активы США. Неожиданное изменение предпочтений портфельных инвесторов и их отказ от активов США могут вызвать резкое падение доллара и привести к резкому расширению использования евро в качестве международной валюты. В то же время более плавная корректировка дисбалансов предотвратит неожиданное и сильное падение курса доллара и вряд ли существенно скажется на международной роли евро.

По данным Министерства финансов США, инвесторы из стран Азии являются самыми крупными иностранными держателями казначейских ценных бумаг США: 57% на конец октября 2006 г., а инвесторы из европейских стран занимают второе место (21%). На долю стран – экспортеров нефти приходится менее 5%. В то же время европейские инвесторы являются самыми крупными иностранными держателями акций США (53% на июнь 2005 г.), вслед за ними идут инвесторы из стран Западного полушария (26%) и Азии (18%) (с. 45). Таким образом, поведение инвесторов из стран Азии и Европы будет играть определяющую роль в сохранении высокого спроса на долларовые активы, который зеркально отражает силу экономики США, глубину и ликвидность американского рынка капитала и разницу в процентных ставках в США и зоне евро. Готовность государственных и частных инвесторов Европы и Азии продолжать держать долларовые активы в случае существенного повышения обменного курса доллара будет иметь важное значение для упорядоченной глобальной корректировки и международной роли евро.

Вторым фактором является быстрый экономический рост Китая и Индии и накопление резервов в иностранной валюте странами Азии. Подъем экономики Китая и Индии приведет к уменьшению относительной глобальной роли и влияния зоны евро и к смещению акцента в торговле и в операциях с капиталом на валюты этих двух стран. Однако вряд ли расширение международно-

го использования их валют в обозримом будущем будет происходить такими же темпами, как рост их экономики. Однако, поскольку страны Азии владеют существенной долей мировых официальных резервов, их реакция на возможное дальнейшее понижение курса доллара будет иметь большое значение.

Л.А. Зубченко

Блум М.

ЖЕНЩИНЫ-КАМИКАДЗЕ: МИРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

Bloom M.
Female suicide bombers. A global trend // Daedalus. – Cambridge, 2007. – Vol. 136, N 1. – P. 94–102.

Американская исследовательница Майя Блум (Университет штата Джорджия, США) задается вопросом, каковы причины, побуждающие мусульманок не только в исламских, но и во вполне благополучных западных странах прибегать к насилию в политических целях.

В одном лишь 2006 г. в нескольких террористических актах – как удавшихся, так и предотвращенных – принимали участие обращенные в радикальный ислам женщины из Германии и Бельгии. Данная тенденция демонстрирует некое новое умонастроение: если в таких организациях, как «Народная воля», ИРА, «Красные бригады» и другие, женщины играли второстепенную, вспомогательную роль, то теперь они все больше выходят на первый план. «В настоящее время женщины начинают играть в конфликтах главные роли, становясь бомбистками-самоубийцами и используя собственные тела как живые детонаторы для тех взрывчатых материалов, которые находятся у них на поясе. Первой в этом ряду была 17-летняя ливанка Санаа Мехайдали, получившая задание от Сирийской социалистической национальной партии… – секуляристской просирийской ливанской организации – и взорвавшая себя вблизи колонны израильских войск в 1985 г. в Ливане, убив пятерых солдат» (с. 94). Из 12 терактов, совершенных данной организацией, шесть были осуществлены женщинами. Вообще более половины всех «камикадзе» в настоящее время – это женщины, что противоречит широко распространенному тезису – одному из ключевых в феминистической «доктрине» – гласящему, что представительницы «слабого» пола более, чем мужчины, предрасположены к компромиссу и мирному разрешению конфликтов. То, что женщины-камикадзе часто симулируют беременность, придает ситуации еще более зловещий смысл и едва ли вяжется с попытками феминисток представить женщину в качестве жертвы мужских конфликтов, жертвы по преимуществу.

Каковы же непосредственные причины, побуждающие женщин к подобным действиям? «Мотивы бывают различными: отомстить за утрату близких людей, восстановить попранную честь семьи, найти выход из монотонной жизни “за каменной стеной”, стяжать личную славу, попытаться изменить те патриархальные устои общества, в которых они вынуждены жить» (с. 95). Как правило, женщины руководствуются побуждениями личного характера, а

не теми, что продиктованы идеологией. Так, Зарема Мужихоева, задержанная при попытке совершить теракт, была вынуждена отрабатывать украденные ею у родственницы драгоценности. Немаловажным мотивом все чаще становится гендерный: стать героиней, чтобы показать, на что способны женщины, уйти от второстепенных ролей; этому в немалой степени способствует и то прославление, которым окружены «шахиды». Так, 27-летняя палестинка Вафа Идрис, служащая палестинского отделения «Красного Полумесяца», совершившая самоубийственный теракт по заданию «Бригад мучеников ал-Акса» (военное крыло «Фатх») 27 января 2002 г., стала признанной героиней во всем арабском мире, а «Бригады» даже учредили специальное отделение, носящее ее имя и специализирующееся на подготовке аналогичных акций. По заверениям руководства оно уже подготовило около 200 смертников. Такие заявления, по данным осведомленных источников в Израиле, не так уж далеки от реальности – об этом свидетельствует огромное число писем от женщин, готовых стать «камикадзе», адресованных в «Хамас». Подготовкой смертниц занимается и «Аль-Каида» в Пакистане. Появилась даже некая Умм Усама (араб. «Мать Усамы» – возможно, имя вымышлено и содержит намек на Усаму бин Ладена), якобы осуществляющая руководство женскими отделениями бойцов «Аль-Каиды».

Подобная активность женщин оказывает глубокое влияние и на мусульманские общества в целом. Так, палестинское общество под влиянием политической активизации женщин с начала 60-х годов прошлого века переживает существенную трансформацию гендерных ролей: «В результате мы наблюдаем двойную траекторию, которой следуют вступившие на путь политической борьбы палестинские женщины, с одной стороны, они доказывают обществу весомость собственного вклада в его жизнь, с другой – помогают восстановлению системообразующих ценностей сообщества» (с. 99). Тем не менее те, кто направляет действия смертниц, едва ли позволят им вытеснить патриархальный культ мужчины как главного действующего лица; женщины-камикадзе – лишь тактическая уловка с целью пробудить гордость мужской части населения – особенно в условиях, когда арабские армии демонстрируют либо неподготовленность, либо бездействие, и вызвать к жизни дух соревнования между полами, что способствовало бы дальнейшей эскалации террора. Кроме того, женщина – особенно вестернизированная – вызывает намного меньше подозрений охранных структур.

Средства массовой информации уделяют в 8 раз больше внимания терактам, в которых участвуют женщины, чем тем, что совершены только мужчинами; этому соответствует и интерес, который проявляет к смертницам публика: «Вид женщин, бросающих вызов традиционным ценностям, чтобы пожертвовать жизнью ради палестинского дела, привлекает внимание мирового сообщества к тому отчаянному положению, в котором пребывают палестинцы» (с. 100). Таким образом,

подобные нападения совершаются в значительной мере ради того психологического эффекта, который они вызывают; сюда же следует добавить и стирание тех мысленных барьеров (женщина, превращающая себя в оружие), которые существуют в сознании масс населения – создается впечатление, что повстанцы повсюду, а это делает атаки самоубийц еще более устрашающими.

К.Б. Демидов

БИБЛИОГРАФИЯ

И.Л. Беленький, Е.О. Филатова

ИНСТИТУТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ: МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЗДАННОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

Беленький Иосиф Львович – старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Филатова Елена Олеговна – независимый исследователь.

Проблема смертной казни (высшей, исключительной меры наказания) – как существеннейшего института уголовной политики, политического инструмента государственной власти в определенные эпохи и на протяжении всей истории России Нового и Новейшего времени одного из индикаторов общественных умонастроений – занимает особое место в истории и, соответственно, отечественной юридической/правовой мысли российского уголовного законодательства и правосознания общества.

Многоаспектный подход к этой проблеме, сложившийся к началу XX в. в Европе и в России, предполагал изучение: предыстории и генезиса смертной казни как юридической нормы, закрепления этой нормы в национальных системах права (в том числе в древнерусском праве), ее последующей эволюции и трансформации в историко-политическом и социокультурном контекстах. Исследование проблемы представлялось также немыслимым вне обращения к материалам криминологии и пенологии. И разумеется, основополагающим оставалось обращение к религиозным, философским и этическим аспектам проблемы, претворение темы смертной казни в художественной литературе.

Обстоятельства послеоктябрьской эпохи существенно трансформировали сложившуюся «парадигму» видения проблемы[1]. По существу, единственно возможным для исследования оказались лишь два вопроса: 1) предыстория и генезис смертной казни как юридической нормы и ее закрепление в законодательных актах; 2) роль смертной казни в карательной политике имперской России.

Подлинное «возрождение» темы, во всем многообразии ее смыслов, произошло на изломе 1980–1990-х годов[2]. Общественный резонанс ее впервые за многие десятилетия стал достоянием массового печатного слова; поляризация общества (за смертную казнь – против смертной казни) – в контексте криминологической, социальной и политико-правовой ситуации[3] 1990–2000-х годов придает именно социально-политическим аспектам проблемы и ее философско-этическим и религиозно-философским смыслам особую значимость. «Академические» историко-правовые штудии начинают играть в какой-то степени вспомогательный, прикладной характер. Вместе с тем далеко не все вопросы этого типа исследованы с необходимой полнотой. Слабее всего изучена история смертной казни в советскую эпоху. Не только предшествующая «закрытость» темы является причиной этого. Исследовательское и общественное внимание к трагическим страницам сталинизма, к карательной политике режима в очень небольшой степени оказалось обращенным к теме юридических основ и процессуальной техники репрессий, в частности, связанных с вынесением и приведением в исполнение смертных приговоров.

Печатаемые ниже библиографические материалы дают некоторое представление о развитии исследований в нашей стране института смертной казни с середины XX в. по наши дни. В нем учтены как оригинальные, так и переводные публикации, а также переиздание классических трудов отечественных правоведов второй половины XIX – начала XX в., осуществленные в наши дни.

---

1. Внутриполитическая ситуация в России в 1900-е годы неизбежно усиливала внимание общества к проблеме. См. сб.: Отношение к проблеме смертной казни – М., 1914. – 16 с.; Против смертной казни. – М., 1909. – 11, 336, 11 с.; О смертной казни: Мнение рус. криминалистов. – М., 1909. – 117, XI, 11 с. (с. I–XI: Гернет М.Н. Указатель литературы на русском языке по вопросу смертной казни).

2. Этапной стала книга «Смертная казнь: За и против». – М., 1989.

3. Среди прочего значимы и сам факт введения моратория на смертную казнь в 1996 г., и постоянное возвращение к обсуждению этого вопроса.

1. Проблема смертной казни в правовой, социально-политической и религиозно-философской мысли.

1. Жильцов С.В. Понятие смертной казни // Вестн. Междунар. акад. бизнеса и банк. дела. Сер.: Юриспруденция. – Тольятти, 1996. – № 4. – С. 46–49.

2. Иванова Р.И. Философия… и смертная казнь // Личность, творчество и современность. – Красноярск, 2003. – Вып. 6. – С. 21–28.

Социально-философские, в частности, социально-антропологические контексты проблемы.

3. Косарев И.И. Смертная казнь и медицина // Методологические и социальные проблемы медицины и биологии. – М., 1993. – С. 98–103.

Смертная казнь как форма насильственного прекращения жизни.

4. Кузин Б.С. О самом страшном // Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину. – СПб., 1999. – С. 226–237.

5. Кукушкина Е. Смертная казнь // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. – Тольятти, 1998. – Вып. 2. – С. 139–141.

6. Маковеев Д.В. Жизнь человека: Насилие и смерть: Аспекты социально-философского анализа. – Пермь, 2004. – 178 с.

7. Михлин А.С. Высшая мера наказания: История, современность, будущее. – М., 2000. – 175 с.

8. Михлин А. Понятие смертной казни // Государство и право. – М., 1995. – № 10. – С. 103–111.

9. Ознобкина Е. О смертной казни // Развитие личности. – М., 2005. – № 3. – С. 105–120.

10. Михлин А.С. Способы применения смертной казни: История и современность // Государство и право. – М., 1997. – № 1. – С. 71–75.

11. Николаевич Б.О. Смертная казнь // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 3. – С. 370–571.

12. Омельченко Н.В. Метафизический аргумент против смертной казни // Материалы XII научной конференции профессорско-преподавательского состава Волгоградского государственного университета (12–21 апреля 1995 года). – Волгоград, 1995. – С. 13–17.

13. Печурин И.В. Онтологические и логические аспекты смертной казни // Современные проблемы юридической науки. – Новосибирск, 2005. – Вып. 5. – С. 281–286.

14. Печурин И.В. Становление цивилизации и смертная казнь // Современные проблемы юридической науки. – Новосибирск, 2003. – Вып. 3. – С. 304–306.

15. Орлов А.В. Смертная казнь // Юрист. – М., 1999. – № 1. – С. 58–63.

16. Померанц Г. Отшатнуться от зла // Век XX и мир. – М., 1989. – № 10. – С. 33–37.

Недопустимость смертной казни.

17. Смирнов А.С. Конституции и институции человека // Человек.ru. – Новосибирск, 2006. – № 2. – С. 57–67.

С. 61–62: О смертной казни.

18. Торгашина Н.И. Высшая мера наказания как философско-правовая проблема // Наука и образование. – Белово, 2003. – С. 477–479.

* * *

19. Губский М., К.-К. [Кузьмин-Караваев В.Д.] Смертная казнь // Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. – М., 1992. – Полут. 60. – С. 493–509. – Репринт. изд.: СПб., 1900.

20. Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Суд на Иисусом Христом. – М., 2005. – 328 с.

21. Месть // Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. – М., 1991. – Полут. 37. – С. 151–152. – Репринт изд.: СПб., 1896.

* * *

22. Булычёв А.А. Несколько замечаний о смертной казни в книгах Ветхого и Нового Завета // Памяти Лукичева: Сб. ст. по истории и источниковедению. – М., 2006. – С. 24–60.

23. Гусейнов А.А. Талион // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т. 4. – С. 7–8.

24. Драгомощенко А. Еще метафора // Memento vivere, или Помни о смерти. – М., 2000. – С. 238.

Гильотина.

25. Евреинов Н. Театр и эшафот // Мнемозина: Документы и материалы по истории русского театра XX в. – М., 1996. – С. 21–44.

Кровавое жертвоприношение; публичная казнь; генезис театра древности.

26. Золотарев А.В. Уголовное наказание в свете христианской антропологии // Проблемы современного антропосоциального познания. – Брянск, 2006. – Вып. 4. – С. 74–79.

27. Карпов А.И. Влияние правовых учений о смертной казни на развитие правоприменительной практики: (Ист.-правовой аспект). – М., 2003. – 144 с. – Библиогр.: с. 142–144.

28. Медведев И.П. Смертная казнь в толковании византийских юристов // Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. – СПб., 2001. – С. 479–498.

29. Медведев И.П. Смертная казнь в толковании Федора Вальсмона // Византийская цивилизация в освещении российских ученых, 1947–1991. – М., 1999. – С. 466–474.

30. Решетников Ф.М. Беккария. – М., 1987. – 128 с.

31. Соловьёв Э.Ю. Категорический императив нравственности и права / РАН. Ин-т философии. – М., 2005. – 416 с.

С. 192–212: Талион и наказание в «Метафизике нравов» И. Канта.

32. Тираспольский Г.И. Беседы с палачом: Казни, пытки и суровые наказания в Древнем Риме. – М., 2003.

33. Черниловский З.М. Смертная казнь: Историко-философский аспект // Сов. государство и право. – М., 1991. – № 1. – С. 128–137. – Рез. англ.

34. Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. – М., 1957. – 304 с.

* * *

35. Смертная казнь: За и против / Бердяев Н.А., Боборыкин П.Д., Булгаков С.Н. и др.; Сост.: Шишов О.Ф., Парфенова Т.С.; Под ред. Келиной С.Г.; Подгот.: Парфенова Т.С. и др. – М., 1989. – 525 с.

36. Гернет М.Н. Общая оценка смертной казни // Журн. социол. и социал. антропологии = J. of sociology a. social anthropology. – СПб., 2003. – Т. 6, № 1. – С. 67–79. – Библиогр.: с. 78–79.

Заключительная глава монографии М.Н. Гернета «Смертная казнь» (1913 г.).

37. К русскому обществу // Век XX и мир. – М., 1989. – № 3. – С. 44–47.

Обращение представителей русской интеллигенции с призывом к отмене смертной казни. 1909 г.

38. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. – Тула, 2000. – 270 с.

39. Таганцев Н.С. Смертная казнь // Изв. вузов. Правоведение. – СПб., 1994. – № 4. – С. 65–74; № 5. – С. 88–107.

Из кн.: Таганцев Н.С. Смертная казнь. – СПб., 1913.

40. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права // Под ред. и с предисл. Томсинова. – М., 2003. – 523 с.

* * *

41. Борисов А. Зло: (Смертная казнь и русская интеллигенция) // Век XX и мир. – М., 1989. – № 3. – С. 44–48.

42. Бочкарёва В.И. М.Н. Гернет о смертной казни: Из истории российской «социологической школы в уголовном праве» // Журн. социол. и социал. антропологии = J. of sociology a. social anthropology. – СПб., 2003. – Т. 6, № 1. – С. 54–66.

Библиогр.: с. 65–66.

43. Буда Н.Ф. «Не убий»: Достоевский и проблема смертной казни // Записки Русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 1990–2000. – Т. 30. – С. 383–399.

44. Бялокозович Б. Лев Толстой глазами Яна Бодуэна де Куртенэ // Славяноведение. – М., 2001. – № 6. – С. 93–103.

Библиогр.: с. 102–103.

История неопубликованных статей Я. Бодуэна де Куртенэ «Л.Н. Толстой и смертная казнь» и «Отрывочные заметки о Л.Н. Толстом», предназначенных для юбилейного «Альманаха Л.Н. Толстого» (1908 г.).

45. Бялокозович Б. Неизвестная судьба статьи-исследования И.А. Бодуэна де Куртенэ «Л.Н. Толстой и смертная казнь» // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобаческого. Сер.: Филология. – Н. Новгород, 2000. – Вып. 1. – С. 88–100.

Статья 1908 г. была предназначена для «Толстовского Международного Альманаха»; не опубликована по цензурным соображениям.

46. Кузьминков О.В., Поцелуев Е.Л. Противники смертной казни в русской криминалистической литературе начала XX в. // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики. – Иваново, 1996. – С. 108–109.

47. Ошерович Б. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (II половина 18 – 1 четверть 19 в.). – М., 1946. – 312. – Библиогр.: с. 307–311.

48. Рейфман И. Телесные наказания, танцы и реставрация чести: Диалог Лескова с Достоевским // Фольклор, постфольклор, быт. литература. – СПб., 2006. – С. 281–289.

49. Слинько А.А. Статья Л.Н. Толстого «Не убий» в контексте совре-

менной истории // Филол. зап. – Воронеж, 1995. – Вып. 4. – С. 86–93.

50. Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права: (Первая четверть XIX в.) – Л., 1961. – 168 с.

51. Суслонов П.Е. Философия наказания: (Опыт исслед. в рус. мировоззрен. парадигме) / Урал. юрид. ин-т. – Екатеринбург, 2006. – 86 с. – Библиогр.: с. 83–85.

52. Шаргородский М.Д. Наказание в русском дореволюционном уголовном праве // Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. – М., 1957. – С. 238–300.

* * *

53. Беккарина Ч. О преступлениях и наказаниях. – М., 2004. – VI, 183 с.

54. Беккарина Ч. О преступлениях и наказаниях // Законность. – М., 1993. – № 5. – С. 30–40.

О смертной казни, взятии под стражу, давности, труднодоказуемых преступлениях

55. Жирар Р. Насилие и священное / Пер. с франц. Данишевского Г. – М., 2000. – 400 с.

Жертвоприношение, кровная месть, насилие.

56. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения. – М., 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 107. – 438.

С. 244, 256–259: Смертная казнь и проблема соразмерности преступления и наказания.

57. Кант И. Рецензия на сочинение Иоганна Генриха Шульца «Опыт введения в доктрину нравственности для всех человеческих существ безотносительно различия в религиях, включая приложение о смертной казни. Часть I» (Berlin, Stahlbaum, 1783). Пер. и коммент. Калинникова Л.А. // Кантовский сборник. – Калининград, 2004. – Вып. 24. – С. 132–139.

58. Кёстель А., Камю А. Размышления о смертной казни / Пер. с франц. Любжина А.И., Проничева П.И. – М., 2003. – 272 с.

В книгу включены работы А. Кёстлера «Размышления о виселице», А. Камю «Размышления о гильотине» и Ж. Блок-Мишеля «Смертная казнь во Франции».

59. Когда убивает государство: Смерт. казнь против прав человека / Пер. с англ. Воробьева О.В. и др.; Вступ. ст. Бурлацкого Ф. М.; Предисл. и ред. Келиной С.Г. – М., 1989. – 422 с.

60. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 тт. – М., 2005.

Т. 13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. / Пер. с нем. Бакусева В.М., Гараджи А.В. – 656 с.

С. 75: О смертной казни.

2. Институт смертной казни в России в исторической ретроспективе.

61. Владимирский-Буданов М.Ф. История русского уголовного права, гражданского права и процесса // Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М., 2005. – С. 361–776.

62. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / Сост. Киреева Р.А., Зимина А.А.; Отв. ред. Нечкина М.В. – М., 1968. – 525 с.

С. 382: О смертной казни.

63. Латкин В.Н. Учение о наказании // Латкин В.Н. Учебник истории

русского права периода империи: (XVIII и XIX вв.). – М., 2004. – С. 427–450.

С. 433–437: См. Смертная казнь в XVIII – первой половине XIX в.

64. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. Томсинова В.А. – М., 2004. – 234 с.

С. 30–37: Меры наказания. Виды карательных санкций.

65. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / Под ред. и с предисл. Томсинова В.А. – М., 2004. – XXXVI, 451 с.

66. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть общая. – Тула, 2001. – Т. 1–2.

* * *

67. Анашкин Г.З. Смертная казнь в дореволюционной России // Анашкин Г.З. Смертная казнь в капиталистических государствах: (Историко-правовой очерк). – М., 1971. – С. 42–66.

68. Бибик О.Н. Источники уголовного права в Российской Федерации. – СПб., 2006. – 241 с. – Библиогр.: с. 212–240.

69. Воротилина Т.В. Проблемы смертной казни в России: (Ист.-правовой аспект). – Ставрополь, 2007. – 137 с.

70. Воротилина Т.В. Применение смертной казни в истории дореволюционного российского законодательства // Вестн. Ставропол. гос. пед. ун-та. – Ставрополь, 2000. – Вып. 23. – С. 66–72.

71. Гернет М.Ф. История царской тюрьмы. – 2-е изд. – М., 1960–1961. – Т. 1–5.

1-е изд.: М., 1941–1956.

72. Гилинский Я. Смертная казнь в России: Прошлое, настоящее, будущее // Молодежь: Цифры, факты, мнения. – СПб., 1995. – № 1. – С. 109–111.

73. Жильцов С.В. Некоторые политико-правовые аспекты смертной казни в истории России // Политика и о-во = Politique et soc. – М., 2006. – № 1. – С. 97–107.

74. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России: Монография. – М., 2002. – 460 с.

75. Жильцов С.В., Малько А.В. Смертная казнь в России: Историко-теоретическое исследование. – Тольятти, 2001. – 459 с.

76. Караджаев Х.М. Эволюция смертной казни в России // Вестн. Волж. ун-та. Сер.: Юриспруденция. – Тольятти, 2007. – Вып. 64. – С. 173–181.

77. Климчук Е.А. Проблема смертной казни в обычае и уголовном праве России. Сравнительный юридический анализ. – М., 2002.

78. Малько А.В., Жильцов С.В. Смертная казнь в России: История. Политика. Право. – М., 2003. – 222 с.

79. Петухов Н.А. История военных судов России. – М., 2005. – 352 с.

80. Пономарев П.Г., Михлин А.С. Применение смертной казни в истории Российского государства // Сб. науч. тр. / МВД РФ. ВНИИ. – М., 1995. – № 158. – С. 3–13.

81. Софронов-Антомони В. «Правовое бессознательное»: Рус. правовая картина мира // Логос: 1991–2005: Избранное. – М., 2006. – Т. 2. – С. 419–434.

2.1. XI–XVII вв.

82. Баранов П.П., Щетинин А.А. История становления и развития института смертной казни в период государственного строительства на Руси // Юристъ-правоведъ. – Ростов н/Д, 2003. – № 2. – С. 50–57.

83. Демченко Т.И. Возникновение и понимание древнерусского правового сознания: Введение. – М., 2004. – 127 с.

84. Жильцов С.В. К вопросу о смертной казни в древнерусском праве (конец XV – первая половина XVI века) // Межвузов. сб. науч. ст. / Междунар. акад. бизнеса и банков. дела. Сер.: Юриспруденция. – Тольятти, 1997. – № 1. – С. 53–55.

85. Жильцов С.В. Отношение православной церкви к смертной казни в древнерусском обществе // Юриспруденция. – Тольятти, 1995. – № 2. – С. 44–48.

86. Жильцов С.В. Политическая элита и смертная казнь в истории России до середины XVII века // Вест. Волж. ун-та. Сер.: Юриспруденция. – Тольятти, 2003. – Вып. 32. – С. 251–258.

87. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории древнерусского права. – Тольятти, 1995. – 54 с.

88. Жильцов С.В. Смертная казнь в истории отечественного права (V – середина XVII века): Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Саратов, 1997. – 27 с.

89. Жильцов С.В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Изв. вузов. Правоведение. – СПб., 1997. – № 4. – С. 47–52.

90. Смертная казнь в России до конца XVIII столетия: Социально-политические аспекты // Право и политика. – М., 2001. – № 10. – С. 119–131.

91. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. – СПб., 1998. – 216 с.

92. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – Кодекс феодального права России. – 2-е изд., испр. – М., 2003. – 371 с.

93. Милов Л.В. Легенда или реальность: (О неизвестной реформе Владимира и «Правде» Ярослава) // Древнее право. – М., 1996. – № 1. – С. 201–220.

94. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. – М., 2003. – 415 с. – Библиогр.: с. 398–415.

95. Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права: (Очерки IX – середины XVII в.) – М., 2006. – 268 с.

96. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. – М.: Юристъ, 1995. – 288 с. – Библиогр.: с. 270–286.

97. Судебник Ивана III: Становление самодержавного гос-ва на Руси / Под общ. ред. Фроянова И.Я. – СПб., 2004. – 458 с.

98. Судебник 1947 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. / Под общ. ред. Сахарова А.Н. – М., 2000. – 343 с.

99. Шинаков Е.А. О времени и о причинах первого введения смертной казни в России // Право: история, теория, практика. – Брянск, 2003. – Вып. 7. – С. 247–250.

2.2. XVIII – начало XX в.

100. Аксаков И.С. Об отмене смертной казни // Аксаков И.С. У России есть одна-единственная столица… – М., 2006. – С. 235–239.

Впервые: День. – М., 1863. – 30 дек.

101. Гессен М. Расстрел в рассрочку // Итоги. – М., 1996. – № 30. – С. 46–51.

О применении смертной казни в России.

102. Голицын Н.В. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами // Рус. ист. журн. – М., 1999. – Т. II, № 2. – С. 17–62.

* * *

103. Анисимов Е.В. Дыба и кнут: Полит. сыск и рус. о-во в XVIII в. – М., 1999. – 719 с. – Библиогр.: с. 698–714.

104. Анисимов Е.В. Народ у эшафота // Звезда. – СПб., 1998. – № 11. – С. 129–142.

105. Анисимов Е.В. Русская пытка: Полит. сыск в России XVIII века. – СПб., 2004. – 462 с. – Библиогр.: с. 459–461.

106. Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. – М., 1957. – 337 с.

107. Караджаев Х.М. Смертная казнь в XVII–XIX вв. // Вестн. Волж. ун-та. Сер.: Юриспруденция. – Тольятти, 2007. – Вып. 63. – С. 164–166.

108. Клименко А.С. Смертная казнь в царствование Елизаветы Петровны // Наше отечество. Страницы истории. – М., 2002. – Вып. 1. – С. 36–48.

109. Ларин А.М. Государственные преступления: Россия. XIX век. Взгляд через столетие. – Тула, 2000. – 270 с.

110. Нигматулин Р.В. Институт смертной казни в уголовном праве России XIX века: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1996. – 22 с.

111. Нигматулин Р.В. Институт смертной казни в уголовном праве России XIX века. – Уфа, 1997. – 125 с.

112. Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: Причины принятия и история создания // Изв. вузов. Правоведение. – СПб., 2003. – № 3. – С. 183–193.

113. Семенова А.А. Сперанский и декабристы // Исторические записки. – М., 1978. – Т. 102. – С. 214–216.

114. Скрипилев Е.А. Военно-полевая юстиция Временного правительства // Учен. зап. / Сарат. юрид. ин-т. – Саратов, 1989. – Вып. 18. – С. 122–127.

115. Слобоянюк И.П. Верховный уголовный суд над декабристами. – М., 2005. – 145 с.

116. Цветков В.Ж. Репрессивные законодательства белых правительств // Вопр. истории. – М., 2007. – № 3. – С. 16–26.

117. Якубов А.Е. Уголовное уложение 1903 г. и проблема смертной казни // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – М., 1993. – № 5. – С. 43–46.

2.3. XX в.: Советская эпоха

118. Караджаев Х.М. Смертная казнь за особо тяжкие преступления в уголовном праве 50–80 гг. XX века // Вестн. Волж. ун-та. Сер.: Юриспру-

денция. – Тольятти, 2007. – Вып. 64. – С. 140–144.

119. Никитский Л. Смертию смерть поправ // Родина. – М., 1990. – № 4. – С. 73.

Проблема смертной казни.

120. Полянский Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. – М., 1960. – 212 с.

121. Фельдман Д. Нужен ли нам палач? // Даугава. – Рига, 1990. – № 7. – С. 99–104.

122. Фельдман Д. Размышление об одной профессии // Родина. – М., 1990. – № 4. – С. 50.

Исполнители смертного приговора.

123. Ратьковский И.С. Эволюция института смертной казни в первые годы Советской власти // Вестн. СПб. университета. Сер. 2, история. – СПб., 2007. – Вып. 2. – С. 115.

124. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. – М., 1958. – 239 с.

Гл. IV: Виды наказаний. § 1: Смертная казнь. – С. 63–71.

125. Яковлева З. О смертной казни в СССР // Соц. законность. – М., 1991. – № 4 – С. 44–46.

Статистические данные.

* * *

126. Карелин В. Да будет проклята смертная казнь! / Публ. Разгона А., Овруцкого Л. // Наука и жизнь. – М., 1991. – № 8. – С. 48–105.

1919 г.

* * *

127. Гринберг М.С. Уголовное право и массовые репрессии 20-х и последующих годов // Государство и право. – М., 1993. – № 1. – С. 63–73.

128. Репрессии 20–50-х годов и принципы уголовного права // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – СПб., 1993. – № 5. – С. 73–79.

129. Гусейнов Г. Идеологема «расстрел» // Отеч. зап. – М., 2002. – № 3(4). – С. 299–307.

130. Иванова Г.М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 // Труды Института российской истории. – М., 2004. – Вып. 4. – С. 287–311.

131. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Смертная казнь // Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2002. – С. 311–318.

132. Павлов Д.Б. Трибунальный этап советской судебной системы. 1917–1922 гг. // Вопр. истории. – М., 2007. – № 6. – С. 3–10.

133. Тепляков А.Г. Процедура исполнения смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М., 2007. – 108 с.

134. Скороделов И.М., Скороделова Е.И. «Расстрельная» статья. – М., 2005. – 302 с.

135. Петров А.Г. Типология репрессий в СССР: Опыт ист.-правового анализа. – М., 2004. – 307 с. – Библиогр.: с. 298–306.

136. Фельдман Д.М. Терминология власти: Сов. полит. термины в ист.-культур. контексте. – М., 2006. – 486 с.

137. Фельдман Д.М. К истории советской пенитенциарной терминологии. Опыт подготовки комментария и терминологического досье // Нестор. – СПб., 2005. – № 7. – Технология власти. – С. 365–373.

138. Хецуриани Дж. Г. Смертная казнь и современность // Сакартвелос ССР мецниеребата академиис мауне. Экономикиса да самартлис серия = Изв. АН ГССР. Сер. экономики и права. – Тбилиси, 1988. – № 4. – С. 113–119.

* * *

139. Бойцова Л.В. Реабилитация необоснованно осужденных граждан: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Л., 1990. – 22 с.

140. Иоффе В.В. Реабилитация как историческая проблема // Вестн. Мемориала. – СПб., 2001. – № 6. – С. 4–7.

141. Книги памяти жертв политических репрессий в СССР: Аннот. указ / Сост.: Груздев Ю.П., Разумов А.Я. – СПб., 2004. – 335 с.

142. Пастухов М.И. Реабилитация невиновных: Основы правового инта. – Минск, 1993. – 176 с.

143. Петров А.Г. Реабилитация политических репрессий: Опыт ист.-правового анализа. – М., 2005. – 315 с.

144. Реабилитация и восстановление прав жертв политических репрессий. – Сб. законодат. актов и метод. материалов / Сост.: Ольшанский Н.А., Епанчина О.Н. – Вел. Новгород, 2001. – 103 с.

145. Татьянин Д.В. Реабилитация в уголовном процессе России: (Понятие, виды, основания). – М., 2007. – 140 с.

146. Фельдман Д.М. Реабилитация: Археология понятия // Освободительное движение в России. – Саратов, 2006. – Вып. 21. – С. 153–182.

147. Эткинд А. Время сравнивать камни. Постреволюционная культура политической скорби в современной России // Ab Imperia. – Казань, 2004. – № 2. – С. 33–74.

2.4. Современная эпоха (1991–)

148. Агамов Г. Конференция по проблеме отмены смертной казни // Законность. – М., 1999. – № 8. – С. 34–35

3–4 июня 1999 г.

149. Алкаев О. Расстрельная команда. – М., 2006. – 287 с.

150. Акимов А.В., Каден А.Г. Смертная казнь в России: Социально-правовой аспект // Социокультурные исследования. – Волгоград, 2003. – Вып. 7. – С. 200–204.

151. Амплеева Т.Ю. Казнить, нельзя помиловать?: (Некоторые аспекты проблемы применения «смертной» казни в России) // Актуальные проблемы правопорядка. – М., 2003. – Вып. 6. – С. 96–109.

152. Арутюнов Л.С. Высшая мера наказания в Российской Федерации: Современное состояние и перспективы развития: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2001. – 24 с.

153. Афиногенов С. Смертная казнь: Три года отсрочки // Рос. Федерация. – М., 1996. – № 16. – С. 51–52.

В связи со вступлением в Совет Европы.

154. Бабаев М.М. Смертная казнь – последняя надежда общества? // Юрид. мир. – М., 2002. – № 10. – С. 4–13.

155. Бестужев-Лада И. Радетелям «гуманности» // Родина. – М., 1990. – № 4. – С. 36.

Проблема смертной казни.

156. Бойков А. О смертной казни // Законность. – М., 1999. – № 8. – С. 36–38.

157. Бойцова В.В. Отношение к смертной казни зарубежных государств, России и Совета Европы // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 2000. – № 1. – С. 46–50.

158. Бородин С.В. Еще раз о смертной казни за убийство // Государство и право. – М., 2001. – № 4. – С. 56–63.

159. Барканов Ю.А. Правовые и нравственные проблемы института смертной казни // Сб. науч. тр. / МВД РФ. ВНИИ. – М., 1997. – № 173.

160. Буянский С.Г. Смертная казнь: Все «за» и «против» // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 2000. – № 5. – С. 62–72.

Библиогр.: с. 72.

161. Быстрицкий А. Пределы гуманизма // Итоги. – М., 1996. – № 30. – С. 44–45.

Применение смертной казни: pro et contra.

162. Ветров Н. Смертная казнь: За и против // Соц. законность. – М., 1989. – № 12. – С. 69–70.

163. Вицин С. Смертная казнь в современной России / Между прошлым и будущим. – М., 1999. – С. 352–359.

164. Воздадим ли зло за зло? // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 1992. – № 1. – С. 57–64.

Об отношении к смертной казни.

165. Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни, Москва, 3–4 июня 1999 года / Упр. Президента Рос. Федерации по вопр. помилования; Предисл. и ред. Квашиса В.Е.; Вступ. ст. Квашиса В.Е. – М., 2000. – 167 с.

166. Гельдибаев М.Х., Кваша Б.Ф. Смертная казнь и состояние преступности // Рос. судья. – М., 1999. – № 2. – С. 29.

167. Глухова Е.А. Судьба смертной казни в жизни современного общества. Россия и Запад // Юрид. вестн. – Ростов н/Д, 1998. – № 4. – С. 117–120.

168. Громов В.Г. Об институте смертной казни в Российской Федерации // Общество. Культура. Преступность. – Саратов, 2004. – Вып. 6. – С. 16–19.

169. Динер Ю.В., Землюков С.В. Вопросы назначения наказания в виде смертной казни // Российская юриспруденция на рубеже XX–XXI веков: Проблемы и решения в творчестве молодых ученых. – Барнаул, 1997. – С. 157–159.

170. Дзигарь А.Л. Смертная казнь и преступность. – Ростов н/Д. – 2003. – 225 с.

171. Дмитриев Ю. Еще раз о смертной казни в России // Право и жизнь. – М., 1999. – № 18. – С. 49–52.

172. Евдоксина Т.В. Проблема применения смертной казни: «Казнить нельзя помиловать» – где же поставить запятую? // Вестн. Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2003. – № 2. – С. 38.

173. Евстратов Ю.И. Некоторые вопросы правового регулирования исполнения исключительной меры наказания – смертной казни // Актуальные вопросы правоведения в со-

временный период. – Томск, 1995. – С. 236–237.

174. Жукова Т.И. Отношение к смертной казни в XXI в. // Управление и общество: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов. – Тамбов, 2007. – С. 421–424.

175. Заявление движения «Русское возрождение» «О восстановлении смертной казни за терроризм» // Возрождение. – М., 2001. – № 17(63). – С. 1.

176. Зюбанов Ю.А. Христианские основы Уголовного кодекса Российской Федерации: Сравнит. анализ норм УК РФ и Свящ. Писания. – М., 2007. – 415 с. – Библиогр.: с. 367–639.

177. Иванов Л. Не равняться с преступников // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 1992. – № 1. – С. 65–68.

Об отношении к смертной казни.

178. Исаева Ю.В. Правовые проблемы, связанные с осуждением лиц к смертной казни в Российской Федерации // Сборник трудов молодых ученых ТИСБИ. – Казань, 2003. – С. 61–66.

179. К проблеме отмены смертной казни в России // Рус. адвокат. – М., 1996. – № 4. – С. 61–62.

180. Казнить нельзя помиловать: Россия и Совет Европы // Рос. юстиция. – М., 1996. – № 5. – С. 6–7.

Pro et contra отмены смертной казни в России.

181. Караджаев Х.М. «За» и «против» применения смертной казни // Вестн. Волж. ун-та. Сер.: Юриспруденция. – Тольятти, 2007. – Вып. 63. – С. 122–125.

182. Карганова Б.Г. Лишение свободы и смертная казнь в санкциях статей УК РФ // Государство и право. – М., 2003. – № 11. – С. 60–66.

183. Карпец И.И. Высшая мера. За и против // Сов. государство и право. – М., 1991. – № 7. – С. 49–53.

О применении смертной казни.

184. Катаев С.Л. Доводы «за» и «против» смертной казни // СоцИс: Соц. исслед. – М., 1990. – № 10. – С. 47–52.

185. Квашис В.Е. Высшая мера наказания и проблемы уголовной политики // Российский ежегодник уголовного права. 2006. – № 1. – М., 2007. – С. 223–234.

186. Квашис В.Е. Смертная казнь и общественное мнение // Государство и право. – М., 1997. – № 4. – С. 50–56.

187. Каизлов А.Ю. Смертная казнь: Апология: Уголовно-правовой очерк. – М., 2003. – 49 с. – Библиогр.: с. 47–48.

188. Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Систем. анализ допущенных ошибок – СПб., 2004. – 388 с.

189. Козырева А.Ю. Общественное мнение и СМИ России о проблеме отмены смертной казни в стране // Актуальные международно-правовые и гуманитарные проблемы. – М., 2002. – Вып. 3. – С. 42–56.

190. Корецкий Д. Адекватны ли меры борьбы с преступностью ее состоянию? // Законность. – М., 2003. – № 1. – С. 27–29.

191. Корецкий Д., Милюков Г. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. – М., 2004. – № 1. – С. 112–114.

192. Корчагина О.И., Лошагова Д.Т. Смертная казнь как предмет

дискуссии //СоцИс: Соц. исслед – М., 2003. – № 8. – С. 140–142.

193. Лапшин В.Е. Правовое регулирование смерти человека: Учеб. пособие. – Владимир, 2005. – 55 с. – Библиогр.: с. 53–54.

194. Лепешкина О.И. Международно-правовые положения о запрете смертной казни и правовая система России // Юрид. мир. – М., 2000. – № 8. – С. 18–24.

195. Лобанова О.В. Криминализация российского общества и проблема смертной казни // Социокультурные конфликты и процессы в современном информационном обществе. – М., 2002. – Ч. 2. – С. 37–44.

196. Лысков О.К., Машкаренко С.О., Федорова М.П. О смертной казни // Изв. вузов. Правоведение. – СПб., 1998. – № 1. – С. 106–116.

197. Малько А.В. Смертная казнь как правовое ограничение // Государство и право. – М., 1993. – № 1. – С. 73–79.

198. Малько А.В. Смертная казнь: Современные проблемы // Изв. вузов. Правоведение. – СПб., 1998. – № 1. – С. 106–116.

199. Мязев А.Б. Смертная казнь в Российской Федерации: Взаимодействие международного и национального права. – Казань, 2002. – 116 с.

200. Мельникова А.А. Формирование мнения по вопросу смертной казни // Российское общество и социология в XXI веке: Социальные вызовы и альтернативы: Материалы междунар. науч. конф. «Ломоносов-2003»: Сб. ст. студентов: В 2 т. – М., 2003. – Т. 1. – С. 230–237.

201. Михлин А. Отмена смертной казни? // Рос. Федерация. – М., 1996. – № 5. – С. 44–45.

Pro et contra отмены смертной казни в связи со вступлением России в Совет Европы.

202. Михлин А.С. Пределы ограничения применения смертной казни // Государство и право. – М., 1996. – № 7. – С. 122–131.

203. Михлин А. Смертная казнь: Право и помилование и «право на смерть» // Рос. юстиция. – М., 1995. – № 10. – С. 42–44.

К вопросу о социальной обоснованности практики массового помилования осужденных к смертной казни.

204. Мутагиров Д.З. Является ли смертная казнь нарушением права человека на жизнь? // Политэкс. – СПб., 2005. – Вып. 2. – С. 166–181.

205. Нагорный Р.С. Смертная казнь или пожизненное лишение свободы: За и против // Рос. следователь. – М., 2006. – № 4. – С. 20–22.

206. Нетесова М.С. Проблема смертной казни в современном обществе // Молодежь в юридической науке: Ст. студентов Акад. правового ун-та. – М., 2002. – Вып. 3. – С. 126–138.

207. Нигматуллин Р.В. Смертная казнь: Теория и практика применения // Исследования теоретических проблем и правового государства. – М., 1996. – С. 130–137.

208. О проекте федерального закона «О моратории на исполнение смертной казни» // Дум. вестн. – М., 1996. – № 9. – С. 57–76.

Материалы парламентских слушаний 19 нояб. 1996 г.

209. О смертной казни // Новый мир. – М., 2005. – № 9. – С. 118–145.

Е. Ознобкина. Моя утопия. – С. 118–129.

Т. Касаткина. Разные смертные казни. – С. 130–137.

А. Васильский. P.S. – С. 138–140.

210. Овсянников Ю.В. Быть или не быть смертной казни в России? // Уголовное право и современность. – Красноярск, 1997. – С. 86–91.

211. Отношение к проблеме смертной казни: Исслед. проведено фирмой «Validata Yankelovich» по заказу О-ва против смерт. казни и пыток «Право на жизнь» / Сост.: Волькштейн М.М., Коган-Ясный В.В. – М., 1994. – 16 с.

212. Побегайло Э.Ф. Криминальное насилие в России и проблема смертной казни // Вестн. Моск. гос. индустр. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – М., 2003. – № 1. – С. 76–84.

213. Права человека до, во время и после суда // Между прошлым и будущим. – М., 1999. – С. 309–422.

О судебной реформе, смертной казни и роли СМИ в защите прав человека в РФ.

214. Право на смертную казнь: Сб. ст. / Науч. ред.: Малько А.В. – М., 2004. – 222 с.

215. Петрухин И.Л. Еще раз о смертной казни // Юрид. мир. – М., 2002. – № 4. – С. 4–11.

216. Петрухин И.Л. Право на жизнь и смертная казнь // ОНС: Обществ. науки и современность. – М., 1999. – № 5. – С. 80–60.

217. Против смертной казни / Кружок С.В.О.Д. [Кружок. Свобод. воспитания и образования детей]. – М., 1917. – 8 с.

218. Против смертной казни: Сб. материалов / Сост. Коган-Ясный В. – М., 1992. – 48 с.

219. Российско-французский коллоквиум «Помилование, амнистия, исполнение наказаний, смертная казнь», г. Владимир, 18–19 марта 2002 г. / Предисл. Михайловой Н.П.; Ред.: Цивилёва Р.М., Михайлова Н.П. – М., 2002. – 119 с.

220. Русин А.В. Правовые свободы и правовые ограничения при применении смертной казни // Правовые свободы и правовые ограничения. – М., 2001. – С. 245–244.

221. Савельев В.Ф. К вопросу о смертной казни // Правовое государство и деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью. – СПб., 1993. – Вып. 2. – С. 41–44.

222. Седов Л. Отношение к смертной казни как показатель гуманизации общества // Мониторинг обществ. мнения: Экон. и социал. перемены. – М., 1998. – № 1. – С. 41–55.

223. Селиверстов В., Шмаров Н. Правовое регулирование исполнения наказаний в виде лишения свободы и смертной казни // Рос. юстиция. – М., 1997. – № 5. – С. 47–48.

224. Сироткин С. Эпоха модернизации: Права человека и борьба с преступностью // Рос. бюл. по правам человека. – М., 1997. – Вып. 9. – С. 26–33.

В том числе о проблеме смертной казни в РФ.

225. СССР: Перспектива отмены смертной казни // Сов. юстиция. – М., 1992. – № 2. – С. 32.

226. Сурова Л.Б. Проблема смертной казни в современном обществе // Государство и право. – М., 1996. – № 4. – С. 153–156.

227. Тарасов А. Право на убийство: Размышления о цинизме, ханжестве и неолиберализме // Дружба народов. – М., 2007. – № 1.

Проблема смертной казни.

228. Татарников В.Г. Смертная казнь и практика ее применения по делам об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия. – Иркутск, 1998. – С. 33–36.

229. Троценко Т. Смертная казнь // Закон и право. – М., 2000. – № 10. – С. 49–56.

230. Улицкий С.Я. Политические и правовые проблемы смертной казни / Рос. тамож. акад. Владивост. фил. – Владивосток, 2004. – 91 с.

Указ.: с. 83–88. – Библиогр.: с. 89.

231. Улицкий С.Я. Применение смертной казни и использование силы при крайней необходимости // Проблемы российского государственного строительства и законодательства. – Владивосток, 1994. – С. 115–120.

232. Францифоров Ю. Смертная казнь: Должно ли наказание быть равным преступлению? // Правозащитник. – М., 2002. – № 4. – С. 22–29.

233. Хоменко Н. Понятие и содержание регулирования смертной казни в Российской Федерации // Право на жизнь. – М., 2003. – № 58. – С. 5–30.

234. Чирков О. Проблема смертной казни в России // Защита прав и свобод человека. – Иркутск; М., 1999. – № 2. – С. 19–20.

235. Чудакова М. «С человеком так нельзя поступать!» // Итоги. – М., 1996. – 3 дек. – С. 55.

Смертная казнь.

236. Шишкова А. Конституционный Суд отменил смертную казнь. Временно // Адвокат. – М., 1999. – № 3. – С. 36–40.

237. Шмерлина И. Смертная казнь как норма жизни // Соц. реальность. – М., 2006. – № 4. – С. 62–72, 82–83.

238. Якубов А.Е. Гуманизм и смертная казнь // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – М., 1990. – № 4. – С. 41–50.

239. Якубовский Д. Нужна России смертная казнь? // Право и жизнь. – М., 1998. – № 13. – С. 70–73.

Проблема смертной казни в современном зарубежном и международном праве

240. Анашкин Г.З. Смертная казнь в капиталистических странах: (Историко-правовой очерк). – М., 1971. – 143 с.

241. Драгунский Д. Жертвоприношение: Древний обряд в правовых декорациях // Итоги. – М., 1996. – № 30. – С. 52–54.

Рассматриваются законы о смертной казни в разных странах мира.

242. Железняк О.Н. Практика применения смертной казни в Японии // Право и политика. – М., 2001. – № 3. – С. 62–69; 2003. – № 9. – С. 74–81.

243. Институт смертной казни // Человек: Образ и сущность. – М., 1991. – Вып. 2. – С. 70–89.

Смертная казнь за рубежом.

244. Квашис В.Е. «Применение смертной казни не имеет криминологической значимости» // Юрид. мир. – М., 1997. – № 5. – С. 49–53.

Анализируется применение смертной казни в мировой практике.

245. Квашис В.Е. Смертная казнь в США // Государство и право. – М., 1996. – № 9. – С. 103–112.

246. Квашис В. Смертная казнь в США // Рос. юстиция. – М., 1996. – № 6. – С. 55–57.

247. Квашис В. Смертная казнь в США // Уголов. право. – М., 1998. – № 3. – С. 72–80.

248. Квашис В. Смертная казнь в США: 25 лет после моратория // Юрид. мир. – М., 2002. – № 10. – С. 14–26.

249. Квашис В., Болатаев Д. Смертная казнь в США // Рос. следователь. – М., 2003. – № 2. – С. 38–41.

250. Козочкин И.Д. Проблема смертной казни в США // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: юрид науки. – М., 1997. – № 1. – С. 45–54.

251. Лешо И.Я. Смертная казнь в США // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. – М., 1990. – № 4. – С. 50–58.

252. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. – М., 1997. – XXVI, 498 с.

253. Мезяев А. Смертная казнь в современной Африке // Азия и Африка сегодня. – М., 2001. – № 6. – С. 25–30.

254. Мезяев А.Б. Смертная казнь в современной Латинской Америке // Лат. Америка = America Latina. – М., 2003. – № 11. – С. 29–39.

255. Мезяев А.Б. Смертная казнь в современном мире. Смертная казнь в государствах Азии и Америки // Право и политика. – М., 2002. – № 1. – С. 75–82.

256. Николайчик В.М. Сенат высказывается за смертную казнь // США: Экономика. Политика. Идеология. – М., 1990. – № 11. – С. 64–67.

257. Тебин Н.П. Практика применения в Японии смертной казни // Японский опыт для российских реформ. – М., 1999. – Вып. 1. – С. 59–70.

258. Шайбе Н.Х.А. Смертная казнь по уголовному праву Иордании // Рос. следователь. – М., 2001. – № 2. – С. 44–46.

259. Шаймерденов К. Смертная казнь в Казахстане; de lege lata et fernda // Рос. юстиция. – М., 1999. – № 12. – С. 48–49.

260. Шванн Х. Германия: Десять лет без смертной казни // De jure'98. – Калининград, 1998. – С. 31–40.

* * *

261. Квашис В.Е., Альбрехт Г.-Й. Куда идет смертная казнь? // Право и политика. – М., 2001. – № 6. – С. 64–74.

262. Мезяев А.Б. Международные договоры об экстрадиции и проблема смертной казни // Государство и право. – М., 2003. – № 3. – С. 79–87.

263. Мезяев А.Б. Проблема смертной казни в региональном международном праве: (Опыт Европы, Америки и Африки) // Моск. журнал междунар. права = Moscow j. of intern. law. – М., 2001. – № 2. – С. 125–154.

264. Разработка Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленного на отмену смертной казни // Сов. журн. междунар. права = Sov. j. of intern. law. – М., 1991. – № 2. – С. 172–175.

265. Смертная казнь. Да? Нет!: Материалы междунар. семинара «Отмена смерт. казни: Европ. подход», Минск, 11 мая 2001 г. / РОО «Правовая инициатива»; Под ред. Филиппова В.В. – Минск, 2001. – 129 с.